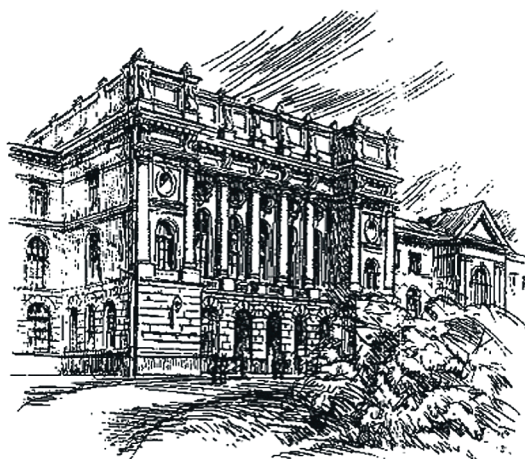

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

2 (172) 2013

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2013

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Костюк В.В., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН;
Окрепилов В.В., чл.-кор. РАН; *Патон Б.Е.*, академик НАН Украины и РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Федоров М.П.*, академик РАН;
Фортов В.Е., академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор – председатель;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Шитунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – отв. секретарь.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Национальной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

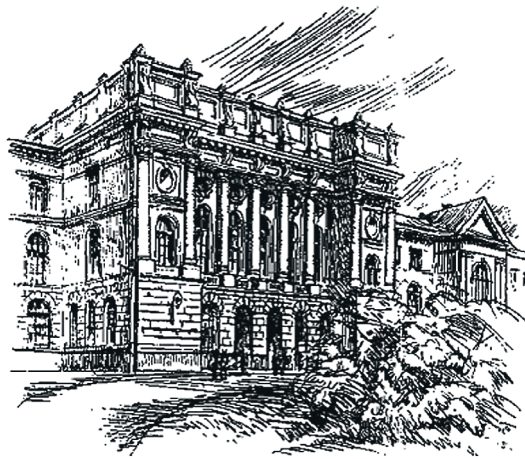
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.
Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL

Humanities
and Social Sciences

2 (172) 2013

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2013

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St.Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Fortov V.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St.Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council; *Akopova M.A.*, D.Ed., prof.; *Bordovsky G.A.*, full member of Russian Academy of Education; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Kozlov V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Kuznetsov D.I.*, D.Phil., prof.; *Pidzhakov A.Yu.*, J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.; *Snetkov V.N.*, Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof., head of the editorial board; *Almazova N.I.*, D.Ed., prof.; *Goryunov V.P.*, D.Phil., prof.; *Pogodin S.N.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Pylin V.V.*, J.S.D., prof.; *Surygin A.I.*, D.Ed., prof.; *Timermanis I.Ye.*, Dr.Sc.(sociology), prof.; *Ulyanova S.B.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Shipunova O.D.*, D.Phil., prof., executive secretary.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Journals and Magazines" catalogue, Rospechat agency.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: 195251 Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

© St.Petersburg State Polytechnical University, 2013

Содержание

Проблемы XXI века

Запесоцкий А.С. <i>Российское образование в контексте современной социально-экономической формации</i>	9
Киселёв А.И. <i>Модернизация – способ преодоления системного кризиса и сохранения культурно-цивилизационной идентичности российского общества</i>	19
Киселёв А.И. <i>Патриотизм – необходимое условие успешности модернизационного проекта</i>	28
Акопов А.К., Унтилова И.Л. <i>Политические модели мирового порядка</i>	34

Феномен евразийства

Акаев А.А. <i>Народно-объединительный дух евразийства</i>	38
Ивашов Л.Г. <i>Евразийский союз: проблемы, перспективы</i>	42
Кефели И.Ф. <i>«Зарождение евразийства как идейного движения»</i>	49
Грякалов А.А. <i>«Евразийский текст»: лингвистика – субъективность – открытые горизонты...</i>	57
Рудская Н.В. <i>«Шкала ценностей» как ключевой концепт евразийской интеграции (консервативный взгляд на проблему)</i>	65
Кузнецов Д.И. <i>Диалог культур: Лев Николаевич Толстой и Османская империя</i>	71
Горина И.В. <i>Управление культурными процессами в Киргизии в первые годы советской власти</i>	76
Данильченко Г.Д. <i>Исторический контекст в ранних повестях Чингиза Айтматова</i>	83
Серкова В.А. <i>Метод конструирования исторических событий в работе Л.Н. Гумилева «В поисках вымышленного царства»</i>	88

Профессиональное образование

Акопова М.А., Баранова Т.А. <i>Формирование личности современного студента как важнейшая задача российского образования</i>	95
Кондрашова Л.В. <i>Этико-профессиональный аспект подготовки будущих специалистов к исследовательской деятельности</i>	101
Степанова М.М. <i>Формирование компетенции делового общения на иностранном языке в магистратуре неязыкового вуза</i>	108
Назарова С.И. <i>Теоретико-методологические основы непрерывного профессионального образования в сфере дизайна</i>	114
Никонова М.Л. <i>Компьютерные модели визуализации медицинской информации в практике изучения дисциплины «Анатомия человека»</i>	121
Шишигина О.С. <i>Методика формирования англоязычной научной речи у студентов технических специальностей</i>	126

История российского социума

- Мичурин А.Н.** Деятельность правых групп в Государственном совете Российской империи в условиях общественно-политического кризиса 1915 года 130
- Ростовцев Е.А.** Университетская реформа 1884 года в Санкт-Петербургском университете 139

Международные отношения

- Погодин С.Н.** Партия «Истинные финны» в политической системе Финляндии 146
- Мещеряков К.Е.** Российско-киргизские отношения после «Народной революции» в Киргизии (2010–2012) 154
- Мещеряков К.Е.** Российско-туркменские отношения в 2008–2012 годах: становление стратегического партнерства 163
- Акопов А.К., Унтилова И.Л.** Модель глобального электронного правительства 175

Философские и культурологические исследования

- Иванов С.Г.** Номинализм как идейная основа реформации 180
- Козырев Д.Н.** «Философия техники» в системе высшего технического образования 190
- Протасенко И.Н.** Ресентимент элиты в генезисе бонапартизма 195
- Терехов А.Э.** «Совершенномудрые» как элемент политического мифа в Китае в I веке н. э. 202
- Тикуришвили Н.А.** Единство многообразного в понимании социального управления в истории философии до середины XIX века 208
- Фролова Е.И.** Язык как инструмент социального взаимодействия: прагматический и семиотический подходы 213

Актуальные проблемы языкознания

- Аносова Н.Э.** Проблемы перевода англоязычного политического дискурса СМИ 219
- Лобанова Т.Н.** Проблема перевода политических текстов в лингвопрагматическом аспекте (на материале газет КНР) 226

Хроника

- Морачевский А.Г.** Академик Владимир Иванович Вернадский (К 150-летию со дня рождения) 231
- Ульянова С.Б., Кашеваров А.Н. В.И. Вернадский – на стыке наук и эпох («Круглый стол» в Доме ученых) 237**
- Нарышкина-Прокудина-Горская Н.А.** Хроника русского искусствознания (первая половина XIX века) 243

Contents

Problems of XXIst century

Zapesotsky A.S. <i>Russian education in the context of the modern social and economic structure</i>	9
Kiselyov A.I. <i>Modernization as a method of overcoming systemic crisis and protecting cultural and civilization identity of Russia</i>	19
Kiselyov A.I. <i>Patriotism as a requirement for a successful modernization project</i>	28
Akopov A.K., Untilova I.L. <i>Political models of the world order</i>	34

The phenomenon of Eurasianism

Akaev A.A. <i>National and unifying spirit of Evrasia</i>	38
Ivashov L.G. <i>Euroasian union: problems, prospects</i>	42
Kefeli I.F. <i>“The emergence of Eurasianism as an ideological movement”</i>	49
Gryakalov A.A. <i>“The Euroasian text”: linguistics – subjectivity – the open horizons...</i>	57
Rudskaya N.V. <i>“Scale of values” as key concept of the Euroasian integration (a conservative view on a problem)</i>	65
Kuznetsov D.I. <i>Dialogue of cultures: Lev Nikolaevich Tolstoy and the Ottoman Empire</i>	71
Gorina I.V. <i>Management of cultural processes in Kyrgyzstan at the first years of Soviet authority</i>	76
Danilchenko G.D. <i>The historical context in early narratives Chingiz Aitmatov</i>	83
Serkova V.A. <i>Method of design of historical events in work of L.N. Gumilev “In searches of the invented empire”</i>	88

Professional education

Akopova M.A., Baranova T.A. <i>Fostering the personality of a contemporary student as a core objective of Russian higher education</i>	95
Kondrashova L.V. <i>The ethic-professional aspect of preparation of future specialists to the research activity</i>	101
Stepanova M.M. <i>Formation of a foreign language business communication competence in non-linguistic ma courses</i>	108
Nazarova S.I. <i>Theoretical and methodological reasons for continuous vocational education in the design sphere</i>	114
Nikonorova M.L. <i>Computer models medical imaging in practice of studying “Human anatomy”</i>	121
Shishigina O.S. <i>The method of forming of English scientific speech in engineering students</i>	126

Aspects of Russian society history

Michurin A.N. <i>Activity of the right groups in the State Council of the Russian Empire in the conditions of political crisis of 1915</i>	130
Rostovtsev E.A. <i>University reform in 1884 in St. Petersburg University</i>	139

International relationships

Pogodin S.N. <i>The party "True Finns" in the political system of Finland</i>	146
Mesceryakov K.E. <i>The Russian-Kyrgyzstani relations after the people's revolution in Kyrgyzstan (2010–2012)</i>	154
Mesceryakov K.E. <i>The Russian-Turkmenistani relations under the presidency of Dmitry Medvedev: towards the strategic partnership</i>	163
Akopov A.K., Untilova I.L. <i>Model of global e-Government</i>	175

Philosophical and cultural studies

Ivanov S.G. <i>Nominalism as ideological basis of reformation</i>	180
Kozyrev D.N. <i>"Philosophy of technics" in system of the higher technical education</i>	190
Protasenko I.N. <i>Ressentiment elite in Bonapartism genesis</i>	195
Terekhov A.E. <i>"Sage" as the element of the political myth in the first century A.D. China</i>	202
Tikurishvily N.A. <i>The unity of diversives in understanding of social management in history of philosophy until the middle of the 19th century</i>	208
Frolova E.I. <i>Language as an instrument of social interaction: the pragmatic and semiotic approaches</i>	213

Actual problems of linguistics

Anosova N.E. <i>Problems of mass media political discourse translation from English into Russian</i>	219
Lobanova T.N. <i>Translation of political texts: linguopragmatic aspect (by the material of Chinese newspapers)</i>	226

Chronicle

Morachevski A.G. <i>Academician Vladimir Ivanovich Vernadsky (the 150th anniversary)</i>	231
Ulyanova S.B., Kashevarov A.N. <i>V.I. Vernadsky – at the intersection of science and eras("Round Table" at the House of Scientists)</i>	237
Naryshkina-Prokudina-Gorskaya N.A. <i>Chronicle of Russian Art Studies(first half of XIX century)</i>	243

УДК 37.014

А.С. Запесоцкий

**РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ***

A.S. Zapesotsky

**RUSSIAN EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE MODERN
SOCIAL AND ECONOMIC STRUCTURE**

Аннотация

В статье проанализированы причины разрушения образования в постсоветской России. Раскрыты дефекты построенной социально-экономической системы, показаны процессы разрушения культуры, демонтажа фундаментальных мировоззренческих ценностей населения.

Ключевые слова

ДЕГРАДАЦИЯ, УЛЬТРАЛИБЕРАЛЬНАЯ ФОРМАЦИЯ, КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ, МОРАЛЬНАЯ АНОМИЯ, КУЛЬТУРА НЕОВАРВАРСТВА, «ЧЕЛОВЕК ПОТРЕБЛЯЮЩИЙ».

Abstract

The article analyzes the reasons for the destruction of education in post-Soviet Russia. The faults of the social and economic system, are revealed, the processes of the destruction of culture and of dismantling the fundamental values of the population's world outlook are shown.

Keywords

INNOVATION POTENTIAL OF THE ENTERPRISE, PEER REVIEW CAPACITY, THE THRESHOLD FIGURE.

То, что происходит с образованием в современной России, многим кажется непонятным. Трудно соотнести действия нашего чиновничества с традиционными представлениями о государственной деятельности в этой сфере.

Гражданам, в особенности образованным, кажется само собой разумеющимся, что ре-

формы должны проводиться с целью улучшения образования. Между тем представления инициаторов реформ могут существенно отличаться от общественных ожиданий. Кстати, эти инициаторы и разработчики обществу, как правило, в последние десятилетия неизвестны, что не случайно. Еще более существенно, что улучшение вообще может не быть целью реформ, когда речь идет о современном российском чиновничестве.

Это особый, мало изученный слой населения, имеющий собственное мировоззрение, целостный и законченный взгляд на мир. В нем содержится ценностная шкала, есть пафос веры и истины. Мировоззрение чиновников сопря-

* В основе статьи лежит доклад автора на пленарном заседании VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27 июня 2012 г.). В ней также развиваются идеи, изложенные в предыдущих работах (см.: Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Наука и образование. 2009. № 4-1; Там же. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 2).

жено с самоуверенностью и спесью, верой в собственную непогрешимость, которые затрудняют диалог с носителями других мировоззрений и нередко даже делают его невозможным. Основная масса сегодняшнего российского чиновничества — прослойка в общем-то малокультурная, не подготовленная к руководству государством, занявшая высокое место в жизни благодаря беспринципности, аморальности, способности умело «ловить ветер» и угождать начальству, входящая в движущиеся «наверх» в их иерархии «команды» и «обоймы». Свои высокие должности эти ловкачи и проныры рассматривают как свидетельство особой значимости, исключительности, результат обладания неким особым пониманием жизни.

Они задают тон в правящем слое современной России, который постепенно складывается в правящий класс. Помимо чиновников в этот слой, видимо, следует включить: олигархические элементы общества вместе с обслуживающими их управленцами; псевдонаучные институты, разрабатывающие милые чиновникам концепции, законы, программы и планы; федеральные СМИ, обрабатывающие население нужным образом.

Российский правящий слой — особый жизненный мир, который обладает дефективным мировоззрением, дефективной философией, что и делает едва ли не любые его усилия губительными для России. Попросту говоря, эти люди убеждены, что они самые умные и являются носителями абсолютных истин. Увы, это не так. Более того, их заблуждения исключительно опасны для страны.

Разрушение образования — закономерный процесс системной деградации

Развал системы образования приобрел в России последнего десятилетия поистине трагический характер.

Страна впадает в дремучее невежество. Престиж знаний обрушился в обществе на уровень допетровских времен. Характерно, что, по последним опросам социологов, свыше 93 % жителей России не могут назвать ни одного современного ученого. О Дмитрие Лихачеве и Жоресе Алферове слышали около 1 % наших сограждан. Если люди еще понимают, почему день сменяет ночь, то уже мало кто способен объяснить причины смены времен года. Мно-

гие живущие сейчас в России люди искренне убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли. По последним опросам, так считает свыше 30 % наших сограждан [1].

Важнейший результат реформ последних 20 лет — превращение нашей системы образования в набор обучающих учреждений. Как известно, образование должно осуществляться в неразрывном единстве обучения и воспитания. Обучение без воспитания не может быть эффективным в принципе, однако функция воспитания отдана чиновниками на откуп социальной среде, которая, в свою очередь, функционирует теперь под управлением федеральных каналов телевидения. Телевидение в постсоветский период стало главным воспитателем масс [2]. И оно пропагандирует, навязывает стране весьма убогую философию: «Деньги — главная ценность». Соответственно образование — это услуга. В этой ситуации дошкольные учреждения становятся местом, где детей кормят и присматривают за ними, школы — коммерческими центрами, где учителя зарабатывают на учениках, вузы — корпорациями по оказанию платных услуг, а аспирантура и советы по защитам — своего рода магазинами, торгующими кандидатскими и докторскими дипломами. Именно это видится правильным правящему слою.

Как известно, мощная сеть дошкольных учреждений, созданная в СССР, в 1990-е годы была практически уничтожена и теперь с большим трудом восстанавливается, в основном — для состоятельной части населения.

Школа как институт социализации в ходе реформ последних лет вошла в системную деградацию. Приведем один характерный пример. При нашем университете — базовой площадке Российской академии образования — существует гимназия. В нее поступают школьники примерно из 50 регионов страны. И каждый год перед началом занятий для них проводится стартовая диагностика. Выясняется, насколько реально обеспечены знаниями оценки, с которыми дети пришли из других школ. Еще 5–6 лет назад при среднем балле региональных школ 4,2 реальные знания поступающих в нашу гимназию учеников соответствовали в среднем оценке 3,8. Теперь «на входе» дети с тем же средним баллом 4,2, а обеспеченность оценок знаниями уже совсем другая — 2,8. По нашим

наблюдениям, сегодняшний отличник не дотягивает до «хорошиста» 1980-х годов.

Получается, что в среднем из российских школ выходят недоучки, невежды. К начальным, простейшим формам научной работы под руководством педагога оказываются готовы всего примерно 30 % старшеклассников. Остальные 70 % в лучшем случае могут пересказать информацию, полученную от учителя или из учебника. Они легко заимствуют тексты из Интернета, но не способны подвергать их простейшему анализу. А ведь речь идет о детях, стремящихся к поступлению в университет!

Тесты психологов показывают резкое падение мотивации школьников к труду, к соблюдению дисциплины. Коллективизм уступает место индивидуализму. Исчезает сострадание, взаимопомощь. Возрастает душевная черствость, жестокость, стремление к подавлению окружающих на пути к личному успеху. Таковы результаты реформирования российской школы.

Ее системное разрушение происходит под влиянием ряда факторов. По всей видимости, на первое место среди них следует поставить коммерциализацию — фальсификацию целей деятельности педагогических коллективов, осуществленную органами управления образованием. Вместо педагогической цели образовательным учреждениям навязана цель предпринимательская, коммерческая. Известно, что интеграция рыночных механизмов в деятельность различных социальных институтов имеет различные пределы. Превышение этих пределов приводит к перерождению самих институтов. Именно это и происходит сегодня со школой.

Цели формирования личности школой во многом утрачены. Но именно цель в педагогике является системообразующей. Напомним, что именно через цель воспитания осуществляется связь педагогики с философией. Именно цель обуславливает системное единство задач, содержания, форм, методов, условий, приемов воспитания. В отсутствие педагогической цели образование утрачивает системность, становится обучением, причем хаотичным. Размываются критерии качества, утрачивается опора на предшествующий отечественный и международный опыт, связь с педагогической наукой и т. д. [3]. Отсюда — и результаты.

В вузах постсоветского периода почти повсеместно произошел отказ от проведения воспитательной работы со студентами, что негативно сказалось на качестве образования. Ректоры ведущих университетов страны серьезно озабочены падением мотивации студентов к учебе, их нежеланием соблюдать дисциплину и трудиться, овладевая знаниями. Общественность бьет тревогу в связи с невероятным ранее коррупционным разложением вузов. Оценки успехов в образовании все чаще покупаются. Работодателей все меньше устраивает качество подготовки выпускников и их способность к продуктивной деятельности.

Наши исследования фиксируют сущностное перерождение высшей школы под влиянием реформ последних лет, содержание, методы и темпы которых не приняты обществом. Но главное — обществом не приняты их цели и задачи. Высшее образование теряет свою фундаментальность, ранее основанную на формировании у студентов целостного, системного видения картины мира за счет акцентированного внимания к базовым, обобщающим теориям. Теперь фундаментальные концепции постепенно выводятся из вузовских учебных программ. Профессиональная подготовка все чаще оказывается не связанной с обретением ориентиров в морали, что побуждает студентов к самостоятельной выработке критериев оценки своей деятельности и деятельности других людей. В итоге нормой становится выпуск вузами во взрослую жизнь морально неукорененных и социально безответственных субъектов, легко подбирающих оправдания под любые поступки, связанные с сиюминутной выгодой.

В научных кругах и, тем более, в обществе еще не началось осознание перспектив трансформации аспирантуры, на которую в последние годы быстрыми темпами распространяется неолиберальная идеология. Однако в сформированной государством новой концепции аспирантура теперь понимается как «образовательная услуга». Не приходится сомневаться, что такой подход уже в ближайшее время даст свои негативные плоды и в аспирантуре.

Советская образовательная система была нацелена на создание личности творческого типа. Переход к воспроизводству «человека потребляющего», осуществленный в постсоветской России, затрудняет возможность реализо-

вывать в сфере производства даже модель «догоняющего» развития, не говоря уже о развитии инновационном. Современное состояние образования не соответствует общим задачам такого развития, что катастрофически снижает конкурентоспособность страны в условиях глобализации. В современной России численность молодежи в возрасте от 15 до 29 лет составляет 33 млн человек, это 23 % от общей численности населения [4, с. 11]. И опасность того, что с ней происходит, трудно переоценить.

Дальнейшее развитие нынешних тенденций может привести к трагедии Российского государства: сегодня практически все, что еще сохраняется в стране, держится на плечах поколений, взрослых при социализме. Этих людей становится все меньше, а в новую жизнь вливаются недостаточно дееспособные поколения. И нас не должны успокаивать победы юных российских программистов на международных чемпионатах: несколько десятков одаренных детей мы еще можем вырастить и натренировать, а вот сотни тысяч квалифицированных инженеров, врачей, учителей, управленцев, офицеров, юристов, экономистов, журналистов и т. д. — уже нет: система не позволяет.

Громадное число людей, профессионально причастных к образованию в России, замечает разнообразные симптомы катастрофической деградации этого социального института. Причины данного процесса видятся моим коллегам чаще всего в субъективных факторах — ошибках управления, некомпетентности чиновников. «Начальство не понимает, что...» — одна из формул объяснения происходящего, которую являет нам обыденное массовое сознание родителей, учителей, вузовских педагогов.

Между тем реальные причины развала российского образования вовсе не в глупости начальства, а в дефектах социально-экономической системы, построенной в постсоветской России. Думается, понять суть процессов, протекающих в образовании, можно только при проведении соответствующего анализа в контексте макросистемы.

**В России построена
 социально-экономическая формация,
 основанная на дефективной идеологии**

Какой капитализм строился в России в 90-е годы XX века? Этот вопрос неоднократно воз-

никал в нашей стране, но так и не получил пока убедительного ответа.

Полагаю, в нашей стране снова, второй раз за последние 100 лет реализован уникальный и грандиозный по масштабам социально-экономический эксперимент. Во второй раз создана небывалая ранее в истории человечества дефективная формация, на этот раз ультралиберальная [5, 6]. Следует отметить, формация, противоречащая действующей Конституции, по которой Россия должна быть социальным государством.

То, что у нас построено, несложно соотнести с мировой практикой: длящийся несколько веков спор между идеологиями социализма и либерализма протекает в последние десятилетия в русле теории конвергенции [7]. В основе спора — различия между двумя системами ценностей. Как известно, в соответствии с одной из них жизнедеятельность социума регулируется государством, поведение людей подчиняется интересам коллектива, а человек понимается как существо социальное. В основе другой — положения о том, что жизнедеятельность общества регулируется рынком, поведение людей определяется личной выгодой, а человек понимается как существо экономическое. Современные развитые государства соревнуются сегодня в создании механизмов социально-экономической и культурной жизни, эффективно сочетающих преимущества социалистического и либерального подходов [8–11]. Поэтому Китай стремится к обогащению социализма рыночными механизмами [12, с. 316–346], а в капиталистическом Давосе в январе 2012 года председатель Всемирного экономического форума К. Шваб заявляет: «Срочно необходимы глобальные преобразования, а начать надо с возрождения чувства социальной ответственности» [13, с. 1]. Это и есть торжество идей конвергенции.

Следует отметить, что определение российского капитализма как ультралиберальной формации нередко встречает возражения: «Нет, у нас государственный монополистический капитализм. Ведь всем командует государство». Но что из себя представляет государство? — Систему властных структур, фактически приватизированных частными лицами. Использование занимаемых должностей в целях извлечения

личной прибыли стало в постсоветской России неформальной нормой. Коррупция — родовое свойство этой системы.

Ультралиберальная версия капитализма отличается от либеральной в первую очередь своей идеологией, иерархией ценностей. Формально по Конституции в России сегодня государственной идеологии быть не должно. Статья 13, пункт 2, гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [14]. Это положение трактуется как норма для чиновников, что на самом деле странно, если вдуматься. В реальности государственная идеология, конечно, существует. В том смысле, что она существует у правящего слоя, разрабатывающего и реализующего политику от имени государства, поскольку идеология — это определенным образом упорядоченная совокупность идей, система представлений о мире, заключающая в себе творческий потенциал и получающая воплощение в конкретных проектах и действиях. Речь идет, разумеется, о социально-значимых идеях. Без идеологии в этом смысле государство существовать не может [15, с. 62–103].

Мы хорошо знаем, что в ходе многовекового общественного развития сложилась практика, при которой различные слои общества оформляют свои интересы в виде соответствующих идеологий и на идеологической основе формируют политические партии. В конкуренции идеологий те или иные партии побеждают и приходят к власти, осуществляя в дальнейшем соответствующую своей идеологии политику от имени государства, имея на то «мандат» от большинства членов общества.

В современной России создана уникальная ситуация: реально существующая с момента прихода к власти г-на Гайдара государственная идеология является неформальной. Она исповедуется госаппаратом, но не провозглашена официально, поскольку противоречит Конституции, не получала и в принципе не может получить поддержки общества, на ее основе не может быть создана массовая партия, такая партия не может победить на выборах и т. д. В основе этой идеологии лежит идея денег как ведущей, главной ценности в жизни человека, денег как меры вещей и меры человека, идея выгоды как единственной движущей силы общественного развития.

Ущербная идеология разлагает общество и разрушает экономику

Идеологи реформ фактически отбросили не только коммунистическую идеологию, но и христианскую мораль. Их божество — деньги, их мораль — выгода. При таком взгляде на вещи все остальные ценности, выстраданные человечеством за тысячелетия его развития, теряют смысл: труд, честность, патриотизм, уважение к старшим, любовь, дружба, служение закону — все это может быть только предано осмеянию и глумлению. Поруганию предаются и такие либеральные ценности, как демократия, свобода слова, равенство перед законом, уважение к личности, право частной собственности. Прямыми производными от этой идеологии являются: тотальная экономическая неэффективность, судебный произвол, коррупция, anomia и социальная дезорганизация, практически всесторонняя деградация социума, разрушение нашего главного национального богатства — великой российской культуры. Но во всем мире, кроме России, вера во всемогущество денег давно выброшена на свалку истории не только развитием морали, нравственности, но и экономической практикой человечества [16]. Разумеется, процветающая экономика — важное условие человеческого бытия. Однако в нормальном обществе она является всего лишь условием полноценной общественной и культурной жизни, основанной на фундаменте отшлифованной тысячелетиями исторического развития нравственности, традиций своей страны, ценностей, апробированных многими поколениями и передаваемых от старших к младшим. Кроме того, и экономические успехи в условиях аморальности невозможны. Как учит мировой опыт, процветания оказываются достойны только страны, имеющие нормы и идеалы, свободы и запреты, санкционированные глубинными пластами эволюции национальных культур.

Государственная политика последнего 20-летия не поддается анализу традиционными методами, потому что сегодняшнее российское чиновничество имеет две политики: одну — исповедуемую высшими должностными лицами государства и декларируемую госаппаратом, другую — реально осуществляемую. Трансформация одной в другую происходит, судя по всему, вопреки воле первых лиц государства. В итоге декларируемая политика оказывается

предназначенной для успокоения общества, для поддержания иллюзии деятельности на благо страны, ориентирована на клиповое сознание населения и представляет собой по существу набор PR-программ. Другая, реальная политика нацелена на освоение государственных ресурсов с использованием властной вертикали и неформальных распределительных механизмов, отрабатанных правящим слоем в последние годы.

Абсолютизация всемогущества денег и всемогущества рынка прорастает сквозь все без исключения социальные институты общества, как раковая опухоль.

Одним из показателей ненормальности протекающих процессов является разрушение в России основного института общества — семьи. Многочисленные научные исследования показывают, что российская семья в постсоветский период переживает неслыханный в мировой истории кризис. Специалистов ужасает и статистика неполных семей, и массовое насилие над детьми, и мн. др. Достаточно сказать, что каждый год в России 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями. Насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье. По числу абортотворцев на 1 тыс. женщин Россия лидирует в Восточной Европе и СНГ. По количеству разводов на 1 тыс. жителей наша страна занимает 1-е место в мире среди стран с развитой и переходной экономикой. Ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения, 50 тыс. убегают из дома, 25 тыс. пропадают. Более 20 % детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России. Около 40 тыс. российских детей школьного возраста вообще не посещают школу. Темпы роста детской преступности в 15 раз опережают общее увеличение правонарушений в стране. В российских местах заключения пребывает около 40 тыс. несовершеннолетних преступников, что примерно в 3 раза больше, чем в СССР начала 1930-х годов [17, с. 153–155].

Органы госуправления пытаются перевести на рыночные рельсы и те социальные институты, которые вообще не предназначены для инкорпорирования рыночных механизмов. Но грязная «рука рынка» не способна отрегулировать работу прокуратуры, судебной системы, полиции, деятельность вооруженных

сил. Принцип максимизации прибыли не может быть поставлен во главу развития науки, литературы, искусства. Коммерциализация, отношение к информации как к товару закономерно разрушают сферу СМИ. Очевидно, что, не выдержав испытания практикой, ультралиберализм на деле оказывается даже менее эффективен, чем казарменный социализм минувшей эпохи.

Разумеется, ультралиберальная версия капитализма предполагает формирование уникальной социальной структуры общества. И это касается не только трансформации формальных социальных институтов, но и неформальных общностей. На смену сплоченным сообществам с устойчивыми и разнообразными социальными связями приходит «атомизация» общества, человеческое одиночество [18]. Индивидуальные способы достижения профессионального успеха сопровождаются обособлением людей в непроизводительных сферах жизнедеятельности.

В итоге провозглашенная свобода общественной жизни не приводит к укреплению гражданского общества. За последние 20 лет исчезло огромное количество самодеятельных общественных организаций, ослабло по сравнению с советским временем профсоюзное движение, выведена на периферию общественной жизни единственная существовавшая в СССР политическая партия, а новое партийное строительство по существу так и не развернуто. Оказывается, что в условиях ультралиберальной формации гражданское общество еще менее уместно, чем при тоталитарном социализме сталинских времен.

Разрушение великой культуры

Известно, что никакие экономические реформы невозможны без преобразований культуры [19]. В этой связи закономерно, что с 1990-х годов в России решается задача формирования новой культуры, не имеющей ничего общего в базисных основах не только с советской, но и с российской культурой дореволюционного периода, а также с мировой культурой.

Формально провозглашается полная свобода культурной жизни в стране. Реально же резко сужается доступ населения к учреждениям культуры: библиотекам, музеям, театрам, выставочным залам и др. В России об этом мало говорят, но право на доступ к ценностям культуры дав-

но признано мировым сообществом одним из важнейших прав человека – не менее важным, чем избирательное право или свобода слова. К сожалению, с реализацией данного права в России дело обстоит не лучшим образом.

Недавно группа ученых Российской академии наук, в состав которой входил и я, специально изучала этот вопрос. Была проанализирована масса данных по посещаемости театров, музеев, выставочных залов, библиотек, кинотеатров, по книгопечатанию, газетному делу и т. д. [20]. Результаты оказались малорадостными. Если сравнивать положение с первой половиной 1990-х годов, вроде бы все совсем неплохо. По сравнению с последними годами советской власти – резкий спад. От Западной Европы наблюдается отставание почти по всем количественным показателям в 2-3 раза. В отношении качества основной массы театральных постановок, кинопродукции, книг, журналов, газет следует констатировать сущностное перерождение многих форм культурно-досуговой деятельности масс населения. Это касается не только социальных функций кинематографа, содержания театрально-концертной деятельности, художественного уровня книгоиздания, но и коллективных форм проведения свободного времени, самодеятельного творчества, увлечения спортом и т. д.

В целом произошло разительное обеднение структуры досуга граждан, его «одомашнивание» [21, с. 169]. Образно говоря, вся страна «уселась у телеэкрана». В свободное время около 60 % россиян предпочитают дома смотреть телевизор [22]. Телевидение абсолютно доминирует в структуре досуга жителей страны как по затрачиваемому на просмотр телепередач времени, так и по числу людей, занимающих ежевечерне места перед экранами телевизоров. По данным различных исследований, величина среднесуточной аудитории телевидения (выраженная в показателях охвата – количество человек, включивших телевизор) колеблется в интервале 75–80 % населения [23].

Чиновники нас уверяют, что современное российское телевидение демократично и делает то, что хочет видеть народ. Это, конечно, не соответствует действительности. Прочитав выступление руководителя «1-го канала» К. Эрнста перед студентами МГУ: «Телевидение воспитывает, но косвенно. Это система пилюль.

В определенной степени многие вещи выглядят гораздо более развлекательными, чем на самом деле являются. Люди не любят горькие таблетки. Облатка – веселенькая и сладкая – нужна для того, чтобы ты проглатывал такие вещи. Людям кажется, что они смотрят сериал для того, чтобы развлечься, просто провести время, похохотать или поужасаться. А на самом деле... Почему в первые годы такая популярность была у русских сериалов про реальность? Потому что, когда глобально изменилась ценностная шкала, люди не знали, как себя вести в новой реальности. И они принимали это как модель поведения. Она проговаривалась под видом развлечения. В целом общество само выработать модели поведения не может. Основная суть телевидения в том, чтобы проговаривать текущую ситуацию и правильные моральные модели поведения. Формировать модели поведения – ненавязчиво и опосредованно – это эффективнее, чем просто учить. Учителя, извините меня, можно послать. Просто сказать: „Ты кто такой? Кто дал тебе это право?“ А того, кто опосредованно формирует модели поведения, послать трудно, потому что ты этого не чувствуешь. Это происходит помимо твоей воли и сознания. Ты же развлекаешься!» [24].

Что же вынуждена «проглатывать» наша молодежь по воле господина Эрнста? – пропаганду всевластия денег; утверждение неизбежности и необходимости насилия; перегруженность сексуальной тематикой, далеко выходящей за рамки разумного; дегероизацию жизни и деятельности поколений, предшествующих современной молодежи, антипатриотическое влияние.

Анализ актуального контента, например, средств массовой информации позволяет нам отметить ряд мировоззренческих постулатов, активно внедряемых в сознание подрастающего поколения: негатив и зло в мире преобладают над добром; наш мир есть мир насилия, противостояния и соперничества, что надо считать естественным; сексуальный инстинкт – основа всего на свете; культ «красивой жизни», богатства вообще и денег в частности естествен и необходим, «воспитание разумных потребностей» – пережиток коммунистических времен, высшие (духовные) потребности – либо от скудости, либо от глупости; рынок правит миром, причем не только в экономике, но и во всех

взаимоотношениях людей; конкуренция и соревнование за выгоды и ресурсы естественны, взаимопомощь и тем более альтруизм – исключение, удел оригиналов и святых («бери от жизни все») [25].

Федеральные каналы Центрального телевидения с 1990-х годов превратились в решающий, системообразующий элемент не только информационного поля, но и формирования всего духовно-нравственного пространства страны. Конструирование картины мира и системы ценностей человека, багажа знаний, отношения к жизни и отдельным ее явлениям, структуры интересов, мотивации к той или иной деятельности, культуры речи и бытового поведения и т. д. – все то, чем раньше занимались родители, педагоги, профессора, деятели культуры и искусства, выдающиеся писатели, берет на себя телевидение. Оно фактически контролирует всю нашу культуру. Телевидение не информирует зрителя о реальности, а создает в сознании аудитории иную «реальность» – это производство, фабрика смыслов. Якобы идя навстречу запросам населения, телекомпании на самом деле удовлетворяют тот спрос, который сами же и формируют. Реализуется формула К. Маркса, согласно которой потребности производятся так же, как и продукты. Фактически имеет место производство духовного мира, системы потребностей, мотивов деятельности телезрителей.

Нередко народный юмор отражает «болевы точки» своего времени: «Учительница проверяла детские сочинения и плакала: теперь-то она уже знала, как надо проводить лето. Но денег не было, да и годы были уже не те...» Это грустное эссе лукаво. У громадного большинства наших детей нет средств для летнего отдыха. А на содержательном уровне советских времен его провести и за большие деньги невозможно.

Еще более существенно другое: молодежи навязан радикальный культурный разрыв с предшествующими поколениями. Как говорил шекспировский король Лир: «Распалась связь времен». Подобная ситуация существовала в теории, но никогда и нигде ранее не воплощалась на практике.

Образно говоря, новая культура строится СМИ не на фундаменте старой, а в стороне от нее, из груды обломков культурных элементов, в свое время уже доказавших несостоятельность и

отвергнутых человечеством. СМИ целенаправленно отбирают признанные ранее негодными элементы для последующей обработки, упаковки и сбыта населению. В России формируется новый самобытный тип культуры, не имеющий прямых исторических аналогов и современных аналогов за рубежом. Наиболее близкий образец – Древний Рим эпохи деградации и упадка, фактически принятый за образец московской «элитой» в начале 1990-х. Впервые за тысячу лет Россия перестала быть страной христианской культуры, стремительно скатившись в язычество. Современные российские СМИ формируют и соответствующий тип личности, стоящий на эволюционной лестнице на несколько ступеней ниже типичного человека советской эпохи.

Особо влияет на подрастающие поколения содержание рекламы. С начала 1990-х годов реклама заняла в массовом сознании нишу идеологии, осуществляя демонтаж и реконструкцию фундаментальных мировоззренческих ценностей населения. Во многом благодаря ей в это время происходит коренная переориентация предпочтений молодежи от нематериальных ценностей к материальным. Зарплата утверждается на первом месте в мотивах труда, оттеснив такие ценности, как содержание труда, самоопределение в труде, возможность реализации своих знаний и способностей через труд. Под воздействием рекламы понятие «уметь жить» начинает сводиться к формуле «иметь»: носить модную одежду, посещать дорогие клубы и дискотеки, не утруждать себя тяжелой работой. Меняются понятия счастья, смысла жизни. Современная реклама в России меняет представления о приемлемом социальном поведении.

Активность масс молодежи в России искусственно направляется в сферу потребления, и наше общество превращается в «общество потребления». Реклама становится идеологией потребления и своего рода институтом социализации, проектирующим и формирующим нужного ей человека – «человека потребляющего».

Отмечу, что советская система стремилась создать «человека-творца», личность творческого типа. Переход к воспроизводству «человека потребляющего» не оставляет России возможности реализовывать в экономике, сфере производства даже модель «догоняющего» развития, не говоря уже о развитии инновационном. В целом же формируется тип деградиру-

ющей культуры, основным содержанием которой является проедание ранее накопленных ресурсов.

Здесь следует упомянуть о некоторых принципиальных особенностях, свойственных современному информационно-индустриальному обществу. Речь идет о том, что в конце XX века рынок перестал быть игрой свободных производительных сил, описанных Марксом и его современниками. Рынок больше не подчиняется утилитарным потребностям людей и влиянию свободной конкуренции, превращаясь в систему, производную от идей. На смену производству материальных ценностей приходит производство смыслов. Роль смыслов кардинально меняет структуру производства. Смыслы производятся как продукты. Они генерируются в сознании людей с помощью внешних воздействий, манипуляций и, будучи произведены, порождают новые потребности. То есть и потребности производятся, как продукты. Манипулирование вытесняет конкуренцию. Произошли радикальные перемены в соотношении между влиянием объективных экономических

законов и влиянием механизмов изменения сознания людей [26, с. 283–290].

Реальная политика Российского государства в сфере управления строительством нового социума, сложившаяся в 1990-е годы и осуществляемая в настоящее время, привела к потере культуры, возвращающей в гражданах гуманизм, творческие начала, поддерживающей систему ценностей, испытанную тысячами лет развития мировой цивилизации. Новая Россия теперь хорошо умеет потреблять, но все меньше способна производить и тем более творить. Формируется культура неоварварства, дикости, всеилия денег.

Следует заключить, что созданная в 1990-е годы в нашей стране ультралиберальная версия капитализма в корне противоречит интересам Российского государства и общества – как неконкурентоспособная в контексте процессов мирового экономического и социально-культурного развития, в условиях глобализации. Перед Россией вновь встает задача выхода из очередного тупика на магистральные пути общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Солнце – спутник Земли», или Рейтинг научных заблуждений россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111345>.
2. **Запесоцкий, А.С.** Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни [Текст] / А.С. Запесоцкий // Социол. исслед. – 2010. – № 7. – С. 7–16.
3. **Он же.** Образование и культура: проблемы российской модернизации [Текст] / А.С. Запесоцкий // Социология образования. – 2010. – № 7. – С. 4–17.
4. **Молодежь** в России. 2010 [Текст]: стат. сб. / ЮНИСЕФ, Федер. служба гос. статистики. – М.: Статистика России, 2010.
5. **Запесоцкий, А.С.** Социология в системе научного управления обществом [Электронный ресурс]: материалы IV Всерос. социол. конгр. / А.С. Запесоцкий; ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. – М.: ИС РАН, 2012. – 1 CD-ROM.
6. **Он же.** Какой капитализм построен в России [Текст] / А.С. Запесоцкий // Национальные интересы. – 2012. – № 1 (77).
7. **When fortune frowned: a Special report on World economy** [Electronic resource] // The Economist. – 2008. – 11 oct. – Access mode: http://www.uni-graz.at/vwlwww_stm_survey_2008.pdf.
8. **Неэкономические** грани экономики: непознанное взаимовлияние: науч. и публицист. заметки обществоведов [Текст] / науч. ред. О.Т. Богомолов. – М.: Ин-т экон. стратегий, 2010.
9. **Права человека** и правовое социальное государство в России [Текст] / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2011.
10. **Модернизация** России: социально-гуманитарные измерения [Текст] / ред. Н.Я. Петраков. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011.
11. **Нереализованный** потенциал модернизации [Текст] / науч. ред. О.Т. Богомолов, А.С. Запесоцкий. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011.
12. **Кондрашова, Л.И.** Какая демократия нужна Китаю? [Текст] / Л.И. Кондрашова // Неэкон. грани экономики: непознанное взаимовлияние. – М., 2010.
13. **Кравченко, Е.** Мир невыученных уроков [Текст] / Е. Кравченко // Ведомости. – 2012. – 25 янв.
14. **Конституция** Российской Федерации [Текст]. – М.: Юр. литература, 2011.
15. **Баталов, Э.Я.** Движущая сила идей [Текст] / Э.Я. Баталов // Неэкон. грани экономики: непознанное взаимовлияние. – М., 2010.
16. **Власов, Ф.Б.** Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие [Текст] / Ф.Б. Власов. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011.
17. **Юревич, А.В.** Нравственное состояние современного российского общества [Текст] / А.В. Юревич // Неэкон. грани экономики: непознанное взаимовлияние. – М., 2010.

18. **Запесоцкий, А.С.** Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи [Текст] / А.С. Запесоцкий. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008.
19. **Степин, В.С.** Цивилизация и культура [Текст] / В.С. Степин. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011.
20. **Права** человека и правовое социальное государство в России [Текст] / Н.А. Воронина, А.С. Запесоцкий, В.А. Карташкин, А.Г. Лисицын-Светланов [и др.]; отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2011.
21. **Дубин, Б.В.** Читатель в обществе зрителей [Текст] / Б.В. Дубин // Знамя. – 2004. – № 5.
22. **Большинство** россиян в свободное время смотрят телевизор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://telecom.cnews.ru/news/line/index.shtml?2008/05/06/299506>.
23. **Полуэхтова, И.А.** Социокультурная динамика российской аудитории телевидения [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / И.А. Полуэхтова. – М., 2008. – Режим доступа: http://dibase.ru/article/22092008_poluekhtovaia.
24. **Эрнст, К.** Телевидение и эволюция [Текст] / К. Эрнст // Науч. и учеб. тетради Высш. шк. телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова. – Тетр. № 1, сент.-дек. 2009 г. – М.: Алгоритм, 2010.
25. **Никандров, Н.Д.** Воспитание и социализация молодежи: проблемы гармонизации [Текст] / Н.Д. Никандров // Проблемы соврем. образования. – 2011. – № 2. – С. 5–10.
26. **Мамардашвили, М.К.** Интеллигенция в современном обществе [Текст] / М.К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич – доктор культурологии, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, действительный член РАО, ректор Гуманитарного университета профсоюзов.

192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
тел. (812) 269-19-36, (812) 327-27-28
info@gup.ru

ZAPESOTSKY Alexandr S. – *St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.*

192238, Fucik street, 15, St. Petersburg, Russia
info@gup.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 330.14.01+008:14

А.И. Киселёв

МОДЕРНИЗАЦИЯ – СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА И СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

A.I. Kiselyov

MODERNIZATION AS A METHOD OF OVERCOMING SYSTEMIC CRISIS AND PROTECTING CULTURAL AND CIVILIZATION IDENTITY OF RUSSIA

Аннотация

В статье дан анализ результатов реформ в экономической, социальной, политической и духовной сферах российского общества и обоснован тезис о необходимости модернизации не только как способа преодоления системного кризиса и повышения конкурентоспособности страны в условиях глобализации, но и как способа сохранения национальной идентичности. Обозначены факторы и силы, препятствующие этому процессу, и общественные группы, заинтересованные в нем. Подчеркивается негативная роль либерального фундаментализма, который отказывает русскому народу в способности к созидательной, творческой деятельности и пытается разрушить иерархию его традиционных ценностей как основы самобытного культурно-цивилизационного развития России. Делается вывод, что максимально успешным и продуктивным может стать только тот модернизационный проект, который базируется на принципах патриотизма и гуманизма.

Ключевые слова

МОДЕРНИЗАЦИЯ, ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ.

Abstract

In the article analysis is given of the results of the reforms made in economical, social, political and spiritual areas of Russian society. The statement is proved that modernization is necessary not only in terms of overcoming the systemic crisis and enhancing the country competitive ability under the globalization conditions, but it also can be considered as a method to protect national identity. Some factors and forces that hamper the whole process, and the society groups concerned with it, are mentioned. It is underlined that the role of fundamental liberalism is negative because the latter considers Russian people to be incapable of creativity and because it tries to break down Russian traditional value hierarchy as a background for the distinctive cultural development of Russia. The conclusion is made that the most successful and productive project can only be based on the maxims of patriotism and humanism.

Keywords

MODERNIZATION, WESTERNIZATION, CULTURE, CIVILIZATION, NATIONAL IDENTITY, LIBERAL FUNDAMENTALISM.

Цель данной статьи состоит в обосновании положения, согласно которому модернизацию следует рассматривать не только в техно-экономическом аспекте как дополнительное конкурентное преимущество страны в международном разделении труда, но более целостно – как способ укрепления самобытного культурно-цивилизационного бытия России.

Россия переживает *внутренний* системный кризис, наложившийся на *внешний* общемировой финансово-экономический, что делает ситуацию в стране крайне напряженной и драматичной. Растущая неустойчивость общественного развития обусловлена преодолением *всех* основных предельно-критических значений и показателей, выход за которые, как

свидетельствует мировая практика, недопустим, ибо ведет к катастрофе. Так, экономика характеризуется колониально-сырьевой направленностью, деиндустриализацией, ослаблением научно-технологического потенциала, зависимостью жизнедеятельности социума от импорта. Достаточно сказать, что на долю РФ приходится менее 1 % наукоемких технологий на мировом рынке. В борьбе за интеллектуальные ресурсы страна проигрывает, теряя из-за эмиграции до 1 трлн долларов и подпитывая тем самым принимающую сторону. Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц прямо указывает на катастрофичность произошедших перемен: «Радикальная стратегия реформ не сработала: ВВП России с 1989 года падал из года в год... Опустошение, выраженное в потерях ВВП, было бóльшим, чем Россия испытала во Второй мировой войне... Программа стабилизации – либерализации – приватизации... создала предварительные условия для деградации» [12, с. 176]. Резкое сокращение удельного веса отраслей обрабатывающей промышленности осуществлялось за счет усиления сырьевой ориентации экономики, которая не требует инноваций, обширных знаний и высокого профессионализма. А жесткая привязка к доллару делает ее уязвимой для влияния извне, повышая риски утраты не только хозяйственной самостоятельности или геополитической устойчивости, но и государственного суверенитета.

В социальной сфере имеет место антагонизация межгрупповых отношений. Поляризация общества достигает критических значений, и соотношение доходов 10 % богатых к 10 % бедных слоев 17 : 1 (как минимум). 40 % граждан России не имеют никаких сбережений, 50 % – владеют лишь 2 % сбережений, а 2 % сверхбогатых – собственники более чем 50 % всех сбережений россиян. Согласно данным Росстата (2010), доля лиц, доход которых менее 3422 рублей в месяц (*крайняя нищета*), составляет 13,4 %; от 3422 до 7400 рублей (*нищета*) – 27,8 %; от 7400 до 17 тыс. рублей (*бедность*) – 38,8 %; от 17 до 25 тыс. рублей (*относительная бедность*) – 10,9 %; от 25 до 50 тыс. рублей (*средний достаток*) – 7,3 %; от 50 до 75 тыс. рублей (*состоятельные*) – 1,1 %; свыше 75 тыс. рублей (*богатые и сверхбогатые*) – 0,7 %.

Но проблема усугубляется тем, «что интересы богатой части общества... лежат вне нашей

страны» [2, с. 409]. Это ускоряющееся дистанцирование и взаимоотношение страт – путь к неминуемому расколу и взрыву, который разорвет на мелкие и уже не собираемые куски когда-то единую ткань российской жизни. Как сказано в Евангелии: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» [Мтф. 12, 25]. Институт семьи разрушается. 33 % детей рождается вне брака. Более 90 % сирот – социальные. Происходят крупные изменения этнического и национального состава страны. Идет физическое вытеснение и культурно-цивилизационное замещение русского и других коренных народов иммигрантами, что порождает дополнительное напряжение. Криминализация, алкоголизация и наркотизация общества также набирают обороты. Не ликвидированы очаги сепаратизма, экстремизма и терроризма, не преодолены противоречия между центром и регионами, иностранными и отечественными корпорациями. Продолжаются деквалификация и люмпенизация рабочей силы, сокращение количества человеческого потенциала, что выражается в депопуляции, и снижение его качества (например, из 20 млн мужчин трудоспособного возраста около 4 млн – хронические пьяницы, 1 млн – наркоманы и более 1 млн – заключенные).

В политических отношениях нарастают недоверие к органам государственной власти и сомнение в эффективности проводимого курса. В докладе «20 лет реформ глазами россиян», подготовленном социологическими службами РАН, приводятся следующие данные: негативно оценивают уровень жизни 77 % опрошенных, моральное состояние общества – 76 %, экономическое – 73 %, социальное – 71 %, межнациональное – 70 %. Следовательно, цена произошедших перемен – это ухудшение фундаментальных показателей жизнедеятельности граждан России, сопровождающееся делегитимацией власти и крепнущим чувством обманутости и несправедливости, неуверенности в завтрашнем дне. Общество лишено эффективных методов влияния на принимаемые решения, а политическая элита часто глуха к голосу народа и, демонстрируя некомпетентность, продолжает однажды выбранный праволиберальный курс, уже показавший свою уязвимость. Это критическое отношение к современным

государственным структурам обусловлено и тем обстоятельством, что в некоторых своих сегментах власть срастается с крупным бизнесом и криминалитетом, порождая чудовищную коррупцию, которая, кроме всего прочего, препятствует формированию полноценной конкурентной среды, обновлению и качественному улучшению самой элиты, вынужденной лишь количественно пополнять свои ряды (при общем сокращении населения России за последние 17 лет число чиновников увеличилось на 70 %). Она становится все более закрытой, самовоспроизводящейся и утрачивающей связь с реальностью и ответственность перед избирателями, полагаясь на искусство политтехнологических организаций в деле манипулирования общественным сознанием посредством всевозможных симулякров.

Духовно-культурному состоянию общества присущи идеологический вакуум, фрагментация общественного сознания, чувство смятения и постмодернистское глумление над национальными святынями, традициями и исторической памятью народа.

Сокращается число дошкольных и школьных учреждений; на 40 % (за последние 16 лет) уменьшилось количество научно-исследовательских организаций и на 50 % – численность их сотрудников. Печатные и электронные СМИ и некоторые течения современного искусства превратились в инструмент деинтеллектуализации и нравственного растрепания населения (особенно молодежи). Результатом такой масштабной атаки на общественное сознание является распространение ощущений потерянности, незащищенности, сиротства, тревоги, страха, бессмысленности жизни или бездумного удовлетворения потребностей плоти и самоутверждения посредством ненасыщаемого приобретения материальных благ. Так «из молодых людей массово готовятся примитивные члены потребительского общества» [9, с. 179].

Таким образом, Россия в начале XXI века отброшена в своем развитии на десятилетия назад. Сейчас она занимает 30-е место в мире по уровню образования, 35-е – по уровню экономического развития, 65-е – по индексу развития человеческого потенциала, 75-е – по индексу социального развития, 105-е – по качеству жизни, 130-е – по уровню здравоохранения и 158-е – по коррумпированности. Кроме

того, Россия «погружена» в контекст все более обостряющихся глобальных проблем техногенной цивилизации, и экология жизни российского человека отмечена денатурализацией тела, дезадаптацией, сверхсоциализацией и деиндивидуализацией личности, а также депритуализацией душевно-духовного строя, что в совокупности деформирует саму природу индивида, его исконную идентичность.

Чтобы выйти из такого критического положения, необходимы существенные преобразования страны, т. е. глубокая модернизация, которая уже неоднократно в истории России придавала ей ускоренную динамику развития и выдвигала в ряд крупнейших игроков на поле международных отношений, в то время как «усекование» или запаздывание ее только усугубляло негативную ситуацию.

Модернизация – коренное изменение не только технологического способа производства, но и всех сфер общества: экономической, социальной, политической, культурной, каждая из которых обладает своим особым содержанием и критерием прогресса. Так, в экономике это прежде всего качественное развитие наукоемких производств и самых передовых информационно-технических проектов, сопряженных с ресурсосбережением, комплексным использованием полезных ископаемых и поиском альтернативных источников энергии; в социальной сфере – интеграция общественных страт на базе преодоления неравенства, роста доверия и солидарности, социальной мобильности и доступа к образованию; в политической – активизация участия населения в принятии важных решений, формирование гражданского общества и правового государства, развитие местного самоуправления и творческой инициативы масс; в культурной – оптимизация процесса синтеза традиционных ценностей и их обновления в соответствии с изменением реальности.

Такого рода модернизация призвана изменить прежнюю модель социально-экономического развития страны, обрекающую ее на тотальное и необратимое превращение в топливно-сырьевой, демографический и идейно-интеллектуальный придаток Запада.

Для реализации модернистского проекта необходимо:

- усилить роль государства в управлении ключевыми отраслями отечественной экономи-

ки (ядерная энергетика, аэрокосмическая и оборонная промышленность, судо-, станко- и машиностроение, аграрный сектор) и как социально ориентированной политической структуры;

- значительно увеличить ассигнования на науку и образование, сконцентрировав интеллектуальный ресурс общества на решении фундаментальных проблем;

- всемерно развивать смешанную экономику (рыночный социализм);

- воссоздать индустриальный фундамент общества как предпосылку формирования техносферы на новых началах функционирования;

- осуществлять справедливость как принцип жизни, перераспределяя доходы и сверхдоходы для ликвидации нищеты и бедности;

- осмыслить соотношение модернизации и вестернизации, не допуская их неразумного сближения;

- ориентироваться на традиционные мировоззренческие ценности общего дела, коллективизма, жертвенности, подвижничества, бескорыстия, патриотизма и служения Отечеству, вырабатывая образ исторически великой России в качестве мобилизующей идеологии;

- развивать институты гражданского общества и принуждать власть реагировать на критические замечания в свой адрес;

- усилить борьбу с коррупцией как главным тормозом всяких прогрессивных преобразований и обеспечить возврат вывезенных за рубеж миллиардных средств для инвестиций в российскую экономику и культуру;

- сократить количество чиновников и поставить их благосостояние в зависимость от результатов собственной деятельности;

- рассматривать модернизацию не как самоцель, а как средство достижения достойной жизни для всех граждан и сохранения национальной идентичности;

- опираться при проведении модернизации на образованную молодежь, квалифицированные кадры рабочих, офицерский корпус, патриотическую общественность, техническую, научную и гуманитарную интеллигенцию, православную церковь и другие конфессии.

Модернизация должна стать перманентным, *постоянным* процессом, ориентированным на восходящее преобразование всех сфер и уровней социальной жизни, хотя на том или ином этапе определенная область может доми-

нировать. Сегодня, на наш взгляд, такой сферой является *политическая*, так как от нее, от того, какие силы (силы разрушения или созидания, распада или творчества) одержат верх в борьбе, будет определяться ход, масштаб и вектор перемен, да и само выживание России как геополитического и культурно-цивилизационного феномена истории.

Политическая модернизация должна предполагать обретение русскими как системообразующим народом России больших государственных прав и полномочий для защиты своего демографического и культурно-интеллектуального потенциала во избежание растущей угрозы геноцида, исходящей как из агрессивной политики англосаксонских верхов Запада (например, по мнению М. Тэтчер, на территории России экономически оправдано проживание всего 15 млн человек), так и от номенклатуры, воспринимающей Россию как чужбину. Так, по одной из моделей, в ближайшие 40–50 лет мы должны принять около 253 млн иммигрантов [8, с. 200].

Но что и кто препятствует процессу модернизации в России?

1. Отсутствие научно обоснованной долгосрочной программы выхода России из состояния системного кризиса на качественно новый уровень ее культурно-цивилизационного развития.

2. Коррупционеры, допущенные к ресурсам жизни не по результатам собственной трудовой деятельности, а в обход ее.

3. Компрадоры и развращенная ими челядь, связавшие свое будущее и процветание с интересами зарубежных фирм и корпораций и рассматривающие Россию как временное местожительство и источник обогащения.

4. Социально безответственные крупные предприниматели и финансисты, сколотившие состояния в результате нечестной приватизации и спекулятивных операций.

5. Социальные группы, добывающие сырье и экспортирующие его в ущерб развитию высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности.

6. Значительная часть молодежи с неустоявшимся, фрагментированным сознанием, охваченная стремлением к легким деньгам и чувственным утехам.

7. Мещанство как социально-психологическая общность людей, озабоченных личными

меркантильными интересами и не способных чем-либо жертвовать во имя общего блага.

8. Ангажированные СМИ и общественные организации, идеологически и материально подпитываемые различными заграничными фондами, а также определенные слои интеллигенции, соблазненные безграничной свободой, перерастающей во вседозволенность и анархический романтизм.

Статус страны во многом определяется местом в глобальном разделении труда. Чтобы окончательно не остаться на обочине прогресса, либерально мыслящие круги России не видят иного пути, как копировать опыт ведущих западных государств. Высшие эшелоны государственного аппарата видят выход в модернизации преимущественно как способе повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке товаров и услуг путем резкого скачка в научно-технических инновациях. Однако не эти ли правящие круги ответственны за негативные итоги предшествующих либеральных реформ? И кто является главным субъектом, ведущим модернизатором? Элита? Вся или только ее передовая часть? *Элита* — не чиновно-олигархический клан, который организован круговой порукой полукриминального свойства и все помыслы которого сосредоточены на усилении собственной власти и извлечении максимальной выгоды из привилегированного положения, а лучшая часть народа, наиболее профессионально подготовленная и духовно-нравственно развитая, кровно связывающая свою судьбу с его жизнью во всем объеме и полноте ее проявлений. Кроме того, возможный прогресс в области научно-технологических преобразований будет нейтрализован, если не станет соизмеряться с совершенствованием иных социальных институтов и отношений.

Экспансия Запада, понимаемая как процесс вестернизации и модернизации, встречает разную реакцию политических и интеллектуальных элит незападных обществ: отрицание, полное и безусловное принятие, избирательное использование. *Отвергать* и вестернизацию, и модернизацию в условиях глобальной взаимозависимости всех стран — нежизнеспособный выбор, обрекающий на прогрессирующую изоляцию, самозамкнутость и консервацию сложившегося уклада жизни без каких-либо шансов на историческую перспективу.

Второй путь предполагает, что условием перспективной модернизации может быть только вестернизация, победное шествие которой невозможно без ослабления позиций церкви, слома сердцевины национальной культуры, разрушения народных традиций и упразднения соответствующих им социальных институтов. Следствием подобного развития событий неизбежно становятся образование и углубление пропасти между правящими прозападными политическими и их обслуживающими медийными корпорациями и большинством населения, фрустрация массового сознания и аномия, а также растущая нестабильность, взаимоотчуждаемость и антагонизация межличностных и межгрупповых отношений, что свидетельствует и о существенном культурно-цивилизационном разломе. Приходится только сожалеть, что Россию продолжают пеленать в либеральные и неолиберальные одежды под сладкозвучные песни политтехнологических сирен, когда корабль страны движется на подводные рифы.

Российский либеральный фундаментализм считает себя частью западного мира, который для него есть непревзойденный венец социальной эволюции. Его адепты пытаются (может быть, из самых лучших побуждений) догматически внедрить в России модель «Я-цивилизации» как единственно приемлемую и непогрешимую. По этому поводу, однако, следует сделать ряд методологических замечаний:

1. Из диалектики взаимосвязи общего и единичного вытекает, что любое отдельное (в данном случае Россия) есть нерасторжимый синтез этих двух противоположностей. И, следовательно, необходимо избегать как абсолютизации неповторимых и уникальных сторон явления, так и общих, повторяющихся его свойств. Россия реализует общемировые тенденции развития, но всегда по-особому, и эту специфику нельзя истребить. У каждого народа свой темп и ритм жизни, своя степень готовности воспринимать общечеловеческие законы и закономерности. Вестернизация (как и китаизация или всеобщая исламизация) не относится к таковым.

2. Отмеченные ранее негативные итоги реформ в России нельзя уже списать на «проклятое» советское прошлое, ибо они порождены осуществлением неолиберальных проектов переустройства общества, взятых на прокат у Запада (американский вариант).

3. Финансово-экономический кризис в самих цитаделях капитализма провоцирует общемировую нестабильность и свидетельствует об исторической несостоятельности и шаткости Запада. Неблагополучие, например, пронзает разные сферы американской жизни. Поборник западной модели переустройства России Е. Гайдар в своей книге «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории» признает: «В государственных школах Вашингтона 70 % учеников читают с трудом, 71 % – не выполняют стандартные тесты по математике...» [Цит. по: 2, с. 394]. Только с 1960-х по 1990-е годы в США процент внебрачных детей увеличился в 5 раз, количество разводов – в 4 раза, число детей, живущих на социальное пособие, – в 3 раза, количество самоубийств среди подростков – в 3 раза, число тяжких преступлений – в 4 раза; процент девственниц, выходящих замуж, снизился с 50 до 20 %; значительно ухудшилась академическая успеваемость учащихся школ [1].

А рыночная экономика показывает пределы своей прогрессивности, так как ее субъекты, ориентированные на получение максимальной прибыли в минимальные сроки, не заинтересованы в развитии фундаментальной науки и передовых технологий, повышении культурно-образовательного потенциала общества и решении глобальных проблем современности.

4. Агрессивная политика Запада направлена на удержание мировой гегемонии любой ценой, и на Россию оказывается весь комплекс воздействий: военно-технических, дипломатических, экономических и идеологических с упором на не прямые и «мягкие» способы (и потому наиболее опасные) психолингвистического программирования и переформатирования смыслодержательных структур массового сознания ее граждан. И этот информационно-сетевой охват может привести к весьма эффективному результату – превращению народа в народонаселение, в биомассу как совокупность людей с атрофированным чувством достоинства и желаниями, низведенными до уровня инстинктов и первичных потребностей. Концентрированное оружие уже опробовано на многих странах, им добит СССР, им наносят удары по России.

Проницательные мыслители неоднократно указывали на издержки даже дружественной

межкультурной коммуникации: «Элементы культуры, вполне безвредные и даже благотворные на родной почве, могут оказаться опасными и разрушительными в чужом социальном контексте» [14, с. 578].

Позволим себе процитировать высказывания, в которых сквозит нескрываемая и нарастающая тревога за судьбу России и ее народа, пребывающего в эпицентре информационного торнадо:

«...Русского народа больше не существует... как единой духовной и культурной общности... Забыв свое, мы превратились в нацию подражателей, в быту, культуре, политике у нас все заимствованное у других» [13, с. 2];

«Преобразования последней четверти века показывают, что „разборка“ и „сборка“ народа уже как много целого возможна» [11, с. 115];

«Бомба западнизации, взорванная в России, произвела в ней неслыханные ранее опустошения не только в сферах государственности, экономики, идеологии и культуры, но и в самом человеческом материале общества. В таких масштабах и в такие сроки это до сих пор еще не удавалось ни каким завоевателям и ни с каким оружием» [6].

3. Бжезинский торжественно заявляет: «Россия – побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить „это была не Россия, а Советский Союз“ – значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас... не надо подпитывать иллюзий о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей» [Цит. по: 7, с. 397]. Экс-президент США на совещании начальников штабов в мае 1997 года отмечал: «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказывала правильность взятого курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока... Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием: мы получили сырьевой придаток...» [Цит. по: 3]. И из последних (2012 год) высказываний американского госсекретаря также звучит послы: мы не допустим возрождения России и сконцентрируем усилия, ведущие к ее распаду.

Таким образом, противостояние Запада и России не прекращается и не прекращалось со времен княжеских уделов, Киевской Руси,

Московского царства, императорской России, Советского Союза вплоть до наших дней. И оно обусловлено не просто тем, что «именно иррациональные, мистические, мировоззренческие особенности придают различным культурам неповторимое своеобразие и служат первопричиной их исторического „притяжения” или „отталкивания»» [7, с. 399], не столкновением экономических, политических или военных интересов, а **несовместимостью** фундаментальных, стратегически важных смыслов жизни: богоборческий антропоцентризм против идеала обожения мира творческой и соборной деятельностью человека. *«Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает... судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасали его в века мучений»* [4, с. 43].

В России активно реализуется либеральный сценарий, требующий «перевербовки» самого народа. И. Юргенс отметил: «Модернизации России мешают русские. Они архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность. В общем, человеческий материал не созрел» [Цит. по: 15, с. 3]. Народу, следовательно, начисто отказывают в способности к созидательной деятельности. А кто же в тяжелых условиях осваивал и обустроивал огромные территории страны? Чей труд и талант покоряли космос? Кому принадлежит главная роль в конструировании новой социальной реальности? Да разве, к примеру, модернизация в советский период истории не являла собой мощный всплеск творческой инициативы и общественного энтузиазма? Надо и сейчас актуализировать этот внутренний (пока мало востребованный) духовно-интеллектуальный ресурс и зажечь людей великой идеей. Но вновь произносятся панихидные слова: «Переход к постиндустриальному обществу вряд ли возможен без осязаемых изменений в характеристиках имеющегося в России человеческого материала» [10, с. 59]. То есть для осуществления данного проекта необходимо качественно преобразовать жителей страны, их менталитет, духовно-нравственные основы бытия, сделать их другими, на себя не похожими. Не одежду подогнать под особенности строения индиви-

да, а человека под определенную покрывку, не туфельку под размер ноги, а наоборот! Но такая процедура осуществима только через насилие, кровь и страдания и не будет принята добровольно, без сопротивления. К тому же, пример многих стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки красноречиво свидетельствует о том, что можно продвигаться далеко вперед по пути модернизации, оставаясь в сущности незападными цивилизациями, не утрачивая своей национальной идентичности.

Современный либерализм как реакция на тоталитарные режимы XX века, бросаясь в другую крайность, провозглашает приоритет части над целым, личности над обществом, свободы над ответственностью, эгоизма над альтруизмом. А это — предтеча дисбаланса функционирования социального организма и деструкции нравственности, ведущая к исчезновению страны как субъекта исторической деятельности, и гибель целого всегда сопровождается гибелью ее элементов, но не наоборот. Продолжающиеся попытки установить господство меньшинства над большинством, западного над евразийским, инонационального над национальным — что это? Новый тоталитаризм, прикрывающийся симулякрами толерантности и политкорректности! *«Стихийно-пассивной»* реакцией на растущее несоответствие архетипов национального сознания ценностям западной культуры явится умножение депрессий, увеличение общей смертности и числа самоубийств, рост делинквентного поведения, а *«активным»* ответом может стать объединение широких масс в защиту ущемляемых национальных интересов посредством митингов, демонстраций, забастовок и других, возможно, несанкционированных акций, носящих все более масштабный и революционный характер.

История свидетельствует: выживают и побеждают те общества, которые были сплочены и воодушевлены общими целями и безусловными ценностями собственной коренной культуры. «Не мощь рук, не военное искусство, но сила духа — вот что приносит победу» [16, с. 204]. Что касается эгоизма и индивидуализма, то они уничтожаются своим собственным развитием; и если они охватывают собой не только рядовых граждан, но и правящие круги, то всякое общее существование становится невозможным при первом серьезном испытании.

нии: государство будет не способно защищать своих подданных, которые «широкой рукой и с вынужденно радостными лицами отдают врагу то, что скупое и с крайним нежеланием давали защитнику Отечества; а позже всеми покинутые и преданные правители будут вынуждены покупать свое место подчинением и следованием чужим планам; и теперь бросившие оружие в борьбе за Отечество учатся под чужими знаменами смело направлять его против Отечества» [16, с. 59].

Третий вариант — наиболее предпочтительный для России — заключается в попытке совмещения модернизации с сохранением базовых ценностей, практики и социальных институтов коренной культуры. И данная перспектива становится все более привлекательной для незападных государств. Уместно напомнить, что в ряде случаев вестернизация и модернизация были достаточно тесно переплетены друг с другом, и незападные общества, вовлекаемые в орбиту влияния Запада, вынуждались перенимать и то, и другое, чтобы обрести и увеличить потенциал конкурентоспособности. Но по мере углубления процесса модернизации интенсивность воздействия вестернизации ослабевает, и местная культура начинает возрождаться, меняя баланс сил не в пользу первой. Иными словами, на ранних стадиях вестернизация помогает модернизации, а на поздних модернизация способствует девестернизации, восстановлению и развитию национальной культуры и суверенитета государства. Кроме того, существуют пределы, в которых цивилизации-реципиенты «фильтруют», «процеживают», «преломляют» через собственное лоно массу внешних возмущений, идущих от других цивилизаций, приспособлявая и ассимилируя их таким образом, чтобы укрепить и обеспечить выживание основных ценностей самобытной культуры. Китай, Япония, Индия, Сингапур, Южная Корея, Саудовская Аравия, Иран — тому подтверждение. И Россия, оставаясь самой собой, обязана перенимать все положительное у Востока и Запада. Сочетая элементы приобретаемого опыта, она должна превращать их в особый сплав.

Культурное и цивилизационное разнообразие мира плодотворно для судеб человечества и, подобно биоценозам, состоящим из множества видов и популяций живых организмов, способ-

ствует устойчивости системы социобиосферных отношений. Оно бросает вызов западной и особенно американской вере в универсальность западной культуры, согласно которой все люди якобы хотят усвоить западные ценности, идеалы и практики, потому что они воплощают самое высшее, самое рациональное, самое совершенное, что только есть или может быть.

Нельзя не согласиться с мнением человека, обладающего богатым опытом проживания за рубежами России: *«Запад создавался, развивался, поддерживался, охранялся и завоевывал себе место на планете не просто человеческими существами, но людьми определенного типа... Ни с каким другим человеческим материалом Запад был бы невозможен. Никакой другой человеческий материал не в состоянии воспроизвести Запад и сохранить его на том уровне, какого он достиг. Назову характерные черты... западноидности. Это суть практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкурентной борьбе, изобретательность, способность рисковать, холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и успеху в деле, склонность к добросовестности в деле, склонность к публичности и театральности, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими... способность к самодисциплине и самоорганизации... „Я” играло доминирующую роль в паре „Я — Мы”. С этой точки зрения западноевропейская цивилизация... развившийся на ее основе западнизм суть явления уникальные в истории человечества. В этом смысле западноиды суть индивидуалисты, а их общество — индивидуалистическое»* [5, с. 51].

Западная цивилизация значима не своей универсальностью, а своей неповторимостью. И стратегия ее должна состоять не в том, чтобы навязывать другим народам свои принципы и представления (на это вряд ли хватит экономической, политической и военной мощи в XXI веке), а в том, чтобы защитить и творчески обновить свои специфические качества и достоинства.

Аналогично должна поступать и Россия, а реализация в полном объеме обозначенных ранее модернизационных задач будет только способствовать укреплению ее позиций как самоосновной культурно-цивилизационной общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вайсман, Б.** Психиатрия — предательство, не знающее границ [Текст] / Б. Вайсман. — М.: АНВИК К, 2002. — 384 с.
2. **Валянский, С.И.** За какие идеи мы умираем [Текст] / С.И. Валянский. — М.: Алгоритм, 2005. — 512 с.
3. **Голубев, Е.** Задушевный разговор об информации и власти [Текст] / Е. Голубев // Санкт-Петербургский ун-т. — 1998. — № 11–12.
4. **Достоевский, Ф.М.** Полное собрание сочинений [Текст]. В 30 т. Т. 22 / Ф.М. Достоевский. — М.: Наука, 1981. — 407 с.
5. **Зиновьев, А.** Запад [Текст] / А. Зиновьев. — М., 2007.
6. **Он же.** Идет война информационная [Текст] / А. Зиновьев // Лит. газ. — 2003. — 15–21 октября.
7. **Иоанн.** Русская симфония [Текст] / митр. Иоанн. — СПб.: Царское Село, 2004. — 493 с.
8. **Медведева, И.** Логика глобализации [Текст] / И. Медведева, Т. Шишкова // Наш современник. — 2001. — № 2. — С. 194–204.
9. **Миронов, А.В.** Еще раз о том, что происходит с духовной культурой в России [Текст] / А.В. Миронов // Социально-гуманит. знания. — 2012. — № 4. — С. 175–181.
10. **Сердобинцев, К.С.** К вопросу о проблеме человека в контексте модернизации России и Запада [Текст] / К.С. Сердобинцев // Там же. — 2010. — № 5. — С. 50–59.
11. **Он же.** Проблема модернизации и развития гражданского общества в России: диалектика «Я» и «Мы» [Текст] / К.С. Сердобинцев // Там же. — 2011. — № 3. — С. 110–119.
12. **Стиглиц, Дж.** Глобализация: тревожные тенденции [Текст] / Дж. Стиглиц; пер. с англ. и примеч. Г.Г. Пирогова. — М., 2003.
13. **Тарасов, Б.** Как стать народом? [Текст] / Б. Тарасов // 24 часа. — 2012. — № 44.
14. **Тойнби, А.** Постигание истории [Текст]: [пер. с англ.] / А. Тойнби. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
15. **Устинов, А.** Другой народ мне не нужен [Текст] / А. Устинов // Лит. газ. — 2013. — 23–29 января.
16. **Фихте, И.Г.** Речи к немецкой нации [Текст] / И.Г. Фихте; пер. с нем. А.А. Иваненко. — СПб.: Наука, 2009. — 349 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КИСЕЛЁВ Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-87-01 (кафедра)
kaphphil_2005@list.ru

KISELYOV Anatoliy I. — St. Petersburg State Polytechnical University.

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
kaphphil_2005@list.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 330.14.01+008:14

А.И. Киселёв

ПАТРИОТИЗМ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

A.I. Kiselyov

PATRIOTISM AS A REQUIREMENT FOR A SUCCESSFUL MODERNIZATION PROJECT

Аннотация

В статье исследуется концептуальный статус патриотизма и его положительная роль в качестве детерминанта и гаранта прогрессирующих преобразований российского общества. Без патриотизма также невозможно достичь состояния устойчивого развития и национальной безопасности.

Ключевые слова

ПАТРИОТИЗМ, ЦЕННОСТИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ.

Abstract

In the article conceptual status of patriotism and its positive role as a determinant and a guarantor of progressing transformations in Russian society are under investigation. The condition of sustainable development and national safety is also impossible without this phenomenon.

Keywords

PATRIOTISM, VALUES, NATIONAL SAFETY, MODERNIZATION, PROJECT.

«Не плакать, не смеяться, а понимать» – таким виделся идеал научно-философского подхода к исследованию всех проблем еще с Нового времени. Да, Спинозовская трактовка рациональности уместна прежде всего при изучении закономерностей развития и функционирования природных явлений, но применительно к социокультурной сфере, где задействованы противоречивые интересы различных групп и общностей, искание истины всегда сопровождается целой гаммой чувств и переживаний, ибо затрагивает смысложизненные и глубинные основы человеческого существования, его культурные коды.

Посредством культуры осуществляется связь поколений, формируется национальная идентичность в ряду других сообществ, создается своеобразный центр, притягивающий ранее разрозненные или рыхло структурированные социальные слои и сплавливающий их в несокрушимый монолит, концентрируется энергия, необходимая для преодоления оков профанного бытия и пассионарного, творческого прорыва

к новым горизонтам жизни и более возвышенным целям. Культурный потенциал общества как залог и основа его пребывания в потоке времени наиболее зримо выражается в *патриотизме*. Вот почему именно он является главным объектом идеологических нападков со стороны как внешних сил, заинтересованных в умалении роли России на мировой арене в качестве экономического и геополитического конкурента и носителя альтернативного пути культурно-цивилизационного развития, так и внутренних антинациональных кланов и страт, смыкающих свои усилия, чтобы переломить или согнуть этот стержень, который удерживал до сих пор Россию в статусе суверенной державы. Нельзя сохранить крепость нации и государства без единых патриотических ценностей, укорененных в душе народа. Духовно отчужденные индивиды, социальные группы и этносы не смогут быть полноценными и самостоятельными субъектами созидательной деятельности, имеющей своей целью общее благо, общую безопасность и общую судьбу. Поэтому искажение

родного языка, осквернение и поругание святынь и символов, значимых идеалов и смыслов, пренебрежение народными традициями — путь в геополитическое и историческое небытие.

Какая сила преодолела Смуту в начале XVII века, что обеспечило победу в 1812 году и в 1945-м? Патриотизм! Патриотизм, выразившийся в массовом героизме и самоотверженности народа. Когда же смертельная опасность минует, о нем забывают и, более того, приравнивают носителей идеи патриотизма к фашистам, националистам, шовинистам, ксенофобам и экстремистам, что совершенно недопустимо и методологически неверно. Подобная подмена понятий призвана затушевать страх и породить ненависть к попыткам восстановления национального достоинства страны во всей полноте ее самобытного жизнеутверждения.

Главная цель нашего исследования — выявление сущности феномена патриотизма и определение его влияния на перспективы осуществления модернизационных преобразований российского общества.

Патриотизм возникает, если признается существование чего-то, что больше, важнее, выше меня; он деятелен, если я — отдельная личность — сопрягаю свои поступки и помыслы с интересами и благом целого, коим здесь является мой народ, моя нация, мое общество. Эта привязанность прививается через семейное воспитание, школу и систему высшего образования. И в данном контексте сверхзначимы примеры и сигналы, идущие от государства и его органов. Нельзя не признать, что сама власть повинна в оскудении патриотических настроений, так как, во-первых, актуализировала и организовывала изгнание с земли и изживание крестьянства в ходе социалистического и нынешнего либерального экспериментов, а оно является истоком, основой и носителем национальной культуры, религиозной веры и многовековых традиций. В крестьянской среде культивировались идеалы трудолюбия, справедливости, артельности, нестяжательства, миролюбия, целомудрия, терпимости, скромности, державности, сострадания, жертвенности, мессианства и служения Родине, которые слились и воплотились в образе Святой Руси. Прояснение и укрепление его в сознании людей, конечно, требовало искоренения таких негативных черт национального характера, как опрометчи-

вость, чрезмерная доверчивость (наивность), беспечность, недисциплинированность, нетерпимость, анархизм, упование на случай (авось да небось), максимализм.

К.Д. Кавелин, не отрицая темных и грубых сторон жизни, подчеркивал: «Сердцевина здорова, и ее живительные соки залечат больные места в коре: пусть только дадут им выход... не навязывая народу чуждых ему учреждений и не заключая его в бюрократические тиски... Надо верить в русский народ, надо его любить — без этого жить нельзя» [Цит. по: 2, с. 534].

А во-вторых, власть явно демонстрировала (за редким исключением) преклонение перед всем западным в ущерб исконно национальному.

Для того чтобы в очередной раз не закончилась ничем кампания по восстановлению в своих правах феномена патриотизма, современная российская власть должна много и много поработать, исправляя роковые ошибки и учитывая заблуждения, и показать свое добролюбивое отношение к народу. Это не должно быть отношение к народу — объекту управления и манипуляции его сознанием, это должно быть отношение выразителя и защитника глубинных чаяний и ценностей народа. Пора прекратить попытки перекраивать ткань народной жизни по лекалам либерального фундаментализма и начать строить цивилизацию России на фундаменте ее собственной национальной культуры. Верно сказано: «...В России большинство до сих пор еще наивно верит, что все наши бедствия происходят от отсталости... от недостатка европеизма и современности, а не от излишней подражательности...» [3, с. 181].

Без патриотизма невозможно достичь состояния национальной безопасности и устойчивого развития; сохранения самоосновной культурно-цивилизационной идентичности и консолидации народа, а также недопущения его необратимой трансформации в рыхлый конгломерат атомизированных индивидов; свободного доступа к плодотворным достижениям науки и культуры, к комфортным экологическим условиям существования для всех граждан; общего повышения качества жизни.

Однако в либерально-демократических кругах России укоренилось мнение, что последним прибежищем всех тоталитарных сил является патриотизм. То есть любовь к Родине несовместима со свободой, а последняя ис-

ключает трепетную привязанность к Отечеству. Они — антагонисты.

Но чем эти взгляды отличаются от взглядов приверженцев «Манифеста Коммунистической партии», полагающих, что у рабочего класса не может быть своего заветного «пристанища»?

Давно ли ради пролетарского освобождения и осчастлививания народов Земли сторонники троцкистской концепции перманентной революции считали уместным сжечь страну в горниле социалистического эксперимента? Когда Цицерон восклицал: «Я гражданин мира!», то, хотя субъективно, он, возможно, и стремился быть таковым, но оставался типичным представителем Римской империи и носителем ее мировоззренческих установок и предпочтений. И современные глашатаи общечеловеческих эталонов и измерений личностного бытия на самом деле рассматривают мир с точки зрения глобального проекта вестернизации, обслуживая сетевые структуры ТНК, ТНБ и «золотого миллиарда».

Подобные взгляды противостоят и христианскому учению с его призывом возлюбите ближнего своего как себя. Мои родители, моя семья, мои друзья, мои коллеги, мои земляки, мои современники, мои соотечественники, выросшие из одного «корня», спаенные единой верой и базовыми ценностями, объединенные совместной историей, образом жизни и ощущением общей судьбы, — кто роднее их на всем белом свете? Нет никого! Предпочесть своего чужому, ближнего дальнему, конкретного индивида абстрактному человеку вообще, полноте и разнообразию жизни искусственные умозрительные схемы — значит продемонстрировать некрофильское отношение к людям, свидетельствующее о тщательно скрываемом, но существующем серьезном психическом расстройстве.

Другая крайность — *лжепатриотизм*, которому присуще восхищение отечественной историей во всей совокупности ее проявлений. Он избирательно фиксирует внимание на победах, великих достижениях и свершениях своего народа и государства в области науки, техники и искусства. Я принадлежу всецело данной этнонациональной общности, и уже этого одного достаточно, чтобы высокомерно поглядывать на выходцев из других групп как заведомо низших. Подобного рода пристрастие опасно, ибо расслабляет народную волю, притупляет кол-

лективный разум, мифологизирует сложившийся порядок вещей как нечто идеальное и совершенное, усыпляет совесть и бдительность, демобилизует внутренние созидательные силы в их противодействии косности и пороку, вселяя незрячий оптимизм там, где ему нет места. «Мне чужд... этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы» [5, с. 534].

Но более чудовищен *антипатриотизм*, который выпячивает только отрицательные стороны общественной жизни России, смакуя любые допущенные промахи, ошибки, просчеты и неверные шаги, глумясь над отечественной историей, традициями и святынями народа, презирая и ненавидя их. Яд, впрыскиваемый им в массовое сознание, формирует комплекс культурно-цивилизационной несостоятельности, парализует творческую инициативу и обрекает страну на роль вечного аутсайдера или калика перехожего. «Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самую Россию... Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все...» [цит. по: 1, с. 10] — эта констатация, выраженная Ф.М. Достоевским, характерна и для современного российского либерализма, сущность которого не изменилась. Объективно антипатриотизм готовит удобный плацдарм для ослабления геополитических позиций России и дальнейшей оккупации, и мировоззренческая, информационная и финансово-экономическая колонизация лишь ее поочередные этапы.

И только патриотизм способен стать надежным заслоном, предотвращающим уничтожение России как устойчивого самобытного образования. В данном контексте особое значение приобретают слова, сказанные действующим президентом Российской Федерации 12 сентября 2012 года в Краснодарском крае: «Попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий — это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша стра-

на. И мы знаем, как искажение национально-исторического, нравственного сознания приводило к катастрофе целых государств, к их ослаблению, распаду в конечном итоге, к лишению суверенитета и к братоубийственным войнам... Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент — это патриотизм, это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России. Это ответственность за свою страну и ее будущее».

Патриотизм — это *сопричастность* делам страны, нуждам и чаяниям народа, истории, национальной культуре и материнской природе; патриотизм — это кровно-духовное *родство*, неотторжимое единение с себе подобными людьми, спаенное общими базовыми ценностями и ощущением единой судьбы; патриотизм — изначально безотчетная *предрасположенность* к малой родине как единственной и милой, без чего не может сформироваться любовь к большой; патриотизм есть *забота* и *личная ответственность* за все, что происходит вокруг меня, и прежде всего непосредственно в социальной среде, в которой я пребываю как субъект материально-производственной, общественно-политической и управленческой деятельности; патриотизм — это *боль*, испытываемая каждый раз, когда нарастают несправедливости и неустроения общественной жизни, когда чести нации наносится какой-либо урон; патриотизм — это не только желание добра и процветания своему народу и государству, но и *борьба* с любыми проявлениями темных деструктивных сил, разрушающих духовно-нравственные устои прогрессирующей эволюции и снижающих качество человеческого потенциала страны; патриотизм — титанический *труд*, способствующий повышению уровня здоровья, материального и психологического благополучия населения и укреплению авторитета российского государства на международной арене; патриотизм предполагает также *принципиальность* и *критический взгляд* на сущее с позиций должного (как желаемого будущего), что позволяет взвешенно и системно осмысливать все положительные и отрицательные характеристики общества без всяких иллюзий и предвзятых поспешных оценок, а также не терять намечен-

ные ориентиры эволюции; патриотизм — *вера* в интеллектуальные и моральные ресурсы, могущие обеспечить достойное место стране среди государств мирового сообщества; патриотизм — это *благодарность* предкам за переданные нам по наследству плоды национальной культуры и характера, за их героические усилия в деле сохранения свободы и самоосновности, за оплаченные огнем знамена славных сражений; патриотизм — *мост*, соединяющий народы разных культур и цивилизаций, ибо только любя свой «ДОМ», можно понять чаяния и аналогичные чувства, испытываемые другими, преодолевая национальную узость; патриотизм сопряжен и с чувством непреходящей *тоски по Родине* при разлуке с ней. Вот слова пламенного русского патриота нерусского происхождения Владимира Диксона:

*Здесь намечено и размерено,
Всё по правилу, по струне.
Только сердце мое потеряно
В этой вылощенной стране.*

Суммируя, можно сказать: *патриотизм — бескорыстное и свободное служение своему Отечеству и народу, принимаемое как высший смысл жизни.*

Поэтому *президент-патриот* будет не декларативно, а практически стремиться в полной мере обеспечить реализацию конституционных прав граждан, отстаивая стратегические интересы российской державы, осуществляя модернизацию всех сфер общества на благо народа, сводя на нет влияние криминалитета и олигархических кланов; *чиновник-патриот* освоит максимально эффективные методы управления финансово-экономическими, социально-политическими и культурными институтами и отношениями, отсекая от государственного аппарата непрофессионалов и коррупционеров всех мастей; *офицер-патриот* собственным примером докажет верность присяге и воинским мастерством и мужеством подвигнет рядовых солдат на самоотверженную защиту государственных границ и территориальной целостности страны; *ученый-патриот* не продаст свои «мозги» за рубеж, а своим творчеством и талантом приумножит успехи отечественной науки, без которой немыслимо поддержание конкурентоспособности страны; *врач-патриот* увидит в пациенте не объект выкачивания денег, а страдающего человека, которому надо

своевременно и квалифицированно оказать помощь; *бизнесмен-патриот* не станет фальсифицировать продукцию и снижать качество товаров ради прибыли в ущерб здоровью потребителей и репутации фирмы; *студент-патриот* упорно учится для того, чтобы стать классным специалистом и воплотить полученные знания в инженерно-конструкторской, научной, педагогической, управленческой и художественной деятельности, самоутверждаясь в них в качестве достойного представителя российского общества, молодого и энергичного продолжателя соборного дела предшествующих поколений.

Исследуя перспективы возрождения России, нельзя недооценивать ответственность государства за состояние интеллектуально-духовного и патриотического потенциала общества как предпосылку модернизационного обновления страны. Экстремальность российской истории и суровость природных условий жизни (Север Евразии) обусловили повышенную значимость государства как социального института, незаменимого и необходимого для поддержания мобилизационного ресурса общества, стратегического планирования и координации деятельности регионов в целях упрочения своих позиций в качестве самостоятельного субъекта внутренней и внешней политики, направленной на защиту и реализацию национальных интересов. Поэтому ослабление его роли – притяжение смуты. Другое дело, в чьих руках государство находится. Осуществляет ли оно народовластие? В какой мере? Уместно напомнить, что все модернизации в стране, начиная с Петра I, проходили при доминировании государ-

ственной воли и государственной инициативы. В принципе модернизация имела место при тоталитарных, авторитарных, демократических режимах, в лоне капиталистических и социалистических общественных систем. Кроме того, процесс модернизации носит отпечаток национальных различий при всех равных условиях (одно дело Япония, другое – Испания или Аргентина).

Подчеркивая безусловную важность государства в жизни общества и его преобразованиях, все же согласимся с тезисом И.Г. Фихте, что его функционирование определяется более значительными феноменами: «Народ и Отечество... намного выше государства... Именно любовь к Отечеству должна управлять государством как самый высокий, последний и независимый орган власти в первую очередь потому, что она ограничивает его в выборе средств для достижения его ближайшей цели, внутреннего мира» [4, с. 197]. Стало быть, модернизационный проект может стать максимально успешным и продуктивным, если будет базироваться на принципах патриотизма и гуманизма. Если патриотичны власть, бизнес, система образования и воспитания, культура, СМИ, то обеспечены и созидательная активность, и творческий энтузиазм, и массовый героизм, и подвижничество народа, без чего нельзя сделать рывок к новому облику страны, где каждый обретет статус незаменимой личности и гражданина великой России. Непатриотичный или антипатриотичный вектор деятельности указанных социальных институтов свергнет страну в штопор необратимой деградации. Пора делать выбор!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондрашов, А. Голубая мечта [Текст] / А. Кондрашов // Лит. газ. – 2012. – 29 августа – 4 сентября.
2. Кони, А.Ф. Воспоминания о писателях [Текст] / А.Ф. Кони. – М.: Правда, 1989. – 653 с.
3. Леонтьев, К.Н. Чем и как либерализм наш вреден [Текст] / К.Н. Леонтьев // Традиция и русская цивилизация / Д. Володихин и др. – М.: Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2006. – С. 172–199.
4. Фихте, И.Г. Речи к немецкой нации [Текст] / И.Г. Фихте; пер. с нем. А.А. Иваненко. – СПб.: Наука, 2009. – 349 с.
5. Чаадаев, П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма [Текст]. В 2 т. Т. 1 / П.Я. Чаадаев. – М.: Правда, 1991. – 560 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КИСЕЛЁВ Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 552-87-01 (кафедра)

kaphphil_2005@list.ru

KISELYOV Anatoliy I. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

kaphphil_2005@list.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 327

А.К. Акопов, И.Л. Унтилова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

А.К. Акопов, I.L. Untilova

POLITICAL MODELS OF THE WORLD ORDER

Аннотация

В статье исследуются проблемы становления нового мирового порядка. Выделяются важнейшие структурные компоненты моделей нового мирового порядка в условиях информационного общества. Анализируются методы политического моделирования, один из которых основан на построении и изучении моделей реальных политических процессов в их прогностическом измерении.

Ключевые слова

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, МИРОВОЙ ПОРЯДОК, МИРОВАЯ ПОЛИТИКА, МОДЕЛИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА, ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.

Abstract

This article investigates the problem of establishing a new world order. It highlights the major structural components of the model of a new world order in the information society. The methods of the political model, one of which is based on the construction and study of models of real political processes in their predictive dimension model.

Keywords

INFORMATION SOCIETY, THE POLITICAL MODELING, WORLD ORDER, WORLD POLITICS, THE MODELS OF NEW WORLD ORDER, PREDICTIVE DIMENSION MODEL.

В современной политической науке проблема становления нового мирового порядка является одной из наиболее дискуссионных, что во многом объясняется, с одной стороны, противоречивостью воздействия информационных факторов на мирополитические процессы (цифровой разрыв, изменение пространственно-временных координат политики), а с другой — несогласованностью позиций основных акторов международных отношений (столкновение национальных интересов государств и транснациональных интересов бизнес-сообщества, глобального гражданского общества). В этой связи возникает настоятельная потребность в теоретическом осмыслении современной глобальной ситуации, что можно практически реализовать в проектном моделировании мирового порядка.

Исходя из определения мирового порядка, можно выделить следующие важнейшие струк-

турные компоненты моделей нового мирового порядка в условиях информационного общества:

- взаимодействие государственных и негосударственных акторов;
- глобальная взаимозависимость в условиях становления единого информационного пространства;
- установление новых международных режимов с учетом факторов информатизации мировой политической системы (глобальность, высокая степень информированности, доступность информации, новые пространственно-временные координаты и т. д.).

В условиях первой четверти XXI века в рамках экспертного сообщества наблюдается тенденция к формированию модельного ряда мирового порядка в контексте современного этапа информационной революции. Фактически еще не созданы единые представления о трансформациях в сфере политики, экономики, обще-

ственной жизни. Однако уже можно назвать ряд модельных разработок: модель глобального «общества знания», модель глобального «электронного правительства», модель сетевого мирового порядка.

В современных условиях информационной революции политологи, исследующие проблемы мирового развития, все более и более нуждаются в совершенствовании своего методологического инструментария, так как огромный объем информации требует новых форм компьютерной обработки данных и их моделирования. Понятие модели берет начало от латинского слова «modulus» (мера, образец, норма). Моделирование является средством изучения объекта исследования путем создания формально тождественного ему образа (модели), который отражает определенные его свойства. Сам метод политического моделирования можно определить как метод исследования, основанный на построении и изучении моделей реальных политических процессов в их прогностическом измерении. В политологии часто используются идеальные модели, которые предстают в виде схем или концепций.

Можно выделить несколько типов политических моделей, среди которых наиболее интересными можно считать модели «волновой динамики», где центральной идеей является представление о циклическом характере происходящих изменений (модель 11-летнего всеобщего исторического цикла А. Чижевского, «длинные волны» Н. Кондратьева, теория циркуляции элит В. Парето и др.).

Мировая политика развивается во все усложняющихся экономических, политических, социальных условиях, что требует от политологических исследований выяснения вероятных последствий глобальных изменений. В этой связи крайне важно упомянуть о модели «ядерной зимы» Н. Моисеева (1983), которая оказала существенное воздействие на умы политиков эпохи холодной войны, подвигнув американское и советское руководство к пониманию необходимости проведения политики разоружения. Как писал Н. Моисеев, «стало ясно, что ядерный конфликт приведет не к локальным похолоданиям и мраку под пологом отдельных сажевых облаков, а к „глобальной ядерной ночи“, которая продлится около года. Расчеты на компьютере показали: Землю окутает тьма, сотни миллионов

тонн грунта, поднятого в атмосферу, дымы континентальных пожаров — зола и главным образом сажа горящих городов и лесов сделают наше небо непроницаемым для солнечного света. В дальнейшем произойдет полная перестройка атмосферной циркуляции» [1, с. 73–81]. Таким образом, можно констатировать, что метод политического моделирования позволяет с определенной степенью точности прогнозировать последствия человеческой деятельности (например, в военной сфере) и более обоснованно принимать политическое решение.

Построение политической модели должно соответствовать определенным параметрам:

- никакая модель не воспроизводит объект полностью, она всегда проще объекта;
- модель должна соответствовать требованию целостности и полноты, где составляющие ее элементы структурно уравновешены;
- по основным параметрам модель должна соответствовать объективной политической среде;
- построение модели должно соответствовать системному подходу;
- необходимо сформировать единый концептуальный понятийный ряд.

В политической науке традиционно выделяют четыре основных принципа построения модели:

- описание сложившейся на данный момент политической ситуации или состояние того или иного политического института;
- выявление возможных сценариев развития политической ситуации или политического института в перспективе на основе существующих обстоятельств;
- построение желаемых (программных) сценариев развития политической ситуации или политического института;
- построение проблемного сценария, когда возникает несоответствие между реальным и желаемым состоянием политической ситуации или политического института.

Процесс политического моделирования можно разделить на несколько последовательных и взаимосвязанных этапов, где начальный этап определяется постановкой требующей решения проблемы, а затем структурируется объект моделирования и исследовательский подход в соответствии с политическими и мировоззренческими предпочтениями самого ученого. В итоге на основании собранной информации

и ее теоретической проработки создается концептуальная модель.

Конкретизируя данные методологические рассуждения на материале современных международных отношений и состояния мировой политики, можно сказать, что «учитывая максимальную по сравнению с другими объектами социального прогнозирования неопределенность многих составляющих в международных делах, в случае прогнозирования международных отношений требуется повышенное внимание к основным факторам внешнеполитических действий и условий, которые детерминируют ситуацию в мире» [2]. В этой связи важно подчеркнуть появление в последние десятилетия большого количества прикладных проектов, основанных на сборе аналитической информации, количественных методах ее обработки и подготовки аналитических выводов в виде прогностических предложений. Используются междисциплинарные подходы к моделированию международных процессов, что в целом можно свести к определенной структуре, где, с одной стороны, объединяются базовые методики (контент-анализ, ивент-анализ, когнитивное картирование), а с другой стороны, комплексное аналитическое моделирование (эмпирическое, динамическое, нормативное). Если касаться непосредственно исследовательских принципов моделирования международных отношений, то надо исходить из следующего:

- соответствие модели оригиналу, что означает построение модели не произвольно, а в соответствии с объективной структурой самого объекта;

- верификация модели, что означает сопоставление полученной модели информации с различными реальными свойствами реально существующей системы. Чем сложнее модель, тем тяжелее будет ее проверка [Там же].

Важно подчеркнуть, что при построении моделей в сфере международных отношений на первый план выходит ряд задач:

- необходимо максимально точно определить специфику объекта моделирования (какие политические процессы и политические ситуации анализируются, достоверность информационной обеспеченности исследования);

- нужно максимально приблизить модель к основным признакам и свойствам моделируемого объекта.

В контексте исследования становления нового мирового порядка в условиях информационного общества наибольший интерес представляет концептуальный подход к моделированию мирополитических процессов, получивший название «глобальное моделирование». «Особенностью глобального моделирования, что придает ему особую актуальность, является необходимость системного синтеза глобальных процессов во всей их сложности и взаимосвязанности, многообразия и наличия противоречий. При построении глобальных моделей учитываются социальные, политические, культурные, экологические и другие факторы. Такой подход способствует выявлению и предвидению возможных тенденций дальнейшего развития» [Там же].

В определенном смысле классиками в этом направлении политических исследований можно считать представителей американской школы политического реализма – Г. Киссинджера [3], С. Хантингтона [4–6], З. Бжезинского, М. Каплана [7], И. Валлерстайна [8, 9], которые на протяжении последних десятилетий активно занимались политическим моделированием нового мирового порядка, исходя из постулата о ведущей роли США в мире. Многие эксперты считают, что глобальное моделирование, которое Г. Киссинджер применил в своей работе «Дипломатия» [3], – это один из наиболее успешных опытов анализа перспектив международных отношений в XXI веке. По его мнению, новый мировой порядок XXI века будет характеризоваться как процессами фрагментации, так и все возрастающей глобализацией. На международной арене самыми мощными центрами силы станут США, Европа, Китай, Япония и Россия, а, возможно, также Индия и некоторые средние по размеру государства. Однако в условиях нового мирового порядка может наблюдаться и некоторый беспорядок; его будут производить государства, не имеющие исторических атрибутов «государств-наций». В свою очередь, С. Хантингтон смоделировал новый мировой порядок, исходя из принципа цивилизационных противоречий, который предопределяет будущее мира, где «государства-нации» останутся важнейшими игроками на международной арене, но политические и культурные водоразделы будут проходить между нациями и группами стран различных цивилизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Моисеев, Н.Н.** Экология человечества глазами математика [Текст] / Н.Н. Моисеев. – М., 1988.
2. **Моделирование** международных отношений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spsmoscow.ru/Modelirovanie_mezhdunarodnyh_otnoshenii-10.htm, <http://www.armscontrol.ru/pubs/env-cons-nuc-war.pdf>.
3. **Киссинджер, Г.** Дипломатия [Текст] / Г. Киссинджер. – М., 1997. – 848 с.
4. **Хантингтон, С.** Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
5. **Он же.** Столкновение цивилизаций? [Текст] / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
6. **Он же.** Третья волна: демократизация в конце XX века [Текст] / С. Хантингтон. – М.: РОССПЭН, 2003. – 354 с.
7. **Kaplan, M.A.** System and process in international politics [Text] / M.A. Kaplan. – ECPR Press, 2005. – 252 p.
8. **Валлерстайн, И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Текст] / И. Валлерстайн; пер с англ. П.М. Кудюкина, под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская кн., 2001. – 416 с.
9. **Он же.** Миросистемный анализ: введение [Текст] / И. Валлерстайн; пер. Н. Тюкиной. – М.: Территория будущего, 2006. – 248 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АКОПОВ Артак Каренович – программист *Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-10-24
art@akbt.ru

АКОПОВ Artak K. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
art@akbt.ru

УНТИЛОВА Ирина Леонидовна – аспирант *кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-42, (812) 534-10-06 (кафедра)
UntilovaIL@mail.ru

UNTILOVA Irina L. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
UntilovaIL@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 304.444; 339.977

А.А. Акаев

НАРОДНО-ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ ДУХ ЕВРАЗИЙСТВА*

А.А. Акаев

NATIONAL AND UNIFYING SPIRIT OF EVRASIA

Аннотация

В статье рассматриваются естественно-исторические закономерности развития Евразийского союза. Дается оценка творчества Льва Николаевича Гумилева в построении единого евразийского дома. Рассматриваются гуманитарная безопасность и образование как ключевые проблемы современного общества. Сделаны прогнозы на будущее развитие евразийского пространства.

Ключевые слова

ЕВРАЗИЙСТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, «ЦВЕТНЫЕ» РЕВОЛЮЦИИ, ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ГУМИЛЕВ.

Abstract

In article natural-historical regularities of development of the Euroasian union are considered. The assessment of creativity of Lev Nikolaevich Gumilev in creation of the uniform Euroasian house is given. Humanitarian safety and education as key problems of modern society is considered. Forecasts for future development of the Euroasian space are made.

Keywords

EVASIA, EDUCATION, HUMANITARIAN SAFETY, COLOR REVOLUTIONS, LEV NIKOLAEVICH GUMILEV.

Искренне благодарен организаторам семинара за вынесение в центр его внимания близкой моим интересам темы евразийства. В наши дни «древо евразийства» вновь бурно зазеленело. Мы вправе отдать должное в возрождении учения о евразийстве выдающемуся сыну России, великому историку и мыслителю Льву Николаевичу Гумилеву, столетие со дня рождения которого будет отмечаться 1 октября этого года.

В нашей памяти живы времена, когда на евразийской земле, составлявшей 1/6 часть земного шара, существовало единое мощное государство, по праву имевшее статус глобальной супердержавы. Единый советский народ был не мифом, а живой реальностью. Принадлежность к нему воспринималась с гордостью. Двадцать лет назад Советский Союз как государство перестал существовать. Это действительно была геополитическая катастрофа глобального масштаба. Но народы с их исторической памятью, населявшие огромное советское пространство, сохранились. Это залог поворота Евразии к лучшему будущему, к единению.

Известный американский политолог Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шах-

* В основе статьи лежит выступление автора на семинаре «Феномен евразийства: образы, методология, прогностика глобального мира», состоявшемся в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете в апреле 2012 года.

матная доска» в 1997 году писал: «Распад в конце 1991 года самого крупного по территории государства мира способствовал образованию „черной дыры“ в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли» [См.: Бжезинский З. С. 58]. В истории известна такая земля, как Атлантида. По воле природной стихии она навечно исчезла с лица земли вместе со своими обитателями. Евразийцы же после геополитической катастрофы не исчезли. Пережив тяготы и беды переходного времени, возродив свою национальную жизнь, в разных республиках в разной степени, они ныне все больше задумываются о будущем. Смотрят вперед, но не забывают о прошлом.

Пора осмыслить потери жизни врозь

Как известно, на месте великой державы в 1992 году в Евразии возник конгломерат больших и малых государств, столкнувшихся, особенно на первых порах, с угрозой для национального выживания. Некоторые из них, имеющие высокий потенциал политической и экономической самодостаточности, в переходный период отделались болезненными шрамами. Но большинство государств попало в вязкую трясиину внутривнутриполитических и социально-политических неурядиц, из которых собственными силами не выбраться.

Для меня, как выходца из далекой центральноазиатской республики, убежденного сторонника гумилевских идей, тема евразийства представляет далеко не академический интерес. В евразийстве «с седых времен» судьба моего родного народа — кыргызов органично слилась с Россией. Мы извечно жили и живем бок о бок на одной евразийской земле, сроднились. Разрыв, произошедший 20 лет назад, до сих пор воспринимается как народная беда. Это относится и к другим постсоветским республикам.

Наверное, активный процесс евразийского единения мог бы начаться и раньше. Но, видимо, самим нашим народам, освободившись от бесплодной эйфории, надо было пройти собственный тяжкий путь, чтобы понять наши потери, когда мы оказались врозь. Это одна сторона дела. Вторая сторона связана с так называемым экзогенным фактором. Те, кто объявил Россию «черной дырой», вряд ли наме-

рены поворачиваться к ней с доброй душой. С целью расширения «черной дыры» вокруг России с запада, юга и востока под американским дирижированием были организованы так называемые «цветные» революции, а по сути дела — государственные перевороты. Что такое «тюльпановая демократия», Кыргызстан испытал в полной мере. Моя родная, благополучная в то время страна была отброшена на десятки лет назад, стала восприниматься как «несостоявшееся государство». Насаждаемый ныне миф о нашей парламентской системе как инструменте демократического возрождения Кыргызстана является не более чем демагогией.

«Цветные» революции — это только часть проблемы. Другая сторона связана с действиями США и НАТО по форсированному насаждению на постсоветском пространстве центробежных тенденций, настроений недоверия к Москве. Постсоветскому миру в качестве позитива противопоставляется на Западе мощная экономическая цитадель — Европейский союз, навязываются идеи евроцентризма. Считая, что «для Америки Россия слишком слаба», чтобы быть ее партнером, З. Бжезинский подталкивает Москву в сторону Европы. «Никакой другой выбор, — считает американский политолог, — не может открыть перед Россией таких преимуществ, как современная, богатая и демократическая Европа, связанная с Америкой» [Там же. С. 143]. Термин «связанная с Америкой» не случаен. Америка как мировой гегемон остается превыше всего.

После распада СССР ядовитые семена были посеяны в самую сердцевину российского самосознания, порождая сомнения в способности России возродиться и вновь обрести статус великой державы, унаследованный Москвой еще в далекие времена от пращуров и закрепленный в советскую эпоху.

Россия и без Украины — великая держава

Выскажу здесь свои соображения по крайне сложному вопросу. Речь идет о роли Украины в евразийской геополитической конфигурации. Западные и некоторые отечественные политологи с усердием, заслуживающим лучшего применения, пытаются «вбить клин» в отношения между Россией и Украиной, несмотря на то что с 1654 года русские и украинцы связаны общей судьбой и как единокровные братья истори-

чески вышли из одной колыбели. З. Бжезинский в упомянутой выше книге угрожал, что Россия, если она вместе с Украиной не сделает европейский выбор, может стать «евразийским изгоем», т. е. по-настоящему не принадлежать ни к Европе, ни к Азии и завязнуть в конфликтах со странами «ближнего зарубежья».

Тезис американского политического «гуру» «Россия с Украиной — всегда великая держава, а без Украины — всегда нет», по моему мнению, в современных условиях утратил свою силу. Россия возродилась в постсоветский период как великая держава самостоятельно, без Украины. Как известно, 30 марта сего года состоялось парафирование Соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом. Тем самым как бы определился курс Украины на Европу, приоритет же сотрудничества с Россией, вероятно, отвергнут. Вспоминается один из афоризмов незабвенного Виктора Черномырдина. Когда его спросили, войдет ли Украина в Евросоюз, он ответил: «Обязательно! Сразу после Турции». А Турция, как известно, ждет своей очереди с 1987 года, т. е. четверть века. Считаю, что нынешний европейский кураж, возникший у определенной части украинской элиты, скоро пройдет. Оказаться в зажатом состоянии между Европой и Россией означало бы для Украины геополитический и экономический крах, потерю перспективы. Верю, что киевский маятник качнется в сторону Москвы. Евразийская перспектива имеет для Украины множество преимуществ перед европейским выбором, который носит скорее идеологический, чем практический, основанный на национальных интересах характер.

Ныне, когда Соединенные Штаты Америки и Евросоюз испытывают значительные трудности в преодолении глобального экономического кризиса, Россия и ее партнеры по БРИКС — по контрасту — оказались чуть ли не в роли локомотива для вывода Запада из экономических неурядиц.

Создание Евразийского союза — ответ на народные чаяния

Как очевидное проявление прочности российских внутренних и международных позиций можно рассматривать предложение избранного президента России В. Путина о создании Евразийского союза, поддержанное президента-

ми Н. Назарбаевым и А. Лукашенко. Бурление политических страстей вокруг этой непростой темы не затихает. Для ответственных и объективных политических экспертов очевидно, что путинское предложение в недалекой перспективе получит позитивное развитие. Процесс кристаллизации начался. Таможенный союз и единое экономическое пространство — это крупные реальные шаги вперед в евразийском интеграционном проекте. Содружество Независимых Государств, активизация которого ныне все больше проявляется, создает для нового проекта хорошую инфраструктурную основу. В политической и гражданской смелости В.В. Путину не откажешь, а его организационный талант не имеет аналогов в российской политической элите. Хотя быстрых результатов в столь сложном деле вряд ли следует ждать, можно с уверенностью сказать, что блок за блоком будет строиться здание Евразийского союза, обретая реальные черты. У евразийцев есть основания для оптимизма. Создание Евразийского союза станет ответом на народные чаяния. Убежден, что это произойдет в обозримом будущем.

Лев Гумилев — великий евразиец

Обращаясь к евразийской тематике, я в первую очередь вспоминаю об идеях Льва Гумилева. В нашей науке нет другого историка, который бы так глубоко понимал закономерности истории Евразии с древних времен до наших дней, так четко видел неразрывные нити, стянувшие народы Евразии в один тугой узел. Ученый в своем предвидении исходил из объективных естественно-исторических закономерностей. Судьба навечно определила нашим народам собственный ареал обитания на древней земле Евразии. Многие поколения наших предшественников обживали и лелеяли эту землю, оставили ее нам в наследство. Другой у нас нет и не будет. Не обходилось без трений и конфликтов, но все же нормы дружбы и добрососедства превалировали. Уверен, что глубинные факторы, связанные с географическим положением нашей общей земной обители, ее историей, менталитетом людей, особенностями их культуры, национальными обычаями и традициями, вековыми межнациональными связями и дружбой, совместно пролитой кровью в борьбе с чужеземными захватчиками, и в современных условиях одержат верх. Набатом

звучит завет Гумилева: «Объединиться, чтобы не исчезнуть».

Москва спасла постсоветский мир от расползания и деградации. Предложенные В.В. Путиным интеграционные ориентиры открывают для этого мира путь в будущее не на положении европейских или иных пасынков, а подлинных хозяев своего огромного, богатого, наделенного всеми земными сокровищами пространства.

Гуманитарная безопасность и образование – ключевые проблемы

Считаю весьма актуальными отраженные в тематике семинара идеи об образовании и гуманитарной безопасности. Наивысшей целью гуманитарной безопасности рассматриваю завет Александра Солженицына о «сбережении народа». Идеи евразийства дают четкие ориентиры, как выстраивать отношения между братскими народами на земле Евразии, обеспечивающие мир и безопасность. Евразийцы в состоянии самостоятельно обеспечить демократическое переустройство своей жизни, не допуская, чтобы чужеземцы вмешивались в наши дела, насаждая на евразийской земле чуждые нашим традициям и образу жизни порядки. Вызывает тревогу запах пороха, отчетливо доносящийся с Ближнего Востока и из Северной Африки. Запятнанные кровью руки американских и натов-

ских «демократизаторов» после Ливии, видимо, готовы через Сирию и Иран дотянуться до Евразии, где главной целью для них является Россия. Идеи гуманитарной безопасности отброшены в сторону. Гуманитарные же интервенции под прикрытием демократических лозунгов несут народам катастрофу. Наша обязанность на сегодняшнем семинаре сказать об этом честно и открыто.

Полагаю, что наше образование на всех уровнях должно включать в себя преподавание евразийства как учения об исторической дружбе наших народов, неизбежности их единения. Недавно министр внутренних дел России предложил ввести в ведомственных вузах курс человеколюбия. Евразийство, идеи Гумилева стоят головой выше конъюнктурных псевдоинтеллектуальных «скороспелок» высокопоставленных полицейских чинов. И хотя я не сторонник марксизма, но считаю вполне оправданным марксистский тезис: «Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами». Евразийство – это наше прошлое, настоящее и будущее. Настала пора, когда в обществе должны получить широкое распространение «Евразийские клубы». Их успех можно гарантировать. Идеи евразийства нужно доводить до широких масс, добиваться, чтобы массы ими овладевали, – в этом у меня нет сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

Бжезинский З. Великая шахматная доска [Текст] / З. Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 256 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

АКАЕВ Аскар Акаевич – академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Российской академии наук, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М.В. Ломоносова, советник ректора СПбГПУ.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
dept.cfiprer@engec.ru

АКАЕВ Аскар А. – St. Petersburg State Polytechnical University.

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
dept.cfiprer@engec.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 32

Л.Г. Ивашов

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

L.G. Ivashov

EUROASIAN UNION: PROBLEMS, PROSPECTS

Аннотация

Дан анализ мировой геополитической ситуации, которая характеризуется, во-первых, распадом Запада как единого монолита времен холодной войны, во-вторых, тем, что Россия нужна Западу для противостояния Востоку, в-третьих, тем, что на глобальной карте мира сегодня проявляются три ведущих геополитических центра: Северная Америка, Европа и Китай. Предлагается вариант развития России, включающий три параллельных процесса: проект собственного возрождения и развития, процессы в рамках ЕврАзЭС, а также инициируется развитие Шанхайской организации сотрудничества с оформлением участия в ней Индии, Ирана, Пакистана, Афганистана, Монголии. Построение континентальной цивилизационной модели создаст определенную устойчивость миропорядка XXI столетия.

Ключевые слова

ГЕОПОЛИТИКА, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ, ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ, НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК, КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ, ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА.

Abstract

The world geopolitical situation which is characterized, first, by disintegration of the monolithic West as uniform monolith of times of "cold" war is analyzed. Secondly, that Russia is necessary to the West for opposition to the East. Thirdly, on a global map of the world three leaders geopolitical the center today are shown: North America, Europe and China. The option of development of Russia, including three parallel processes is offered: the project of own revival and development, processes within EurAsEC, and also is initiated SCO development with registration of participation of India in it, Iran, Pakistan, Afghanistan, Mongolia. Creation of continental civilization model will create a certain stability of a world order of the XXI century.

Keywords

GEOPOLITICS, GLOBALIZATION, GEOCIVILIZATIONS, EUROASIAN UNION, NEW WORLD ORDER, CONTINENTAL CIVILIZATION MODEL.

Мировая геополитическая ситуация

Первое десятилетие XXI века можно считать десятилетием нереализованных надежд. Человечество сегодня, как и перед Первой и Второй мировыми войнами, находится в состоянии неопределенности, страха и депрессии. Провалились грандиозные планы великих держав и региональных образований. Не реализованы планы США в деле построения однополярного мира, у ЕС улетучились надежды на то, что «мягкая» Америка в лице Б. Обамы даст Европе возможность освободиться от американской опеки и выйти на первые роли в

мировой политике. У Китая больше нет ни желания, ни даже возможностей следовать призыву Дэн Сяопина: «скрывать наш потенциал» и «выжидать удобного случая». Похоже, этот «случай» наступает, и Китай принимает вызов США, в том числе в военно-силовой сфере. Нарастает китайское военное присутствие в АТР, делегация КНР вместе с российской делегацией наложила вето в Совете Безопасности ООН на проект резолюции по Сирии в ответ на американское военное вторжение в Пакистан, не без давления Пекина был заблокирован юго-восточный маршрут снабжения американской

группировки войск в Афганистане (правда, Россия выручила американцев, разрешив транзит грузов через свою территорию).

Если в конце XX века у Вашингтона были какие-то иллюзии о единоличном глобальном управлении, то сегодня США, как государство самого высокого ранга, теряет контроль над мировыми процессами, а его элита с тревогой говорит о способах выживания американского общества. Интересно в такой ситуации проследить за эволюцией взглядов геополитического планировщика З. Бжезинского. Это он расписывал в «Великой шахматной доске» и других работах и выступлениях «прелести и неизбежность миропорядка под эгидой США. По сути дела, Бжезинский осуществлял геополитическое планирование мира под интересы Америки, точнее американской элиты. Вспомним его пассажи в отношении России типа: будущий миропорядок будет построен на обломках России, за счет России и против России. Особое внимание г-н Бжезинский уделял Евразии, поскольку является апологетом тезиса Х. Макиндера о том, что мировое господство возможно только в случае господства в Евразии, а последнее невозможно без господства над Россией. «Америка заинтересована сохранить и укрепить существующий плюрализм на карте Евразии», обеспечить «предотвращение появления враждебной коалиции, тем более — государства, способного бросить вызов... В среднесрочной перспективе упомянутое должно уступить место появлению все более важных и в стратегическом плане совместимых партнеров, которые *под руководством Америки* могли бы помочь в создании трансевразийской системы безопасности» [1, с. 235].

О какой враждебной США коалиции и какой державе, способной бросить вызов, идет речь, полагаю, читателю понятно: Россия и Китай в первую очередь. Но вот что вещал тот же Бжезинский 14 октября 2011 года в Нормандии на вручении ему премии А. Токвиля: «Нынешние Соединенные Штаты и весь западный мир совсем не те, что были раньше... Западный мир в настоящее время находится в упадке из-за отсутствия воли к единству» [2]. Ну насчет воли к единству как главной причины упадка Запада можно поспорить, а вот упадок США и Запада — это факт. Однако устами Бжезинского говорит проектная геополитика Запада — не констатация упадка, а обновленный геополитический

проект американской и европейской элит, прежде всего финансовых. Но и Запад — это уже не единое целое, это две разные цивилизационные сущности, находящиеся в состоянии геополитического противоборства.

А куда движется становление латиноамериканской цивилизации? Отнюдь не к союзу с США. В южной части американского континента сегодня наращивает свое присутствие Китай. Не уходит, возвращается в регион Россия. Африка также сильно обеспокоила Вашингтон активностью М. Каддафи, пытавшегося консолидировать Африканский союз (АС) и потеснить американский доллар введением золотого динара в расчете за природные ресурсы. Через АС мощно входит на континент Китай.

Но что остается неизменным в геополитике США, так это внимание к евразийскому континенту, к России прежде всего, ранее для мирового господства, сейчас для выживания Америки и сохранения ею статуса доминирующей мировой державы. Бжезинский в своих последних высказываниях выдает великую геополитическую тайну: спасение Запада (как это было не раз в истории) невозможно без участия России. И вторая тайна Збигнева: мир стремится к биполярности по оси Запад — Восток (характерна его фраза: «мощь Востока постоянно растет на фоне упадка Запада»). И Россия нужна Западу для противостояния Востоку. Да и премьер Великобритании Д. Кэмерон не случайно заговорил об идее единой Европы-государства от Атлантики до Урала. Можно полагать, что заявление В. Путина о необходимости создания Евразийского союза еще больше насторожило Вашингтон. И конечно, Восток и Запад волнует вопрос: с кем из них будет Россия? Пока у нынешнего российского режима, особенно у крупного бизнеса и федеральной исполнительной власти, основные интересы видятся на Западе. Но каковы перспективы западной ориентации российской политики? Наше убеждение — перспективы далеко не лучшие.

Во-первых, Запад далеко не монолитен, как в годы холодной войны. Прочитываются три остро конкурирующих между собой силы: государство США в союзе с Великобританией, Канадой и Мексикой; союз западноевропейских государств во главе с Германией (условно ЕС); финансово-родовое сообщество. Доминирует пока подконтрольная финансовым домам Аме-

рика. Однако уже отмечается (пока не явно) ослабление британско-американского родства и сближение Лондона с еврейским капиталом и государством Израиль. Причем все «союзники» имеют глобальные планы: Британия не оставляет мечты вернуть доминирующее положение в мире путем создания теневой глобальной империи; Ротшильды уже оказывают доминирующее влияние на мировую экономику и политику; в Тель-Авиве не утрачена и, наоборот, укрепляется вера в «вечное царство Израилево». К тому же Ротшильды активно работают в Китае, продвигая связку фунт – юань вместо доллара.

Во-вторых, западное сообщество серьезно замедляется в развитии. И не только в экономике, но и в сферах культуры, нравственности, науки, образования и т.д. Совершенно иное происходит на Востоке. Поэтому пытаться «встроиться» в сообщество с неясной перспективой, по крайней мере, неразумно.

В третьих, классики от геополитики, да и сама история утверждают, что встраивание в чуждую цивилизацию, тем более на условиях равноправия, невозможно, может быть только полное поглощение слабой цивилизации более сильной, причем с обязательной сменой идентичности поглощенной.

Итак, обобщим выводы по геополитической ситуации в современном мире:

- Первое десятилетие XXI века стало десятилетием неоправданных надежд великих держав, Европа не освободилась от американской опеки и не вышла на первые роли в мировой политике.

- Китай бросил вызов США, теряющим контроль над мировыми процессами, а элита США говорит о выживании их общества.

- Россия нужна Западу для противостояния Востоку.

- При общем ослаблении государств на авансцену выходит глобальный финансовый олигархат для создания единого планетарного пространства денег с подконтрольным мировым правительством.

- Национальные государства устойчиво теряют контроль над своим пространством, финансовая олигархия, опираясь на закрытые клубы, обретает власть на Западе и распространяет ее на Восток.

- Возрождаются цивилизации Востока, а народы Запада начинают борьбу против финансового капитала.

- Транснациональное сообщество с помощью денег и сетевого управления диктует волю государствам и мировым цивилизациям, фининтерн более двухсот лет влияет на формирование исторических процессов, имея сегодня под своим контролем более 70 % денежных ресурсов мира, более 80 % ведущих СМИ, а также теневые вооруженные и специальные силы, глобальную наркомафию, НАТО, ОБСЕ, ПАСЕ и т.п.

- Финансовый олигархат имеет стратегию рассеянного миропорядка и, опираясь на деньги, ФРС, группы Ротшильдов, Рокфеллеров, Ватикана, осуществляет финансовую колонизацию человечества, прикрывая ее риторикой о демократии и т.п., подчиняя все сферы бытия интегральному движению капитала и критерию прибыли.

На глобальной карте мира сегодня проявляются три ведущих геополитических центра: Северная Америка, Европа и Китай. Каждый из этих центров сформировал собственную финансово-экономическую систему, имеет и расширяет зоны доминирующего влияния, опирается на мощные вооруженные силы, способные действовать в любой точке мира, в Мировом океане и космосе. Между вышеуказанными центрами силы ведется непримиримая борьба за контроль над ключевыми районами мира, стратегическими коммуникациями и глобальными ресурсами. Холодная война усилиями США и мирового финансового капитала трансформировалась в войну нового типа – геополитическую, цель которой разрушить национально-государственную систему мира и установить новый миропорядок. Содержанием новой войны являются операции:

- информационно-психологические – для деформации сознания и национально-культурной идентичности населения;

- финансово-экономические – с целью подрыва экономики, организации финансово-экономических кризисов и установления контроля над экономикой и политикой страны-объекта;

- провоцирующие тупиковый путь развития и деградацию;

- демократические – с целью смены режимов, продвижения в институты власти, формирования класса корыстных, малоспособных людей и создания сетевой агентуры;

- военно-стратегические и специальные, завершающие разрушение страны и установление полного контроля.

Характерными чертами этих операций является то, что они могут проводиться с задействованием третьих стран и международных организаций, на территориях других стран, под благовидными лозунгами, от имени международного сообщества и внутренней оппозиции, под гуманитарным прикрытием. Главным объектом атаки, как правило, служат властвующие элиты государств, при успешной замене которых на собственную агентуру мирными средствами не требуется привлечение военных средств. Состояние постсоветского культурно-цивилизационного пространства показывает, во что мы превращаемся, избрав западный вектор «развития», обретая западные «ценности». Достаточно посмотреть сводки российских новостей и проследить действия властных институтов в сравнении с периодом Российской империи и СССР. Все постсоветское сообщество становится полной противоположностью выработанной веками культурно-исторической традиции. Западные страны и США начиная со второй половины XIX столетия устойчиво рассматривают Россию в качестве враждебного государства или как объект контроля, расчленения, уничтожения. Иное случилось лишь на короткий срок в годы Великой Отечественной войны. И по сей день сущность геополитики Запада и США в отношении России не изменилась ни на гран. Меняются стратегия и тактика, но цели прежние, что периодически являют нам кандидаты в президенты США, киссинджеры, бжезинские и прочие деятели и что преподносит каждодневная реальная политика Вашингтона. Так что прозападный или проамериканский вектор «развития» для Евразии губителен. Мы все перестанем быть сами собой и превратимся в подобие клонов чуждых ценностей. А это всего лишь этнографический материал для других «культурно-исторических типов», по Н.Я. Данилевскому, навоз и удобрение, по О. Шпенглеру. К тому же США и Европа теряют культурно-цивилизационные признаки, этнические, религиозные и национально-государственные факторы заменяются экономической и политической географией рационализма, универсальными стандартами жизни.

Геополитический анализ тенденций мирового развития позволяет сделать следующие выводы: мир находится в транзитном состоянии, но в ближайшие десятилетия вероятен но-

вый технологический прорыв (в соответствии с законом перехода количества в качество), который прежняя мировая финансовая система и глобальная экономическая структура обеспечить не смогут. Значит, следует ожидать зарождения в жестких схватках новой мировой финансовой системы. Предыдущие закреплялись (ФРС) или рождались (Бреттон-Вуд) в ходе Первой и Второй мировых войн. Важнейшей целью холодной войны был подрыв финансовой системы СССР и МСС. Итак, начало XXI века демонстрирует нарастание противостояния по прежним геополитическим осям: запад – восток, север – юг, но в новом качестве и в более крупных масштабах.

Что есть Евразия сегодня?

Еще в конце XIX века выдающийся русский исследователь В.И. Ламанский утверждал, что есть собственно Европа, есть собственно Азия, есть Срединный мир – Россия, впоследствии получившая продолжение в Евразии. XIX век родил в русской элите идеи панславянского единения. В начале XX века возникло мощное научное течение евразийцев: П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский и позже – их последователь Л.Н. Гумилев. Однако на пространстве СНГ мы имеем две «недостроенных» цивилизационных сущности: одну в виде рухнувшей в 1917 году Российской империи, другую в образе СССР. Состоявшиеся этнокультурные цивилизации (культурно-исторический тип, по Данилевскому) так легко не разрушаются. Поэтому, прежде чем приступать к формированию новой цивилизационной модели, в том числе Евразийского союза, необходимо провести серьезный анализ предыдущих конструкций. По нашему мнению, неудачи цивилизационных проектов как в первом, так и во втором случае связаны с отходом от ряда принципиально важных ценностных парадигм русско-евразийской традиции, веками складывавшихся на пространстве Евразии. Другой причиной, возможно, являются попытки ввести, причем иногда принудительно, в традиционный евразийский ареал народы других культурно-исторических или «пограничных» типов (лимитрофы), создавая тем самым внутренние духовно-культурные противоречия. Кстати, следует заметить: успех в развитии стран и цивилизаций Востока базируется на том, что они

сохранили свои базовые ценности и культуру, умело наложив на них современные технологии. Все народы, не сохранившие (или не имевшие) глубинных своих корней, растворились в истории или в других цивилизациях.

Нынешняя ситуация на евразийском пространстве очень непростая: все страны СНГ стремятся быть похожими на страны Запада и США, не удосуживаясь разобраться в сущности и перспективах иной цивилизации. Ведь в основе благополучия тех стран лежит явная и скрытая, но нещадная, эксплуатация других народов, ранее колонизация, державшаяся на штыках, а сейчас неокolonизация, опирающаяся на доллар и финансовую «поддержку», а когда это не срабатывает, в действие вступает НАТО. Евразийское пространство сегодня раздирается более мощными игроками — цивилизациями и транснациональными структурами. Причем любые экономические проекты, как правило, сопровождаются не только политическими требованиями, но прежде (часто малозаметно) размыванием национальных и продвижением чуждых ценностных ориентиров. Иначе говоря, вместе с экономикой, военным и политическим сотрудничеством идет переидентификация народов, проще — подгонка под свои интересы. При всей видимой глобальной борьбе за ресурсы и территории главная сфера противостояния духовно-цивилизационная. Подавив или размыв духовный стержень народа, сам народ легко можно купить, колонизировать, уничтожить. Или организовать «цветную» революцию, что и являет мировой опыт. Шансов сохраниться, а тем более остаться независимым практически нет ни у одного из постсоветских государств, включая Россию. Отдельные государства перестают быть мировыми и региональными игроками, они становятся объектами геополитических войн, а властвующие элиты — прислугой победителей, сколько бы миллиардов они ни имели в своих карманах.

Евразия сегодня — главный приз глобальному победителю или нескольким глобальным игрокам, если они сумеют договориться между собой. Главный объект Евразии — Россия, пока еще похожая на субъект мировой игры. С геополитической позиции она центр не только Евразии, но и мира. Шесть из восьми мировых цивилизаций соприкасаются с ее пространством. Такой привилегии нет ни у одной ми-

ровой цивилизации. Есть длительный исторический опыт мирного объединения в рамках общего цивилизационного проекта и единого государства двух сотен народов, наций и народностей (уступает лишь Индии). Пока еще на пространстве СНГ существует единая шкала ценностей и традиций, в памяти — общая борьба против внешних врагов и великие победы, жива культурная близость, не забыт русский язык. Не вытравлен из памяти опыт социалистического эксперимента, обретен опыт капитализма в худшем его виде. Плюс ко всему евразийское пространство не ограничено ни в природных ресурсах, ни в землях, пригодных для проживания и развития.

Если говорить о масштабах ресурсов, то они не только не убывают, но могут и радикально увеличиться. Речь идет об арктической зоне, где на роль главного собственника ресурсов (углеводородных, биологических, коммуникационных) претендует Россия. Но тут же встает вопрос: а способна ли Россия с ее динамично убывающим населением проглотить этот «кусочек мирового пирога»? Конечно, нет, придется делиться. Но с кем? В Кремле этот вопрос, похоже, решается в пользу западных стран и США. И в качестве ведущего партнера высвечивается «Эксон мобилл», т. е. Америка. Верно ли такое решение с геополитической точки зрения? Полагаем, что это ошибочный шаг. Арктикой, точнее ее ресурсами и коммуникационными возможностями, активно интересуется Китай, присматривается к ним Индия. К тому же Китай серьезно обеспокоен перспективой импорта углеводородов из Ирана и стран Ближнего Востока. США здесь мощно играют против КНР и ЕС, а также держат под прицелом Малаккский пролив, чтобы в критический момент остановить движение углеводородов в китайскую экономику и тем самым заставить Пекин устремить свой взор на российские пустующие просторы и сырьевые ресурсы.

Итак, мы получаем результирующую ряда серьезных угроз: США, Европа и Канада готовы отнять у России (не признать ее претензии) арктические (затем и каспийские) ресурсы, Китай — сибирские и центральноазиатские. Устраивает ли подобное развитие событий Россию и СНГ? Полагаем, что нет. Но есть ли выход из этого геополитического тупика? Конечно, есть, нужно только обратиться к геополитическому

разуму, да и к разуму вообще. Действительный член Академии геополитических проблем, доктор технических наук И.Н. Острецов пишет: «Интеллект, наделенный свойствами разума, способен создать построения, вероятность возникновения которых в рамках чисто стохастического процесса практически равна нулю... Только разум, раз возникнув, не может погибнуть в силу того, что он способен совершенствовать формы своего существования... Таким образом, абсолютно необходимым условием развития, является увеличение интеллектуальной части человечества» [3, с. 57, 61]. Для самой России это будет проект восстановления цивилизационной сущности и преобразования, основанный не на голом прагматизме, а на разумных началах и геополитическом потенциале Отечества. В противном случае мы, Россия, станем третьеразрядной азиатской страной (по Бжезинскому) или вообще уйдем из исторического процесса. О наших партнерах по СНГ и говорить не стоит: их историческая участь также печальна.

Что строить?

Проект создания Евразийского союза, предложенный президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым и пролонгированный В.В. Путиным, должен стать проектом не прагматиков от бизнеса и власти, но продуктом разума и интеллекта всего евразийского пространства. На наш взгляд, контуры его могли бы выглядеть следующим образом. Россия запускает три параллельных процесса. Первый – проект собственного возрождения и развития, основанный на восстановлении традиционных духовно-нравственных ценностей, применении перспективных моделей национально-государственного (державного) строительства, прорывных технологий будущего, овладении новыми знаниями. На пространстве СНГ в рамках единого проекта запускаются процессы в экономике (ЕврАзЭС),

формирующие вертикально интегрированные транснациональные структуры в ведущих отраслях производства, единое производственное и таможенное пространство. Одновременно восстанавливаются общие пространства культуры, науки, образования, инноваций, спорта. На основе ОДКБ развивается единое пространство обороны и безопасности. Базовым основанием этого проекта является восстановление традиционной для наших народов «цивилизации ценностей» в противовес западной «цивилизации интересов, выгоды, прибыли». Параллельно с процессами внутри постсоветского пространства инициируется развитие ШОС с оформлением участия в ней Индии, Ирана, Пакистана, Афганистана, Монголии. По сути дела, идет формирование союза континентальных цивилизаций и стран с отличными от западных моделями: экономики (вертикально интегрированные крупные производства, внутренний рынок, собственная финансово-расчетная система, преференции инновационным производствам и исследованиям и т. д.); духовно-нравственных ценностей (смысл жизни, философия развития человека и общества, нравственные приоритеты в информационном пространстве, гуманистические гармоничные отношения между народами); системы безопасности (построенной на принципе баланса сил, защите национальных общесоюзных интересов). В рамках развитой ШОС российская сторона (совместно со странами СНГ) предлагает Китаю, Индии, другим заинтересованным членам совместное освоение арктических ресурсов и Северного морского пути. А почему бы не предложить участие в арктическом проекте Германии? Построение такой континентальной цивилизационной модели создаст определенную устойчивость миропорядка XXI столетия, позволит избежать новой мировой войны, сохранит Россию и страны СНГ как самобытную евразийскую цивилизацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бжезинский, З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы [Текст] / З. Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 2002.

2. Электронный ресурс. – Военное обозрение. – Режим доступа: <http://topwar.ru>.

3. **Острецов, И.** Введение в философию ненасильственного развития [Текст] / И. Острецов. – М., 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ИВАШОВ Леонид Григорьевич – доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета и МГИМО, президент Академии геополитических проблем.

190005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1
тел. (812) 251-17-20
geokefeli@mail.ru

IVASHOV Leonid G. – *Academy of Geopolitical Problems.*

190005, 1st Krasnoarmeyskaya street, 1, St. Petersburg, Russia
geokefeli@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 316.32

И. Ф. Кефели

«ЗАРОЖДЕНИЕ ЕВРАЗИЙСТВА КАК ИДЕЙНОГО ДВИЖЕНИЯ»

I. F. Kefeli

“THE EMERGENCE OF EURASIANISM AS AN IDEOLOGICAL MOVEMENT”

Аннотация

На фоне анализа эволюции евразийского учения утверждается ключевая роль выпускника Петроградского политехнического института П. Н. Савицкого не только в обосновании идеологии евразийства, но и в создании евразийской геополитики, предполагающей необходимость синтеза естественных и гуманитарных наук. Сегодня евразийская геополитика обретает актуальность в связи с необходимостью решения множества проблем при построении Евразийского союза.

Ключевые слова

ЕВРАЗИЙСТВО, П. Н. САВИЦКИЙ, ЕВРАЗИЙСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА, ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ, СИНТЕЗ НАУК.

Abstract

The key role of the graduate of Petrogradsky politechnical institute Peter N. Savitsky is confirmed. His contribution wasn't just the validation of Eurasian ideology, but also the creation of Eurasian geopolitics. He assumed the necessity of the synthesis of natural and humanitarian sciences. Nowadays the Eurasian geopolitics is highly important because of necessity to solve many problems connected with the Eurasian Union formation.

Keywords

EURASIANISM, PETER N. SAVITSKY, EURASIAN GEOPOLITICS, EURASIAN UNION, SYNTHESIS OF SCIENCES.

*Евразийство есть идейное движение,
возникшее около 1921 года.*

П. Н. Савицкий

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат замечательному русскому ученому, выпускнику экономического отделения Петроградского политехнического института 1917 года Петру Николаевичу Савицкому, который явился одним из основателей евразийского учения в среде творческой интеллигенции, эмигрировавшей на исходе Гражданской войны за пределы молодой Советской республики. Евразийство отнюдь нельзя рассматривать как некий историософский реликт, ограниченный временными рамками существования собственно евразийского движения в 20–30-х годах XX века. Евразийство имело и предысторию, оно же, претендуя на статус идеологической парадигмы, обретает новую жизнь в настоящее время.

Не детализируя исторические подробности, упомянем лишь Владимира Ивановича Ламанского, который, отталкиваясь от принципа географического детерминизма, делал далеко идущие выводы о социально-политическом единстве России на евразийском континенте. Свою работу «Три мира Азийско-Европейского материка» он начинает вроде бы с простого заявления: «Европа есть собственно полуостров Азии, и потому она с последней составляет одно целое, одну часть света, которая по всей справедливости может носить еще название Азийско-Европейского материка» [1, с. 183]. Ламанский, учитывая антропологические особенности, состав населения и историко-культурные особенности этого материка, выделял

три его части: 1) западную, т. е. романо-германскую (католически-протестантскую) Европу, 2) собственно Азию и 3) «средний мир». Относительно этого «среднего мира» Ламанский отмечал следующее: «Вступая в пределы этого среднего мира из Азии, мы должны сказать, что тут Азия кончается, но Европа еще не начинается; точно так же вступая в него из Европы, мы вправе сказать: здесь кончается Европа и еще не начинается Азия» [1, с. 185–186]. Это сугубо геополитическое суждение автор дополняет утверждением цивилизационного порядка, которое выражает его славянофильские убеждения: «Если есть Азия *русская*, если она в отличие от собственной, нерусской, Азии должна быть относима к особому историко-культурному типу, то это единственно потому, что при русской Азии, или Азиатской России, есть еще русская Европа, или Россия Европейская...» [Там же. С. 199–200]. «Не отождествляя и не сливая с Россией прилежащих к ней земель славянских и православных, — завершает ход своих рассуждений Ламанский, — мы не можем, однако, с точки зрения этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять их к одному с ней разряду или миру и должны отделять их и от мира собственно азиатского и от мира собственно европейского. От первого он отличается, подобно России и собственно Европе, своей христианскою культурой. От Европы значительная часть их отличается принадлежностью своей не к западному, а к восточному христианству» [Там же. С. 206].

В связи с упоминанием этих суждений В.И. Ламанского следует подчеркнуть, что при всей условности выделения геополитических воззрений как самостоятельного направления в отечественной науке (исторической, географической, военной) его представители на протяжении XIX–XX веков выражали эти воззрения в рамках целостной мировоззренческой парадигмы. Изначально она была достаточно остро сформулирована П.Я. Чаадаевым в «Философических письмах» и «Апологии сумасшедшего»: мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Н.Я. Данилевский рассматривал эту парадигму как неперемное условие цивилизационно-культурного многообразия, при котором славянский культурно-исторический тип являет собой полный четырехосновной (т. е. объеди-

няющий религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую деятельность) тип. Геополитический характер обретает суждение Ф.И. Тютчева (как дипломата) о перерастании «России-1» (Россия в границах империи) в «Россию-2» (Россия включает народы Восточной Европы) и далее — в «Россию-3», т. е. «Россию будущую», охватывающую весь евроазиатский континент (за исключением Китая).

Евразийство, как типичное проявление русской культуры, имело свои истоки и своих предшественников в отечественной науке, военном искусстве, но основной сферой, где происходила кристаллизация его, евразийства, мировоззренческих и теоретических принципов, оставалась философия истории. Точнее, тот ее раздел, в котором утверждалась доктрина многонаправленности исторического процесса и равного права на существование различных цивилизаций (культурно-исторических типов, по Данилевскому). Прогресс в истории понимался как реализация возможностей, присущих различным культурно-историческим типам, о чем в развернутом виде писал Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа». Почти одновременно с ним В.И. Ламанский вплотную подходит к обоснованию концепции «Россия-Евразия», которая получила творческое развитие в евразийстве. В 1871 году Ламанский защитил докторскую диссертацию на тему «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», где сделал ряд ценных замечаний, позволяющих разобраться в смысловых и терминологических тонкостях. «Деление христианско-арийского мира на восточный и западный, греко-славянский и романо-германский, — отмечал автор, — основано на строгом различии их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще культурных особенностей. Это деление имеет величайшую научную важность» [Там же. С. 51]. Типологическое сравнение этих европейских ареалов Ламанский предпринимает, опираясь на их «исторический возраст» как важный общий показатель перечисленных выше их особенностей. И, наконец, автор делает решительный шаг к утверждению некоей особости славянства. Сопоставляя Россию с Древней Элладой и Древним Римом, которые объединяли значительное число разноплеменных народов, Ламанский за-

явил, что «славянство, именно в лице русского народа, представляет собой громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена являются его ветвями» [1, с. 95]. Оставался вроде бы всего один шаг до провозглашения евразийских лозунгов, но их время еще не пришло.

Идейные искания и научная мысль подвели русского человека к тому рубежу, за пределами которого открывался путь революционных преобразований России, а далее – признание ее как особого мира – России-Евразии. В своем докладе на Международном съезде историков в 1933 году в Варшаве П.Н. Савицкий, один из представителей «ведущей тройки» евразийцев, прямо заявил: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 года в среде тогдашнего младшего поколения русской интеллигенции. Оно стремится подвергнуть пересмотру основные представления относительно хода русского исторического развития. Евразийство породило значительную историческую литературу, но и встретило многочисленные возражения со стороны старшего поколения русских историков. В исторической области оно сосредоточивает свое внимание на объяснении возникновения Российской империи XVIII–XX веков и сменившего ее Союза советских республик... Евразийцы высказываются за решительное расширение тех рамок, в которых трактуются проблемы русской истории. Они считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой Китайской стены. Евразийцы уделили исключительно большое внимание определению географических особенностей этого мира – срединного мира старого материка – в их отличие от географической природы его западных (Европа) и южных (Азия) окраин» [2, с. 123–124]. Что примечательно: еще восемьдесят лет назад Савицкий утвердительно заявил, что «устанавливая связь исторических факторов с географическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории» [Там же. С. 126]. Так предельно четко и понятно Савицкий определил, во-первых, историческое время зарождения

евразийства, во-вторых, его роль по отношению к евразийской интерпретации истории России (имея в виду преимущественно работы Г.В. Вернадского), а также заявил об утверждении самостоятельного статуса евразийской геополитики как геополитики цивилизационной, а не силовой, которая была присуща немецкой и англосаксонской геополитическим школам того времени.

Несколько слов о жизненном и творческом пути ученого. Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) в 1913 году поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института, где учился «весьма удовлетворительно» (т. е. на «отлично»), что позволило ему, в соответствии с «Правилами присуждения звания кандидата экономических наук и действительного студента на экономическом отделении», претендовать на «приобретение» степени кандидата экономических наук после представления диссертации на обсуждение в заседание экономического отделения. По признанию П.Б. Струве, Савицкий «обнаружил выдающиеся дарования» и был им рекомендован для работы в российской миссии в Норвегии, где он в 1916–1917 годах служил коммерческим секретарем посланника. За это время Савицкий подготовил заключение двух торгово-политических соглашений между Россией и Норвегией и собрал материал для кандидатской диссертации «Торговая политика Норвегии во время войны». 4 октября 1917 года Советом института Савицкий был утвержден в звании кандидата экономических наук [3] и оставлен при институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории хозяйственного быта. После Октябрьской революции Савицкий уехал на Украину, жил в Одессе, Екатеринодаре, Полтаве, Харькове, Ростове, работал над книгой «Метафизика хозяйства и опытное его познание», опубликованной лишь в 1925 году. В годы Гражданской войны Савицкий служил в штабе главнокомандующего Русской армии в Крыму генерала Врангеля, занимался организацией помощи русским беженцам, руководил экономическим отделением Управления иностранных дел в созданном в апреле 1920 года правительстве Юга России. Савицкий покинул родину в ноябре 1920 года. Начались годы его скитания по европейским столицам, которые были насыщены творческой и организационной работой,

связанной с зарождением евразийского движения. В Софии Савицкий вошел в состав редакции возобновленного Струве журнала «Русская мысль», в котором опубликовал свою статью «Европа и Евразия» (1921. № 1–2) в виде рецензии на брошюру Н.С. Трубецкого «Европа и человечество». В этой статье Савицкий впервые наметил основные направления теоретического обоснования евразийства и ввел в научный оборот термин «Евразия» как ключевую геополитическую и историософскую категорию. Остановимся на этом «нововведении».

Савицкий заявлял об обосновании евразийства с естественно-научных и, говоря современным языком, культурологических позиций. Так, он вполне четко заявил, что «в чисто географическом смысле Россия в границах 1914 года или, вернее, в своих частях, лежащих на восток от меридиана Пулкова (берем искусственные пределы, так как естественная граница отсутствует), представляет собой своеобразный мир, отличный и от „Европы“ (как совокупности стран, лежащих к западу от Пулковского меридиана, в сторону Атлантического океана), и от „Азии“ (как совокупности низменностей Китая, Индостана и Месопотамии, горных стран, лежащих между ними, и островов, к ним прилегающих), – наиболее континентальный мир из всех географических миров того же пространственного масштаба, которые можно было бы выкроить на материках земного шара» [2, с. 152–153]. Савицкий, развивая историософскую парадигму Ламанского, различает три континента: Европу, Евразию и Азию – и именно Россию отождествляет с Евразией. Так рассуждает Савицкий-географ.

С другой стороны, евразийская культура, по мнению ученого, характеризуется ее общей интенцией противопоставления романо-германской культуре. Что же позволяет Савицкому утверждать собственно культурологический контекст евразийской идеологии? Это – признание, во-первых, некоей целостности культуры великого множества народов Евразии и, во-вторых, центральной и определяющей роли «этнографической России» в «неромано-германском мире». Вполне резонно ученый замечает, что Россию в этом стремлении поддерживают примыкающие к ней туранские, монгольские, арийские, иверские, финские народы. И даже ряд народов и стран, примыкающих к границам

России и стремящихся сохранить свою полную политическую от нее независимость, связаны, как тонко замечает Савицкий, с Россией «некоторой общностью духовного склада и отчасти расовых и этнографических свойств».

И еще одну немаловажную социокультурную характеристику России-Евразии отмечает Савицкий: «...Важнейшим фактом, характеризующим национальные условия Евразии, является факт иного конструирования отношений между российской нацией и другими нациями Евразии, чем то, которое имеет место в областях, вовлеченных в сферу европейской колониальной политики... Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого „братания“ наций, не имеющих никаких аналогий в междунациональных соотношениях колониальных империй» [Там же. С. 157–158]. Вскоре это привело к зарождению основ евразийского учения, предвещающих появление манифеста евразийского движения («Поворот к Востоку», 1921), программного документа евразийцев («Евразийство», 1926), евразийской геополитики («Географические и геополитические основы евразийства», 1933) и др. Место их зарождения – Петроград («Пулковский меридиан»), Петроградский политехнический институт.

С самого зарождения евразийского движения П.Н. Савицкий выступил его ведущим организатором и теоретиком, обосновал базовые для евразийского учения концепции месторазвития, хозяйстводержавия, циклов экономической истории и евразийской истории, создателем евразийского варианта русской геополитики и т. д. Всего до 1940 года Савицкий опубликовал более 170 работ об экономической, политической и культурной жизни СССР, по вопросам экономической истории и экономической географии, о развитии исторической науки, философии, географии в немецких, французских, чехословацких, польских изданиях. Часть своих работ он публиковал под псевдонимами П.В. Логовиков, С. Лубенский, П. Востоков. В Праге в 1927 году Савицкий издал книги «Геополитические особенности России» (Ч. 1. «Растительность и почвы») и «Россия – особый географический мир». Статья «Геополитические заметки по русской истории» была опубликована в том же году в качестве приложения к работе Г.В. Вернадского «Начертание русской истории». В 1932 году в Берли-

не вышла книга Савицкого «Месторазвитие русской промышленности» (Вып. 1. «Вопросы индустриализации»). В том же году в Праге при авторском участии Савицкого опубликована работа «Евразийство: декларация, формулировка, тезисы», одно из положений которой звучит следующим образом: «Сейчас настал момент, когда историческая диалектика совершает важнейший свой шаг от капитализма, как тезиса, и коммунизма, как антитезиса, к евразийству, как синтезу. Логика европейской истории стоит у своего заключения. Возможности ее исчерпаны, идейные богатства истощены. Сказаны последние слова ее общественной мудрости: капитализм — коммунизм. Мудрость эта уже иссякает не в слове, не в теории, но в евразийской действительности. Родится новая, евразийская правда, одинаково отличная и от тезиса, и от антитезиса — и от капитализма, и от коммунизма» [4, с. 28]. На упомянутом выше Международном конгрессе историков в Варшаве в 1933 году Савицкий выступил с докладом «Евразийская концепция русской истории». В 1938–1939 годах он работал над книгой «Основы геополитики России», в которой доказывал, что многое в истории, культуре и экономике России определено взаимодействием между своеобразными «историческими формациями» — степной и лесной зонами. «Важнейшей осью, около которой вращалась историческая жизнь „русского мира“ или, иначе, географической среды, занятой в настоящее время русским народом и государством, — так начинает свою работу автор, — на всем протяжении обозримой для нас истории являлась граница между степной и лесной зонами» [5]. Однако эта книга осталась незаконченной, о чем с сожалением автор писал в 1944 году. Последующие тридцать лет Савицкий не мог посвятить систематическим научным изысканиям, поскольку в 1940–1944 годах работал директором русской гимназии в Праге, с 1945 по 1956 год находился в заключении по обвинению в антисоветской деятельности, а после возвращения в Прагу занимался переводами, поскольку не был допущен к педагогической деятельности.

В отличие от Г.В. Вернадского, который заложил основы исторической концепции евразийства, Савицкий актуализировал евразийство в экономико-географическом, социокультурном и геополитическом аспектах. Революция

в России, как утверждал Савицкий, не меняет направления исторического процесса: Евразия остается «месторазвитием» особой цивилизации, происходит лишь видоизменение многовековой традиции, ее «мутация». Евразийское понимание планового хозяйства, по его мнению, еще радикальнее, чем у большевиков, но истинное евразийство заключается в замене примата политики приматом культуры. Примером тому могут служить слова Савицкого из статьи «Географические и геополитические основы евразийства», которую он опубликовал в 1933 году в немецком журнале «Orient und Occident»: «Над Евразией веет дух своеобразного „братства народов“, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас — от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это „братство народов“ выражается в том, что здесь нет противоположения „высших“ и „низших“ рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается „воля к общему делу“. История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство. Эти традиции и восприняла Россия в своем основном историческом деле... Только преодолением нарочитого „западничества“ открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, турецких, монгольских и прочих» [2, с. 302].

В настоящее время евразийство рассматривается как идеология и новая парадигма возрождения России, как пример для утверждения междивизиционных отношений в глобальном мировом сообществе. Л.Н. Гумилев в одном из своих последних интервью сказал пророческие слова: «Если России суждено возродиться, то только через евразийство». Как же происходил непосредственный творческий контакт между одним из основателей евразийства Савицким и «последним евразийцем» Гумилевым, как формировалась новая творческая лаборатория, получившая поддержку мэтра? Найти ответы на эти вопросы нам поможет обращение к эпистолярному наследию. Размышляя над письмами Савицкого Гумилеву, хотелось бы отметить, что эпистолярный жанр отличается от теоретического дискурса, пожалуй, тем, что научные идеи находят в нем свое выражение в первозданном

виде — они находятся еще в своеобразном броуновском движении, сцепляются между собой в некоторые мыслительные конструкции. Любая теоретическая работа, напротив, представляет собой некий целостный комплекс посылок, суждений, умозаключений, задающий новое освещение, решение проблемы. Именно такие ощущения появляются после прочтения писем Савицкого Гумилеву, относящихся к периоду 1956–1968 годов. Удивление и восхищение вызывает то, что Петр Николаевич, один из основателей евразийского движения, в своих письмах Льву Николаевичу вновь окунается в море гипотез, реминисценций и теоретических построений, которые, безусловно, фундируются энциклопедическими познаниями в области истории, географии, этнографии, кочевниковедения.

Остановимся фрагментарно лишь на некоторых высказываниях Савицкого, которые достаточно четко характеризуют методологические основания евразийского учения, раскрывающего содержание геополитической истории России и кочевниковедения. Так, в первом же письме (от 26 ноября 1956 года) Савицкий отмечает: «...по разным причинам я в течение 15 лет (1941–1956) был лишен возможности писать и печатать научные работы. Тогда я стал излагать мои мысли в стихах и запоминать стихи наизусть. Это был единственный в условиях тех лет способ стать независимым от записи и бумаги. За 15 лет я написал более тысячи (!) стихотворений. Были моменты, когда я помнил наизусть тысячи и тысячи стихов своей собственной продукции» [6, с. 88]. Тематика переписки была достаточно разнообразной. Ученые обсуждали проблемы кочевниковедения и истории России, географического детерминизма и ритмов истории Евразии и т. п. На протяжении всей своей жизни ученые занимались историей Великой степи и ставили перед собой, независимо друг от друга, схожие задачи: это в первую очередь необходимость развития кочевниковедения и важность этой темы для истории России, а также своеобразная «реабилитация» кочевников.

К 1956 году Савицкий являлся уже признанным ученым, написавшим основную часть своих работ, в то время как Гумилев только начинал завоевывать свое место в исторической науке. Так стали складываться отношения состоявшегося крупного ученого, вернувшегося

после перерыва в 15 лет к науке, с начинающим (если судить по опубликованным работам) исследователем, который лишь в 44 года начнет разрабатывать свои основные идеи и публиковать фундаментальные работы. Савицкий весьма точно характеризует методологическую общность их исследований. Так, в письме от 10 февраля 1964 года он пишет Гумилеву следующее: «...Вы достигли вершины, акме научного творчества, его подлинного цветущего состояния. Без перенажима на свои силы (что было бы губительно) — используйте всю это священное состояние духа, это стояние в зените Вашего знания и Вашей творческой мысли. И да продлится как можно дольше и пусть даст как можно больше эта великая кульминация Ваших творческих сил!.. Цель... нашей научной работы (извините, что так говорю сразу за нескольких) в одном из ее поворотов — это создание или построение „картины-системы“. Под этим понятием я подразумеваю объединение многого, иногда бесконечно многого — в одном, но емком, собрание разбросанного воедино, точнейшее определение (по Вашему слову) „что к чему“. Начертание „картины-системы“ исследуемых явлений было методом целого ряда моих как исторических, так и географических и даже философских работ. Мне кажется, что понятие „картины-системы“ — или, говоря по-иному, структуральный подход к проблемам... — мне кажется, что понятие это родственно и Вашему методу» [7, с. 101, 102].

Из этих слов Савицкого следует сделать вывод о том, что именно методологическая общность определяла преемственность в евразийском учении в течение всего XX века. Во многих его высказываниях на протяжении всей переписки звучит даже гордость за то, что евразийское учение, зародившееся в творческой лаборатории русского зарубежья, нашло своего достойного продолжателя в отечественной науке. Эта мысль подтверждается и теми суждениями Савицкого, которые касаются собственно русской истории. В письме от 27 декабря 1958 года он писал Гумилеву: «Сегодня снова хочу побеседовать с Вами... В лоне Монгольской державы сложилась *новая Русь*. Едва ли не этим определилась и определяется вся дальнейшая судьба человечества... Тут не нужно бояться сложности картины и относительно малой длительности „подъемов“ и „прогибов“.

Нужно давать бывшее *во всей детальности*, как Вы это и делаете. „Причины” прогиба *всегда*, в определенном смысле, лежат в *предшествовавшем подъеме*. Это *общая закономерность* всей „досоциалистической” истории человечества, важная черта ее ритмики. Это Ваше наблюдение (абсолютно правильное) должно *вдохновлять*, а не смущать историка. Оно открывает ему *тайны прошлого*, структуру времени, если можно так выразиться... *В политико-географическом* отношении (следует отметить, что на протяжении всей переписки и конкретно в данном случае Савицкий не пользуется, по вполне понятным причинам, геополитической терминологией, даже когда он упоминает свои сугубо геополитические работы 1920–1930-х годов. — И. К.) и Римская империя, и даже халифат — мелюзга, по сравнению с державой Чингисхана и его наследников... *Объективно* кочевой мир — столь же великий и самостоятельный мир, как и миры греко-римский и мусульманский. В этом, мне кажется, *вдохновляющая и возвышающая* сторона великой Вашей работы» [8, с. 140–141].

Эту мысль Савицкий продолжает развивать в письмах от 5 июня и от 3 декабря 1959 года. В первом из них, высказывая ряд критических замечаний по поводу интерпретации Гумилевым соотношения Леванта и Евразии («Иран, Туран и Россия — это в значительной мере Ваши Левант и Евразия»), Савицкий отмечает: «Я рад, что Вы упомянули Чингисхана. Я продолжаю считать его крупнейшей (в политическом смысле) фигурой всей „доленинской” истории Евразии — великого и сурового отца нашего Чингисхана. Только Ленин превзошел его размахом и силой установки». А во втором письме Савицкий как бы подводит итог своим рассуждениям: «Древние кочевники — великий пример для нас, как нужно *сражаться и побеждать*

дать (хотя бы и в бою — *один против ста*), как нужно стоять за свое, отстаивать свой быт, свой уклад жизни, свою самобытность. Задача нашей эпохи — во всех областях и по каждому признаку *сломать под самый корень рог западной гордыни*. Этому делу может и должно служить и русское кочевниковождение (при сохранении *полной объективности* в изучении кочевников)» [Там же. С. 155]. Приведенные выше мысли Савицкого, надо полагать, придавали силу и уверенность Гумилеву неумолимо следовать научной истине в утверждении евразийского учения, «невзирая на лица и ранги» своих оппонентов.

На протяжении XX века евразийство выступало «идеей-силой» глобального русского проекта как единая духовная настроенность общественного и индивидуального сознания, нацеленная на сохранение жизненного геополитического пространства России-Евразии. Отсюда урок для Большой России (в пределах всего постсоветского пространства) может быть представлен как установка на сохранение своего самостоятельного пути в мировой истории — не склоняясь ни в сторону Запада, ни в сторону Востока. Сама по себе полицентричность, многополюсность мира неизбежно предполагает сохранение государств — ядер этих полюсов, объединяющих геочивилизации. В Евразии одним из таких центров начинает выступать Евразийский союз, следуя принципу: органическая целостность устойчивее и сильнее образующих ее элементов. В связи с этим следует рассматривать вопрос о необходимости восстановления статуса сверхдержавы России в составе зарождающегося Евразийского союза как одного из центров силы в обретающем свои контуры полицентричном мире и, более того, разрабатывать геополитический проект обретения статуса великодержавности самим Евразийским союзом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ламанский, В.И.** Геополитика панславизма [Текст] / В.И. Ламанский; сост., предисл., коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Изд-во Ин-та рус. цивилизации, 2010.
2. **Савицкий, П.Н.** Континент Евразия [Текст] / П.Н. Савицкий. — М.: Аграф, 1997.
3. **ЦГА** Санкт-Петербурга. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1837. Л. 53, 60, 65, 73, 74.

4. **Евразийство:** декларация, формулировка, тезисы [Текст]. — Прага, 1932.
5. **ГАРФ.** Архив П.Н. Савицкого. 5783.
6. **Письма** П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву [Текст] // Геополитика и безопасность. — 2008. — № 4.
7. **Письма** П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву [Текст] // Там же. — 2010. — № 1 (9).
8. **Письма** П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву [Текст] // Там же. — 2009. — № 2–3 (6–7).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КЕФЕЛИ Игорь Федорович — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, вице-президент Академии геополитических проблем, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность».

191251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 251-17-20
geokefeli@mail.ru

KEFELI Igor F. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*
195251, Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
geokefeli@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 0241

А.А. Грякалов

«ЕВРАЗИЙСКИЙ ТЕКСТ»: ЛИНГВИСТИКА – СУБЪЕКТИВНОСТЬ – ОТКРЫТЫЕ ГОРИЗОНТЫ...

А.А. Grykalov

“THE EUROASIAN TEXT”: LINGUISTICS – SUBJECTIVITY – THE OPEN HORIZONS...

Аннотация

В статье рассмотрена проблема евразийского текста как «порождающей модели» евразийского феномена в целом. Показаны теоретические и геополитические ориентиры стратегий идентификации. Евразийская идея понята в ее соотносительности с идеями русского космизма. Сделан вывод о том, что актуальная идентификация личностей и этносов может осуществляться только в соотносительности с фондом социальной памяти России в евразийском контексте. Славянский структурализм с его онтологическим пониманием структуры и интересом к жизненным ландшафтам существования представлен как методологическая основа евразийского движения.

Ключевые слова

ЕВРАЗИЙСТВО, ТЕКСТ, СЛАВЯНСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ, РУССКИЙ КОСМИЗМ, СООБЩЕСТВА, ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ, ПЕРСОНОЛОГИЯ, ПОСТГЛОБАЛЬНЫЙ МИР, ИДЕНТИФИКАЦИЯ.

Abstract

In article the problem of the Euroasian text as “generating model” Euroasian phenomenon as a whole is considered. Theoretical and geopolitical reference points of strategy of identification are shown. The Euroasian idea is understood in its correlation to ideas of Russian kosmizm. The conclusion that actual identification of persons and ethnoses can be carried out only in correlation with fund of social memory of Russia in the Euroasian context is drawn. The Slavic structuralism with its ontologic understanding of structure and interest to vital landscapes of existence is presented as a methodological basis of the Euroasian movement.

Keywords

EVRAZIYSTVO, TEXT, SLAVIC STRUCTURALISM, RUSSIAN KOSMIZM, COMMUNITIES, TOPOLOGICAL REFLECTION, PERSONOLOGIYA, POST-GLOBAL WORLD, IDENTIFICATION.

Идентичность и субъективность устанавливаются в соответствующем социокультурном контексте, где принципиально важны имеющиеся программы идентификации и формирования субъективности. Структурную целостность фрагментарному множеству придает соответствующий текст: политика, философия и культура именно в тексте «достраиваются до сферы» (М.М. Бахтин). Поэтому осмысление современности – последовательный опыт (схематика) и рефлексия *формы, текста и письма*¹. Очевиден

предельный текстоцентризм современности – она позиционирует себя в совокупности текстов.

текста необходимо сливается с практикой письма» [1, с. 415, 422]. *Письмо* дает возможность *видеть* соотносительность языка и истории. Структура как «формальное единство смысла и формы» в письме разворачивается: «письмо творит смысл, записывая его, поверяя его гравюре, борозде, рельефу, поверхности... Письмо как начало чистой историчности, чистой традиционности есть лишь телос истории письма, философия которой еще должна прийти» [2, с. 22]. «Воля писать» вводит мысль в состояние «воли к бытию» и ответственность за призвание «чистого слова» – наследуется мысль Хайдеггера о «чистом слове», которое нельзя мыслить «в прямоте его сущности» как знака или значения.

¹ «Текст – это такое социальное пространство, где ни одному языку не дано укрыться и ни один говорящий субъект не остается в роли судьи, хозяина, аналитика, исповедника, дешифровщика; теория

Этот интерес к тексту в социальном и геополитическом плане может быть поставлен в соответствие с ростом интереса к расположению и пространству, причем речь идет не только о природном ландшафте или политических метафорах, но в целом о росте значимости соотношений и сопоставлений. В «славянском структурализме», генетически и теоретически соотношенном с феноменом *евразийства*, актуализировано именно «пространство», способное тем или иным образом становиться во времени, сохраняя изначальную расположенность. «В 1930-е годы одно из наиболее настойчивых утверждений Якобсона — это подчеркивание специфического „пространственного фактора“, который, как он считает, определяет отношения не только между языками, но и между культурами научного исследования» [3, с. 39]. Выстраивается особая «метафизика пространства»: «фонология и месторазвитие».

Идея внутренней соотношенности языка и территории «вписывается» в длительную традицию, восходящую к Платону и Аристотелю. *Изоглосса* соотношена с *местом* и *антропологией*: «каждый человек призван занять свое место и воплотить в человеческом граде ту гармоническую пропорцию, которая свидетельствует о присутствии Бога во Вселенной, однако народ в целом должен не столько приспособиться к окружающим условиям, сколько *признать* свое подлинное место на Земле — не пытаясь, к примеру, выйти из состава великой Империи, чья территория соответствует *естественным границам*» [Там же. С. 238]. *Соотнесение* и *увязка* выступают как формы междисциплинарного видения науки и — самое главное — служат основаниями для «нового образа мира» (П. Савицкий). «Какие цели завоевывать? Порядок (в отличие от имевшего место в прошлом, когда выше всего ценилось сырье и люди) следующий: пространство как таковое, люди (кадры для работ, доноры органов и пр.), вода и только после нее — сырье и культурные ценности» [4, с. 55]. Именно текст соединяет разрозненные и порой противоречивые фрагменты в последовательную целостность.

Сегодня политическая и культурная привлекательность *евразийства* порождена ситуацией — важен интегрирующий конструктивный смысл. Можно говорить о постоянном производстве продуктивной схемы *евразийства*: в

настоящее время не так много идей, способствующих «сборке» современного фрагментарного социума. Но, конечно же, сознание повседневности озабочено отнюдь не глобальными политическими проектами: анализ обыденного сознания фиксирует ощущение роста *чужого* присутствия в России. Рост переживания замечен в сравнении с недавним «советским временем»: очевидны внедрение и автономизация «чужих языков» и «фигур» — тема *своего другого* (человека) все более вытесняется темой *чужого* (человека) *в своем* (доме). К тому же интегративные процессы на *евразийском* пространстве протекают с разными скоростями и монтируются из разных смысловых модулей — идентификационные самоопределения сообществ идут в ситуации активного этногенеза. Высказываются положения, согласно которым актуализация «туранского элемента», свойственная *неоевразийству*, порождает очевидный крен в сторону «азиатского компонента» — в идентификационных разметках «Запад — Россия — Восток», «Россия — Евразия», «Русь — Россия — Евразия» в очередной раз актуализировано предупреждение: *евразийство* рассматривается как «смещение» темы *России* — *евразийский* проект предстает принципиальной схемой вытеснения. Не в последнюю очередь именно отсутствие в информационных потоках объективного «евразийского взгляда» смещает сознание в сторону пассивного приятия идей «сокращения» России, когда она начинает восприниматься в виде усеченной микро-России («*Московопетербургия*»). Расшифровка проста: первое слово отсылает к *центру* власти, второе — к ее *западной* ориентации. Именно на этом фоне актуализирована принципиальная дифференциация теоретических и в особенности массовых представлений: в массовом сознании тема технически совершенной и успешно конкурирующей в мировом пространстве «восточной цивилизации» контрастирует с темой жесткого нарастающего проникновения осваивающей и присваивающей «восточной силы». В этой ситуации *евразийство* должно показать конструктивную идейную и политико-технологическую значимость: *евразийская* идея претендует на то, чтобы быть *геополитической* (именно это выходит на первое место в *неоевразийстве*) — быть идеей о *мире евразийских сообществ*, поэтому нужно реально представлять не только *содействие*, но

и *противодействие* сил на постсоветском и мировом евразийском пространстве. Власть — это соотношение сил-государств, стремящихся к утверждению.

Евразийство — особое событие мысли.

Нужно иметь дело с проявлением *самой вещи* — «евразийская истина» должна быть понята в ее событийности и соотносима не с чем иным, как с ней самой: существует реальное как таковое. Проективная мысль модерна оказывается под теоретическим и массовым подозрением: требование *настоящего* состоит в развенчании или удержании под подозрением непрерывного производства смысла (Ж.-Л. Нанси). Вполне актуально в символическом смысловом пространстве существует *феномен евразийства* — особого рода «автономная монада» смысла, точка стяженности целой серии смысловых построений. Внутри евразийства пересекаются различные идеологии — вполне возможными в евразийском контексте становятся, казалось бы, несовместимые смыслообразы и концепты. И если сами евразийцы говорили о евразийской правде как о «правде вопросов» (Л.П. Карсавин), то встает проблема ответов: какие из вопросов способны вызывать соответствующие современности ответы? В отношении к событию смысла евразийства можно сказать, прежде всего, что тема *транснациональных корпораций* вытесняется темой *транснациональной идеи*. Это принципиально значимая для современности *позитивная* стратегия сборки социума — она противостоит *негативным* стратегиям сборки, наиболее радикальный деструктивный пример которой — *постмодернистский терроризм*.

В основе актуальности евразийского текста — *органическое* мировосприятие, вновь актуализируемое в ситуации «экологического поворота» и экософии. Здесь евразийство сближается с идеями *русского космизма* — именно в плане понимания соответствий бытия природы и существования человека. Евразийское понятие *месторазвития* содержит в себе космическую вертикаль в смысле понимания положения человека в космосе. Месторазвитие при всей его укорененности в жизненном ландшафте как бы *атопично*: можно говорить о *настроенном* пространстве. Оно как бы не познается, не ощущается, но изначально опознается. След этого восприятия сохраняется в любых конкретных топосах. В плане рефлексии взаимо-

действие «метафор места» создает особого рода «топологическую метафизику» — в этом смысле тема события соотносима с темой «*герменевтики России*». Будто бы именно в этой связи задал вопрос космист Н.Ф. Федоров: «Евразийская Империя не должна ли называться *Небесно-земною?*» Евразийство содержит в себе экзистенциальную компоненту: она должна быть учитываема не только в пределах религиозного понимания евразийской идеи.

Отличие космизма и евразийства состоит в различном выборе партнеров — даже в разработке идеи воскрешения космисты в большей степени ориентированы на «научный Запад». Но близость космизма и евразийства не только в их проективности — космисты и евразийцы создают особого рода рефлексивное *письмо*. *Письмо* — процесс производства смыслов, процесс и послание сорасполагаются в одном символическом пространстве. Именно *письмо* предстает как место встречи образа и проекта. При анализе современной евразийской ситуации необходим учет всей традиции понимания: в письме соотнесены религиозные идеи и проективная мысль, образы и идеи философии, естественнонаучные взгляды, проза и поэзия («всякая литература *проективна*»). Идеи вплетены в литературу и, в свою очередь, изложены прозаически или поэтически («космопоэтика»).

А.Л. Чижевский высказывался вполне определенно о том, что процесс развития органического мира не является процессом самостоятельным, автохтонным, замкнутым в самом себе, а представляет собой результат действия земных и космических факторов, из которых вторые являются главнейшими, так как они обуславливают состояние земной среды. Отдаленнейшим недрам Вселенной может быть уподоблено ближайшее — *тело, бессознательное, ландшафт*. Действенность образов и проектов космизма состоит в направленности мысли на земной и космический универсум, точнее на сферу их «сорасположенности». Событие мысли предстает как особого рода «посредник» между мирами.

Непосредственная проекция космизма в практику, не находя места и времени для воплощения, оказывается чаще всего утопической: *космический соблазн* может быть уподоблен *евразийскому соблазну*. Но самим фактом существования космизм свидетельствует о бытийной обращенности мысли. Выражением ориентации

выступает мышление в его органопроективном смысле — том измерении сознания, где оно соединяет проект и событие. Способен же быть проект событием лишь тогда, когда содержит в себе телесно-предметные интуиции. И если учение евразийцев непосредственно было связано с осмыслением последствий русской революции, то сегодня опыт евразийцев может быть применен именно при понимании природы и следствий «информационной революции», принципиальным образом действующей поверх традиционных социальных субъектов.

В такой космической проекции евразийство не является чем-то односторонне и однозначно определяемым: проецируемый в сферу социальной физики *проект* оказывается далеко отстоящим от исходного замысла — *проект* сближается с *утопией*, что на следующем витке обращений способно порождать отрицания в виде *антиутопии*, а в перспективе выходит за пределы противопоставлений в постутопии. И чтобы привести к единству и согласию разрозненные и даже враждебные элементы, необходимо каждому определить особое назначение, ввести его в определенное положительное отношение ко всем другим — иными словами, надо не просто соединить все, но соединить все в определенной положительной форме.

Евразийство, если угодно, заимствует космическую идею органической целостности: это целостность не *операциональная*, а *онтологическая*, хотя по-разному содержательно понимаемая. Отрицаемая космистами *органодеекция* как принцип искусства и жизни строится на фиксации внимания на самодостаточных частях и деталях; природа же возвышаемой космистами *органопроекции* иная — быть мыслью-событием, где все действия, все явления и события и все существа становятся сознательными членами своего носителя, осуществителями поставленных им перед собой задач. Космизм выступает как предельное событие мысли. Но это именно *космическая* идея: в ней бытийно присутствует «числовое измерение» — *структурность*.

Космизм и евразийство сходятся в пространстве топологически ориентированной мысли. Это предопределяет формирование специфической *топологики*, что дает возможность представлять фрагментарный мир в соотносительном единстве. И здесь *органическая* компонента мысли евразийцев совмещается с темой

структуризации — именно в этом пространстве соотношения вырастает самая значимая для евразийской мысли позиция.

С точки зрения евразийцев, Европа и ее ценности могут быть поняты как особая инстанция «идейного банка», дающего «в рост» заложенные в нем идеи и ценности. Евразийский материал изначально не укладывался в «хранилища Запада»: в соответствии с евразийством должно быть начато другое идейное и духовное *производство*. Именно метафизически понимаемое место порождает представление о производстве «социального тела» — при этом географическая компонента производства является значимой, но не определяющей — в отношении к ней выстраиваются другие топологические характеристики.

Традиционные для отечественной мысли темы *упорядоченности* и *соотнесенности* соотнесены именно с темой *органичности*. В связи с этим нужно еще раз поднять тему *славянского структуриализма*, где структура понята как «живая традиция» (Ян Мукаржовский).

Продолжена традиция, идущая от Вильгельма Гумбольдта, согласно которой язык можно сравнивать с искусством, поскольку то и другое стремятся в чувственной форме изобразить *невидимое*. Центральным структурным звеном произведения искусства как знака является *эстетический объект*, существующий в коллективном сознании. В отношении к «эстетическому объекту» произведение, как чувственно воспринимаемая данность («произведение-вещь»), выступает в роли аттрактирующего «внешнего символа». Таким образом, каждое произведение представляет собой «автономный знак», который слагается: 1) из произведения-вещи, функционирующего как чувственно воспринимаемый символ; 2) эстетического объекта, принадлежащего коллективному сознанию и функционирующего как значение; 3) отношения к обозначаемой вещи, направленного на весь целостный контекст социальных феноменов (наука, философия, вера, экономика, политика, религия и т. п.). Рефлексии подвергаются отдельные восприятия и весь контекст ценностей в целом — собственно рефлексия и делает субъективность субъективностью. Произведение не утверждает реальное существование явлений, оно упорядочивает их, строит отношения между ними, определяет взгляд на мир — на систему

жизненного опыта субъекта. К произведению некорректно прилагать *гносеологические* критерии истинности — знак в эстетической функции является как бы *самообозначающим*. Представляет состояние сознания и его рефлексии не только в пространстве эстетического, но и во всем ценностном пространстве социума, включая философию. Ибо эстетическая функция противостоит другим как автономная («функциональность в отношении к самой себе») — как бы возвращает сознание к сознанию.

Таким образом, субъективность как бы приобретает свойства продуктивного воображения («необъяснимое представление воображения») и не может быть сведена к определению в понятии. И эффект эстетического отношения («видение») в своей целостности не сводим к сущностному определению («никакой язык не в состоянии полностью достигнуть его и сделать его понятным») [5, с. 330, 363]. Новым является изменение понимания процесса порождения смысла: значение начинает «двигаться» не только в пространстве собственно эстетического контекста или собственного социального контекста — движение значения осуществляется по разным, но обязательно соотносящимся смысловым траекториям, причем при этом осуществляется постоянное самоосознающее рефлексивное усилие.

Форма, значение и субъективность сведены в одном рефлексивном усилии. Ведь «слово» выполняет функцию «*архетипа культуры*», где сконцентрированы все потенциальные наполнения и исполнения искусства. Архетипика придает субъективности необходимый статус онтологичности — речь может идти о новой «несубстанциалистской онтологии». Субъективность, можно сказать, не только производится, но и «производит» — в ее действие включены не только символические разметки смысла, но и предметные данности различных и разнообразных мест. Отметим, что для словацкого структурализма характерно стремление быть *методологией науки*, являясь в то же время методологией отдельных дисциплин — лингвистики, эстетики, литературо- и театроведения, теории живописи. Выступая с программой научного синтеза, словацкий структурализм реализовал тезис о единстве науки и создал общий *метаязык* гуманитарного знания.

Создаваемая евразийцами лингвистическая методология может быть названа особого рода

топологической рефлексией — в ней совмещены два несовместимых метода: внутри себя язык описывается как дифференциальная структура, а в своих взаимоотношениях с другими языками — как самобытная «органическая» личность. Так евразийские лингвисты сохранили традицию романтической гуманизации культуры на макроуровне межъязыковых процессов. Именно в лингвистике была выработана эпохальная познавательная модель, ценность которой далеко не исчерпана, — структурный метод описания культурных систем (С. Зенкин).

Представителями Пражского кружка, в который в разное время входили российские ученые Р. Якобсон, Н.С. Трубецкой, П.Г. Богатырев, был создан *структурный метод* в лингвистике, литературоведении, фольклористике, эстетике. В известном смысле эту позицию выражает термин «онтологический структурализм»: существует содержательное наполнение структурных целостностей — именно с ним нужно считаться при рассмотрении любого культурного феномена. Например, евразийские языки, по Якобсону, характеризуются *смыслоразличительным соотношением* твердых и мягких согласных, т. е. не просто тем, что в них имеются звуки, скажем, [л] и [ль], а тем, что эти звуки используются для различения слов, т. е. могут быть вычленены как *структура*. Замечательный, парадоксальный факт: исследование абстрактных структур используется для того, чтобы подтвердить существование Евразии — объекта совершенно иного по природе, «внутренне полного», субстанциально-органического (С. Зенкин). Особенность взгляда состоит именно в совмещении позиций понимания *бытия и структурности*.

Речь идет о необходимой структурной обусловленности бытия и существования — отсутствие такой обусловленности делает совершенно мифологизированной идею независимости в пространстве действительных центров силы.

Евразийский смысл — это самоуглубляющаяся структура соотношений: целостность является результатом взаимодействий, глубинно фундированных топосом. Структура сложилась и продолжает складываться — формирует общий характер смысла: взаимодействие. Так понимаемая структура имеет двойную обращенность — субстанциальную и операциональную. Она одновременно онтологична и дифференциальна, исторична и универсальна.

Органическая телесность переплавлена в духе или истории: осуществляется последовательная серия переводов — переводов не только с языка на язык, но и с языка на мир и с мира на язык. Мир говорит на множестве языков и мир же соединяет их, будучи сам соединенным в языках. Языки дружественно произрастают из мира и вырастают в него — мир ждет поименования: язык, как «структура оригинала», предписывает миру порядок. Мир вызывает к себе навстречу разные языки.

Евразийство, как событие мысли, обращает к себе множественность родственных языковых высказываний: создается совместное языковое производство, в котором и посредством которого символически оформлена идентификация. Это особое событие смысла между онтологией и символическим поименованием. У евразийского мира как бы уже изначально *есть* собственный язык — он есть не только в *символическом*, но присутствует в самой первичной интуиции пространства. И евразийская лингвистика отдавала предпочтение именно благоприобретенным сходствам между языками и культурами — структурно предрасположенные к *встрече-переводу* языки сближаются между собой и объединяются в языковые союзы.

Именно таково должно быть и существование *сообществ* — речь идет не столько о генетически устанавливаемом источнике силы, сколько о ее перераспределении. «Евразийская доминанта» удерживает сознание в состоянии захваченности одной мыслью или желанием — все остальные побуждения, способные противодействовать одному из множества побуждений или хотя бы ослаблять его в «нормальном» состоянии, доминанту активно усиливают. Именно тема аффективной захваченности героя мыслью, желанием или действием метафизически предшествует физиологической теории доминанты — создатель теории доминанты А.А. Ухтомский испытал влияние идей Ф.М. Достоевского.

Структура органически фундирована — она не только завершенное произведение, но и постоянное воспроизведение *жизни*, которое не может быть завершено. Месторазвитие — структурно, а структура — онтологична. И структура приобретает онтологические характеристики — именно становится обустройством

места, которое уже «показывает» себя в *пред-*понимании. Субъективность сформирована в определенном месте — места *сорасположены* во времени как функциональные, но обладающие автономностью ряды культуры. Внутри себя структура противоречива и энергетически напряжена, а в отношении к месту жизни она синергично наполнена. Именно создаваемая функциональной синергией структура делает принципиально значимым именно *место* действия. «Евразийская субъективность», следует снова сказать, производится и производит — включены не только символические разметки смысла, но и предметные — *вещные* — данности различных и разнообразных мест. Евразия выступает как особое смысловое и бытийное образование — это объединения равноправных народов, связанных одним географическим ареалом, общей исторической судьбой и культурными перекличками. Действуют особого рода государства-материки, они выступают как образования особого рода.

Мир российской евразийской современности различен и противоречив, но до известной степени организован как целое, хотя бы в том смысле, что испытывает общие потрясения и переживает общие опасности экологических, антропологических и гуманитарных катастроф. Несомненно, сейчас еще присутствуют ценности *социальной памяти* в общем переживании совместных испытаний (война, совместное участие в боевых действиях, стройки социализма, помощь при экологических катастрофах, совместная учеба и служба в армии, совместные браки, контакты интеллектуалов). Существует устойчивая традиция понимания образов евразийства как «позитивного национализма» всех народов Евразии, вкладывающих свои силы в общее дело образования общего пространства существования. Эксперты современного системного кризиса все более осознают: именно *социально-политическая стабильность* становится самостоятельной ценностью, поскольку в условиях политического кризиса и социальных потрясений никаких системных антикризисных мер принять невозможно.

Каков *этос* евразийского сотрудничества — на чем сегодня основывается специфическая евразийская *этика сотрудничества* и каковы принципы ее обоснований? На чем строится логика *евразийской всеобщности* сегодня?

На этом фоне встает вопрос: наличествует в современном евразийском пространстве особого рода *телос*, позволяющий говорить о возможной направленности процессов и способах их рационального понимания и прогностики? И может ли быть установлен *субъект* идентификации, ведь глобализация оказывается процессом, вызванным к жизни особой внутренней логикой развития рынка, финансов, т. е. безличных *структур*?

Глобальная культура исторически неглубока, беспамятна, основана на «исполнительном дискурсе» повседневной практики, она демифологизирована, ценностно-нейтральна и лишена традиций в отличие от прошлых культур, которые строились вокруг общих, в том числе *евразийских*, воспоминаний, традиций, мифов, архетипов и символов, поэтому она не отвечает живым потребностям людей и не создает воспоминаний. Но человек существует в традиции места и времени: культура пространства Евразии включает в себя архетипически близкие образы жизни. Идентификация может осуществляться именно в соотношении с фондом социальной памяти. В ситуации формирующегося евразийского мира необходимо говорить о динамике непрекращающегося *самоопределения*, постоянного обновления идентичности. Можно говорить о доминанте *ситуативно-инструментальной* актуализации идентичностей — *гражданской, религиозной, профессиональной, гендерной, возрастной, этнокультурной*. Особое значение в ходе глобализации культуры приобретает процесс *этнокультурной идентификации*.

Какими предстают в этом контексте идеи «российского евразийства»?

Во-первых, евразийски ориентированное сознание стремится вернуть России национальное достоинство, избавить от повышенной гипнабельности посредством обращения к пониманию устойчивых образов, структур и ценностей существования.

Во-вторых, многозначность идей евразийцев формирует соответствующую современности многовекторность российской политики и культуры.

В-третьих, евразийство — и по многим позициям неоевразийство — отстаивает продуктивную и проверенную на собственном опыте

идею равноправности различных культур, цивилизаций, конфессий и наций. Евразийство предлагает конструктивные идеи интеграции современного мира, исходя из соответствующей социально-онтологической *методологии*.

Евразийцы стремились учесть в своих построениях не только *разумно-рассудочные*, но и *бессознательные* компоненты существования. В качестве таковой может выступить *философия события*, имеющая топологическую соотнесенность с евразийской *персоналогией*. Евразийское пространство представляет собой особо «уплотненный» мир — (пост)современная «картина мира» строится на идеях исчезновения человечества как *коллективного субъекта*, непереводимости и несовместимости многообразных языковых и поведенческих программ и дискурсов — это во многом напоминает исходные конституирующие идеи евразийцев.

В уплотненном жизненном пространстве суть интеграционных и идентификационных процессов выражается в терминах: «*интенсификация*» (трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей), «слияние», «интеграция» (национальных экономик в единую общемировую систему), «рост взаимозависимости» (национальных экономик и политических систем государств), возникновение «единого информационного пространства», «рост согласованности действий» в самых разных сферах жизнедеятельности человека. Поэтому с точки зрения евразийской теории нужно говорить о *постглобализации*, где происходит *выход* за глобальный порядок. Процессы идентификации должны учитывать разные аспекты — нужно выйти за пределы «экономического детерминизма» в пространство *информационного, коммуникационно-технологического, экологического взаимодействия, рабочей кооперации*. Правомерным будет выделение сфер *экономической, правовой, демографической, политической, экологической, культурной интеграции*. Существуют *военный* аспект проблемы взаимодействий и *эпидемиологическая интеграция*. Евразийское течение восстанавливает космоорганическую метафизику понимания мира, развивая соответствующую топологическую рефлексию и культурную антропологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Барт, Р.** От произведения к тексту [Текст] / Р. Барт // Избр. работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. **Деррида, Ж.** Письмо и различие [Текст] / Ж. Деррида; пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М., 2000.
3. **Серио, П.** Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–1930 гг. [Текст] / П. Серио. – М., 2001.
4. **Дэвэджич, Я.** О метафизике геополитического предприятия «Космет» [Текст] / Я. Дэвэджич // Запад или человечество? Историософия балканского конфликта. – СПб., 2000.
5. **Кант, И.** Сочинения [Текст]. В 6 т. Т. 5 / И. Кант. – М., 1966.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ГРЯКАЛОВ Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований философии современности Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, член Союза писателей России.

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
alexagr@mail.ru

GRYAKALOV Alexey A. – Russian State Pedagogical University.
191186, Moika, 48, St. Petersburg, Russia
alexagr@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 1(091), 13.0, 17.0

Н.В. Рудская

**«ШКАЛА ЦЕННОСТЕЙ» КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
(консервативный взгляд на проблему)**

N.V. Rudskaya

**"SCALE OF VALUES" AS KEY CONCEPT OF THE EUROASIAN INTEGRATION
(a conservative view on a problem)**

Аннотация

В статье рассматривается проблема поиска главного объединительного фактора евразийской реинтеграции. В духовных разработках мыслителей-евразийцев в качестве такого фактора был выделен туранский элемент (туранский психологический тип), подразумевающий наличие на пространстве Евразии единой шкалы ценностей. Эти ценности, по мнению большинства евразийцев, являются для жителей Евразии органичными, своими, независимо от национальности и вероисповедания.

Ключевые слова

ЕВРАЗИЙСТВО, ШКАЛА ЦЕННОСТЕЙ, ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ, ЛИБЕРАЛИЗМ, ТУРАНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ, МНОГОИСПОВЕДНОСТЬ, ЕВАНГЕЛИЕ, КОРАН, МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ, ИВАН ИЛЬИН, ВАЛЬТЕР ШУБАРТ.

Abstract

In article the problem of search of the main unifying factor of the Euroasian reintegration is considered. In spiritual development of Eurasian thinkers as such factor the element of turan (turansky psychological type), meaning existence on space of Eurasia of a uniform scale of values was allocated. These values, according to the majority of Eurasians, are for inhabitants of Eurasia organic, – irrespective of a nationality and religion.

Keywords

EVRAZIYSTVO, SCALE OF VALUES, EVROPOTSENTRIZM, LIBERALISM, ELEMENT OF TURAN, TO PROFESS IT IS A LOT OF RELIGIONS, GOSPEL, KORAN, INTERCULTURAL DIALOGUE, IVAN ILYIN, WALTER SHUBART.

Сегодня, когда тема евразийской интеграции приобретает все большую актуальность, отечественная культурология может внести свой вклад в поиск ответа на вопрос: является ли современное обращение российских политологов и деятелей науки к тематике «евразийства» очередным (в рамках поиска формата нового союза с ближайшими соседями) геополитическим «заданием» или речь идет о возврате к традиционным нравственным ценностям, лежащим в основании цивилизационного выбора России?

В качестве отправной точки рассмотрения вопроса можно взять появившийся в августе

2011 года «Российский проект», автором которого является Ю.Е. Шувалов (глава недавно созданного Российского социально-консервативного союза). Сегодня, считает Шувалов, вряд ли кто-либо сможет аргументированно оспорить мнение, что «еще совсем недавно мы жили во второй сверхдержаве мира», где система высшего образования (особенно технические университетские школы, сформированные в СССР в XX веке) обладала «конкурентными преимуществами перед западными схемами» [1, с. 14]. Можно спорить об уровне развития технологических отраслей, сферы экономики и финансовой системы, но главное – все это создавалось

совместными усилиями братских народов и ныне почти все это разрушено и утрачено.

И хотя главной целью «Российского проекта» является *евразийская реинтеграция*, подразумевающая «комплексное сбалансированное развитие наших территорий», отрадно, что основным показателем названного процесса декларируется не «объединение всех вокруг российской трубы», а **ценностная ориентация**. Несомненно, считает Ю.Е. Шувалов, интеграция должна быть взаимовыгодной. Но не экономика является нашим главным базисом, а «ценности, которые нас объединяют в евразийском пространстве: справедливость, вера, свобода, нравственность, семья, служение» [1, с. 14].

Попутно заметим, что если *свобода* и *справедливость* вполне вписываются в либерально-демократическую концепцию «прав и свобод» (наряду с другими *общечеловеческими ценностями*), то остальные концепты, попросту говоря, «не являются приоритетными» в базовой шкале ценностей постиндустриального «общеевропейского дома». Достаточно вспомнить резко негативное отношение в некоторых странах Евросоюза к свободному проявлению человеком своей принадлежности к христианству или деятельности многих общественных организаций (в том числе и на уровне правительств), направленную на пропаганду «идеалов и ценностей» сексуальных меньшинств.

Уместно заметить, что и *свобода*, трактуемая в мире «развитого либерализма» как произвол и вседозволенность, имела в традиции русской культуры совсем другие характеристики. Так, М.Н. Катков, отвечая оппонентам на упреки в «отсутствии в России политических свобод», писал: «...говорят, что хотя русским подданным и предоставлена законная политическая свобода, но они не имеют прав политических. Напротив, русские подданные имеют *нечто большее*, чем права политические, — они имеют политические *обязанности*... стоять на страже *прав* Верховной власти и заботиться о пользе государства» [2, с. 326].

О таком же понимании концепта *политическая свобода* позже писал И.А. Ильин, утверждая, что для православного человека не стоял вопрос свободы «от чего?», свобода нужна была для защиты традиционных святынь — веры, царя и Отечества. Подлинная свобода, писал Ильин, «состоит в том, чтобы всюду самосто-

ятельно и ответственно стоять перед лицом Божиим и *служить* делу Божию на земле» [3, с. 192]. В этой связи становится понятным, что «политическая свобода есть нечто драгоценное и ответственное», требующее огромной ответственности и *самодисциплины*, при отсутствии которых «политическая свобода становится даром *напрасным* и *непосильным*» [Там же. С. 196].

Сравнивая далее процесс евразийской интеграции с европейским опытом, автор «Российского проекта» справедливо отмечает, что Евросоюз «далеко продвинулся по пути экономической интеграции, но есть проблемы с интеграцией культурной» (о чем свидетельствуют, например, неоднократные заявления отдельных лидеров стран Евросоюза о провале политики мультикультурализма). И хотя Евросоюз непрерывно декларирует свою «отеческую» заботу о внедрении повсюду «общечеловеческих ценностей», истинная сущность «общества развитого либерализма» (по мнению Н.А. Нарочницкой) состоит в том, что «либерализм есть мировоззрение... утверждающее идею об *автономности человека от всех высших метафизических ценностей* — религиозных, семейных, национальных» [4, с. 25]. Теперь самое время вспомнить, что один из инициаторов, теоретик и признанный глава «евразийства» П.Н. Савицкий писал: «Евразийская концепция знаменует собою решительный отказ от культурно-исторического „европоцентризма“... побуждающего европейцев огульно квалифицировать одни народы как „культурные“, а другие как „некультурные“... поскольку свое научное и техническое совершенство Европа „купила своим идеологическим и более всего *религиозным* оскудением“» [Цит. по: 5, с. 359–361].

В данной статье не ставится задача «огульной критики» всего европейского. Тем более, что еще Ф.М. Достоевский считал, что «Европа нам второе отечество», от которого «нам никак нельзя отказаться», и что «Европа нам почти так же всем дорога, как Россия» [Цит. по: 5, с. 161]. Поэтому в традициях русской культуры против такой критики имеется «иммунитет», основанный на замечательном свойстве русского характера — умении **обличать грех, не осуждая** при этом самого человека. Это высоконравственное качество, свойственное почти всей русской литературе до середины XIX века, впоследствии было утрачено. И ныне (как верно подметил

Я. Шипов) осуждение, взлелеянное пагубным духом критицизма, превратилось «в разменную монету человеческого общения» [6, с. 249].

Рассматривая *ценностный базис*, предложенный Ю.Е. Шуваловым, далее следует остановиться на других его «ингредиентах»: *вера, нравственность, семья, служение*.

Вопросы *веры и вероисповедания* всегда были наиболее сложными в проблеме поиска *всеединства*. Напомним, что в духовных разработках отечественных мыслителей консервативного направления православие являлось (по замечанию В.В. Розанова) не только корнями, но и вершиной всей русской культуры. П.Н. Савицкий писал, что «евразийцы — православные люди. И православная церковь есть тот светильник, который им светит» [Цит. по: 5, с. 366].

По мнению Н.С. Трубецкого, «русская культура немыслима без православия» и, более того, именно глубоко всенародное православно-религиозное чувство русского народа «является в глазах европейцев главной ценностью русской истории» [Цит. по: 5, с. 391].

И если роль и значение православной веры для русского народа не вызывали сомнения, то вопрос «как быть с „многоисповедностью“ различных народов в контексте *евразийского всеединства*?» явился камнем преткновения для многих идеологов «евразийства».

Н.С. Трубецкой впоследствии отказался от своего первоначального утверждения (как неубедительного), что «грядущий культурный синтез должен быть православным». Мыслитель признал, что главным объединительным фактором *общеевразийской* культуры может стать *туранский элемент*, свойственный в той или иной мере всем «урало-алтайским» народам — тюркам и монголам, угро-финнам и маньчжурам, народам Крайнего Севера России и самому русскому народу. «Взаимное сходство всех туранских языков и психологических обликов всех туранских народов, — писал Трубецкой, — совершенно не подлежит сомнению, и мы имеем право говорить о *едином туранском психологическом типе*» [7].

И.А. Ильин не разделял взглядов евразийцев, считая, что в их учении вопрос о самобытности духовной культуры сводился лишь к тому, куда именно шарахнуться — на Запад или на Восток? «Ни восток, ни запад, ни север, ни юг, вглубь надо, в себя надо, к Богу надо!» — писал

он в работе «Самобытность или оригинальничанье?» [8, с. 351].

И в то же время мысли Ильина о *многоисповедном и многонациональном русском народе* имеют огромное значение именно для понимания сущности *всеединства* как концепта культуры. «Духовное единство России, — писал мыслитель, — доказано той великой — самобытной и глубокой — культурой, которая была создана *единым русским народом* во всем сложном сочетании его национальностей». Эта культура, по мнению Ильина, создавалась в течение целого тысячелетия на *единой* территории, в *единых* природе и климате, под *единой* государственной властью и системой управления, при *едином* государственном языке, в *единой* судьбе хозяйствования и оборонительных войн. Именно перечисленные факторы, считал он, выработали у народов России «сходство душевного уклада, подобие характеров, близость в обычаях и, наконец, то *основное единство в восприятии мира*, людей и государства, которым русские народы *без различия племени* отличаются от западно-европейских народов» [9, с. 322]. Обоснование Ильиным генезиса и сущности духовного единства всех народов России позволяет раскрыть смысл другого явления — *туранского элемента* как главного объединительного фактора *общеевразийской культуры*.

Итак, *туранский элемент* (или единый психологический тип), выражающийся в сходстве душевного уклада, характеров, обычаев, в конечном итоге подразумевает главное — **единство в восприятии мира**, т. е. наличие в этом мире **единой шкалы ценностей** для всех живущих в нем людей, для которых именно *эти ценности* являются, *органичными*, своими, независимо от их национальности и вероисповедания.

При вхождении России в Евразийский союз фактор *единой шкалы ценностей* является определяющим для решения вопроса о совместности прежде всего православия и ислама в пределах одной *евразийской* цивилизации.

В этой связи несомненный интерес представляют разработки В.Н. Тростникова, предложившего рассматривать вышеназванный вопрос в более заостренном ракурсе: может ли российская культура, выросшая из Евангелия, стать *своей* для тех, чья культура выросла из Корана?

Отвечая положительно на поставленный вопрос, Тростников обосновывает это следу-

ющим образом: «...цивилизация определяется не самой религиозной догматикой, а генерируемой ею *иерархией ценностей, нравственными нормами*, а Коран генерирует **те же ценности** и ту же нравственность, что и Евангелие: скромность, милосердие, верность, уважение к старшим, благотворительность, покаяние и самоусовершенствование» [10, с. 554]. Такое близкое сходство нравственных заповедей Евангелия и Корана, считает Тростников, *позволяет* православным и мусульманам быть гораздо более близкими по духу людьми, чем совсем (или почти) отошедшие от Бога члены западного сообщества.

Конечно же, В.Н. Тростников рассматривает *идеальную ситуацию*, своего рода «вариант без учета погрешностей», в котором «тип верования», составляющий ядро всякой культуры, берется в его «чистом виде» как *генеральная интонация* межкультурного диалога, не поврежденная *фальшивой нотой* «человеческого фактора». На самом деле, как известно, *погрешности* «имеют место быть», и игнорирование этого факта чревато серьезными негативными последствиями.

Во-первых, нельзя забывать, что россияне, почти восемьдесят лет прожившие «без Бога», в массе своей все еще стоят перед выбором: стоит ли «напрягаться» для того, чтобы «выстрадать свое возвращение к вере отцов», или «не париться» и продолжать исповедовать «ценности» мира «развитого» либерализма и демократии.

Мы видим, что российское общество все более тяготеет ко второму варианту, в связи с чем *шкала ценностей* сегодняшней России все менее соответствует той, которую *принимала* Россия православная.

Во-вторых, терроризм, ставший к началу XXI века одной из основных характеристик постиндустриального мира, обозначил «обоюдоострую» проблему, которую четко сформулировал А. Кураев: с одной стороны, это полное отсутствие у исламского мира иммунитета против собственных радикалов, с другой – *как относиться к исламу после Беслана?*

Самое время еще раз обратиться к изначальному вопросу: *что есть для России евразийская тема?* Дань ли это геополитической «моде» или жизненно необходимый «вектор возврата» к традиционным нравственным ценностям? За основу предлагается взять «вто-

рой вариант» и считать, что «без Евразии нам никак нельзя, поскольку Евразия нам второй дом». Тогда возможно, что кто-то в этом нашем общем доме сохранил представления об общих нравственных ценностях (ныне благополучно нами утраченных)?

В свое время И.А. Ильин писал, что *семья* является «первичным лоном человеческой культуры», в котором *двое* призваны прежде всего научиться «искусству духовно-целомудренной любви» [3, с. 230, 250]. Обесценивание семьи ведет к губительным последствиям для представителей данного народа (что и наблюдается, в частности, на примере *государствообразующего* русского народа). Ислам же, как известно, сохранил высоконравственное отношение к институту семьи, сумев противопоставить свою *ценностную шкалу* одуряющему и опошляющему *цунами* в виде СМИ и «масс-поп-индустрии».

Может быть, стоит *позаимствовать опыт?* Тем более, что не так давно он (опыт) был *нашим*. Вопрос в том, не проскочили ли мы «точку возврата», есть ли у нас шанс вновь обрести свои традиционные нравственные ценности, утраченные «на дорогах прогресса»? В качестве одного из вариантов ответа на поставленный вопрос можно рассмотреть мнения двух авторитетных представителей исламского мира (своего рода евразийский «взгляд со стороны»).

Выступая в 2008 году на Международном форуме «Будущее цивилизаций» в Москве, доктор философских наук, профессор Ливанского университета, действительный член РАЕН Сухейль Фарах сказал следующее: «Русский человек на протяжении всей своей истории предпочитал богатство духовное материальному богатству. Оригинальность России – в красоте ее сердца, кладезь ее культуры – в высших формах православной духовности, которая лежит в основании всей русской культуры». И поэтому, считает С. Фарах, Россия *способна* начать возвращение к истокам национального духа, укрепляя свои позиции в меняющемся на глазах мире» [11, с. 113].

Второе высказывание принадлежит замечательной женщине, бывшей «первой леди» Кыргызстана, выпускнице Ленинградского технологического института, профессору М.Д. Акаевой: «Вера в огромную духовную силу русского народа возникла во мне еще в студенческие годы, эта уверенность жива и поныне. Несметными при-

родными ресурсами богата Россия, у нее удивительная история, но именно *духовность* всегда возвышала Россию, выделяя ее из общемирового ряда» [12, с. 241].

Книга, из которой приведена эта цитата, называется «У надежды не бывает ночи». Это книга о России, о Киргизии, о великих и талантливых ученых, артистах, писателях, о незблемых нравственных ценностях, которые «в любых испытаниях у нас никому не отнять», — о Родине, семье, преданном служении делу, смысле бытия. Это рассказ о том, как можно любить Россию, оставаясь преданной дочерью Кыргызстана.

Это ответ на вопрос: как можно восхищаться другими, не теряя собственного достоинства? Похоже, для этого нужно всего лишь... «убить дракона в себе». Преодолеть собственные гордыню и амбиции, научиться слышать и понимать не только себя. Смиренно принять истину, гласящую, что «границы моего личного мировоззрения не совпадают с границами всего мироздания».

Можно ли рассматривать вышеозначенные «рецепты» в качестве пригодных для всех желающих считать Евразию своим родным домом? Вне всякого сомнения — да!

Мы, конечно же, *разные*, и Господь нас создал такими для того, чтобы мы все *нуждались друг в друге*, «носили тяготы друг друга», понимали и прощали, как умеют это делать родные, близкие люди.

Во всяком случае, русские умеют любить и прощать от всего сердца, не помня зла и не тая обиды. Это уникальное свойство русской души отметил немецкий мыслитель В. Шубарт, написавший, что русский способен безоглядно покаяться и *от всей души* простить грешника. А «простить по любви, — писал Шубарт, — значит *дать больше, чем должен*». Такое *рационально необъяснимое* свойство души, считал мыслитель, «генетически присуще только русским» [13, с. 169].

И это чудеснейшее свойство души — один из величайших русских «даров» в *общеевразийскую корзину*. И скорее всего это свойство не иссякнет (даже если другие жители «общеевразийского дома» *его* не заметят и не оценят).

Именно поэтому стремление России к Евразийскому союзу можно рассматривать как бескорыстное желание отыскать утраченные некогда ценности, с возвратом которых мы получим шанс вновь обрести смысл своего личного и национального бытия в спокойном движении в будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шувалов, Ю.Е. Российский проект [Текст] / Ю.Е. Шувалов // Однако. — 2011. — № 44.
2. Катков, М.Н. Империя и крамола [Текст] / М.Н. Катков. — М., 2007.
3. Ильин, И.А. Путь духовного обновления [Текст] / И.А. Ильин // Почему мы верим в Россию. — М., 2006.
4. Нарочницкая, Н.А. Русский мир [Текст] / Н.А. Нарочницкая. — СПб., 2007.
5. Гулыга, А.В. Русская идея [Текст] / А.В. Гулыга. — М., 2004.
6. Шипов, Я. Долгота дней [Текст] / Я. Шипов, свящ. — М., 2006.
7. Трубецкой, Н.С. О туранском элементе в русской культуре [Электронный ресурс] / Н.С. Трубецкой. — Режим доступа: www.hrono.ru/statii/turan-ru.htm.
8. Ильин, И.А. Самобытность или оригинальничанье? [Текст] / И.А. Ильин // Мир России — Евразия. — М., 1995.
9. Он же. Основы борьбы за национальную Россию [Текст] / И.А. Ильин // Собр. соч. В 10 т. Т. 9—10. — М., 1999.
10. Тростников, В.Н. Возможен ли межрелигиозный мир в России? [Текст] / В.Н. Тростников // Русь-Россия: выбор веры. — М., 2011.
11. Фарах, С. Россия: самобытность и судьба [Текст] / С. Фарах // Материалы Междунар. форума «Будущее цивилизаций». — М., 2008.
12. Акаева, М.Д. У надежды не бывает ночи [Текст] / М.Д. Акаева. — М., 2003.
13. Шубарт, В. Европа и душа Востока [Текст] / В. Шубарт. — М., 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

РУДСКАЯ **Нина Владимировна** — кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник лаборатории прикладной социологии и психологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
nrudskaya@mail.ru

RUDSKAYA **Nina V.** — *St. Petersburg State Polytechnical University.*
195251, Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
nrudskaya@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 332.101.1

*Д.И. Кузнецов***ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ***D.I. Kuznetsov***DIALOGUE OF CULTURES: LEV NIKOLAEVICH TOLSTOY AND THE OTTOMAN EMPIRE****Аннотация**

В статье рассматривается «этнический парадокс», который сегодня присущ практически всему глобальному миру, потому что современное человечество постоянно сталкивается с проблемой актуализации различий – не только национальных, но и культурных, языковых, конфессиональных. На примере великого русского писателя Льва Николаевича Толстого прослеживается влияние мировоззрений иностранных авторов на многонациональное общество Османской империи.

Ключевые слова

ЭТНИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС, РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, ТУРЕЦКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ, ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ.

Abstract

In article “the ethnic paradox” which is inherent today practically in all global world because the modern mankind constantly faces a problem of updating of distinctions – not only national, but also cultural, language, confessional is considered. On an example of great Russian writer Lev Nikolaevich Tolstoy influence of foreign authors on multinational society of the Ottoman Empire is traced.

Keywords

THE ETHNIC PARADOX, RUSSIAN LITERATURE, THE OTTOMAN EMPIRE, TURKISH TRANSLATORS, LEV NIKOLAEVICH TOLSTOY.

Сегодня в культурологии особое место занимает проблема исследования межкультурных коммуникаций, сложного и многогранного процесса взаимовлияния разных культурных традиций, поиск точек их возможного взаимодействия. Процесс межкультурного общения неотъемлем от принципов утверждения национальных культурных ценностей, обращения к своим историческим истокам. Это стало особенно очевидно в последние годы, когда во многих регионах мира наблюдается всплеск этнического самосознания и в то же время можно видеть достаточно быструю смену культурной парадигмы с моноцентричной на плюралистическую, мультикультурную. Как видно из процесса современного мирового развития, эти две, казалось бы, противодействующие тенденции (первая – особый интерес к собственной этнической или национальной культуре, вторая – стремление выйти за рамки своего замкнутого культурного пространства) способст-

вуют созданию сложных культурологических комплексов, включающих самые разные явления и субъекты культуры. Этот «этнический парадокс» стал своеобразной реакцией от противного на тенденции мирового развития. В результате человечество столкнулось с проблемой актуализации различий, причем не только национальных, но и культурных, языковых и конфессиональных.

Османская империя еще в XVI веке начала сближаться с Западом. В то время возрастал торговый и политический интерес европейских стран к Турции. Это побудило турок к изучению иностранных языков, в результате в Стамбуле французами была открыта первая «языковая школа для мальчиков». А после того как в 1727 году в Османской империи появилась типография, многие образованные турки смогли познакомиться с лучшими произведениями западноевропейской литературы. В 1883 году очередь дошла и до русских писателей. Литература

периода 1860–1896 годов вошла в историю как литература Танзимата. Характерной особенностью данного периода стал отход от восточных корней и устремление к западным идеалам. Особую роль в этом процессе сыграли турецкие переводчики, которые открыли для достаточно закрытого османского общества западноевропейских классиков, в первую очередь французских и немецких. Именно на этой волне широкая турецкая публика позднее познакомилась и с некоторыми произведениями русской литературы. Одним из первых на турецкий язык было переведено «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

Несмотря на сложность и изменчивость отношений между Россией и Турцией, народы этих двух стран всегда проявляли интерес к культуре и литературе друг друга. В турецкой историографии имеется ряд работ, посвященных изучению истории переводов с русского языка на турецкий. Среди авторов этих статей особенно хочется выделить таких ученых, как Олджай Тюркан, Айкут Алтан, Ильсияр Рамева, Арслан Хюлья. Например, Олджай Тюркан в своих работах прослеживает весь путь становления творчества Л.Н. Толстого на турецкой почве. Впервые турки услышали о Толстом в 1891 году, когда на страницах газеты «Терджуман-и Хакикат» («Толкователь истины») появилась статья «Русская литература и Европа, или Размышления литератора Толстого». Автором ее была княгиня О.С. Лебедева, которая печаталась в турецких изданиях под псевдонимом Гюльнар-ханым.

Ольга Сергеевна Лебедева перебралась в Османскую империю в 1890 году из Казани. За год до своего переезда она познакомилась на VIII конгрессе востоковедов в Стокгольме с крупным турецким издателем и писателем Ахмедом Мидхатом. Он и пригласил Лебедеву в Стамбул. Именно ей суждено было стать одним из первых переводчиков русской литературы на турецкий язык.

Первым из произведений Л.Н. Толстого турецким читателям стал известен рассказ «Ильяс», который был опубликован в литературном приложении к газете «Терджуман-и Хакикат» под названием «Ильяс, или Богатство». В феврале 1892 года в той же газете начал публиковаться роман Толстого «Семейное счастье», а в 1893 году он в переводе О.С. Лебедевой вышел уже отдельным изданием. В следующие два года

один за другим в Турции вышли еще три произведения Толстого: «Два старика», «Смерть Ивана Ильича» и «Чем люди живы?». По свидетельствам современников, все эти переводы имели большой успех, книги покупали нарасхват.

Повышенный интерес турецкой публики к творчеству Толстого побудил О.С. Лебедеву написать краткий очерк о русской литературе. Он начинался с А. Кантемира и заканчивался Л. Толстым, о котором Лебедева написала следующее: «*Все знают, какое важное место занимает Толстой среди современных русских писателей. Последний в настоящее время жив, его произведения написаны для того, чтобы украшать нравственность. Подробное описание внутреннего состояния человеческой души у него достигает высшей точки; исследователи его произведений принимают содержащиеся в них мысли и рассуждения как полезный закон*» [1, с. 130].

В статье «Переводы Л.Н. Толстого и роль акторов в поисках этнической идентичности турок» профессор Стамбульского университета Олджай Тюркан пишет: «*В 1896 году в газете „Икдам“ („Прогресс“) от 23 октября в переводе с французского языка стала публиковаться „Крейцера соната“.* Перевод был начат Ахметом Расимом по заказу издателя Ибрагима Хильми. Однако публицист, критик и общественный деятель Расим был очень занят и не сумел вовремя предоставить последние страницы черновиков переводов в редакцию, из-за чего публикация всего произведения так и не осуществилась» [2]. Однако, по нашему мнению, это произошло не из-за того, что у Ахмета Расима не оказалось свободного времени, чтобы закончить перевод. С 1894 года Абдул-Хамид II (султан в 1876–1909) ввел в стране жесткую цензуру. В это время в Турции все произведения Толстого были нежелательны к публикации. И хотя в 1890-е годы О.С. Лебедева, находившаяся в переписке с Толстым, ставила писателя в известность о намерении переводчика Ахмеда Мидхата перевести его произведение «Плоды просвещения», опубликовать его в Турции было делом почти невозможным.

В работе «Цензура в период правления Абдул-Хамида» турецкий исследователь Джевдет Кудрет пишет: «*С тех пор, как в Османской империи появилась печать, она отправлялась двум цензорам, а вернее, двум бедствиям; самым грозным из них был цензор Хыфзы, а вторым — Кемаль.*

Хыфзы – первый грозный цензор, запретивший литературу, романы, первый, кто уничтожил печать и превратил газеты в горестную пустыню» [3].

В это время турецкая печать была почти уничтожена: газеты были обложены особым налогом, что в большой мере угрожало издательствам и существенно сокращало круг читателей. Административные кары за преступления в области печати могли довести «виновного» не только до тюрьмы, но и до смертной казни. Чем же могло закончиться такое государственное правление в начале XX века? В 1909 году султан Абдул-Хамид II был низложен. И уже три года спустя Раиф Недждет и Садык Наджи переводят с французского роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Вплоть до середины XIX века в Османской империи главными литературными произведениями были персидские творения «Лейла и Меджун», «Юсуф и Зулейха», а также характерные для турецкой культуры «Деде Коркут», «Кероглу», «Керем и Аслы». Полноценных романов в это время в Турции не существовало, так как этот вид искусства в литературе являлся художественным результатом развития буржуазного общества и имел под собой основу свободы поиска личности в новых условиях – в секуляризованных границах капиталистического общества. Османская же империя оставалась все еще незыблемой частью мусульманского мира.

Из предисловия к первому изданию романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», специально написанного владельцем турецкого издательства, видно, что это произведение долгое время также было запрещено в Османской империи: *«...Ровно двадцать лет назад я напечатал ежегодный справочник. Наша библиотека, впервые познакомившая османскую печать с портретом Толстого, в то же время попыталась издать собрание его сочинений. И даже „Крейцерову сонату“, которую одновременно с нами печатал в журнале „Икдам“ господин Ахмет Расим, мы издали в виде книги. В то же время я заказал перевод „Войны и мира“. Каким-то образом к тому времени в министерстве народного образования произошли изменения и началось сильное давление. Министерство запретило все издания произведений Толстого. К счастью, была провозглашена свобода. И я, не теряя времени, заказал перевод „Воскресения“ этого великого писателя и напечатал его под названием „Приобрести жизнь*

снова” в газете „Миллет”, которую тогда начал издавать. Но, видимо, вследствие невезучести моего народа это не только не привело к успеху, но и ни единого достойного романа за эти три года не было напечатано» [Цит. по: 4]. Турецкий ученый Гюнал Эмине Зейнеп из университета Гази полагает, что это было связано с указом падишаха, запрещавшим издание книг, пропагандирующих западную культуру и христианство. В указе, в частности, говорилось: «Ни один владелец издательства не имеет права издавать и предоставлять информацию о каких-либо книгах без разрешения министерства народного образования». Под этот указ, по всей видимости, и попали произведения Толстого. Это было в первую очередь связано с тем, что, хотя турецкое общество находилось в ожидании интеллектуального и духовного удовлетворения, такие произведения, как «Анна Каренина», по мнению Абдул-Хамида II, могли нанести политический и моральный вред Османской империи. Он и так считал любую европейскую женщину (и русские здесь не были исключением) слишком независимой. Падишах был возмущен, когда столкнулся с тем, что идея о независимости проникла в его собственный гарем. Он считал, что с этой идеей в Османской империи нужно бороться. Толстой же в «Анне Карениной» показывал независимость женщины от религиозных и светских устоев: главная героиня покидает семью и сына, живет вне брака с любимым человеком и хочет быть независимой. Данная концепция коренным образом меняла само понятие миссии женщины в Османской империи. Султан Абдул-Хамид II, по всей видимости, читал это произведение, переведенное специально для него с французского языка, и запретил его. В книге «Мои политические воспоминания» Абдул-Хамид II раскрывает свои взгляды на эту тему следующим образом: «Наша империя/страна верующая, милостивая и такой остается. Если учения нашей веры разрушаются, значит, Империи настал конец. Османская империя собрала под своим крылом много народов мира. Но не стоит на это обращать внимание, а наоборот, нужно подчеркнуть, что все мы мусульмане» [Цит. по: 5, с. 404].

Произведения Л.Н. Толстого, особенно написанные после 1880 года, как правило, пропитаны философией христианства, которая, естественно, противоречила устоям мусульман-

ской политики Абдул-Хамида II, пытающегося всеми силами в очень сложной геополитической ситуации отстоять владения Османской империи. В это время напряжение, возникшее вследствие действий младотурок, восстания армян и балканских христиан, а также опасность, которую представляли собой Англия и Россия, привели внутреннюю жизнь Турции в состояние нестабильности. Произведения Толстого, по мнению султана, могли усугубить положение. Кроме того, произведения Толстого стали почвой для нового учения о преобразовании общества путем морально-религиозного самоусовершенствования. Толстовцы проповедовали «всеобщую любовь» и «непротивление злу насилием». Начиная с 1895 года они стали воплощать свои проповеди в жизнь, призывая к отказу от воинской службы и повсеместному уничтожению любого оружия. На рубеже XIX и XX веков сначала в России, а затем и во многих странах Западной Европы, в Америке, Японии и Индии стали возникать толстовские общины, или, как их еще называли, «культурные скиты». Идеи Толстого проникли даже в Южную Африку. Численность его последователей в мире превысила 30 тыс. человек. Все это не могло не волновать Абдул-Хамида II, которому нужно было сохранить свою власть, а вольнодумные идеи толстовцев могли этому помешать. Однако не следует забывать, что Абдул-Хамид не был невежественным халифом, наоборот, он много читал, интересовался западноевропейской литературой и изобразительным искусством. В период его правления с европейских языков было переведено около тысячи книг. Все, что хоть как-то могло угрожать устоям его личной власти, Абдул-Хамид отвергал. Но и во время его правления некоторые произведения Толстого удалось издать в Турции. Так, например, в 1909 году вышли в свет книги «Кавказский пленник» и «Бог правду видит, да не скоро скажет» в переводе с русского Х. Хюсю. За ними последовала «История одной женитьбы» в переводе Раифа Недждета, но он был сделан с французского языка и местами не соответствовал оригиналу.

Несмотря на запрет пропаганды идей и произведений Л.Н. Толстого в Османской империи, турецкая общественность, узнав о смерти великого русского писателя в ноябре 1910 года, приняла это известие очень близко

к сердцу. Передовые газеты призывали к скорейшему изданию в Турции лучших произведений Толстого, а некоторые театры даже потребовали, чтобы им разрешили поставить спектакли по его произведениям.

Начиная с ноября 1910 года в трех номерах иллюстрированного ежемесячного журнала «Ресимли китап» («Иллюстрированная книга») печатались статьи о творчестве Толстого, написанные знаменитым турецким критиком Наджетом. В нем также был опубликован очерк о жизни и творчестве Толстого, написанный Юсуфом Акчуром.

В одной из своих статей Наджет писал: *«...Своими мыслями и произведениями Толстой потрясал мир и призывал человечество к возвышенным целям; им вечно могут гордиться не только русские, но и все люди, ибо его воодушевляла благородная забота — служить человечеству, служить всеобщему счастью...»*. В другом отрывке говорилось: *«Жизнь Толстого прошла в полувекковой политико-общественной и религиозно-нравственной борьбе. Он боролся все время с насилием и мраком, с глупостью и фанатизмом, со злом цивилизации — ее ложью, лицемерием и грязью. Подобно Руссо, Толстой был убежден в доброй натуре человека, в том, что она только испорчена общественными условиями. Поэтому он неутомимо работал над созданием религии добра. Но на пути к идеалу он пережил ряд внутренних потрясений и кризисов... но в конце концов пришел к мысли, что счастье человек обретает в любви, свободной от ненависти и гордости, в горячей, беспредельной любви к человечеству»* [Цит. по: 6].

В газете «Миллет» («Народ») с 1911 года начал публиковаться роман Толстого «Воскресение», который перевел с французского языка Хайдар Рафат. В Турции он вышел под названием «Теджеддют-ю хаят» («Возрожденная жизнь»). В том же году в газете «Танин» («Рассвет») появились рассказы «Корней Васильев» и «Три смерти». В 1912 году на турецком языке были изданы повесть «Хаджи-Мурат» и роман «Анна Каренина» в четырех томах (перевод для издательства «Библиотека Ибрагима Хильми» подготовили Раиф Недждет и Садык Наджи).

В 1914 году в Стамбуле отдельным изданием вышли трактаты Толстого «О смерти» и «Философия жизни». И тут же на страницах турецких газет разгорелась жаркая полемика: можно ли считать Толстого философом? Непротивление злу наси-

лием порождало новую перспективу духовной эволюции человека, с которой турки сталкивались впервые. Данная концепция рассматривалась великим русским мыслителем как главное проявление духовности в человеке. При этом духовность для Толстого — это высшее начало, «истинная основа жизни человека и всего мира», специфическое человеческое свойство, составляющее сущность человека, поднимающее его над миром животных; благодаря этому свойству он осуществляет поиск смысла жизни и объясняет связь собственного конечного существования с бесконечным, вечным миром, Богом, истиной.

В 1921 году в Турции была напечатана повесть Толстого «Отец Сергей», которая в турецком переводе называлась «Любовь и измена» («Аджыклы бир сергюзешт»). Совсем недавно в архиве ценных изданий при Стамбульском университете группа сотрудников при участии профессора Олджай Тюркан нашла переводы еще нескольких произведений Толстого, которые были сделаны лично для султана Абдул-Хамида II. Среди них оказался и перевод «Неблагодарного писаря» («Хаин кятиб»), сде-

ланный Вели с немецкого языка и содержащий 217 страниц.

В 1923 году великое Османское государство, которое было образовано в 1299 году, прекратило свое существование, и началась новая история Турции. С 1891 по 1923 год в Османской империи, несмотря на все сложности, было опубликовано 17 литературных и 5 философских произведений русского классика на турецком языке. Переводы половины из них были осуществлены с языка оригинала, остальные — с языка посредника. По мнению известного турецкого русиста Олджай Тюркан, «несмотря на некоторые недостатки в переводах, в первую очередь таких, как несоответствие тексту оригинала, пропуски, вольные добавления, адаптации и пестрота стиля, первые переводчики Толстого на турецкий язык сумели донести до читателей представление о нем как о русском писателе и мыслителе мировой величины. Можно также отметить, что деятельность по переводу творчества Льва Толстого внесла большой вклад в ознакомление Турции с культурно-художественными ценностями России и способствовала собственной этнокультурной идентификации турок» [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **M-me Gülnar de Lebedev.** Rus Edebiyatı. Asadoryan Matbaasy [Text] / Gülnar de Lebedev. — İstanbul, 1895.

2. **Олджай Тюркан.** Переводы Л.Н. Толстого и роль акторов в поисках этнической идентичности турок [Текст] / Олджай Тюркан // Материалы XII конгр. МАПРЯЛ «Рус. язык во времени и пространстве» / под ред. Л.А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е.Е. Юркова. — 2011. — Т. 4. — С. 97–103.

3. **Джевдет Кудрет.** Цензура в период правления Абдул-Хамида [Текст] / Джевдет Кудрет // Там же. — С. 116.

4. **Гюнал Эмине Зейнеп.** Л.Н. Толстой в османской Турции [Текст] / Гюнал Эмине Зейнеп // Там же. — С. 275–278.

5. **Шифман, А.И.** Лев Толстой и Восток [Текст] / А.И. Шифман. — М.: Изд-во вост. лит., 1960.

6. **Инаньр Эмине.** Архетипические мотивы путешествия в рассказах Л.Н. Толстого [Текст] / Инаньр Эмине // Материалы XII конгр. МАПРЯЛ «Рус. язык во времени и пространстве» / под ред. Л.А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е.Е. Юркова. — 2011. — Т. 4. — С. 293–296.

7. Электронный ресурс. Выступление Олджай Тюркан 31 октября 2011 года в Стамбульском университете на III Междунар. сем. «Россия — Турция: параллели истор. и культурного развития», организованном гуманит. фак. СПбГПУ и фак. политологии Стамбульского ун-та. — Режим доступа: <http://www.kultur.org/KulturelEtkinlikler.aspx?ToplantıSeminer>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
spboizk@yandex.ru

KUZNETSOV Dmitriy I. — St. Petersburg State Polytechnical University.

195251, Politehnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
spboizk@yandex.ru

УДК 94 (575.2):008

И.В. Горина

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В КИРГИЗИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

I. V. Gorina

MANAGEMENT OF CULTURAL PROCESSES IN KYRGYZSTAN AT THE FIRST YEARS OF SOVIET AUTHORITY

Аннотация

В статье на примере становления профессионального театрального искусства Киргизии показано управление культурными процессами в первые годы советской власти. Исследуется развитие сценического искусства от самодеятельного творчества до профессионального.

Ключевые слова

КУЛЬТУРНЫЕ ИНСТИТУТЫ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА, АГИТАЦИОННАЯ РАБОТА, ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ТЕАТРЫ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СЦЕНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО.

Abstract

The article shows management cultural processes in the first years of Soviet State through of developing professional theater. It examines the development of the performing arts from the amateur to the professional activity.

Keywords

CULTURAL INSTITUTIONS, CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES, AGITATION, AMATEUR THEATRES, STSGE ART, FIRST TEAMS OF THEATRES.

Государство является важнейшим институтом политики, в котором она получает свое наиболее полноценное выражение, выступая в роли «заказчика» и «спонсора», оказывая поддержку материально или через предоставление привилегий в сфере культурной деятельности.

Целенаправленными культурными процессами в стране занимаются культурные институты – государственные учреждения политико-идеологического и законодательского профиля, разнообразные общественные организации, воспитательные, просветительские и образовательные заведения, средства массовой информации, издательства и т. д., определяющие, какими сферами культуры нужно управлять, выбирающие цели, объекты, методы и средства воздействия. Именно культурные институты задают нормативные образцы и призваны регулировать ценностные ориентации людей.

Попытаемся рассмотреть в данной статье, как складывалось управление культурными процессами в Киргизии в самые первые годы

советской власти; существовала ли целенаправленная культурная политика; преследовала ли власть чисто миссионерские, просветительские цели или ставила перед собой лишь задачу превращения местного населения во всеобщее развитую, процветающую нацию; какими средствами воздействовала советская пропаганда на сознание людей, какие формы и методы использовала для этого.

В целях формирования нового национального сознания в соответствии с социалистической идеологией Советское государство уделяло особое внимание развитию театрального дела как наиболее массового и доступного зрелища. В январе 1918 года при Наркомпросе РСФСР был организован театральный отдел (ТЕО), а 26 августа 1919 года опубликован декрет СНК о национализации театров, подписанный В.И. Лениным, предусматривавший образование при Наркомпросе высшего органа по руководству театрами – Центрального театрального комитета (Центртеатр) [1, с. 66–67].

В 1921 году руководство театрами, за исключением академических, было передано художественному отделу вновь созданного органа «государственной пропаганды коммунизма» — Главполитпросвета.

В Киргизии советская власть была установлена к середине 1918 года. В апреле — мае того же года возникло первое государственное образование Средней Азии — Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (ТАССР), вошедшая в состав РСФСР. Киргизия же вошла в состав ТАССР.

Дореволюционная Киргизия по грамотности населения являлась одним из самых отсталых районов России [2, с. 11]. Поэтому с установлением советской власти большевики стали предпринимать энергичные меры по созданию широкой сети государственных и общественных школ и просветительских учреждений. В первые годы советской власти просвещение и культура распространялись среди трудящихся в основном посредством культурно-просветительной и агитационной работы, печати, изб-читален, библиотек, художественной самодеятельности, театра. Одной из форм культурно-просветительной работы была политическая агитация. Агитаторы играли большую роль в деле внедрения в массовое сознание большевистской идеологии. В условиях массовой безграмотности населения главной формой культурно-просветительной работы были беседы, громкие читки. Избы-читальни стали центром всей массово-политической и культурно-просветительной работы, при них действовали пункты и курсы ликвидации неграмотности, библиотеки, театральные труппы и кружки самодеятельности, в них проводились лекции, читки газет, ставились спектакли.

При политуправлении Туркфронта в 1919–1922 годах существовала гастролировавшая русская драматическая труппа «Синяя блуза», освещавшая злободневные вопросы политической и общественной жизни в народных пьесах, обзорениях и частушках [3]. Здесь все действительно было рассчитано на массовость и отвечало быстрому темпу жизни революционной эпохи — эпохи интенсивного строительства нового общества. Костюм, гримировка, бутафория были условными, декораций как таковых не имелось, а текст роли артисты старались выучить наизусть. Следовательно, от них требовались хорошая память, приличный

голос, а также «расторопность, находчивость, хладнокровие, чувство группового ритма». Так, например, один пел и декламировал из передовой газеты, другой читал телеграмму, обращенную в стихотворный размер, третий — фельетон, четвертый — хронику и т. д. Но скоро «Синяя блуза» выросла из рамок «живой газеты» и приобрела самостоятельное лицо как особый вид культурно-массовой работы. Возникли кружки «синяблузников» в Пишпеке и Оше. Для них сочинялись краткие пьесы, концертные монтажи агитационно-воспитательного характера. Все это имело большую популярность у коренного населения.

С 1919 года все большее распространение на территории Киргизии получают клубные учреждения как новые общественно-политические и культурные центры. К числу первых очагов культуры относятся Народный дом в Пишпеке, открытый по решению уездного Совета народных депутатов, и сельский клуб в коммуне им. Карла Маркса близ Пишпека. В марте 1920 года открылся рабочий клуб в Кызыл-Кие. В начале 1921 года начал свою работу Народный клуб им. Ленина в селе Успенское Пишпекского уезда. Открытие клуба началось с митинга и закончилось показом комедии Г.Ф. Квитка-Основа-Яненко «Шельменко-денщик» в исполнении актеров-любителей. На следующий день была сыграна комедия А.П. Чехова «Медведь».

В Караколе большую культурно-просветительную работу проводил Клуб им. К. Либкнехта, где имелись библиотека, читальня, ленинский уголок, общество «Долой неграмотность», уголок безбожника, функционировали драматический, научный, литературный, музыкальный, политический кружки, спортивная секция. В нем регулярно устраивались громкие читки, беседы на политические темы, лекции, вечера, показывались спектакли, кинокартины и т. д. Клуб шефствовал практически над всеми культпросветучреждениями уезда [4]. К концу 1924 года в Каракольском уезде функционировали 8 клубов, 6 библиотек и 2 избы-читальни [5], а всего на территории Киргизии к этому году действовало уже 35 клубных учреждений, 28 из них — в сельской местности [6, с. 272].

С первых дней советской власти практически все учреждения культуры были объявлены народным достоянием. 8 ноября 1918 года исполком Совета народных депутатов Пиш-

пекского уезда утвердил устав музыкально-драматического кружка «Свобода». Была удовлетворена просьба кружковцев о национализации театра «Эдисон», а также принято постановление о выделении 10 тыс. рублей на ремонт здания театра, приобретение костюмов и других принадлежностей. В январе 1919 года кружку «Свобода» было отпущено 15 тыс. рублей для устройства сцены театра [7]. 30 ноября того же года кружок начал свою деятельность с постановки пьесы А.Н. Островского «На бойком месте». Позже, в октябре 1923 года, кружок был реорганизован в Центральный рабочий театр, в репертуар которого вошли спектакли: «Пучина», «Бедность не порок» и «На бойком месте» А.Н. Островского, «Женитьба» Н.В. Гоголя, «Безденежье» И.С. Тургенева, «Чужое добро впрок» А.А. Потехина, «Шельменко-денщик» Г.Ф. Квитка-Основьяненко, пьесы местных авторов.

В 1918 году начал работать театральный коллектив и при Клубе коммунистов, который ставил в основном революционные пьесы местных авторов: «Два мира» Е. Вольного, «В царстве коммуны» Г. Швец-Базарного (первого председателя Пишпекского уездного Совета народных депутатов) и др. В 1920 году этот театральный коллектив стал называться Советским любительским театром (при Клубе коммунистов) [8, с. 199].

В том же году по инициативе агитпросвета при гарнизонном клубе в Оше была создана концертная труппа из учителей – узбеков и киргизов. Артисты в сопровождении красноармейцев ездили по кишлакам; наряду с концертной деятельностью они вели активную агитационно-пропагандистскую работу. Через два года труппа перешла в ведение политпросвета. В ее репертуаре кроме концертной программы были и одноактные пьесы. Любительская группа вскоре превратилась в Ошский театр национальных меньшинств [9, л. 10]. Но, конечно же, уровень сценической культуры был еще невысок, артистам не хватало опыта, не было профессиональных актеров и актрис, нужных костюмов и декораций, четкого и до конца продуманного режиссерского и оформительского замысла. Все это ослабляло деятельность театра.

Следует отметить, что в отличие от других видов киргизского народного творчества теат-

ральная самодеятельность не получила широкого развития. Это был новый вид искусства, с которым киргизский народ только начинал знакомиться. Интерес к театру пробуждали спектакли русских, украинских театральных трупп, заезжавших в этот край. Кроме того, студенты, учившиеся в Ташкенте и Алма-Ате, рассказывали об увиденных там спектаклях, шедших на татарском, узбекском, казахском языках. При политпросвете существовала мусульманская труппа, дававшая спектакли в пользу населения, пострадавшего от белых банд, но киргизов в ней практически не было. По свидетельству известного киргизского драматурга К. Джантошева, первый спектакль на киргизском языке был сыгран в феврале 1920 года в сельской школе «Чолпон» близ Каракола. Начали ставиться спектакли на киргизском языке и в других школах. Авторы, местные учителя, отражали в пьесах наиболее злободневные и волнующие вопросы: борьба бедняков с баем, неравноправное положение женщины. Спектакли эти были, в сущности, лишь слегка театрализованным чтением, но местное население посещало их с большим удовольствием.

На примере театра в Караколе видно, что со временем театр стал наполняться мусульманами, в числе зрителей появились и женщины-мусульманки. Любительская труппа, состоявшая в основном из учителей, летом 1920 года поставила пьесу М. Горького «На дне», которую пришли посмотреть 450 человек [Там же. Л. 100]. Самодеятельные постановки театра отличались хорошим художественным уровнем и были близки к профессиональному театру [Там же].

В июле 1920 года в Советском театре в Пишпекке был организован концерт-митинг для делегатов V уездного партийного съезда, который посетили 110 делегатов съезда, 350 красноармейцев, а также 60 горожан города. В программу концерта вошли театрализованные революционные песни и декламации. 21 августа 1920 года театр поставил пьесу А.Н. Островского «Женитьба Белугина»; на спектакле присутствовало 500 красноармейцев и гражданских лиц [10, с. 59].

Необходимо отметить, что театры оказывали постоянную помощь консультациями и необходимыми для сценического оформления материалами возникающим повсеместно в городах и селах молодежным самодеятельным кружкам.

Активно работал Союз учащейся молодежи, созданный в 1918 году в Пишпекке. Союз организовал музыкально-драматический, хоровой и литературный кружки, устраивал спектакли, вечера и концерты, как пишет С.С. Данияров, «с целью искоренения пережитков прошлого» [10, с. 60]. Комсомольцы Кызыл-Кия также создали драматический и другие кружки, духовой оркестр. В рабочем клубе, открытом в марте 1920 года, члены Союза учащейся молодежи ставили спектакли, читали лекции, проводили вечера художественной самодеятельности [11, с. 450]. Возникли молодежные театральные коллективы и в селах Ак-Су, Ивановка, Садовое и др.

По архивным данным, в Пишпекском уезде в 1920 году функционировали 3 любительских театра (в Пишпекке, Токмаке, селе Ново-Николаевск), 3 библиотеки (русская, мусульманская и смешанная) [12], цирк и клуб (в Пишпекке); в Пржевальском уезде – музей, библиотека, театр и 29 изб-читален [13, с. 256]; в Нарынском уезде – театр с киргизской труппой. Кроме того, в уездных центрах было по одной киноустановке. Согласно сводке культпросветотдела Пржевальского уездно-городского комитета КПТ, во второй половине 1920 года спектакли посещали 400–500 человек одновременно. В национальных школах силами учащихся ставились на киргизском языке пьесы, переведенные с казахского языка или написанные любителями-учителями [14, с. 16].

Но трудности в организации театрального дела в республике были огромными. В докладе заведующего театральной секцией внешкольного подотдела Пишпекского уездного отдела народного образования В. Черницова сообщается о работе театральной секции, которая только за последнюю неделю июля 1920 года поставила 7 спектаклей и провела 1 кинематографический сеанс. В то же время он отмечает, что «постановка театрального дела в Пишпекке находится в весьма плачевном состоянии вследствие отсутствия средств, грима, репертуара, реквизита и бутафории, а также до сих пор не выяснено положение участвующих артистов, вследствие чего многие любители совершенно отказываются принимать какое-либо участие в постановке спектаклей» [15, л. 9].

Несмотря на эти трудности, Пишпекский уездный отдел народного образования

уделял самое пристальное внимание вовлечению коренного населения в художественную самодеятельность. При его художественном подотделе была создана мусульманская показательная труппа, состоявшая из 38 человек. Однако, чтобы привлечь в театр киргизского зрителя, необходимо было прежде всего решить вопрос о том, на каком языке ставить спектакли. Художественный подотдел поручил режиссеру мусульманской показательной труппы «на первом же заседании Союза кирбедноты выяснить вопрос о том, на каком языке для киргизов понятней постановка: на татарском или на узбекском» [16]. Решено было играть на татарском языке. Тем не менее существование мусульманской театральной труппы не снимало вопроса о создании киргизской труппы. В середине 1921 года художественный подотдел приступил к организации в Пишпекке киргизской труппы и составил план ее работы, однако ее создание было связано с большими трудностями, так как профессиональных киргизских актеров в это время еще не было, но имелись актеры-любители из числа киргизов в мусульманской труппе [15, л. 275, 355].

Из-за отсутствия подходящего помещения было принято решение о строительстве летнего театра на 1000 мест. А пока спектакли русской и мусульманской артистических трупп ставились в Клубе коммунистов, имевшем зрительный зал на 400 человек и освещение при помощи локомотива и дров.

Несколько позднее, в первой половине 1921 года, в Пишпекке из двух лучших русских самодеятельных коллективов была организована русская показательная труппа при художественном подотделе Пишпекского уездного отдела народного образования. Режиссеры выбирались на общем собрании труппы (избраны были А. Енш, В. Образцов и Н. Надеждин). Как свидетельствуют источники, русская показательная труппа состояла из 40 полупрофессиональных артистов. Часть из них работали в учреждениях, на предприятиях и были актерами-любителями. Другая часть артистов находилась на службе в русской показательной труппе, получая зарплату в зависимости от категории. При определении, к какой категории отнести того или иного актера, учитывались его работоспособность, дикция, умение держаться на сцене, случаи провала роли и искажения пред-

ставляемого образа и др. В труппе соблюдалась строгая дисциплина.

Репертуар русской показательной труппы был довольно разнородным: ставились пьесы и А.Н. Островского и пьесы-однодневки с интригующими названиями — «Убогая и нарядная», «Чиновнику прахом пошло» и т. п. Большинство пьес было довольно невысокого качества, но все они были идеологически выдержанными, так как репертуар всех существовавших в то время театральных кружков контролировался художественным подотделом Пишпекского уездного отдела народного образования. Всего русской и мусульманской труппами за первые пять месяцев 1921 года было поставлено 9 пьес на русском и 10 на «мусульманских» языках; кроме того, было устроено 6 концертов-митингов. «Население Пишпека, как граждане, так и товарищи красноармейцы, живо интересуются театром и охотно посещают все постановки. Мусульманское население сначала мало посещало театр, но в настоящее время театр мусульманами переполнен, среди публики наблюдается и немало женщин-мусульманок», — отмечалось в докладе художественного подотдела Пишпекского уездного отдела народного образования о деятельности театральной секции за 1921 год [13, с. 257].

О том, насколько было популярно театральное искусство в Киргизии в первые годы советской власти, свидетельствует широкое распространение в Пишпекском уезде театральных кружков. Любительские театральные кружки работали в селах Беловодское, Ивановка, Садовое, Благовещенское и др. На места для оказания практической помощи выезжали режиссеры русской показательной труппы; кроме того, кружки снабжались необходимыми для сцены материалами (грим, парики, декорации).

В конце 1920 года в селе Ат-Баши (Нарынская обл.) состоялось открытие гарнизонного красноармейского театра. В день открытия татарская труппа нарынского агитпросвета показала спектакль с концертным отделением, на котором присутствовало более 400 человек; на следующий день она организовала концерт-митинг. 6 января 1921 года киргизской труппой был поставлен спектакль, собравший не менее 700 человек из окрестных районов и волостей, в том числе 130 женщин-мусульманок. Как писала «Правда», спектакль и концерт-митинг

произвели сильное впечатление на присутствовавших, зрители с большим интересом следили за исполнением артистов. В ближайшее время агитпросвет предполагал открыть гарнизонный театр в селе Кочкорка [17].

Исходя из значительной роли театра в деле воспитания нового, коммунистического сознания и учитывая огромное воздействие слова на массы, спектакли самодеятельных русской показательной и мусульманской трупп начинались со вступительной беседы-лекции на злободневные темы: «Текущий момент», «Что такое советская власть?», «Старая и новая армия» и др.; разъяснялось содержание и идейная направленность пьесы. Большей частью эти выступления носили культурно-просветительный и пропагандистский характер [18].

Пишпекским угоркомом партии в конце 1920 года была организована так называемая «Красная повозка», состоящая из 4 лекторов и 2 артистических трупп (русской и мусульманской, каждая по 10 человек), имевших граммофон с набором пластинок, «волшебный фонарь» с сериями картин научного характера, передвижную библиотечку новейшей литературы — беллетристики и политической. Для усиления культурно-политического просвещения сельского населения работники «Красной повозки» должны были устраивать концерты-митинги, инструктировать членов коммунистических ячеек, организовывать культпросветработу и постановку спектаклей [19].

Большой популярностью среди населения пользовались «Красные юрты» и передвижные юрты-читальни. Например, созданная политпросветом Пржевальского уезда передвижная юрта-читальня только по южному берегу озера Иссык-Куль за период с 23 октября по 10 ноября 1920 года обслужила более 300 человек [20].

Выявленные нами источники свидетельствуют о большой культурно-просветительной работе, проводившейся среди рабочих. Так, в Кызыл-Кие в распоряжении рабочих был Клуб им. Луначарского, имевший зрительный зал на 400 человек, сцену и комнаты для библиотеки и читальни. В 1921 году здесь существовали драматический кружок и духовой оркестр. За период с 1 января по 15 августа было поставлено 20 спектаклей на русском и 4 на «мусульманских» языках, из них 6 пьес на революционные темы, а остальные — по произведениям Ост-

ровского, Чехова и других русских писателей. В среднем на каждый месяц приходилось примерно по 3-4 спектакля; каждый спектакль в среднем посещало до 300 человек [10, с. 64].

Но по-прежнему в связи с массовой неграмотностью коренного населения и отсутствием достаточного количества культурных очагов основной и действенной формой культурно-просветительной работы в Киргизии, как и в ТАССР в целом, была устная пропаганда, организация митингов, беспартийных конференций, концертов, громких чтот, спектаклей, которые сопровождалась лекциями на политические, антирелигиозные, исторические и другие темы. Так, в 1922 году в течение мая только по Пишпекскому уезду было организовано 10 концертов-митингов, 5 общих митингов, поставлено 7 спектаклей, 7 раз устраивалась громкая читка; в Пишпекке состоялось 17 спектаклей, 8 митингов, 17 митингов-концертов, 9 политбесед [21].

В начале XX века, когда киргизская сценическая культура только начинала складываться, кадры, работавшие в области художественного слова, были малочисленны. Низки и поверхностны были их общеобразовательный уровень, профессиональная подготовка, невелик творческий опыт. Молодая страна не имела еще материальных и культурных предпосылок для того, чтобы открыть специальное учебное заведение, которое могло бы за три-четыре года подготовить профессиональных драматургов, подобно тому, как в ту пору осуществлялась подготовка первых агрономов, учителей и т. д.

К сожалению, ни в прессе тех лет, ни в скудных архивных фондах нам не удалось най-

ти описаний спектаклей, ставившихся многочисленными любительскими театральными кружками по всей Киргизии. Но ясно одно: театральное искусство, имевшее на первых порах еще довольно примитивные формы, дало свои сильные побег, из которых впоследствии выросло и приобрело широкий размах профессиональное театральное искусство Киргизии.

Таким образом, с установлением в крае советской власти вопрос об общественно-культурной жизни местного населения вошел в программу государственной политики социальных преобразований и решался системно. Создавалась целая система культурно-просветительных учреждений, включавшая множество различных структур — от кружков и обществ любителей драматического искусства до комиссариата (министерства) просвещения. Вся культурно-просветительная работа, в том числе и театральное дело, оказалась под непосредственным руководством большевистских комиссаров, а не профессиональных актеров и режиссеров, что впоследствии определило партийный характер советского сценического искусства.

Подводя итоги исследованию культурных процессов, комплекса мероприятий по их осуществлению в Киргизии в самые первые годы советской власти, мы пришли к выводу, что в идеале государственная культурная политика должна в основных своих проявлениях моделировать механизмы естественно протекающего цивилизованного процесса, действовать в рамках социальных законов, стимулируя ускоренное развитие общества в том направлении, в котором оно само по себе объективно движется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин, В.И. Революция. Театр (Документы и воспоминания) [Текст] / В.И. Ленин. — Л., 1970.
2. Куманев, А. Социализм и всенародная грамотность [Текст] / А. Куманев. — М., 1967.
3. Крестьянский путь. — 1926. — 21 апреля.
4. ЦГА ПД КР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 488. Л. 12.
5. Там же. Д. 437. Л. 59, 61, 79.
6. Киргизская Советская Социалистическая Республика [Текст]: энцикл. — Фрунзе, 1982.
7. ЦГА КР. Ф. 89. Оп. 1. Д. 99. Л. 111.
8. Зима, А.Г. Великий Октябрь в Киргизии [Текст] / А.Г. Зима. — Фрунзе: Илим, 1987.
9. ЦГА ПД КР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10.
10. Данияров, С.С. Культурное строительство в Советском Киргизстане (1919–1930) [Текст] / С.С. Данияров. — Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [Текст]. Ч. I. — Изд. 7-е. — М.: Госполитиздат, 1954.
12. ЦГА ПД КР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.
13. Культурное строительство в Киргизии (1918–1929) [Текст]: сб. документов и материалов. — Т. 1. — Фрунзе, 1957.
14. Львов, Н. Киргизский театр. Очерк истории [Текст] / Н. Львов. — М., 1953.
15. ЦГА КР. Ф. 653. Оп. 1. Д. 100.

16. Там же. Д. 193. Л. 80.

17. Правда. — 1921. — 16 января.

18. Пишпекский листок. — 1919. — 30 января.

19. ЦГА ПД КР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 685. Л. 34–35.

20. Там же. Д. 39. Л. 15.

21. Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 217. Л. 26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ГОРИНА Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и рекламы Кыргызско-Российского славянского университета.

720000, Киргизская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44

тел. (0312) 43-75-11

gorina72@rambler.ru

GORINA Irina V. — *Kyrgyz-Russian Slavic University.*

720000, Kievskaya, 44, Bishkek, Kyrgyz Republic

gorina72@rambler.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 82:392.3(575.2)(04)

*Г.Д. Данильченко***ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ В РАННИХ ПОВЕСТЯХ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА***G.D. Danilchenko***THE HISTORICAL CONTEXT IN EARLY NARRATIVES CHINGIZ AITMATOV****Аннотация**

На материале повестей «Джамиля», «Тополек мой в красной косынке», «Верблюжий глаз» рассматриваются проблемы нового времени, меняющего судьбы людей и их отношение к жизни. Анализируя в статье ранние произведения Чингиза Айтматова, автор показывает исторические изменения в жизни киргизских аилов.

Ключевые слова

ТРАДИЦИИ, КИРГИЗСКАЯ СЕМЬЯ, ЛЮБОВЬ, ОБРАЗЫ ТРУЖЕНИКОВ, СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ.

Abstract

Based on the stories of “Jamila”, “My little poplar in a red kerchief”, “Camel’s eye” is a new time, changing people’s lives and their attitude to life. This article analyzes the early stories of Chingiz Aitmatov, in which the author shows how history changed the course of life, in the Kirgiz countries.

Keywords

TRADITIONS, KYRGYZ FAMILY, LOVE, IMAGES OF WORKERS, SOVIET WAY OF LIFE.

Чингиз Айтматов, 85-летний юбилей которого отмечается в 2013 году, принадлежит к поколению советских писателей, чье творчество неотделимо от успехов и проблем социалистического строительства. Будучи одним из самых популярных и читаемых советских писателей, он прошел нелегкий путь: сына «врага народа»; обласканного властью народного писателя Киргизии; писателя мирового уровня, автора эпохальных романов «Тавро Кассандры» и «Вечная невеста».

Стремительно ворвавшись в мир советской литературы, Айтматов рассказал не только советским читателям, но и читателям всего мира о своем маленьком народе – киргизах. Благодаря талантливым произведениям молодого автора весь образованный мир познакомился с жизнью и бытом киргизского народа. В середине XX века Чингиз Айтматов был удостоен высокой чести – он стал лауреатом самых престижных премий Советского Союза: Ленинской (1963) и Государственной (1968). Роль Айтматова в становлении и формировании киргизской и в целом советской культуры уже обозначена, однако и новые поколения современных чита-

телей находят в его творчестве отзвуки проблем, волнующих мир сегодня. В данной статье мы обратимся к анализу ранних повестей великого писателя, чтобы уже современным взглядом увидеть и оценить то время, тех людей, те проблемы, которые волновали послевоенное поколение советских людей.

Рассказав о скромной жизни своих земляков, Айтматов не только прославил их на весь мир, но и заставил весь мир взглянуть в сторону своего народа.

Советский критик Н. Потапов писал: «Чингиз Айтматов создал яркую галерею образов простых тружеников, показал их в повседневной работе, в жизни, в семье, во всем разнообразии их судеб. Он донес до нас из далеких киргизских долин печали и радости Джамили, Алтынай, Асели, Кадичи, Данияра, Дюйшена и многих других» [1, с. 10].

Тема любви занимает в творчестве Ч. Айтматова особое место. Советская критика отмечала своеобразное художественное воплощение этой вечной темы на материале киргизской жизни в повести «Джамиля». Совершенно прав Н. Потапов, утверждающий, что «главное в

„Джамиле” все же не сама по себе драма разрыва с прошлым, не противостояние молодой женщины окружающей среде, а процесс зарождения и торжества ее любви к Данияру, открытия этими людьми друг друга» [1, с. 11].

Традиции киргизской семьи испокон веку строились на любви и уважении. Только такая любовь и приносит счастье. Поэтому свекровь Джамиле так учит свою молодую сноху: «Женское счастье – детей рожать да чтобы в доме достаток был» [2, с. 10]. Так же рассуждают и односельчане Джамиле после ее побега с Данияром: «Дура она! Ушла из такой семьи, растоптала счастье свое» [Там же. С. 52]. Для многих односельчан Джамиле ее поступок непонятен не только потому, что идет война и долг женщины ждать своего мужа, но и потому, что родственники Садыка относились к ней как к родной, по-хорошему, а она ушла, поддавшись своим чувствам и сделав больно всем, кто любил и уважал ее.

Джамиле ищет себе оправдание в том, что муж не уделяет ей достойного внимания и в своих письмах передает ей поклон лишь в самом конце послания. Но такова традиция, и Садык просто следует этой традиции. Не теплые чувства к жене движут Садыком, когда он пишет письмо, а навсегда усвоенная традиция приветствовать и желать здоровья всем родственникам по их значимости, начиная с отца, старшей жены, младшей жены и далее всех родственников в строгой очередности. И как бы второпях он передает привет Джамиле, что обижало Джамиле, и она всегда с болью отмечала это: «Конечно, когда живы отец с матерью, когда здравствуют в аиле аксакалы и близкие родственники, называть жену первой, а тем более писать письма на ее имя просто неудобно, даже неприлично. Так считает не только Садык, но и каждый уважающий себя мужчина. Да тут и толковать нечего, так уж было заведено в аиле, и это не только не подлежало обсуждению, но мы просто над этим не задумывались, да и не до этого было. Ведь каждое письмо – желанное, радостное событие» [Там же. С. 15]. Читая письма от Садыка, Джамиле искала в них другой любви, а не находя даже намека на эту другую любовь – любовь к женщине, отдавала письмо матери с холодным равнодушием. То, что устраивало свекровь: «Пусть стану я жертвой ваших писем, хоть сло-

вечко черкните, жив, мол, я и все – нам большего не надо» [Там же], совсем не устраивало Джамиле. Получая очередное письмо, она думала: «Он никогда не любил меня. Даже поклон и то в самом конце письма приписывал» [Там же С. 49].

Будучи воспитанной в традиционной семье, находясь под бдительным оком байбиче, которая ее любила и уважала, Джамиле, казалось бы, должна была чтить законы своих предков. И она их чтит. Зная, что ее муж на войне, она ждала его верно и преданно, отвергая грязные ухаживания наглых односельчан. На сенокосе к Джамиле стал приставать дальний родственник Осмон. Нагло и пренебрежительно он отозвался обо всех женщинах и оскорбил Джамиле: «Война – ты и бесишься без мужниной камчи! – Щелочки его глаз поблескивали похотью» [Там же. С. 13]. Джамиле на такую наглость могла ответить только презрением: «брезгливо сплюнув», она зашагала прочь, но на весь день настроение ее было испорчено. Грязное вождение грубого, примитивного Осмона оскорбляет Джамиле, приносит ей глубокую душевную боль и обиду, потому что вождение, не одухотворенное возвышенными чувствами, лишенное духовной красоты, вызывает ощущение чего-то грязного и неприятного.

Но каким высоким оказывается влечение Джамиле к Данияру! Как только Джамиле поняла, что Данияр тронул ее душу песней и еще чем-то более трепетным, она попросила освободить ее от работ по перевозке зерна на станцию. Джамиле почувствовала, что новое, зарождающееся чувство сможет вытеснить любовь-долг к мужу, как оказалось, к нелюбимому мужу. Трудно сказать, что в большей мере послужило причиной побега Джамиле из дома, где ее любили, из колхоза, где у нее было все: подруги, уважение, работа. Может быть, это было веяние нового времени, которое, по словам Калыгула, будет отличаться тем, что

Женщина в разладе с мужем

Скажет, что он ей не нужен,

Много есть других не хуже [Цит. по: 3, с. 12].

Или это была любовь, увлекшая ее без остатка, такая любовь, ради которой не страшно порвать со всем, что так привычно и дорого?

Джамиле честно пыталась бороться с нахлынувшим на нее чувством, но любовь оказалась взаимной, и это осложнило развязку. Те-

перь уже ни Джамия, ни Данияр своих чувств не сдерживали. Он смотрел на нее с «любовью и грустью», она пришла к нему сама и за скирдой на соломе припала к его груди. Их любовные слова исполнены великой веры в человеческое счастье. Джамия признается, что она давно любила Данияра, даже когда не знала, любила и ждала. А он тоже мечтал о ней в окопах и знал, что его любовь – это его Джамия.

Война, труд и любовь переплелись в судьбах героев, отражая время. Критика отметила: секрет успеха «Джамии» в «органическом слиянии любви со своим временем». З. Кедрина написала, что Айтматов «прекрасно и в манере, вызывающей глубокое уважение, подтвердил причастность своего народа к новой советской культуре» [4, с. 18]. Любовь Джамии и Данияра стала образцом для молодого поколения киргизских и в целом советских читателей. Судьбы героев повести Айтматова вдохновляли молодежь на борьбу за свое счастье, против старых традиций, мешающих людям жить по-новому. Любовь в судьбах героев повести Айтматова отражала новое время, когда девушка из простой семьи, жившая в далеком киргизском аиле, смогла противостоять древним традициям адата, когда величие любви оказалось сильнее многовековых устоев. Не только герои айтматовского произведения жили в новом времени, новое время жило в них. Необыкновенно поэтичная история любви Джамии и Данияра стала символом преодоления вековых предрассудков, ставивших человека в жесткую зависимость от традиций. Критик И. Нонешвили в рецензии на повесть «Джамия», опубликованной в газете «Правда», отмечал: «И не случайно француженка Жюльетта Драль называет повесть киргизского писателя олицетворением любви для тех волнующих времен, в которые мы живем» [5, с. 32].

Чингиз Айтматов в своих ранних повестях рассказал советскому читателю о жизни народа, который вместе с другими народами огромной страны строил новую жизнь. И ростки этой новой жизни писатель усматривал в повседневной культуре, связанной с каждодневным трудом, рутинной работой, ежедневными радостями и печалью. И в этой повседневной жизни рождалось новое восприятие мира, понятное любому гражданину огромной страны и родившее молодое поколение, которое выступало за отказ

от старых традиций и приветствовало рождение нового мира. Как верно отметил критик А. Берзер, «...мягкость, естественность переходов от старого традиционного аильского быта к новым временам и людям – черта, вообще весьма характерная для Чингиза Айтматова» [6, с. 34].

В повестях 1950–1960-х годов Ч. Айтматов показал жизнь киргизского народа на колхозных полях и сложных горных дорожных трассах, в городских квартирах и сельских юртах, на перевалах и кордонах. Это народ, одолевший врага на полях сражений Великой Отечественной войны, испивший горькую чашу испытаний голодом и холодом, народ, увлеченный строительством новой жизни. Безумное увлечение великим строительством, желание покорить стихию, попытки доказать победоносную силу человека над стихиями отличали нового человека и довольно часто служили причиной неразумной гибели техники, животных и людей. Увлечение рекордами довольно часто играло злую шутку с людьми. И об этом тоже писал Айтматов в своих произведениях. В этом он видел характер времени, времени великих подвигов и свершений, достаточно часто трагичном времени для судеб отдельных героев.

В повести «Верблюжий глаз» писатель показал нам, как небольшая группа колхозников покоряет анархическую целину. Айтматов снимает романтический флер с повседневной тяжелой жизни покорителей целины, показывает, как тяжело живется и работает людям. Особенно нелегко приходится главному герою, от имени которого ведется повествование, – Кемелю, вчерашнему школьнику, прозванному «академиком» за его любовь к чтению и глубокое знание истории, полученное в школе. Герой честно справляется со всеми трудностями, которые приготовила им прекрасная, но не желающая покоряться человеку анархическая целина. История, увиденная глазами молодого человека, демонстрирует новую культуру чувств, формируемую советским образом жизни, его коллективистской моралью. Тракторист Абакир – герой, вызывающий противоречивые чувства: с одной стороны, это работающий парень, дорожащий каждой минутой своего рабочего времени, с другой – агрессивный хулиган, рвач и обыватель. Разумеется, эти человеческие качества не поощрялись в советском обществе, культивирующем взаимовыручку, взаимопомощь.

мощь и поддержку. Конфликт Кемеля и Абакира выходит за рамки личных отношений, это конфликт старой, феодальной морали и новой, социалистической. Время и в этой повести разводит героев по разные стороны баррикад. В новой жизни, по мнению автора и его положительных героев, нет места стяжательству, эгоизму, карьеризму, хамству, грубости и лжи во взаимоотношениях. Герои, пренебрегающие этими правилами, становятся изгоями в обществе, где все поставлено на службу коллективизму, поддержке и честности в отношениях.

Так, Ильяс, герой повести «Тополек мой в красной косынке», становится жертвой собственного тщеславия и самоуверенности. Он решает самостоятельно «потягаться с перевалом» — проехать с груженым прицепом без страховки и поддержки своих товарищей. И терпит неудачу. Но одна неудача влечет за собой другую: узнав об измене мужа, Асель с ребенком уходит из дома. Время, рождающее героев, предъявляет к ним свои требования. Потеряв Асель, Ильяс пытается построить новую жизнь с Кадичой. Все у них было хорошо, да вот любви не было. И это еще более усугубляло чувство вины перед Аселью. Уехав с Кадичой, Ильяс пытается начать новую жизнь с женщиной, которая встала между ним и его Аселью, но ничего хорошего из этого не вышло, потому что так «взбудоражить душу» никто, кроме Асели, не мог: «Мы с Кадичой трудностей не боялись и, надо сказать, жили неплохо, с уважением друг к другу. Но одно дело — уважение, а другое — любовь. Если даже один любит, а другой нет, это, по-моему, не настоящая жизнь. Или человек так устроен, или я по натуре своей таков, но мне постоянно чего-то не хватало» [7, с. 487]. Любовь Ильяса и Асели не приносит радости влюбленным, но она делает их жизнь благородней, осмысленней, учит их бережнее относиться к людям, которые идут с ними по жизни рядом. Ильяс, отправляя Кадичу на целину, понимает, что не получится у них совместной жизни: «Возможно, я остался бы с ней, если бы не знал, что значит настоящая любовь, как это любить самому и быть любимым» [7, с. 488]. Жизнь Асели устроилась: Бектемир не только стал ей хорошим и надежным мужем, но и замечательным отцом ее ребенку. Бектемир помог Асели в самые сложные времена. Одна, с маленьким ребенком на руках, без всяких средств к существованию, Асель встре-

чает Бектемира, который испытывает и к ней, и к ее сыну необыкновенную нежность. Бектемир одинок, он даже боится мечтать, что эти двое могут стать его семьей, и все делает так, чтобы они смогли полюбить его за теплые душевные качества. По-отцовски нежно Бектемир относится к ребенку Асели, чем растапливает в ее сердце лед недоверия. Он легко и ненавязчиво окружает своих гостей теплом, заставляет их поверить в сердечность человеческих отношений. Эта разумная любовь заставляет Асель ответить на искренние чувства Бектемира. Асель разумом понимает, что это тот человек, который нуждается в их любви, да и им необходима его любовь.

А встреча Асели с Ильясом убеждает их обоих в том, что все «потеряно безвозвратно, навсегда» И хотя повесть заканчивается на грустной ноте, она оптимистична.

Ильяс потерял свое истинное счастье — счастье единственной на всю жизнь большой любви. Но мы верим в то, что герои наши найдут свое счастье, и заменой любви конкретно-чувственной будет другая любовь: любовь-дружба, любовь-преданность, любовь-уважение, любовь разумная. А мир стоял и стоять будет на любящих и любимых.

История народа может быть передана не только в научных источниках. Художественная литература дает нам неоценимый материал, рассказывающий как о подвигах и свершениях, так и о проблемах повседневной жизни. Из произведений художественной литературы узнаем мы о людях, которых рождает то или иное историческое время.

Проблемы, поставленные Ч. Айтматовым, волновали советского читателя, какой бы национальности он ни был, но специфика национального самосознания киргизского народа в произведениях великого писателя отразилась как раз на фоне тех великих дел, которые киргизский народ совершал вместе с другими народами Советского Союза. «Каждая эпоха посылает на скачки своего всадника» — этот афоризм как нельзя более подходит к явлению Чингиза Айтматова в мировой литературе. Критик Н. Потапов утверждал, что эпоха небывалого расцвета культуры киргизского народа избрала его своим «всадником» и он в стремительном творческом порыве уверенно берет один рубеж за другим [1, с. 37, 38]. Прошло уже несколько лет, как

ушел из жизни великий киргизский писатель, но герои его произведений живут и будут жить, покоряя читателей своей искренностью и глубокой верой в справедливость общественного миропорядка.

Чингиз Айтматов не был историком, но по его произведениям можно изучать советскую историю киргизского народа, отношения между людьми, характерные для эпохи великих подвигов и свершений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Потапов, Н.** Свет человечности [Текст] / Н. Потапов // Айтматов Ч. Собр. соч. В 3 т. Т. 1. – М., 1982.
2. **Айтматов, Ч.** Рассказы [Текст] / Ч. Айтматов. – М., 1958.
3. **Рудов, М.А.** Стихотворной строкой [Текст]: поэт. сб. / М.А. Рудов. – Бишкек, 2008.
4. **Кедрина, З.** Золотая жила [Текст] / З. Кедрина // Чингиз Айтматов (Статьи и рецензии о его творчестве) / сост. К. Абдылдабеков; ред. А. Садыков. – Фрунзе, 1975.
5. **Нонешвили, И.** Счастье Джамили [Текст] / И. Нонешвили // Там же.
6. **Берзер, А.** Победа и поражение Ильяса [Текст] / А. Берзер // Там же.
7. **Айтматов, Ч.** Тополек мой в красной косынке [Текст] / Ч. Айтматов // Повести и рассказы. – М., 1970.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ДАНИЛЬЧЕНКО Галина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории, культурологии и рекламы Кыргызско-Российского славянского университета.

720000, Киргизская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44

тел.: (0312) 43-77-23

daniilchenko_g@mail.ru

DANILCHENKO Galina D. – *Kyrgyz-Russian Slavic University.*

720000, Kievskaya, 44, Bishkek, Kyrgyz Republic

daniilchenko_g@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 1(091), 13.0, 17.0

В.А. Серкова

МЕТОД КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В РАБОТЕ Л.Н. ГУМИЛЕВА «В ПОИСКАХ ВЫМЫШЛЕННОГО ЦАРСТВА»

V.A. Serkova

METHOD OF DESIGN OF HISTORICAL EVENTS IN WORK OF L.N. GUMILEV "IN SEARCHES OF THE INVENTED EMPIRE"

Аннотация

В статье анализируется раннее произведение Л.Н. Гумилева «В поисках вымышленного царства». Проводятся параллели между методологией Гумилева и некоторыми аналитическими процедурами в современной ему западной философии, в частности с методом фальсификационизма К. Поппера, исторической герменевтики Х.-Г. Гадамера, методом деконструкции Ж. Деррида.

Ключевые слова

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ФАЛЬСИФИКАЦИОНИЗМ, ГЕРМЕНЕВТИКА, КОНСТИТУИРОВАНИЕ, ДЕКОНСТРУКЦИЯ.

Abstract

In article the content of early work of L.N. Gumilev "In searches of an invented empire" is analyzed. The parallels are held between methodology Gumilev and some analytical procedures in modern to him the western philosophy, in particular, a method of falsification of K. Popper, historical hermeneutics of H.-G. Gadamer, a method of a deconstruction of J. Derrida.

Keywords

METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH, FALSIFICATIONS, HERMENEUTICS, CONSTITUTION, THE DECONSTRUCTION.

Произведение Льва Николаевича Гумилева «В поисках вымышленного царства» занимает особое место в творчестве великого русского историка. Оно было опубликовано в 1970 году и вызвало большой интерес у читающей публики.

До сих пор спорят о жанре этой книги — настолько необычны предмет исследования и метод изложения. Гумилев реконструирует историю государства, само существование которого серьезные историки подвергают сомнению. И это не фикционализм в обычном своем воплощении в художественном произведении — Гумилев не сочиняет историю, а пишет ее *as if*, «как если бы это произошло», ведь историк должен исследовать то, что случилось в действительности.

В книге излагается история многих степных этносов, в частности шато и киданей (позднее они станут известны как тюрки и монголы). Гумилева интересует время существования государства киданей, основателем

его историк считает Елюй Даши династии Ляо империи Сунн. Киданьская империя является для Гумилева тем легендарным государством «пресвитера Иоанна», о котором сохранились недостоверные и противоречивые свидетельства древних источников.

Итак, исходная цель исследования — историческая реставрация событий IX–X веков на пространствах Великой степи. Это задача сама по себе титаническая. Но цель исследования Л. Гумилева парадоксальна по своей сути: он берется реконструировать историю государства, «которого не было». Для чего исследователь ввергает себя в столь сомнительное с точки зрения академической науки и здравого смысла предприятие? Задача исторической реконструкции осложняется еще и идеологической подоплекой событий, ведь в Великой степи сосуществуют и сталкиваются идеологии многих религиозных систем и конфессий. Проблема, поставленная Гумилевым: могло ли в XI и

ХII веках христианство стать той системой ценностей, которая определила бы расстановку сил в кара-киданьском государстве. Но по ходу своего исследования Гумилев решает и задачу, определявшую весь круг его научных интересов, — он стремится преодолеть представления о мнимой застойности кочевых народов Средней Азии, пытается «опровергнуть обывательское мнение о пресловутой неполноценности кочевых народов Центральной Азии, якобы являвшейся китайской периферией. На самом деле эти народы развивались самостоятельно и интенсивно» [1, с. 29]. Гумилев реконструирует основы идеологической системы огромного пространства, на котором сосуществовали ислам, буддизм, местные родовые культы, а также разновидности христианства. В этом конгломерате соперничали мировые религии и древние мифологии. Историк сосредоточил свои исследовательские усилия на том мгновении исторического существования империи киданей, когда все они соединились в феномен, определенный Гумилевым как «степное византийство».

Идея «степного византизма» дала возможность историку увязать в целое множество противоречивых тенденций в расстановке политических сил на пространствах Великой степи. В этом свете преодоление «молчания хроник» об истории государства пресвитера Иоанна [Там же. С. 64], т. е. реконструкция истории «несуществующего царства», по-новому объясняет «существующее», подтвержденное источниками.

Итак, Гумилев берется воспроизвести то, что скрывается за «царством Иоанна в трех Индиях». «На самом деле, — признает Л.Н. Гумилев, — его не было, но идея его существования, его необходимости и даже возможности осуществления возникла и играла роль в политической и военной истории Азии. Христианское царство, возглавляемое царем-священником, — только мечта восточных христиан, но эта мечта была настолько действительна, что <...> многим начала казаться реальностью...» [Там же. С. 100].

Вообще, процесс научного конституирования (утверждения порядка) фактов связан, кроме всего прочего, с радикальной переоценкой значения реальности, объективности. Очевидность происходящего, т. е. того, что имеет место, может быть изначальной, а может быть сложно структурированной и потому сложно реконструируемой. В этом свете задача Л.Н. Гу-

милева имела два аспекта: с одной стороны, это историческая проблема восполнения пробелов аутентичных источников, с другой — философская проблема «оправдания метода».

Следует признать, что в последнее время такого рода научную практику перестали причислять к разряду авантюрных затей. Если раньше подобные эксперименты в академической среде ученых исследователей, будь то в исторической, искусствоведческой или филологической науке, ничего, кроме презрительного и высокомерного отношения, не вызывали, то теперь историческая реставрация предполагаемых событий перестала быть курьезом и вызывает интерес у философов-методологов. В теории К. Поппера, П. Фейерабенда, Э. Гуссерля, Х.-Г. Гадамера, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида можно найти методологический арсенал, позволяющий оправдывать такой деликатный исходный материал, который мы можем определить как «воображаемое», «фантазм», «фикция» или, как в данном случае, историческая фальсификация, даже заблуждение, ошибка.

Первым в списке методологов, допускающих ценность «фаллибилизма», или не признанной в научном мире интерпретации событий, является К. Поппер. Свой метод Поппер называет «фальсификационизмом», а его основу определяет как «принцип фальсифицируемости». Он полагал, что полная обоснованность и достоверность знаний в науках, и в так называемых точных, и в гуманитарных, недостижимы, поэтому любая теория впоследствии может быть опровергнута, а значит, единственно надежным свойством ее является потенциальная опровержимость, «фальсифицируемость». Следовательно, нет недоступных для критики систем науки, или парадигм, и попытки отойти от устойчивых догматических представлений в науке всегда должны приветствоваться и даже культивироваться.

«Здесь отстаивается точка зрения, согласно которой все законы и теории являются по существу своему временными, предпочтительными или гипотетическими даже в случае, когда мы не способны сомневаться в них» [2, с. 51].

Его теория фаллибилизма удивительным образом коррелирует с хорошо организованным здравым смыслом, хотя Поппер полагает, что его следует дополнить теорией «предположительного знания»: «Я большой поклонник

здорового смысла и утверждаю, что он по существу самокритичен. Но хотя я готов до конца отстаивать существенную истинность реализма, основанного на здравом смысле, я в то же время считаю основанную на здравом смысле теорию знания грубейшим субъективистским заблуждением. Это заблуждение подчинило себе всю западную философию. Я предпринял попытку искоренить его и заменить его объективной теорией знания, по существу предположительного (*conjectural*) знания. Может быть, это притязание и дерзко, но я не приношу за него извинений» [3, с. 1].

В работе «Нищета историцизма», посвященной проблемам гуманитарного знания, Поппер пишет о необходимости «согласования априорной дедукции с историческим свидетельством», именно это превратит тенденцию развития событий (род научного предсказания) в исторический закон [4, с. 139]. Но ведь само по себе историческое свидетельство является главной проблемой в исторической науке. Главная трудность, с которой сталкивается в своем исследовании культуры кочевых народов Л.Н. Гумилев, — это необходимость восполнения «пробелов аутентичных источников» [1, с. 25]. Именно работа с историческими свидетельствами, или фактологической базой, определяет сложности методологии исследования. Проблема в общем состоит в том, что в истории нет «чистого факта», а возможны только разнообразные формы его конструирования. Даже свидетель события является не более чем его комментатором, представляющим событие в одной из множества его интерпретаций. Как пишет Гумилев, «на поверхности явления видны только последствия глубоко скрытых причин» [Там же. С. 61]. С этой точки зрения очевидно, что проблемы историографии коренятся в самой природе описания фактов и событий, которые представлены в форме явлений, т. е. как определенные (модифицированные) сознанием значения и смыслы произошедшего и происходящего. Именно поэтому не всегда можно проверить свидетельства и современных нам источников, отсюда информационные войны, проблемы лжесвидетельства, идеологические атаки. Что уж говорить о сведениях, сообщаемых древними авторами, их «нельзя принимать без исторической критики, которая редко может быть достаточной в силу отрывоч-

ности сведений и изолированности источников друг от друга» [Там же. С. 23]. Все это и порождает проблему преодоления «беспомощности перед источниками» [Там же. С. 94].

Факты минувшего оказываются доступными нам по ограниченному количеству источников и многочисленным комментариям и изложениям. Самая надежная источниковедческая фаза представлена «войнами и договорами, законами и реформами, сведенными в синхронистическую таблицу»; именно они «позволяют историку путем сложного анализа сначала вскрыть мотивы событий, а затем синтезировать ход процесса, что и будет венцом исторического исследования» [Там же. С. 61–62].

При реконструкции событий кочевого мира, мало отраженных в исторических хрониках, определенную роль могли бы сыграть факты из параллельно развивающейся истории западного мира. Это позволило бы хоть как-то уменьшить «белое пятно истории» народов Великой степи [Там же. С. 63]. Сличая разнообразные источники, вскрывая мотивы поступков и их оценки, историк интуитивно или методологически вполне осознанно *еще раз* конструирует событие. Методологическая проблема состоит в ответе на вопрос, будет ли это описание отличаться по степени объективности от других свидетельств, коль скоро ученый претендует на понимание особого рода — научную объективность? Будет ли описание непосредственных свидетелей обладать преимуществами перед современными солидными академическими исследованиями? На этот вопрос невозможно дать однозначный ответ. Ученый в этом свете представляется только более осторожным рассказчиком, который осознает, что описанная им история по преимуществу является конструкцией *als ob*.

Задачи, которые ставит перед собой Гумилев в реконструкции событий средневекового государства пресвитера Иоанна, обращают нас и к классическим герменевтическим проблемам, в наиболее законченном виде представшим в герменевтической теории Х.-Г. Гадамера.

Суть герменевтики состоит в попытке решения проблем, связанных с «онтологическим переплетением первоначального и репродуцируемого бытия» [5, с. 184], бытия, воспроизведенного в том числе в науке. Это в общем является свидетельством того, что герменев-

тические проблемы с неизбежностью возникают перед любым ученым. Потому «задача герменевтики предстает перед ним как задача универсальная» [5, с. 237]. В этом отношении Л.Н. Гумилев является классическим герменевтиком-истолкователем не только по объему своей научной деятельности, но по масштабам личности. Этимологически значение этого направления в философии, которое приобрело законченную и теоретически последовательную форму в учении Х.-Г. Гадамера, восходит к имени греческого бога Гермеса, посредника между людьми и богами в истолковании слов и воли последних. В общем смысле понятие «герменевтика» применяется для объяснения процессов понимания, приобщения к традиции, общения не только с другими людьми, но и с самим собой. В герменевтике понимание представляется сложным процессом истолкования событий, форм и структур их осознания, способа их «духовного производства». Эти процессы описаны в самом значительном труде Гадамера «Истина и метод». В нем показано, что идеалы научности не следует выводить, ориентируясь на естественные науки. Аргумент Гадамера в обосновании особенности, специфичности гуманитарной области состоит в том, что цель здесь — это понимание явления в уникальной «однократной и исторической конкретности», как неповторимого события, однажды свершившегося. И парадоксально то, что это уникальное событие в истории встраивается в процесс непрерывного истолкования. Тем самым прошлое событие беспредельно расширяет границы своего существования в процессе своего бесконечно перетолкования. Оно в силу своей значимости продолжает длиться в «вечном настоящем». Постигая событие, ученый утверждает его в истории. При этом дистанция между событием и интерпретатором не упраздняется, она принципиально неустранима. Исторические ситуации могут разделять тысячелетия, и потому смысл события всякий раз «производится» заново. Любой ученый, согласно Гадамеру, по преимуществу герменевтик. Существует множество способов понимания, и никому не дано объявлять, что ему открылась истина «в последней инстанции». Работа «Истина и метод» Гадамера заканчивается словами: «Плох тот герменевтик, который воображает, что он может или должен был бы сохранить за собой последнее слово» [Там же. С. 646].

Образцом для герменевтической формы любого вида научной деятельности выступает произведение искусства или «большое событие» в культуре. В лингвистике есть термин «экфрасис», который означает описание события или явления в совершенной форме, т. е. в художественной. Гадамер разделяет мнение Гегеля о том, что искусство выделяется из всех видов духовной деятельности именно тем, что в нем исключается всякая «случайность действительности», устраняется «невразумительность сырого факта» [Там же. С. 256]. Исторические исследования Льва Гумилева и представляются такими совершенными образцами хорошего, добротного русского языка, и прежде всего Гумилев — наследник и продолжатель традиции акмеистической литературы. Его исторические исследования являются по преимуществу образцами письма-экфрасиса.

Гадамер в качестве основы исторической герменевтики выдвигает требование «держаться в определенных границах уместности» [6, с. 257]. Причем эти границы определяются непосредственно-интуитивно, что не исключает того, что за этой непосредственностью всегда стоят вкус, воспитание, образование, уровень интеллекта, искушенность и прочие. составляющие духовного опыта. И здесь Л.Н. Гумилев является образцом ученого с феноменальной интуицией, которая позволяет ему восполнять пробелы исторического свидетельства.

Итак, практика герменевтического истолкования не исчерпывается ни наличием исходного текста исторического события, ни множеством вариативных комбинаций комментирования. Герменевтическая практика осуществляется в произведении Гумилева «В поисках вымышленного царства» как чистый эксперимент предъявления наличного при невозможности сличения его с «первособытием». Разумеется, и Гумилев отдает себе в этом отчет, методологические риски здесь достигают своего апогея. Воспроизводимое Гумилевым событие — это «модифицированные значения полагаемого», т. е. вариативные формы некоторого исходного исторического содержания, того, что не может осуществиться помимо этого усилия ученого. Оно не существует в качестве какой-либо объективной обналиченности, как некоторая природная форма. То, что имеет значение «объективно существующего», с позиции герменев-

тика вопрос недоверного существования. Подлинно существующим является наполнение этого неопределенного существования смыслами. Но что дает основания ученому полагать, что его практика в данном случае является все-таки родом научной деятельности?

С точки зрения классического герменевтика, государство пресвитера Иоанна — это такое неизвестное, которому мы уже приписываем определенные атрибуты: предположительно существующее, о чем нет сведений или они недостоверны или даже сфальсифицированы. Это «объективно несуществующее» оказывается предметно обозначенным, как говорят философы, «положенным», т. е. открытым для того, чтобы наполнять его определенными свойствами, и тем самым для выхватывания этого предмета из темноты абсолютно неизвестного. Другими словами, мы уже придали ему некоторый смысл, совершенно меняющий суть дела. Если далее мы будем опровергать концепцию Гумилева относительно существования этого государства, то даже в своих опровержениях косвенно будем онтологически подтверждать предмет дискуссии. Это обычный ход герменевтической процедуры исследования. Важное для нас состоит в том, что, если бы сведения об истории государства Иоанна подтвердились каким-либо образом, это вовсе не меняло бы характера аналитической работы с ним — все исследование строилось бы в том же духе, и все так же наполнялось бы характеристиками, соположенными с начальной гипотезой о его существовании (или не существовании). В герменевтическом анализе начальное событие располагается в поле множественных смежных комментариев. Изначальный текст — формальная причина множества других текстов и в то же время их неустрашимый фрагмент.

Философы-постмодернисты соглашаются в целом с представителями герменевтических теорий в том, что в современной культуре абсолютно равноправны и те, кто признает фальсифицированный феномен, и те, кто его отрицает, потому что все они выполняют свою основную роль — дают повод для новых исследований. В постмодернистской науке истина признается принципиально недоступной, она также учреждается, конституируется, как и факты, всеми, кто имеет доступ к ее производству и способам распространения.

Постмодернист Ж. Бодрийяр в определенном смысле изобрел понятие «симулякр», означающее природу мира, утратившего онтологическую устойчивость и определенность. В своей философской системе Бодрийяр придал ему статус основополагающей категории. Одно из значений этого понятия — предмет-подмена, суррогат, в некотором смысле обладающий большей реальностью, чем первообраз, поскольку экзистенциальной силы в нем может содержаться больше, чем в исходном образце. Бодрийяр исследует целый комплекс явлений, порождающих эффект симулякра, — рекламу, средства массовой информации, гаджеты, моду, образ жизни.

В капитальном труде философа-постмодерниста Ж. Делёза и психоаналитика Ф. Гваттари «Анти-Эдип» исследуются еще более масштабные способы производства симулякров — точное производство массового сознания.

Если в науке провокативность суждения и мнения может оправдываться как мыслительный эксперимент, то в реальной политике такое экспериментаторство безнравственно и разрушительно, поскольку в качестве аргументов и контраргументов в ход идут сотни и тысячи жизней. Мы все являемся свидетелями следствий такого «порядка вещей»: все самые крупные политические события — «цветные» революции, грузино-абхазская война 2008 года, все провокации и инсинуации последнего времени, их бурное обсуждение на ток-шоу — это не что иное, как проявление онтологических устоев современной культуры.

В произведении французского постмодерниста Ж. Деррида «О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только» [7] блестяще анализируется опыт порождения симулякров, и это находится в прямой аналогии с экспериментом Л.Н. Гумилева.

Как будто бы задача, поставленная в этом произведении, строго академическая — исследовать одно из писем Платона, а именно то, в котором он обращается к сиракузскому тирану Дионисию и вспоминает события своего пребывания на Сицилии. Это путешествие едва не закончилось для Платона трагически: тиран, поначалу благосклонно внимавший речам своего знаменитого гостя, как только Платон ему наскучил, отвез его на ближайший остров и чуть было не продал престарелого основателя академии в рабство.

В ученом мире давно сложилось мнение, что это письмо является несомненной фальсификацией. Тем не менее именно с того пункта, на котором закончил бы свой анализ академический исследователь, Деррида начинает свою работу. Его рассуждения разворачиваются по следующей логической схеме: если кто-то полагает, что это письмо Платона – фальсификация, он тем самым утверждает неявным образом, что знает, как различить в этом конкретном случае настоящее и подделку. То есть, утверждая, что известный предмет анализа – неподлинное, фальсифицированное письмо, мы тем самым выдаем векселя на то, что знаем и можем предъявить *подлинное письмо*. Таким образом, обычные процедуры, заложенные в рутинном историко-философском исследовании, не раскрывают той доли абсурдности, которая в нем содержится до того момента, когда мы «додумываем» программу этого исследования до конца. Деррида критикует академическую науку не выборочно и осторожно («слегка подтасовывая кое-что») [7, с. 139], а, напротив, систематично и последовательно. (Зафиксируем в этом месте пафос постмодернистского исследования – метод чистой критики ничего не стоит, если за ней не стоит интенция конгениального чистого творческого акта.) И работа, проделанная Л.Н. Гумилевым, в полной мере соответствует постмодернистской экстремальной исследовательской стратегии. Реконструкция событий – это императив исследователя, который должен рассказать о нем даже в том случае, если это событие кануло в Лету. Оригинальность и пафос научной деятельности историка Гумилева состоит в стремлении прочитать события прошлого во что бы то ни стало. Казалось бы, профессиональная этика историка требует обратного – отступить и признать невозможность знания в этом конкретном случае. Но это на первый взгляд, от которого скрыто пока что следствие, возникающее в академической науке по поводу любого критического оценочного суждения. Вообще говоря, здесь речь идет не только о новой профессиональной логике исследования, но и о совершенно иной этике, еще только утверждающейся в научной среде.

Сегодня история становится самой интересной и самой этически наполненной областью знания именно потому, что снимается

запрет на сослагательное наклонение в истолковании фактов. Только в этом случае «история чему-нибудь учит». Употребление такого привычного и казавшегося безобидным и даже не слишком наполненным понятия, как «истинное событие», или «объективный факт», или «реально произошедшее», теперь обязывает к освоению новой исследовательской методологией и, что еще более важно, призывает к практике действительно реализованного предъявления «истинного». Истинное – это не минувшее, на которое можно посматривать с равнодушным прищуром, история – это истинное, это факт всегда действительного существования, т. е. того, что разворачивается по гегелевской формуле «существование плюс подлинность этого существования».

На основе критики седьмого письма Платона, где рассказывается история путешествия прославленного философа к сиракузскому тирану, которого основатель академии взялся обучать философии и заодно хорошему управлению государством, Деррида проявляет благородный авантюризм, находящийся в близком родстве как с тем, что предпринял Платон, так и с тем, что осуществляют историки новой формации – те, для кого историческое событие перестало быть фетишем, а реконструкция исторического прошлого – методологически напряженная работа, что-то вроде шахматной игры, в которой на кон поставлена научная репутация и возможность быть причастным к научному сообществу, наконец, просто доброе имя ученого.

Исследования Льва Гумилева отражают многие методологические прорывы философии науки XX столетия (в герменевтике, феноменологии, теории «фальсификационизма», аналитике постмодернистов), и основные узлы этих исследовательских практик мы находим в его блестящих работах. Методология Гумилева – это не догматическая и мертвая схема, но практический способ исследования самых сложных фрагментов мировой истории. Метод его получает оправдание потому, что большой ученый не боится перейти грань, за которой каждый шаг осуществляется с огромными рисками. И, зная перипетии жизненного и профессионального пути великого русского исследователя, не стоит удивляться, как много пришлось ему заплатить за звание ученого-историка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гумилев, Л.Н.** В поисках вымышленного царства [Текст] / Л.Н. Гумилев. — М.: Т-во Кадышников, Комаров и К^о, 1992.
2. **Popper, K.** Conjectures and refutations. The growth of scientific knowledge [Text] / K. Popper. — 3-d ed. — L., 1969.
3. **Поппер, К.** Объективное знание. Эволюционный подход [Текст] / К. Поппер. — М.: Эдиториал УРСС, 2002.
4. **Он же.** Нищета историцизма [Текст] / К. Поппер. — М.: Прогресс, 1993.
5. **Гадамер, Х.-Г.** Истина и метод: основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. — М.: Прогресс, 1988.
6. **Он же.** Актуальность прекрасного [Текст] / Х.-Г. Гадамер. — М.: Искусство, 1991.
7. **Деррида, Ж.** О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только [Текст] / Ж. Деррида. — Мн.: Современ. литератор, 1999.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

СЕРКОВА Вера Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
henrypooshel@rambler.ru

SERKOVA Vera A. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*
195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
henrypooshel@rambler.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 378.14.013:316.48

М.А. Аكوпова, Т.А. Баранова

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА
КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

М. Akopova, T. Baranova

**FOSTERING THE PERSONALITY OF A CONTEMPORARY STUDENT
AS A CORE OBJECTIVE OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION**

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования личности современного студента. Авторами описаны этапы становления личности студента, приведены результаты экспериментального исследования по выявлению его индивидуально-личностных особенностей.

Ключевые слова

ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ, ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СОЦИАЛЬНО ПОЛЕЗНАЯ ЛИЧНОСТЬ, САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ, САМОПОЗНАНИЕ.

Abstract

The article deals with issues of fostering personality of a contemporary student. The authors report about phases of student personality formation, results of experiment on defining the individual features of student personality.

Keywords

PROCESS OF FOSTERING THE STUDENTSHIP, EDUCATIONAL ACTIVITY, SOCIALLY EFFICIENT PERSONALITY, SELF-ACTUALIZATION, SELF-COGNITION.

Образование, которое в последние десятилетия было сосредоточено на самовывживании и все более удалялось от реальных потребностей общества, личности и государства, больше не может оставаться в состоянии внутренней замкнутости и самодостаточности.

Основной идеологией современного образования, а также его важнейшей функцией является не только подготовка квалифицированных кадров для всех сфер деятельности, но и, что еще более важно, формирование личности, которая была бы адекватна новым требованиям времени. Современный выпускник высшей школы должен уметь легко адаптироваться к новым ситуациям, находить нестандартные решения, работать в команде, выходить из конф-

ликтных ситуаций, быть способным генерировать новые идеи.

Крис Хеджес, лауреат Пулитцеровской премии, в своей книге «Empire of Illusion» [12] отмечает: идея о том, что образование связано с тренировкой навыков и финансовым успехом, а не с обучением критически мыслить и решать нестандартные задачи, глубоко порочна, поскольку упускает такой важный аспект, как обязательство и ответственность перед обществом.

За последние два десятилетия российское высшее образование практически совсем отказалось от попыток формирования личности студента, ответственной перед обществом и ориентированной на интересы этого общества. В результате возникла система образования

воспитывающая узких специалистов, не дающая обучаемым ни целостной картины мира, ни привычки мыслить критически, лишенная важнейших моральных постулатов.

Интересно, что именно на Западе появилось понятие «социально полезная личность», т. е. личность с высоким образовательным уровнем, активным потреблением культуры, высоким уровнем познавательной мотивации, личность, характеризующаяся наивысшей социальной активностью и гармоничным сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости. Формирование такой личности подразумевает необходимость учить новое поколение не просто зарабатывать деньги, но и думать о благе общества.

Как отмечают многие зарубежные исследователи, бизнес-мораль, которая позволяет легко использовать, а затем отбрасывать людей, привела к тому, что люди не испытывают особого энтузиазма и лояльности ни к своей работе, ни к своему работодателю, ни к производимому продукту. Творчество и мотивацию к своему труду вызывает осмысленная работа как часть общего дела, организационная культура, основанная на взаимном уважении и поддержке.

Еще одна причина — разрушение национальной системы образования с его традициями, историей и культурой. Поэтому развитие национального и культурно ориентированного образования является ведущей предпосылкой активизации творческих сил и способностей и одним из важнейших инструментов формирования социально полезной личности.

Следует отметить, что этой же идеи придерживаются и многие западные исследователи, книги которых, к сожалению, практически не переводятся на русский язык. Их авторы считают, что система «образования как бизнес» уничтожает американскую и европейскую традицию культуры и науки и массово штампует зашоренных беспринципных управленцев, а «падающая набок» мировая экономика является прямым продуктом деятельности этих управленцев и результатом системы образования, спроектированной только для зарабатывания денег [12].

Образование должно быть ориентировано на интересы общества, которое, в свою очередь, должно оказывать самое серьезное воздействие на сферу образования, стать субъектом образовательной политики.

Итоги социологических опросов, проводимые в России, свидетельствуют о существенных изменениях, переоценке духовных и нравственных устоев предшествующих поколений и даже «девальвации» культурных ценностей.

Мировой опыт свидетельствует, что недостаточное внимание к вступающему в жизнь молодому поколению превращает его в мощный фактор дестабилизации общества.

В соответствии с гуманистической парадигмой цели воспитания следующие: а) создание условий, необходимых для полного освоения личностью материальной культуры и духовных ценностей, накопленных человечеством; б) оказание помощи воспитуемому в раскрытии его внутренних возможностей, выявлении его природных задатков, в движении по пути самоактуализации; в) стимулирование познания человеком самого себя, выработки индивидуального стиля жизни и деятельности (без чего невозможно достижение двух первых целей). Таким образом, основной акцент в воспитании, бесспорно, делается на процессе самоорганизации личности студента средствами своих внутренних ресурсов с помощью определенной внешней инициации.

Несомненно, данные цели являются актуальными для процесса формирования личности студента, так как направлены на создание таких взаимосвязей, как личность — культура, личность — духовная ценность, личность — внутренний мир, личность — социум, личность — личность и т. д.

Студенческий возраст — это особый период в жизни человека в силу того, что «по общему смыслу и по основным закономерностям возраст от 18 до 25 лет составляет, скорее, начальное звено в цепи зрелых возрастов, чем заключительное в цепи периодов детского развития» [6, с. 255].

Время учебы в вузе совпадает со вторым периодом юности или первым периодом зрелости, отличающимся сложностью становления личностных черт (Б.Г. Ананьев, А.В. Дмитриев, З.Ф. Есарева, И.С. Кон, В.Т. Лисовский и др.). Этот возраст характеризуется усилением сознательных мотивов поведения, целеустремленностью, решительностью, настойчивостью, самостоятельностью, инициативностью. Существенно развиваются теоретическое мышление, происходят качественные изменения в

познавательных возможностях. В студенческом возрасте достигают максимума своего развития психологические свойства и высшие психические функции: восприятие, внимание, память, мышление, речь, эмоции и чувства. По утверждению Б.Г. Ананьева, вышеобозначенный возраст является сенситивным периодом для развития основных социогенных потенций человека. Высшее образование оказывает значительное влияние на психику человека, развитие его личности. За время обучения в вузе при наличии благоприятных условий у студентов происходит развитие всех уровней психики.

Студенчество отличается от других социальных групп населения наиболее высоким образовательным потенциалом и высоким уровнем познавательной мотивации. В то же время студенческая молодежь – это социальная общность, которой свойственна наивысшая социальная активность и гармоничное сочетание интеллектуальной и социальной зрелости. Именно учет этой особенности должен лежать в основе отношения преподавателя к каждому студенту как полноправному партнеру педагогического общения, интересной для преподавателя личности. Следует отметить, что социальная и интеллектуальная зрелость предполагают выработку системы взглядов не только на мир, но и на свое место в нем, осознание себя носителем определенных общественных ценностей.

Потребность в самоутверждении, которая зародилась в отрочестве, продолжает интенсивно развиваться в студенческие годы. Мотивы доминирования проявляются в стремлении молодого человека влиять на других людей, быть авторитетным. Б.Г. Ананьев утверждает, что «это пора сложнейшего структурирования интеллекта, которое очень индивидуально и вариативно» [2, с. 346]. Однако следует отметить, что способность студентов к сознательной регуляции своего поведения в 17–19 лет развита еще не в полной мере [8, с. 67].

В современных исследованиях отмечается, что за последние десятилетия произошел сдвиг пика становления самосознания с 17–19 на 23–25 лет. Становление самосознания актуализирует проявление важнейших и часто противоречивых потребностей юношеского возраста – в общении, единении, достижениях и др. [11]. Данный факт свидетельствует о том, что в студенческом возрасте существуют реальные

предпосылки для возникновения внутриличностного конфликта, например, когда потребность в достижениях входит в конфликт с потребностью в общении.

Сегодняшняя молодежь характеризуется запоздалым взрослением, дефицитом учебной активности, инфантилизмом в поведении, часто безответственным отношением и к себе, и к окружающим людям. Мы полагаем, что вышеупомянутый парадокс – психологическая незрелость – обязательно должен быть учтен в ходе педагогического процесса.

Серьезного внимания, на наш взгляд, заслуживают межличностные отношения студентов. В этом возрасте легко иницируются знакомства, легко образуются дружеские связи. Молодые люди осваивают нормы отношений между людьми (деловые, личные и др.). Учебная деятельность проходит в группе, в среде однокурсников. В связи с этим специалисты (Ю.М. Орлов, Н.Д. Творогова и др.) обращают внимание на важность мотива аффилиации, под которым понимают стремление человека к вступлению в общение с членами своего общества, к созданию, сохранению и восстановлению положительных эмоциональных взаимоотношений с другими людьми. Если обнаруживаются препятствия (реальные или даже предполагаемые) в удовлетворении потребности в аффилиации, то это приводит к увеличению у студента психоэмоционального напряжения и тревоги, к возникновению состояния фрустрации, депрессии [7, с. 342], т. е. студент переживает тяжелый внутриличностный конфликт.

Б.Г. Ананьев определяет развитие личности, с одной стороны, как возрастающую по масштабам и уровню интеграцию – образование подструктур и их усложняющий синтез, с другой – как параллельный процесс возрастающей дифференциации психических функций (развитие, усложнение, «разветвление» психических процессов, состояний и свойств) [3, с. 88–94].

Следовательно, на каждом году обучения развитие студента имеет свои определенные черты. Первый год обучения в вузе решает задачи приобщения к студенческим формам коллективной жизни. Поведение учащихся отличается высокой степенью конформизма. Второй год обучения является периодом самой напряженной учебной деятельности студентов. При

этом включены все формы обучения и воспитания. Происходит формирование культурных запросов и потребностей. Процесс адаптации к студенческой среде завершен. В каждой студенческой группе складываются определенные межличностные взаимоотношения. Для третьего года обучения характерны начало специализации, укрепление интереса к научной работе. На четвертом году обучения происходит первое реальное знакомство со специальностью (учебная практика), переоценка студентами многих ценностей жизни и культуры. Пятый год обучения – перспектива окончания вуза – формирует четкие установки на будущую профессию, проявляются новые ценности, связанные с материальным и семейным положением, местом работы и т. п.

В соответствии с современной парадигмой образования в качестве основных субъектов воспитания можно рассматривать: общество, влияющее на личность; личность, являющуюся и объектом воспитания и одновременно выступающую как субъект воспитания и самовоспитания [9, с. 22].

В.А. Слостенин [10, с. 158–160], моделируя процесс субъективного становления личности, исходит из следующих соображений. Общими основаниями проектируемого дидактического процесса являются его сущностные характеристики и ориентация на развитие личности студента как субъекта учебно-воспитательной деятельности. Возможность стать субъектом образовательной деятельности реализуется в процессе интериоризации (формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности) внешних регуляторов (норм, правил, ценностей) во внутренние регуляторы жизни и деятельностью студента. При этом эффект перехода внешних воздействий во внутриличностный план будет тем выше, чем более адекватны разнообразные уровни развития субъектной позиции будущего профессионала. Все процедуры субъективного обучения студентов должны осуществляться на всех уровнях высшего образования. В соответствии с этим выстраивается приведенная ниже последовательность этапов становления и развития личности студента.

Первый этап (объектная, «нулевая» стадия субъективного развития студента) – это

формирование навыков самопознания, развитие рефлексивных способностей, способности к профессиональной интерпретации жизненных обстоятельств, стимулирование всех форм самостоятельности и активности в учебно-воспитательном процессе, альтернативных способов решения жизненных и профессиональных проблем.

Второй этап (объект-субъектная стадия) – овладение основами жизнестроительства. На этом этапе актуализируется познавательная рефлексия, происходит овладение ценностями и смыслами учебно-профессиональной деятельности, развивается умение создавать индивидуальные проекты жизненного пути, усиливается потребность в личностной и профессиональной самореализации.

Третий этап (субъект-объектная стадия) – развитие регулятивных механизмов деятельности, поведения и общения, поиск индивидуальных способов творческого самовыражения в образовательном процессе. Стимулируется поиск личностного почерка профессиональной деятельности, авторство в создании собственных моделей будущей деятельности.

Четвертый этап (собственно субъектная стадия) – это практическая реализация индивидуальных программ личностно-профессионального саморазвития; осуществление необходимой коррекции, самоанализ учебно-профессиональных и жизненных достижений; актуализация потребности самосовершенствования. На этом этапе активно завершается формирование субъектной позиции специалиста как системы его взглядов и установок в отношении собственного жизненного и профессионального пути.

Первый этап становления личности является базой для ее дальнейшего развития, так как подразумевает начальное формирование способностей, умений и навыков к профессиональной деятельности. Поэтому в вузе в ходе образовательного процесса ему следует уделять большое внимание.

Рассматривая возрастные и индивидуальные особенности, нельзя забывать о том, что стержень личности – это ее мировоззрение, которое подразумевает систему взглядов человека не только на мир, но и на свое место в нем, проявляется в понимании и оценке действительности, различных событий, фактов, в

социальном поведении личности, ее поступках, деятельности, накладывает отпечаток на чувства, волю, мотивы. Формирование мировоззрения студента означает развитие его рефлексии, осознание им себя субъектом деятельности, носителем определенных общественных ценностей. Все это обязывает преподавателя давать студентам возможность отстаивать свои взгляды, цели, жизненные позиции в процессе учебно-воспитательной работы в вузе.

Основной задачей воспитания студентов в вузе, по нашему мнению, является приведение в действие процессов активного саморазвития, самокоррекции личности. Оптимальное решение этой задачи возможно на основе принятия и использования в образовательном пространстве вуза концепции самоактуализации – концепции развития студента, основывающейся на идее максимально возможной опоры на процессы саморазвития, предполагающей создание условий для максимально эффективного использования учащимися своего потенциала на благо себя и общества. Нам близка позиция Е.Е. Вахромова, согласно которой концепция самоактуализации – одна из самых рациональных, результативных концепций развития студента, предполагающая максимально эффективное использование всех своих способностей, навыков, умений [5].

Осуществлению самоактуализации во многих случаях препятствуют присутствующие у каждого человека регрессивные тенденции, в основе которых лежат страх, враждебность или праздность, в частности синдром страха перед собственными возможностями [4, с. 34]. В этом случае происходит разрыв между стремлением к самоактуализации и реальным результатом, что, в свою очередь, является основой внутриличностного конфликта, который ведет и к межличностным конфликтам. Существует ряд условий предупреждения внутриличностных конфликтов: наличие устойчивой системы ценностей и мотивов личности, адаптивность и гибкость поведения, оптимистическое отношение к жизни, умение управлять своими желаниями и эмоциями, развитость волевых качеств, адекватность самооценки и т. п. [1, с. 297]. Наш взгляд, наличие вышеизложенной проблемы служит реальной причиной для организации педагогической поддержки процессов самопознания, самопонимания, адекватного отноше-

ния к себе, основной задачей которой является конструктивное разрешение как внутриличностных, так и межличностных конфликтов.

Таким образом, как показал анализ психолого-педагогической литературы, период студенческого возраста характеризуется активным формированием таких процессов, как самопознание и самоопределение, потребности в индивидуализации, лидерстве, готовности к рефлексии, активизацией всех сфер деятельности личности (эмоциональной, интеллектуальной, мотивационной и т. д.) и наиболее благоприятен для профессиональной подготовки и обучения.

В аспекте поставленной проблемы нам представляется необходимым уточнить эмпирическим путем индивидуально-личностные особенности студента на сегодня. Проведенное нами исследование было направлено на выявление интеллектуальных и эмоционально-волевых особенностей, а также на определение коммуникативных свойств и особенностей межличностного взаимодействия с помощью личностной методики Р. Кеттелла, определение степени самоактуализации студентов посредством самоактуализационного теста (САТ). В эксперименте приняли участие студенты 2-го и 4-го курсов СПбГПУ (общее количество респондентов 120).

Результаты эксперимента позволили сделать следующие выводы:

1. Значительная часть студентов испытывает трудности в установлении межличностных контактов, проявляет излишнюю строгость в оценке людей, критичность и ригидность; в трудных ситуациях отмечается склонность к несамостоятельности, зависимости от мнения других людей. Процесс общения современного студента характеризуется активностью. Особенно слабо развиты у студентов такие личностные качества, как готовность к сотрудничеству, принципиальность, смелость, инициативность, деликатность, внимательность, эмпатия, толерантность и другие, необходимые для конструктивного межличностного взаимодействия. Недостаточно развиты эмоциональная и волевые сферы, т. е. учащиеся не умеют продуктивно управлять своим поведением и эмоциями, подвержены стрессам, апатии и вялости.

2. Современный студент обладает средним или высоким уровнем самоактуализации, что свидетельствует о постоянном развитии лич-

ностного потенциала, но при этом наблюдаются несбалансированность сфер индивидуальности и недостаточность знаний в области конструктивного межличностного взаимодействия.

Таким образом, представляется очевидным факт отсутствия гармоничного развития лич-

ности современных студентов, свидетельствующий о том, что сегодня в высшей школе не созданы достаточно благоприятные условия в рамках образовательного процесса для успешного формирования и развития личностных качеств студента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абульханова-Славская, К.А.** Стратегия жизни [Текст] / К.А. Абульханова-Славская. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. **Ананьев, Б.Г.** Педагогические приложения современной психологии [Текст] / Б.Г. Ананьев // Хрестоматия по возрастной и пед. психологии. Работы советских психологов периода 1946–1980 гг. / под ред. И.И. Ильясова, В.Я. Ляудис. — М., 1981.
3. **Он же.** Избранные психологические труды [Текст]. В 2 т. Т. 1 / Б.Г. Ананьев; под ред. А.А. Бодалева [и др.]. — М.: Педагогика, 1980. — 230 с.
4. **Асмолов, А.Г.** Психология индивидуальности [Текст] / А.Г. Асмолов. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — 95 с.
5. **Вахромов, Е.Е.** Самоактуализация и жизненный путь человека [Текст] / Е.Е. Вахромов // Со- врем. проблемы смысла жизни и акме. — М.: ПИРАО, 2002. — С. 147–164.
6. **Выготский, Л.С.** Детская психология [Текст] / Л.С. Выготский // Собр. соч. В 6 т. Т. 4. — М., 1984. — 432 с.
7. **Гамезо, М.В.** Возрастная и педагогическая психология [Текст] / М.В. Гамезо, Е.А. Петрова, Л.М. Орлова. — М.: Пед. об-во России, 2003. — 512 с.
8. **Лисовский, В.Т.** Личность студента [Текст] / В.Т. Лисовский. — Л., 1974. — 184 с.
9. **Примерная** программа воспитания социально активной личности студента: рекомендации, методики, технологии [Текст] / В.С. Кагерманьян, Л.И. Коханович, П.И. Бабочкин [и др.]. — Ч. 1, 2. — М.: НИИВО, 2003. — 67 с.
10. **Стратегия** воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы [Текст] / под ред. проф. И.А. Зимней. — 2-е изд. — М.: Издат. сервис, 2005. — 480 с.
11. **Современные** тенденции развития образования в ведущих странах мира [Текст] // Высш. шк.: сравнит. исслед., зарубежный опыт. — Вып. 1. — М., 1994.
12. **Hedges, C.** Empire of Illusion. The End of literacy and the Triumph of Spectacle [Text] / C. Hedges. — N. Y.: Nation Books, 2009. — 217 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АКОПОВА Мария Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры лингводидактики и перевода, директор Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-03-18 (кафедра)
lingua@mail.spbstu.ru

АКОПОВА Maria A. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
lingua@mail.spbstu.ru

БАРАНОВА Татьяна Анатольевна — доцент кафедры лингводидактики и перевода Института прикладной лингвистики.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-03-18 (кафедра)
baranova.ta@flspbpu.ru

BARANOVA Tatiana A. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
baranova.ta@flspbpu.ru

УДК 378.147:17

*Л.В. Кондрашова***ЭТИКО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ***L.V. Kondrashova***THE ETHIC-PROFESSIONAL ASPECT OF PREPARATION
OF FUTURE SPECIALISTS TO THE RESEARCH ACTIVITY****Аннотация**

В статье обосновывается тезис о том, что в условиях коммерциализации сферы науки и образования остро чувствуются потребность в разработке этического Кодекса ученого и необходимость этико-профессионального компонента в содержании подготовки будущих специалистов к исследовательской деятельности. В статье рассматриваются возможности курса «Методика научной работы», принципы, формы и методы работы бакалавриата, магистратуры, аспирантуры и докторантуры в развитии этико-профессионального потенциала личности будущего исследователя; конкретизируются основные направления работы кафедр и педагогические условия, необходимые для обеспечения позитивных результатов этико-профессиональной подготовки студентов к исследовательской деятельности.

Ключевые слова

ЭТИКО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ, НАУЧНАЯ ЭТИКА, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС УЧЕНОГО, АСПИРАНТУРА, ДОКТОРАНТУРА.

Abstract

The article explains the idea that in the commercialization of science and education keenly felt the need for a code of ethics and the need for ethical and scientific-professional component in the content of training of future professionals to research. The possibilities of the course “Methodology of Scientific Work”, principles, forms and methods of undergraduate, graduate, postgraduate and doctoral studies in the development of ethical and professional potential of a future researcher are investigated specified guidelines of the departments and pedagogical conditions necessary to ensure a positive outcome ethic and professional training students to research are specified.

Keywords

ETHICAL AND PROFESSIONAL COMPONENTS, SCIENTIFIC ETHICS, RESEARCH, CODE OF ETHICS SCHOLAR, GRADUATE AND DOCTORATE.

Процесс интеграции украинского общества в мировое экономическое, научное и образовательное пространство актуализирует проблему подготовки будущих специалистов, соответствующих современным требованиям. Сегодня рынок труда и потребности общества диктуют требования к личности специалиста. В характеристиках облика современного специалиста все большую роль играют ориентация на свободу действий и творческий поиск, инициативу, самостоятельность, мобильность, создание ново-

го знания. В связи с возрастанием доли творческого труда в профессиональной деятельности актуализируются вопросы формирования творческой личности специалиста, развития его способности и готовности к исследовательской деятельности, совершенствования основ его профессиональной этики. В условиях коммерциализации сферы науки и образования повышается необходимость создания этического кодекса ученого и разработки этико-профессионального компонента содержания подготовки

будущих специалистов к исследовательской деятельности. В вузовской практике имеет место противоречие между объективной необходимостью роста объема научно-исследовательского компонента профессионального труда и реальной готовностью будущих специалистов к исследовательской деятельности. Студенты за годы обучения в высшей школе овладевают методикой научно-исследовательской работы, но их научная подготовка и этико-профессиональный потенциал их личности не всегда соответствуют современным требованиям к исследовательскому труду.

Новые задачи высшего образования, реализация его личностной ориентации предусматривают упорядочение учебной деятельности как процесса самореализации творческого потенциала личности студентов, выбор последовательности операций и действий по саморазвитию их на пути к достижению профессионального успеха. Организация такого процесса возможна в том случае, если будущий специалист овладевает не только теоретическими основами научно-исследовательских знаний, формирует исследовательскую культуру, но и совершенствует этико-профессиональный облик собственной личности, повышает уровень готовности к научно-исследовательской деятельности.

Готовность специалиста к научно-исследовательской деятельности – это сложное личностное образование, объединяющее в себе научно-исследовательские компетенции, позитивную мотивацию и установку на активную исследовательскую деятельность, включенность в научное обоснование, прогнозирование, разработку авторских программ, творческих проектов, экспериментальную апробацию научно-методических решений в ситуации психологического комфорта, творческого успеха и инновационного поиска.

Формирование этого сложного личностного образования обеспечивает продуктивность научной работы студентов, творчество и нестандартность решения ими профессиональных задач в самостоятельной профессиональной деятельности.

Изучение и анализ вузовской практики позволяют говорить о том, что далеко не все студенты осознают целесообразность и необходимость научной работы как важного звена их профессиональной подготовки. Курс «Методи-

ка научной работы» большинство из них не считают обязательным и его содержание не соотносят с содержанием изучаемых научных знаний и учебных предметов. Научно-исследовательская работа будущих специалистов не всегда связана с их жизненными и профессиональными планами. Результаты опроса, проведенного нами среди студентов 5-го курса (было опрошено 1200 человек), показали, что более 20 % студентов не владеют умениями самостоятельной организации и проведения исследовательской деятельности, 63 % обращаются за помощью к преподавателям; только 17 % выполняют исследовательскую работу самостоятельно. На основе собранных данных установлено, что лишь 3,6 % студентов отличаются высоким уровнем готовности к исследовательской деятельности; 9,9 % показали средний уровень и 86,5 % – низкий.

Из результатов анализа работы аспирантуры в Украине видно, что количественные показатели в период с 1990 по 2008 год значительно выросли [1]. Выпуск аспирантов с защитой диссертаций до окончания срока аспирантуры увеличился с 17 до 22 %. Но качество оставляет желать лучшего. На вопрос «С чем ассоциировалось ваше желание обучения в аспирантуре?» – 97 % опрошенных ответили: «С защитой диссертации и получением диплома». Кроме того, 68 % отметили, что учеба в аспирантуре положительно повлияла на их умение заниматься научной работой, 24 % считают, что благодаря ей они приобрели навыки публичного выступления, 8 % отметили совершенствование интеллектуальных и моральных качеств личности. На вопрос «Какие качества вы приобрели в аспирантуре?» – 33 % участников опроса ответили, что овладели исследовательскими умениями, 29 % – интеллектуальными и коммуникативными качествами. На вопрос «Как вы относитесь к научной этике?» – 24 % опрошенных отметили, что не обязательно знать эти вопросы, так как все определяет научный руководитель, его авторитет, 49 % показали свою некомпетентность в данном вопросе, 46 % связывают его с предупреждением плагиата и знанием норм и правил взаимоотношений с научным руководителем. Только 67 % опрошенных аспирантов отметили частичную информированность о Кодексе ученого, а 18 % информированы о морально-духовных качествах личности современного ученого.

Среди качеств личности современного ученого 20 % опрошенных отдали предпочтение эрудиции и предметной компетентности, 17 % – научной грамотности, 25 % – научной подготовке, 35 % – исследовательской культуре, 3 % – этической подготовке будущих ученых; 34 % не дали ответа на поставленный вопрос; 66 % не видят необходимости в специальной научно-этической подготовке будущих исследователей.

В условиях коммерциализации сферы науки и образования система деонтологических знаний, руководство ими в практической научной деятельности, формирование навыков морально-этического поведения приобретают особое практическое значение. Подготовка молодежи к научной деятельности во многом сопряжена не только с овладением методикой научного исследования, развитием интеллектуального потенциала личности, но и с формированием морально-этического основания личности ученого.

На первое место выдвигается проблема формирования профессионально-этического облика современного ученого, повышение его ответственности за результаты собственной научной работы; стремление к инновациям, а порой и к рутинной работе, которая характерна для научных исследований, бережного отношения к достижениям отечественных и зарубежных авторов.

Поэтому наряду с тем опытом подготовки к научной работе, который сложился в высших учебных заведениях, необходимо повышать личностную направленность подготовки студентов, аспирантов и докторантов к исследовательской деятельности, совершенствовать профессионально-этическую основу этой подготовки.

Университет, как образовательное звено, всегда был центром научной работы студентов. Он был призван готовить студенческую молодежь не только к профессиональной, но и к научной деятельности. Конечной целью обучения в университете было «получение ученой степени, которая фиксировала научную квалификацию выпускника, при этом многие молодые люди проводили время на университетских скамьях, не стремясь к ученой степени, а просто потому, что это считалось важным этапом социализации, т. е. взросления, становления

мировоззрения и обретения ими будущего жизненного пути» [2, с. 113]. На различных этапах становления университетского образования вся практика преподавательской деятельности была направлена в основном на передачу профессиональных знаний и подготовку студентов к самостоятельной деятельности в избранной профессиональной сфере. Разрыв между образовательным процессом и научной деятельностью характерен и для классических университетов.

Возрастание роли науки в современном обществе и экономике актуализирует проблему развития и повышения эффективности научно-исследовательской деятельности в структуре университетского образования. Способность и готовность выпускника высшей школы к исследовательской деятельности являются сегодня важными показателями его профессионализма.

Культивирование духа науки в университетской среде, целенаправленная, систематическая работа кафедр и факультетов по приобщению талантливой студенческой молодежи к научно-исследовательской деятельности, развитие у нее независимого, креативного мышления, навыков самостоятельной научной работы, наращивание инфраструктуры университетской науки – все это позволяет оптимизировать учебный процесс и выполнять научные изыскания на современном мировом уровне.

Обеспечение эффективности научных исследований и высокого уровня готовности студенческой молодежи к разработке научных проблем предполагает свободу выбора учебных предметов, дидактических технологий их изучения студентами, активизацию позиции будущих специалистов в организации учебной и научно-исследовательской работы, выполнение научных проектов с учетом интересов, возможностей и способностей их разработчиков.

Подготовка к исследовательской деятельности – это своего рода социальный проект системы научной работы высшей школы. Успешность его разработки сопряжена с объединением усилий отечественных университетов с опытом зарубежных вузов по подготовке научных кадров и привлечению будущих специалистов к решению актуальных научных проблем и выполнению социальных проектов. Необходимо, чтобы каждый участник такой деятельности осознавал актуальность международного сотрудничества преподавателей и студентов в решении актуаль-

ных научных проблем, формировании готовности к достижению позитивных результатов, ответственности за них и их последствия.

Процесс подготовки студенческой молодежи к исследовательской деятельности довольно сложный, динамичный и противоречивый. Он предполагает целенаправленность, систематичность и управляемость процесса формирования готовности к исследовательской деятельности будущих специалистов.

Прежде всего, этот процесс должен стать персонифицированным, задействовать личностную сферу студентов, их ценностное сознание. Долгое время в образовательной практике преобладал деперсонифицированный идеал познания, когда познавательный процесс дистанцировался от личностных компонентов, духовной основы и профессиональной этики. Отсутствие духовной основы, недооценка профессионально-этической стороны, устранение личностной перспективы из общей картины мира в процессе овладения научным знанием приводят к закреплению лишь функционального поведения будущего специалиста, неспособности его к использованию приобретенных знаний для профессиональной самореализации и творческого выполнения профессиональных функций.

Персонифицированный идеал познания в контексте подготовки студентов к исследовательской деятельности позволяет будущему специалисту заглянуть в лабораторию ученого с точки зрения духовных потребностей, индивидуальной системы ценностей и соотносить внешние стороны научной работы со своей субъектностью, личностной структурой, морально-этическими принципами научного труда. Результативность подготовки студентов к исследовательской деятельности сопряжена с использованием в учебном процессе принципа персонификации научных знаний. В переводе с английского *personification* означает воплощение идеи в реальном образе объективной действительности. Этот принцип нацеливает преподавателей на отбор примеров из жизни и деятельности великих ученых, научных коллективов, лабораторий, кафедр, явлений вузовской действительности, иллюстрирующих научные ценности, закономерности научной деятельности, ее роль в развитии и модернизации общества и экономики, становлении профессионального облика будущего специалиста.

Персонифицированная подготовка студентов к исследовательской деятельности позволяет устранить диссонанс между научной работой и личностной готовностью к осуществлению студентом этой деятельности, т. е. соединить воедино личностный, когнитивный и профессиональный ее компоненты. Разработка этического Кодекса ученого и приведение в соответствие с его содержанием подготовки будущих специалистов к исследовательской деятельности – одно из оптимальных средств реализации этико-профессионального компонента образовательного процесса университета, формирования основ профессиональной этики студентов.

Через использование методов анализа научных текстов, изучение биографических сведений из жизни великих ученых, анализ персогонных ситуаций развития на жизненном пути ученого, мозгового штурма, проблемных ситуаций у будущих специалистов формируется позитивная мотивация к исследовательской деятельности, накапливаются представления о специфике труда ученого, основах его профессиональной этики, богатстве потенциала его личности. Знакомство с жизнью выдающихся ученых, текстами их научных трудов, генерализация научных и профессионально-личностных ценностей помогают воссоздать ситуацию развития личности, повторить положительный опыт ученого, избежать совершенных им ошибок. Трансформация биографий в инструмент личностного познания формирует у студентов умение выделять в них те события, которые изменили структуру выдающейся личности, ее ценностные ориентации и смысл жизни, т. е. оптимизировали его научно-профессиональное становление.

Подготовка студентов к исследовательской деятельности должна быть направлена на усвоение базовых знаний, раскрывающих специфику научного труда и познания, анализ персогонных ситуаций развития на реальном жизненном пути ученого, что помогает задействовать механизмы личностного роста в учебном процессе, предвидеть благоприятные ситуации, которые стимулируют потребность студентов в дальнейшем научном и профессиональном самосовершенствовании. Анализ персогонных ситуаций развития позволяет будущим специалистам оценить роль личности ученого, этико-профессионального облика, потребностно-мотиваци-

онной его сферы в достижении собственного акме. Методы персонификации в подготовке студентов к исследовательской деятельности позволяют придать ей личностную направленность, обеспечивают перевод научных знаний в профессиональные ценности и личностные смыслы, что служит основой их готовности к научному труду. Эти методы учат оперированию противоречиями, синтезу разрозненных фактов объективной реальности и позволяют студенту увидеть себя в роли носителя профессиональной этики, осознать свою миссию в исследовательской деятельности.

Формирование готовности будущих специалистов к исследовательской деятельности предполагает совершенствование не только учебного процесса, его персонификации, но и методики приобщения и подготовки студентов к самостоятельной исследовательской деятельности, когда последние становятся не самоцелью, а инструментом профессиональной деятельности, средством профессионального саморазвития, самовыражения и самоутверждения их в научной сфере.

Совместные усилия кафедр университета должны быть направлены на формирование исследовательской компетентности будущих специалистов и реализацию основных направлений в совместной деятельности, таких как:

- стимулирование и поддержка интереса преподавателей и студентов к научной работе как важному звену их этико-профессионального становления и научного роста;
- гармонизация отношений участников сотрудничества в подготовке студенческой молодежи к научной работе, созданию разнообразных форм научных объединений, поддержке научных инициатив и творческих поисков в решении проблемных вопросов, активизации деятельности по разработке инновационных проектов;
- содействие организации и проведению совместных научных исследований с другими отечественными и зарубежными партнерами;
- разнообразие форм международного сотрудничества, проведение совместных научных семинаров, тренингов, симпозиумов, конференций, выполнение совместных научных проектов, обмен опытом научных школ;
- привлечение зарубежных ученых к преподавательской деятельности и руководству научной работой студентов;

- систематическое проведение научных консультаций, стажировок с целью изучения зарубежного опыта по подготовке будущих специалистов к исследовательской деятельности;

- создание совместного банка научных достижений с зарубежными партнерами [3, с. 19].

Исследовательская компетентность — это способность будущего специалиста, связанная с анализом, постановкой и решением научных проблем в конкретной научно-профессиональной сфере, готовность активно и продуктивно использовать знания, умения и навыки, креативные способности в создании нового знания и усовершенствовании собственной исследовательской практики.

Целенаправленность деятельности по формированию исследовательской компетентности личности объединяет в себе разнообразные компоненты педагогического процесса. Для обеспечения его результативности необходимо:

- проектировать образовательную среду как пространства положительного примера, основанного на кодексе чести и долга современного ученого, накопления, обогащения и расширения опыта исследовательской деятельности;
- разрабатывать и обосновывать модели формирования исследовательской компетентности студентов с учетом международных стандартов и этических принципов научной деятельности;
- внедрять в образовательный процесс курсы и модули, связанные с подготовкой студентов как активных участников научно-исследовательской работы, научного сотрудничества с зарубежными партнерами;
- акцентировать внимание студентов на интернациональном характере научных изысканий и обогащении содержания учебных дисциплин научной проблематикой;
- создавать информационное обеспечение, ориентированное на изучение и использование отечественных и зарубежных научных достижений, методик решения научных проблем и вклада видных ученых в развитие науки и обновление общества;
- определять оптимальное сочетание традиционных и инновационных методик и технологий, обеспечивающих подготовку будущих специалистов к исследовательской деятельности с опорой на международный опыт;
- изучать международный опыт, использовать его в отечественной практике, разнообра-

зить формы обмена опытом в решении научных проблем и подготовке будущих специалистов к исследовательской деятельности;

- совместно с вузами-партнерами разрабатывать критерии и показатели эффективности подготовки студенческой молодежи к научной работе, диагностический инструментарий для отслеживания динамики становления ключевых исследовательских компетенций будущих специалистов и формирования этико-профессионального потенциала их личности.

Одними из первых шагов к созданию образовательного пространства и системы учебно-научной работы вуза являются внедрение модели формирования исследовательской компетентности и этико-профессиональных основ личности будущего исследователя, гуманизация отношений преподавателей и студентов, ориентация их на международные стандарты и сотрудничество в решении научных проблем, сотворчество всех участников, заинтересованных в результативности совместной работы.

Важно скоординировать усилия отечественных и зарубежных научных школ в разработке модели подготовки будущих специалистов к научно-исследовательской деятельности. Низкая результативность университетов в такой подготовке объясняется отсутствием четкого разграничения функций между различными образовательными ступенями и нарушением преемственности с аспирантурой и докторантурой. Отсутствие функциональной модели бакалавра, магистра и специалиста и образовательных стандартов, в которых научная работа и подготовка студентов к исследовательской деятельности заняла бы достойное место, негативно сказывается и на работе аспирантуры и докторантуры. Наблюдается тенденция разделения высшей школы на исследовательские и профессиональные университеты, сведение бакалавриата к подготовке профессионалов, а магистратуры – научных кадров. Практика не подтверждает эффективность и необходимость разделения профессиональной и научной подготовки в содержании университетского образования. Научно-исследовательская работа должна иметь место на всех ступенях подготовки современных специалистов, но ее объем должен быть различным, постепенно усложняться и увеличиваться от бакалавриата и магистратуры к аспирантуре и докторантуре. Вряд ли целесообразно соглашаться с теми, кто

считает, что аспирантура исчерпала себя и ее можно заменить магистратурой.

Одним из условий создания оптимальной системы подготовки студентов к исследовательской деятельности является комплексное планирование. Комплексный план НИРС объединяет два раздела. Первый раздел включает в себя мероприятия по организации общеуниверситетских форм научной работы (олимпиады, конкурсы, выставки научных работ, смотры, студенческие конференции), мероприятия по совершенствованию планирования, организации и контроля НИРС, повышению квалификации научных руководителей. Второй раздел – перечень мероприятий по курсам с примерной разбивкой по кафедрам, ответственным за проведение различных форм исследовательской и творческой работы студентов. Рекомендованные планом содержание и формы научной работы студентов тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга, позволяют разрабатывать исследовательскую тему в течение длительного времени. В комплексном плане предусмотрено постепенное от курса к курсу возрастание объема и сложности научной работы. На 1-м курсе преобладают формы творческих заданий: подготовка рефератов, реферирование научной литературы, выполнение заданий с элементами исследования. На 2-м курсе добавляется лабораторный практикум исследовательского характера с комплексным заданием, курсовая работа и подключение студентов к госбюджетной, хоздоговорной тематике в проблемных группах, конструкторских бюро. На 3-м курсе выполняется курсовое исследование по самостоятельной научной проблеме. На 4-м курсе выполняется творческий проект и ведется индивидуальная научная работа по избранной научной проблеме. В конце 5-го курса выполняется и защищается квалификационная работа. При этом большое внимание уделяется конкретным и практическим результатам, полученным студентами, их оформлению.

Целесообразно уделять внимание согласованию деятельности кафедр на различных курсах с тем, чтобы у студентов формировалась исследовательская компетентность, закреплялись навыки экспериментальной работы, этико-профессиональные принципы научного труда.

Необходимо внести этико-профессиональный компонент в содержание подготовки будущих

специалистов к исследовательской деятельности, положив в основу этический Кодекс ученого. Это содержание реализуется на принципах:

- единства и согласованности действий всех участников исследовательской деятельности;
- объективной оценки уровня готовности студентов и аспирантов к исследовательской работе;
- комплексного использования форм, методов и средств развития позитивной мотивации, интереса и потребности в научно-исследовательской работе;
- опоры на субъектность в достижении цели исследовательской деятельности.

Таким образом, все меры по активизации научно-исследовательской деятельности студентов, созданию системы и комплексного планирования научной работы, оптимального использования ее воспитательного и развивающего потенциала должны быть сопряжены с реализацией этико-профессионального компонента подготовки будущих специалистов к исследовательской деятельности в соответствии с содержанием этического Кодекса ученого и способствовать развитию профессионально-этического и интеллектуально-творческого потенциала личности современного исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Освіта** України 2005: Інформаційно-аналітичні матеріали діяльності Міністерства освіти і науки у 2005 році та головні завдання на 2006 рік [Текст] / укладач К.М. Левківський та ін. — К.: Знання, 2006. — 150 с.

2. **Андреев, А.** Существовал ли «русский путь» развития университетов [Текст] / А. Андреев // Высш. образование в России. — 2008. — № 7. — С. 113–119.

3. **Кондрашова, Л.В.** Формы межгосударственного сотрудничества в повышении качества подготовки научных кадров [Текст] / Л.В. Кондрашова // Новости науки и технологий. — 2008. — № 3/3 (9/10). — С. 18–23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КОНДРАШОВА Лидия Валентиновна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики высшей школы и образовательного менеджмента Черкасского национального университета им. Богдана Хмельницкого, заслуженный деятель науки и техники Украины.

18031, Украина, Черкассы, бульвар Шевченка, 81
kondrashovmm@mail.ru

KONDRASHOVA Lidiya V. — Cherkassy National University after Bohdan Khmelnytskyi.

18031, B/wrd Shevchenko, 81, Cherkassy
kondrashovmm@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 811.11:37

М.М. Степанова

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ В МАГИСТРАТУРЕ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

М.М. Stepanova

FORMATION OF A FOREIGN LANGUAGE BUSINESS COMMUNICATION COMPETENCE IN NON-LINGUISTIC MA COURSES

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования компетенции делового общения на иностранном языке в магистратуре технического вуза. Обосновывается целесообразность построения модели обучения деловому иностранному языку на основе междисциплинарного подхода. Рассматриваются примеры реализации представленной модели в учебном пособии для магистратуры технических направлений.

Ключевые слова

КОМПЕТЕНЦИЯ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ, МАГИСТРАТУРА ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД, ДЕЛОВОЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.

Abstract

The article discusses the formation of a foreign language business communication competence in non-linguistic MA courses. The model of teaching business foreign language on the basis of interdisciplinary approach is explained and justified. The examples of the model's implementation in a textbook are discussed.

Keywords

FOREIGN LANGUAGE BUSINESS COMMUNICATION COMPETENCE, NON-LINGUISTIC MA COURSES, INTERDISCIPLINARY APPROACH, BUSINESS ENGLISH.

В современных условиях перехода к обще-европейской и мировой интеграции владение иностранным языком признается неотъемлемой частью общей компетенции выпускника высшего учебного заведения. Это находит свое отражение в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) для магистратуры различных направлений. В частности, компонентом общей компетенции будущего магистра называется владение иностранным языком как средством делового общения. Так, в ряде ФГОС представлена следующая формулировка компетенции: «Способность свободно пользоваться русским и иностранным языками как средством делового общения». Данная формулировка присутствует, например, в образовательных стандартах для магистратуры по следующим направлениям подготовки: 010300 «Фундаментальная информатика и информа-

ционные технологии», 010400 «Прикладная математика и информатика», 022000 «Экология и природопользование», 031600 «Реклама и связи с общественностью», 090900 «Информационная безопасность», 140100 «Теплоэнергетика и теплотехника», 140400 «Электроэнергетика и электротехника», 140700 «Ядерная энергетика и теплофизика», 140800 «Ядерная физика и технологии», 141100 «Энергетическое машиностроение» и мн. др.

В некоторых образовательных стандартах та же самая идея сформулирована другими словами, например: «Свободное владение русским и иностранными языками как средством делового общения» (направление подготовки 011200 «Физика»), «Способность к коммуникации в научной, производственной и социально-общественной сферах деятельности, свободное владение русским и, по крайней мере, одним

из иностранных языков как средством делового общения» (направление подготовки 011800 «Радиофизика»).

Таким образом, становится очевидным, что в современных условиях наибольшее внимание при обучении иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза необходимо уделять формированию компетенции делового общения на иностранном языке.

Под компетенцией иноязычного делового общения (КИДО) мы понимаем интегративное свойство личности, обеспечивающее возможность эффективного общения на иностранном языке в деловой сфере [6, с. 513]. Компетенция иноязычного делового общения представляет собой сложное, многомерное и многоуровневое образование, включающее в свою структуру более узкие, конкретные компетенции, задачи формирования и развития которых решаются в ходе обучения иностранному языку на различных уровнях образования, в том числе в магистратуре.

Формирование компетенции иноязычного делового общения в магистратуре неязыковых направлений должно осуществляться на основе междисциплинарного подхода. Этот подход объединяет лингвистическую, профессиональную, психологическую и культурологическую направленность обучения магистрантов и позволяет равномерно распределить содержание программы обучения магистрантов деловому иностранному языку между аудиторным и самостоятельным видами работ [4, с. 81]. В ходе обучения деловому иностранному языку на основе междисциплинарного подхода решаются задачи комплексного формирования всех компетенций, составляющих компетенцию иноязычного делового общения.

При построении модели компетенции иноязычного делового общения мы выделяем такие составляющие, как лингвистический, коммуникативный, профессиональный, психологический и культурологический блоки. Каждый из этих блоков объединяет ряд соответствующих компетенций.

Предложенная модель КИДО находит свою реализацию в рабочих учебных программах и учебных пособиях для различных направлений магистратуры Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. В частности, учебное пособие «Английский

язык. Практический курс для магистрантов технического профиля» [1], разработанное авторским коллективом кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации СПбГПУ, адресовано магистрантам всех технических направлений. Построенное на межпредметной основе, оно нацелено на формирование и развитие всех компетенций, входящих в состав компетенции иноязычного делового общения.

Лингвистический блок компетенций, являющийся составной частью компетенции иноязычного делового общения, подразумевает владение фонетикой, лексикой, фразеологией, грамматикой иностранного языка на таком уровне, который позволяет осуществлять общение в деловых ситуациях. В современном мире профессионал в любой области реализует деловое общение в различных сферах, и необходимость владения нормами как устного, так и письменного делового общения очевидна.

Формирование лингвистической компетенции при обучении иностранному языку в магистратуре неязыковых направлений подразумевает целенаправленную и систематическую работу по овладению лексикой и фразеологией иноязычного делового общения. Очень важным при обучении, в частности, деловому английскому языку является усвоение студентами лексико-фразеологических норм делового дискурса английского языка, понимание специфики употребления лексических средств в деловой вербальной коммуникации: обилие многозначных служебных и общенаучных слов, терминов, интернационализмов, одновременное употребление книжной и разговорной лексики. Будущий магистр должен знать фразеологические сочетания, часто встречающиеся в письменной и устной речи изучаемого им подъязыка профессионального общения, а также слова, словосочетания и фразеологизмы, характерные для письменной и устной речи в ситуациях делового общения.

Задачи развития и совершенствования лингвистической иноязычной компетенции в магистратуре неязыковых направлений решаются посредством таких учебных заданий, как упражнения на подстановку в предложения подходящих по смыслу слов и словосочетаний, соотнесение слова и его определения, составление предложений с определенными словами и фразеологическими единицами. Также преду-

смачивается выполнение упражнений на аудирование текстов. Например:

Listen to George Stewart, Dean of Science at the University of Western Australia, talking about the growing relationship with Chinese universities and students to ensure Australia retains its excellence in science.

Listen to the recording once again and match words and phrases with their meaning [1, с. 28].

Межкультурная коммуникативная компетенция также является важнейшей составной частью компетенции иноязычного делового общения. Эта компетенция обеспечивает возможность решения коммуникативных задач и достижения поставленных целей коммуникации в ходе делового общения на иностранном языке.

В частности, при обучении деловому английскому языку необходимо рассматривать реальные ситуации современного делового общения в англоязычных странах. Барьер, обусловленный разницей культур, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, значительно опаснее языкового, который изначально ясен и очевиден, потому что он «скрыт завесой уверенности, что своя культура – единственно возможная, правильная и нормативная, „нормальная”» [7, с. 66]. Осознание этого препятствия в общении людей из разных стран приходит в момент столкновения или конфликта «своей» и «чужой» культуры. Ошибки в деловом межкультурном общении воспринимаются гораздо более негативно и вызывают более резкую реакцию, чем ошибки языковые. Как правило, языковые ошибки в речи иностранцев всеми ожидаемы и прощаются, в то время как культурные ошибки не прощаются даже представителям иных культур.

Как показывает опыт работы, эффективным способом формирования у магистрантов практических навыков деловой межкультурной коммуникации является целенаправленное изучение различных случаев коммуникативных неудач и конфликтов в сфере бизнеса и профессиональной деятельности. Для магистрантов, обучающихся по техническим направлениям, предлагаются, например, задания следующего типа:

You have come to the USA using the exchange program. One day you invited to a lunch one beautiful French girl. You were discussing your enter the university when suddenly you used sign «okay» to say that you had coped with your entrance exams perfect. But the girl understood your sign wrong. She decided

that you fell your entrance exams. Try to explain to the girl this misunderstanding.

Систематическое рассмотрение на занятиях по иностранному языку в неязыковой магистратуре подобных ситуаций межкультурного общения, в которых имеет место коммуникативная неудача, непонимание, вызванное незнанием реалий иноязычной культуры или разницей менталитетов взаимодействующих сторон, успешно используется в процессе обучения основам деловой межкультурной коммуникации. Тренировка монологической речи на иностранном языке в сочетании с полилогическим обсуждением случаев из практики межкультурного общения, обсуждением причин возникновения коммуникативных неудач, путей решения и предотвращения конфликтов способствует формированию и развитию межкультурной коммуникативной компетенции как важнейшей части компетенции иноязычного делового общения у будущих магистров.

Развитие и совершенствование коммуникативной компетенции в магистратуре неязыковых направлений включает в себя решение таких проблем, как овладение основами публичной речи и навыками презентации научной продукции, формирование основ коммуникативных стратегий и тактик, ориентированных на профессиональный формат общения и социокультурные параметры. Для этого в качестве учебных заданий предлагаются, например, доклады на иностранном языке о научных открытиях, достижениях, инновациях и презентации о научных интересах магистрантов.

В ходе обучения деловому иностранному языку чрезвычайно важны междисциплинарные связи с предметами гуманитарного цикла, обеспечивающие включение в состав КИДО культурологической составляющей. Так, тексты для чтения, перевода и реферирования, включенные в учебное пособие «Английский язык. Практический курс для магистрантов технического профиля» [1], содержат историческую, культурологическую, искусствоведческую и литературоведческую информацию, связанную со странами изучаемого языка. В результате формируется межкультурная коммуникативная компетенция, являющаяся одной из важнейших составных частей компетенции иноязычного делового общения. Эта компетенция обеспечивает возможность решения коммуни-

кативных задач и достижения поставленных целей коммуникации в ходе делового общения на иностранном языке.

Лингвокультурная компетенция как часть культурологического блока КИДО также формируется на занятиях по деловому иностранному языку в магистратуре неязыковых направлений. Важным аспектом обучения деловому английскому языку представляется формирование практических навыков поиска работы, составления резюме и прохождения собеседования (интервью) на иностранном языке с учетом лингвокультурных особенностей стран изучаемого языка. Эффективный поиск работы, как и делового партнерства, в современном мире возможен только при знании лингвокультурных особенностей бизнеса той страны, в которой предстоит работать. Это невозможно без знания культурных особенностей делового общения на английском языке.

Учет лингвокультурных особенностей необходим не только при устном, но и при письменном деловом общении. В настоящее время в связи с процессами глобализации и интеграции почти каждому профессионалу приходится работать с все большим и большим количеством англоязычной деловой документации. Поэтому магистрантам необходимы знания в области оформления деловых документов и написания писем на английском языке, знание особенностей стиля делового письма, резюме, стандартных языковых клише и правил внешнего оформления документации. На занятиях по деловому иностранному языку с магистрантами СПбГУ предлагаются такие задания, как составление пакета документов для приема на работу (резюме, рекомендация, сопроводительное письмо, письмо-запрос о дополнительной информации) с учетом лингвокультурных особенностей англоязычных стран. Особое внимание уделяется особенностям электронной деловой переписки, поскольку в настоящее время электронное письмо является неотъемлемой частью письменной деловой коммуникации, делового дискурса и национальной деловой культуры [5, с. 102].

Психологическая составляющая КИДО объединяет ряд компетенций, обеспечивающих возможность самостоятельного применения психологических знаний, умений, навыков при решении практических задач,

возникающих в процессе профессиональной деятельности и делового общения. Важной частью психологического блока компетенции иноязычного делового общения является компетенция, которую можно назвать персуазивной (от *англ.* *persuasive* – убедительный). Она обеспечивает реализацию функции убеждения в сфере деловой коммуникации. Деловое общение в современном мире не ограничивается только передачей конкретной информации. Основная цель делового общения – добиться успеха, решить свои задачи и склонить партнера по общению к нужному решению, поэтому важно учитывать языковую функцию воздействия. Реализуется эта функция с помощью приемов, описанных в работах по языку и психологии делового общения. Вербальные способы воздействия играют в деловом общении чрезвычайно важную роль. Во время общения необходимо затушевать, спрятать воздействие, цель которого вызвать у партнера по общению нужные оценочные и эмоциональные реакции, причем сделать это очень тонко, по возможности незаметно [7, с. 221]. Поэтому при обучении деловому иностранному языку в неязыковых вузах необходимо использовать данные современной психологии, чтобы студенты могли усвоить определенные способы влияния и манипуляции, допустимые и желательные в сфере иноязычного делового общения.

Эффективным средством развития персуазивной компетенции на занятиях по иностранному языку является деловая игра. Этот активный метод обучения интенсифицирует учебный процесс, приближает его к условиям профессиональной деятельности, делового общения, способствует формированию навыка работы в команде [3, с. 5]. Например, один из магистрантов принимает на себя роль руководителя компании, а остальные – сотрудников, которым нужно убедить директора в необходимости повышения зарплаты, выплаты премии, предоставления внеочередного отпуска или дополнительных выходных и т. п. Как показывает опыт работы, магистранты принимают активное участие в подобных играх и осознают их полезность. Согласно результатам проведенного в 2012 году опроса мнения магистрантов технических направлений СПбГУ, 83 % респондентов высоко оценили пользу деловых игр в процессе обучения иностранному языку.

Для достижения успеха в иноязычной деловой коммуникации будущие магистранты должны не только овладеть навыками вербальной коммуникации в иноязычной деловой среде, но и уметь эффективно применять невербальные средства. Здесь важно использовать данные как лингвистики, так и этнопсихологии.

Сегодня, когда для молодого специалиста открыты все границы, овладение умениями, связанными с прохождением собеседования при поиске работы, чрезвычайно важно. Успех в этом во многом зависит не только от уровня владения иностранным языком, но и от умения кандидата на должность представить себя и свою квалификацию в наиболее выигрышном свете. Поэтому важнейшей задачей, решаемой в ходе формирования психологической составляющей компетенции иноязычного делового общения, является овладение навыками самопрезентации и эффективного поведения на собеседовании в иностранной компании.

Профессиональная составляющая компетенции делового общения – это те профессиональные компетенции, которые формируются у будущего магистранта в процессе его обучения. Состав и содержание их зависит от специализации магистранта, и поэтому в модели формирования КИДО эта часть является вариативной. Междисциплинарные связи с предметами профессионального цикла, изучаемыми магистрантами в вузе, обеспечивают органичное включение профессиональных компетенций в компетенцию иноязычного

делового общения. Как отмечает Н.Э. Аносова, «умение грамотно переводить научно-технические тексты – неотъемлемая часть профессиональной компетентности магистров в техническом вузе» [2, с. 91], поэтому такой традиционный вид учебных заданий, как перевод научных текстов по основной специальности магистрантов, является эффективным средством формирования и развития компетенции делового общения. Помимо полного перевода текстов магистрантам предлагается выполнить реферативный и выборочный перевод, а также составление переводческих аннотаций и мини-гlossариев к текстам по основной специальности.

Таким образом, формирование компетенции иноязычного делового общения в магистратуре нелингвистического вуза проводится на междисциплинарной основе и требует комплексного использования знаний и умений, полученных в курсах изучения дисциплин профессионального, общенаучного, гуманитарного циклов. Формируемая в результате компетенция иноязычного делового общения, позволяющая осуществлять эффективную коммуникацию на изучаемом иностранном языке в сфере ведения бизнеса, профессиональных контактов, решения различных деловых вопросов в условиях мультикультурного взаимодействия, в свою очередь, оказывается важной частью общей профессиональной компетентности магистра, готового к активной жизни и деятельности в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алмазова, Н.И.** Английский язык. Практический курс для магистрантов технического профиля [Текст]: учеб. пособие / Н.И. Алмазова, М.С. Коган, О.А. Никитенко [и др.]. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. – 272 с.
2. **Аносова, Н.Э.** Переводческая компетентность магистров в техническом вузе [Текст] / Н.Э. Аносова // Науч.-техн. вед СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. – 2010. – № 2 (111). – С. 88–92.
3. **Доможирова, М.А.** Деловая игра в обучении профессионально ориентированному общению на иностранном языке студентов неязыковых вузов [Текст]: автореф. ... дис. канд. пед. наук / М.А. Доможирова. – СПб., 2002.
4. **Попова, Н.В.** Междисциплинарный подход к преподаванию иностранного языка в непрофильной

- магистратуре [Текст] / Н.В. Попова, М.М. Степанова // Материалы II Междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы науки и образования». – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. – С. 76–81.
5. **Стеблецова, А.О.** Электронное письмо в современной деловой культуре [Текст] / А.О. Стеблецова // Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – 2010. – № 1. – С. 99–102.
6. **Степанова, М.М.** Аксиологический подход к формированию компетенции иноязычного делового общения в нелингвистическом вузе [Текст] / М.М. Степанова, В.Д. Хайкин // Молодой ученый. – 2012. – № 12. – С. 512–514.
7. **Тер-Минасова, С.Г.** Война и мир языков и культур [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ, 2007. – 286 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

СТЕПАНОВА Мария Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 297-97-84 (кафедра)

info@terralinguistica.ru

STEPANOVA Maria M. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

info@terralinguistica.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 377

С.И. Назарова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ДИЗАЙНА

S.I. Nazarova

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL REASONS FOR CONTINUOUS VOCATIONAL EDUCATION IN THE DESIGN SPHERE

Аннотация

Статья посвящена методологическому анализу подходов к проектированию и формированию современной системы непрерывного профессионального образования в сфере дизайна. В качестве перспективного рассматривается системный подход в дизайн-образовании на основе интеграции и междисциплинарного взаимодействия дизайнерской, профессиональной и педагогической деятельности, построенной на принципах непрерывности (в течение всей жизни) и многоуровневости структуры самой системы образования.

Ключевые слова

ДИЗАЙН, ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ, СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПРОЕКТИРОВАНИИ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ, ФОРМИРОВАНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ.

Abstract

The article is devoted to the analysis and theoretical study of approaches to designing and building a modern system of continuing professional education in the field of design. The article discusses a systematic approach to design – education through the integration and interdisciplinary interaction design, professional and educational activities based on the principles of continuing education (lifelong) and the multilevel structure of the education system itself.

Keywords

DESIGN, DESIGN EDUCATION, A SYSTEM OF CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION, SYSTEMATIC APPROACH TO THE DESIGN OF EDUCATIONAL SYSTEMS, ESTABLISH AND IMPROVE THE DESIGN CULTURE OF TEACHING PERSONNEL.

В условиях ускоренного развития научно-технического прогресса и основанного на его лучших достижениях стремительного роста производительных сил существенно изменились требования к квалификации работников. Это связано с тем, что в информационный век объем знаний, необходимых человечеству, ежегодно удваивается. Динамика этого процесса оценивается учеными следующим образом: в начале XX века обновление знаний происходило каждые 20-30 лет, в середине того же века – каждые 6 лет, к началу XXI века – каждые 2-3 года. В связи с этим традиционные структу-

ры базового образования большинства стран в силу своей инерционности не успевают за происходящими в мире изменениями в технологиях производства и содержании современных научных исследований. В высшем образовании возникает парадоксальная ситуация: к моменту окончания вуза полученные выпускником знания практически устаревают. Поэтому необходимо учиться на протяжении всей жизни [1].

В странах Запада, где информационная эпоха наступила раньше, чем в России, понятие «образование через всю жизнь» (*англ. lifelong learning*) возникло лет 20-30 тому назад.

Концепция непрерывного профессионального развития нашла отражение в документах ООН, Организации экономического сотрудничества и развития, ЮНЕСКО и Совета Европы. Саммит Совета Европы, проходивший в Лиссабоне в марте 2000 года, подтвердил, что Европа безоговорочно переходит к концепции обучения в течение всей жизни. В соответствии с официальными документами (Рекомендация № 195 МОТ 2004 года) под «непрерывным обучением» понимается учебная деятельность, предпринимаемая в течение всей жизни для развития компетентности и повышения своей квалификации. В России вопросам всеобщего непрерывного профессионального образования стали уделять внимание в первом десятилетии XX века, когда появилась проблема нехватки квалифицированных кадров. Так, на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов (Белгород, 13 сентября 2007 года) В.В. Путин обратил внимание на общегосударственное значение развития системы непрерывного профессионального образования как важнейшего фактора развития науки и экономики страны в условиях обостряющейся конкуренции на глобальных рынках товаров (услуг) и рынка трудовых ресурсов [2].

Вопросами непрерывного профессионального образования в России успешно занимались отечественные ученые и педагоги. Решению проблемы «обучения через всю жизнь» посвящены исследования Б.С. Гершунского, Г.П. Зинченко, А.А. Вербицкого, А.В. Даринского, В.Г. Онушкина, Ю.Н. Кулюткина, М.В. Кларина и др. Но отдельные успехи не могут скрыть нашего отставания в исследовании теоретических основ формирования и функционирования национальной системы непрерывного профессионального образования, а тем более практических вопросов создания реально действующей такой системы для творческих специальностей, к которым относится и дизайн [3].

Дизайнерское творчество как современное направление художественно-проектной деятельности человека оформилось в самостоятельную сферу человеческого бытия во второй половине XX века. В настоящее время сфера его влияния и воздействия на окружающий мир стала всеобщей, методы дизайнерского проектирования охватили практически все виды человеческой деятельности. Разнообразие на-

именований различных видов современного дизайна связано, с одной стороны, с многозначностью английского слова «Design» (рисунок, набросок, чертеж, графическое изображение, замысел, проект), а с другой – с широким распространением методов дизайнерского проектирования во все сферы деятельности человека. Кроме того, само понятие «дизайн» в английском языке включает в себя как сам продукт дизайнерского проектирования, так и непосредственно сам процесс дизайн-проектирования. В современном представлении под термином «дизайн» понимается художественно-проектная деятельность по проектированию и изготовлению изделий или оказанию услуг в условиях их массового производства [4]. Другое, более детализированное определение понятия дизайна – это комплексная междисциплинарная проектно-художественная деятельность, интегрирующая естественно-научные, технические, гуманитарные знания, инженерное и художественное мышление, направленное на создание комфортной и удобной предметной среды во всех сферах человеческой жизнедеятельности [4, 5]. Последнее определение понятия «дизайн» указывает на существенные трудности и сложности процесса подготовки компетентных специалистов сферы дизайнерского проектирования [4].

Необходимо отметить, что процесс становления и развития дизайнерского образования (подготовки кадров) проходил параллельно с процессом становления и развития самого дизайна и изменением отношения к нему в обществе на различных этапах исторической эпохи XIX–XXI веков. Впервые о необходимости осмысления понятия художественно-проектной деятельности (дизайна) заговорили после I Всемирной промышленной выставки (Лондон, 1851), когда многие деятели культуры, политики, промышленники и художники увидели, насколько однообразным и безобразным может быть вид тысячи бытовых изделий, изготовленных в условиях массового промышленного производства. Обществу стало понятно, что необходим союз промышленников и художников на производстве, что нужны специалисты художественного проектирования промышленных изделий. После 1851 года во многих странах (Англии, Франции, Германии, Австрии, Швейцарии, России) стали создаваться союзы

промышленников и художников, а также специальные учебные заведения для подготовки художников для промышленности. Вначале становления дизайна как отрасли производства преобладало декорирование готовых изделий массового промышленного производства для придания им привлекательного вида. Постепенно дизайнер становился членом проектной команды, отвечал уже и за разработку самого продукта, к которому предъявлялись соответствующие требования функциональности, эргономичности, эстетичности и прагматичности. На первом этапе в созданных союзах приглашенные архитекторы и художники дополнительно вели педагогическую деятельность: читали лекции промышленникам, специалистам по рекламе товаров, обучали системному проектированию, проводили практические занятия по дизайну.

Следующий этап становления дизайн-образования пришелся на 20-е годы XX века. Он характеризуется появлением специализированных дизайнерских учебных заведений нового типа: Баухауз в Веймаре (Германия), барона Штигица в Санкт-Петербурге, ВХУТЕМАС (затем ВХУТЕИН) в Советской России. В частности, школа Баухауз оказала значительное влияние на развитие методов дизайн-проектирования архитектурных сооружений, мебели, предметов домашнего обихода в стиле конструктивизма. Значительными были достижения педагогов школы Баухауз и в разработке методов обучения дизайн-проектированию в целом (В. Гроппиус, И. Иттен, В. Кандинский, Г. Майер, Л. Мис ван дер Роэ). Аналогичные процессы по развитию дизайн-образования в те же годы проходили и в России (оригинальные творческие концепции В. Татлина, А. Родченко, Эль Лисицкого). Перед дизайнерами открывалась возможность создания новой среды жизнедеятельности, что придавало особый импульс событиям и творческим идеям. Ценился комплексный подход к созданию объектов, в котором основными факторами были функциональность и органичность [5]. В первой половине XX века наряду с уникальными учебными заведениями, разрабатывающими технологии обучения для специалистов-проектантов нового направления, получившего в дальнейшем наименование «дизайн», свой вклад в развитие этого направления внесли дизайнеры и

практики: П. Беренс (из всемирно известной электротехнической компании AEG), Г. Эйфель, Даймлер (первые модели автомобилей), Г. Форд, Т. Эдисон, братья Райт, А. Ван дер Вельде, А. Лоос, Ч. Макинтош, Л. Салливан и др. Русские инженеры-конструкторы В. Шухов, Я. Столяров, П. Страхов, А. Родченко, Эль Лисицкий, В. Татлин и другие специалисты успешно разрабатывали и применяли обучающие технологии дизайн-проектирования в художественно-учебных творческих мастерских (ВХУТЕМАС), позднее преобразованных во Всесоюзный художественно-технический институт (ВХУТЕИН), в Москве.

Новый этап в развитии дизайн-образования начался во второй половине XX века и продолжается в наши дни. Для него характерен бурный расцвет практического применения дизайнерских методов проектирования во всех областях человеческой деятельности, практических поисков индивидуальных дизайнерских проектов совершенствования предметной окружающей среды. «Проектность как архетипическая черта человеческого сознания и бытия пронизывает все без исключения сферы его деятельности. Поэтому проектность определяется как особый тип и особая культура мышления, которая должна воспроизводиться и развиваться в образовательном пространстве» [6].

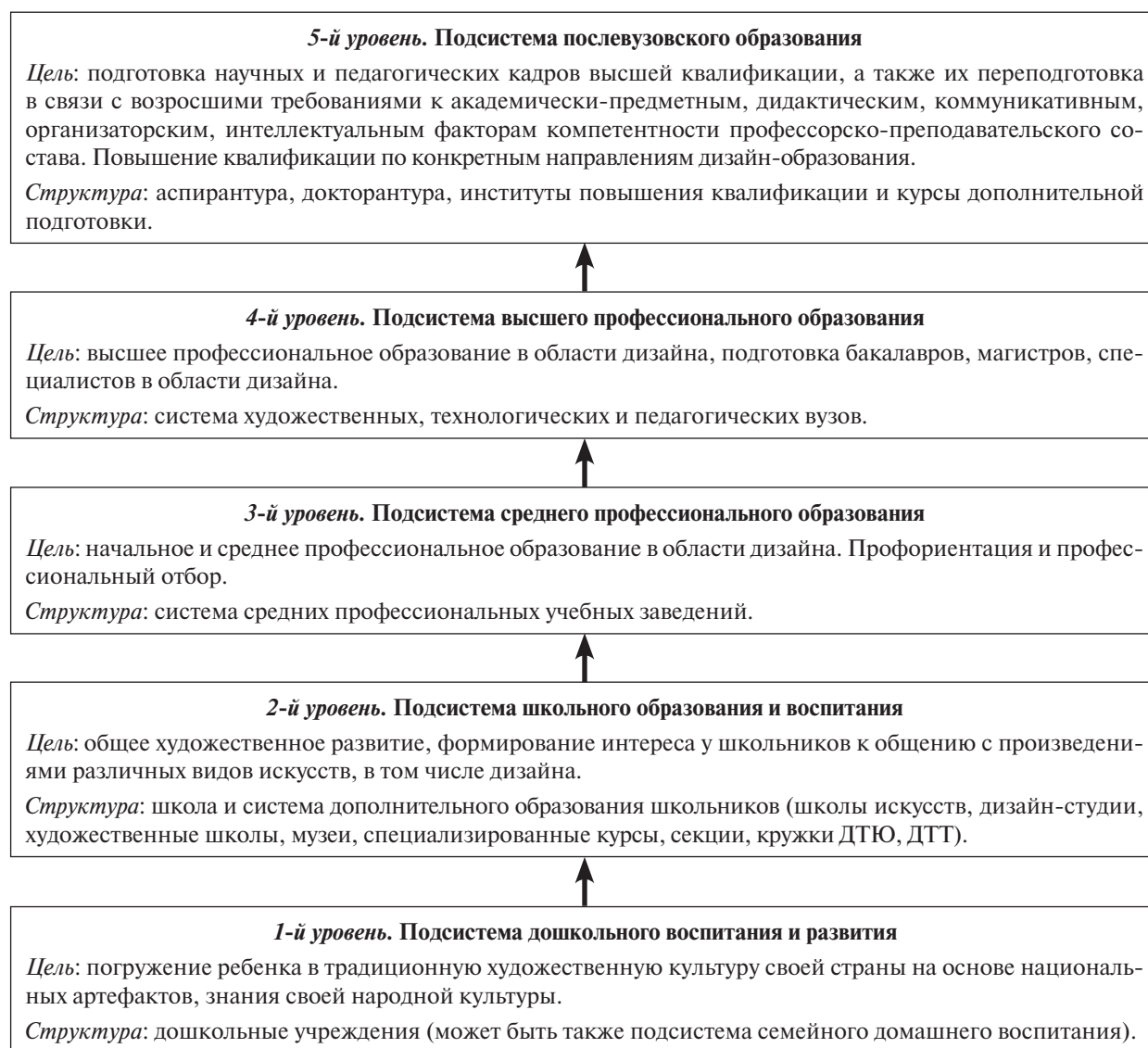
На Западе возник ряд дизайнерских школ во главе с известными специалистами, созданы факультеты дизайна в известных университетах и институтах. В России был создан свой «формат» профессионального образования в сфере дизайна, охватывающий художественно-промышленные училища, технологические, педагогические институты и университеты. Одновременно была образована система научно-исследовательских учреждений и конструкторских бюро сферы дизайна отдельных отраслей промышленности: авиации, авто- и судостроения, железнодорожного транспорта и др.

Следует признать, что, несмотря на широкую распространенность дизайна как образа современного проектного мышления, вопросы становления современной системы дизайн-образования остаются по большей части нерешенными. Дизайн включает в себя фундаментальные методы познания, формирует культуру проектного мышления, которым необходимо

обладать человеку в любой деятельности, поэтому дизайн следует рассматривать как часть общего и профессионального образования. Дизайн проникает в сферу образования как принцип ее организации, как принцип формирования нового мировоззрения, что, в свою очередь, требует поиска новых теоретических идей, методологических подходов к процессу построения нового образовательного пространства [7].

Сегодня наступает время создания горизонтально интегрированных комплексов, объединяющих учебные заведения одного или близкого профиля подготовки специалистов

как среднего, так и высшего звена, время реализации программы непрерывной профессиональной подготовки «школа – колледж – вуз – послевузовское образование». О таких комплексах профессиональной подготовки мы говорили еще в 1990-х годах. В творческих профессиях такая последовательность (по времени) подготовки профессионалов считается нормой. Многоуровневая система непрерывного профессионального образования в сфере дизайна также может иметь свой комплекс, который отлично встраивается в существующую в России национальную систему образования (см. рисунок).

Модель многоуровневой системы непрерывного профессионального дизайн-образования

Модель многоуровневой системы непрерывного профессионального дизайн-образования имеет пять уровней (подсистем) с описанием их целей, структур и процессов взаимодействия в смежных иерархически сопряженных подсистемах. Необходимо заметить, что 1-й и 2-й уровни системы выполняют в большей степени функцию воспитания, мотивации и развития личности творческими методами. Профессиональное образование начинается с 3-го уровня представленной системной модели подготовки дизайнеров [8].

Первый уровень – подсистема дошкольного воспитания и развития детей. Основная структурная единица – дошкольные учреждения (возможна также подсистема семейного домашнего воспитания).

Целью развития на данном этапе является погружение ребенка в традиционную художественную культуру своей страны на основе национальных артефактов. Природное окружение, ландшафт, растения, животные, архитектура, люди с их разнообразными характерами и обликом, жизненными устремлениями могут быть представлены преподавателем или воспитателем в разном приложении к нравственному смыслу жизненных ситуаций. «Все это объединяется понятием „культурная память”, вбирающим в себя не только горизонтальные связи (с современным природным и культурным окружением), но и связи по вертикали с предшествующими и грядущими поколениями» [9].

Эти методики основаны на следующих принципах: 1) проведение занятий на материале, учитывающем историческое и социально-культурное окружение личности ребенка, на основе артефактов народной культуры; 2) использование методики взаимодействия и интеграции искусств; 3) широкое применение игровых методов; 4) общение с детьми с помощью близких и понятных им художественных образов; 5) активное развитие воображения и фантазии у детей с учетом их возрастных возможностей. Надо подчеркнуть, что развитие проходит на основе активной творческой деятельности ребенка в реальных условиях внешнего окружения, в определенном географическом пространстве, этнической и языковой среде, исторических, социальных и культурных условиях. Формы внешней среды рассматриваются комплексно – как по вертикали с учетом опыта предыдущих поко-

лений и прогноза на будущее, так и по горизонтали, т. е. во взаимосвязи явлений, происходящих на современном этапе.

Второй уровень – подсистема школьного образования и воспитания. Структура: школа и система дополнительного образования (школы искусств, художественные школы, дизайн-студии, музеи, специализированные курсы и другие учреждения культуры и образования).

Цель: дать общее художественное развитие, сформировать интерес у школьников к общению с произведениями различных видов искусств, в том числе дизайна. Художественно-творческое развитие школьников на этом этапе основано на интеграции и взаимодействии искусств и состоит из организованной интегрированной деятельности в урочное и внеурочное время. Рассматривая систему художественно-творческой деятельности как многоуровневый процесс развития учащихся, отметим, что ребенок, с первого класса вовлеченный в художественную деятельность, будет воспринимать этот процесс как естественную и необходимую форму своего проявления и самоутверждения. В такой системе цель обучения не сводится только к созданию продуктов деятельности и приращению знаний, важен сам процесс художественной деятельности ребенка как подъем всего человеческого существа, как процесс возвышения чувств и осознания беспредельности своих творческих возможностей, где общение с искусством способствует духовной самореализации школьников [10].

Оптимизация художественно-творческого развития учащихся на этом уровне системной модели выражена в решении следующих задач: 1) формирование и развитие эмоционально-волевой, сенсорно-перцептивной и апперцептивной сфер ребенка, выходящих к высшим регистрам воображения; 2) развитие ассоциативности, образности, вариативности и концептуальности художественного мышления; 3) развитие визуальной культуры восприятия окружающей действительности и формирование способности «видеть», создавать художественный образ и переводить его в различные модальности искусств. «Художественный образ, который возникает, казалось бы, на отдаленных друг от друга явлениях, развивает способность ассоциации, связывания разнородного и способность гибко ориентироваться в сфере

непредвиденного» [9]. Последнее очень важно для развития дизайнерских качеств проектного мышления будущих специалистов.

Третий уровень – подсистема среднего профессионального образования. Основная структура – система средних профессиональных учебных заведений.

Цель: получение начального и среднего профессионального образования в области дизайна, профориентация и профессиональный отбор. Учебный процесс основан на выполнении требований Федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования. Это период «рождения мастера», насыщенный по информации, с применением интерактивных форм обучения и методов проектного мышления, позволяющих интенсифицировать учебный процесс; период обучения, когда проектная культура будущего дизайнера формируется, набирает силу и творческую активность, приобретая индивидуальность.

Четвертый уровень – подсистема высшего профессионального образования. Структура: система художественных, технологических, педагогических и специализированных вузов.

Цель: получение высшего профессионального образования в области дизайна, подготовка бакалавров, магистров, специалистов в этой области. Учебный процесс основан на выполнении требований Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, утвержденных вузом образовательных программ по направлению подготовки и соответствующих рабочих учебных программ, основанных на интегративном изучении художественного и научного учебного материала с широким внедрением инновационных образовательных технологий и с сохранением исторических художественных традиций. Показателем качества дизайн-образования будет конкурентоспособность и востребованность выпускников вуза на рынке труда.

Пятый уровень – подсистема послевузовского образования. Структура: аспирантура, докторантура, институты повышения квалификации и другие действующие курсы.

Цель: подготовка научных и педагогических кадров высшей квалификации, а также их переподготовка в связи с возросшими требова-

ниями к академически-предметным, дидактическим, коммуникативным, организаторским, интеллектуальным факторам компетентности профессорско-преподавательского состава; повышение квалификации по конкретным направлениям дизайн-образования. Основные задачи: 1) развитие наук и искусств посредством научных исследований и творческой деятельности научно-педагогических работников, аспирантов, докторантов и применение полученных научных результатов в учебном процессе; 2) систематизация и научный анализ передового педагогического опыта отечественных и зарубежных учебных заведений, ведущих подготовку специалистов в области дизайна; 3) разработка учебно-методического комплекса основных образовательных программ, в том числе программ послевузовского образования (аспирантуры, докторантуры, повышения квалификации и переподготовки кадров), создание учебников, научно-методических и учебных электронных пособий, методических рекомендаций, разработка новых и модернизация существующих учебных программ.

Таким образом, используя системный подход, мы представили структуру, уровни, взаимосвязи и взаимодействие всех элементов рассматриваемого процесса подготовки дизайнера и педагога-дизайнера в виде линейной структуры взаимодействующих элементов на каждом возрастном уровне обучающихся. При этом процесс подготовки к профессии рассмотрен с дошкольных учреждений и до специализированной системы послевузовского образования, т. е. во всей цепи созданной системы непрерывного дизайн-образования, потому что в нем длительность прохождения периода профессиональной подготовки и профессионального становления специалиста важна так же, как и в любой творческой профессии. Дизайн-образование – достаточно сложная многоуровневая система подготовки специалистов, на структуру и содержание которой влияют состояние системы образования в целом и степень направленности государственной политики в этой области [11]. В настоящее время в условиях становления новой системы образования не менее значимым фактором актуализации профессиональной подготовки выступает формирование творческих качеств личности, обладающей интегрирующим, междисциплинарным

мышлением. Сегодня формирование проектной культуры мышления является сущностной характеристикой любой деятельности, поэтому дизайн-образование востребовано профессио-

нальной педагогикой и понимается как особая педагогическая область, позволяющая применять методы и средства проектной культуры на всех уровнях образовательной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Образование** и XXI век. Информационные и коммуникационные технологии [Текст]. – М.: Наука, 1999. – 191 с.
2. **Образование** через всю жизнь: непрерывное образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: psypress.ru/events/26102.shtml.
3. **Гершунский, Б.С.** Философия образования [Текст] / Б.С. Гершунский. – М., 1998.
4. **Михайлов, С.М.** Основы дизайна [Текст]: учеб. для вузов / С.М. Михайлов, А.С. Михайлова; под ред. С.М. Михайлова. – Казань: Дизайн-квартал, 2008.
5. **Рунге, В.Ф.** История дизайна, науки и техники [Текст]: учеб. пособие. В 2 т. / В.Ф. Рунге. – М.: Архитектура, 2008.
6. **Сидоренко, В.Ф.** Образование: образ культуры [Текст] / В.Ф. Сидоренко // Техн. эстетика. – М., 1989. – № 1.
7. **Кожуховская, С.М.** Некоторые проблемы дизайн-образования [Текст] / С.М. Кожуховская // Вестн. УМО по проф.-пед. образованию / Урал. гос. проф.-пед. ун-т. – 1997. – № 1.
8. **Назарова, С.И.** Применение системного подхода для обоснования и оценки состава и структуры образовательных систем [Текст] / С.И. Назарова // Пед. образование в государствах – участниках СНГ: соврем. пробл., концепции, теории и практика: сб. науч. ст. / под общ. ред. И.И. Соколовой. – СПб.: Изд-во ФГНУ ИПООВ РАО, 2011.
9. **Гачев, Г.Д.** Национальные образы мира [Текст] / Г.Д. Гачев. – М., 1988.
10. **Назарова, С.И.** Роль искусства в образовании и формирование культуры личности учащегося [Текст]: учеб. пособие в сфере образования и культуры / С.И. Назарова. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007.
11. **Концепция** развития дизайна в Российской Федерации до 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kak.ru/files/news/060407/conception.doc>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

НАЗАРОВА Светлана Ивановна – главный научный сотрудник лаборатории профессиональных и социологических исследований педагогического образования, доктор педагогических наук, ФГНУ «Институт педагогического образования и образования взрослых» РАО.

191119, Санкт-Петербург, ул. Чернышевского, 2
nazarowa5@mail.ru

NAZAROVA Svetlana I. – *Institution of Russian Academy of Education "Institute of Pedagogical and Adult Education"*.
191119, Chernyakhovskogo street, 2, St. Petersburg, Russia
nazarowa5@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 37.026

М.Л. Никонорова

**КОМПЬЮТЕРНЫЕ МОДЕЛИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ
МЕДИЦИНСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРАКТИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
«АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕКА»**

M.L. Nikonorova

**COMPUTER MODELS MEDICAL IMAGING IN PRACTICE
OF STUDYING "HUMAN ANATOMY"**

Аннотация

Статья посвящена описанию нового подхода к построению учебных занятий по дисциплине «Анатомия человека» для студентов медицинских вузов на базе широкого внедрения компьютерных моделей медицинской визуализации. Проводится анализ и обобщение опыта использования имитационного моделирования, предлагается ввести компьютерные технологии работы с обучающим программным комплексом VOXEL-MAN и анатомическим порталом «Primal Pictures».

Ключевые слова

КОМПЬЮТЕРНЫЕ МОДЕЛИ, ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, МЕДИЦИНСКАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ, ОБУЧАЮЩИЙ ПРОГРАММНЫЙ КОМПЛЕКС VOXEL-MAN, АНАТОМИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ «PRIMAL PICTURES».

Abstract

This article describes the practical experience of using computer technology on the Department of Human Anatomy. The article suggests a new approach to teaching Human Anatomy for medical students, based on the broad introduction of e-learning. Methods of computer technology are used for construction of imitating models, scientific software VOXEL-MAN and medical imaging "Primal Pictures".

Keywords

E-LEARNING, VOXEL-MAN, PRIMAL PICTURES, IMITATING MODEL, COMPUTER TECHNOLOGY, MEDICAL IMAGING.

Внедрение инновационных технологий обучения в учебный процесс на кафедре анатомии человека в настоящее время является объективной необходимостью. Увеличилась потребность в индивидуальном подходе к образованию [1]. Традиционные формы обучения дополняются новыми технологиями в соответствии с ФГОС ВПО подготовки специалистов по медицинским специальностям, утвержденными в 2010–2011 годах, и международными стандартами Всемирной федерации медицинского образования (ВФМО) ИСО 9001 (International Organization for Standardization (ISO) 9001). Высокий уровень технических достижений в США и странах Западной Европы позволил применять в учебном процессе вузов этих стран различные компьютерные анатомические программы уже в начале 1990-х годов.

К началу XXI века в странах Запады сформировались два направления: одно из них сохранило традиционные подходы к изучению анатомии, второе – характеризуется максимальным использованием возможностей компьютерного обучения и полным или частичным отказом от препарирования. Новые компьютерные технологии в преподавании анатомии человека необходимы, но они будут иметь значение только при рациональном применении [2]. Американской ассоциацией анатомов был опубликован анализ влияния интерактивных занятий и компьютерных учебных модулей на обучение студентов университета Манчестера. После внедрения интерактивных занятий увеличился средний балл успеваемости студентов, нововве-

дение также оказало положительное влияние на результаты экзамена [3]. При этом не только вырос средний балл на экзамене, но и значительно сократилось число неуспевающих студентов, обучение стало более дифференцированным. Появилась возможность более глубокого изучения предмета студентами, улучшилось знание и понимание ими анатомии человека [4]. В России в некоторых медицинских вузах стали применяться компьютерные технологии, но *анализ влияния таких занятий на обучение студентов в нашей стране не проводился.*

Анатомия человека является одной из базовых и наиболее трудных дисциплин для освоения в структуре получения медицинских знаний. Трудность этой дисциплины заключается, во-первых, в необходимости изучения и запоминания огромного количества специальных терминов фактического материала на русском и латинском языках, во-вторых, в необходимости четкой визуализации изучаемых объектов и в умении устанавливать логическую связь между анатомическими объектами и функциональными процессами, в которых эти объекты принимают непосредственное участие. Классические анатомические атласы не могут представить все возможные изображения анатомических структур и их подробное описание в трехмерном пространстве, требуемое в современных диагностических и хирургических методах.

Поэтому перед нами стоит *задача поиска оптимальных форм проведения практических занятий по анатомии человека, включающих анатомическое препарирование и широкие возможности компьютерных технологий.*

В статье предлагается авторский подход к проведению практических занятий по анатомии человека, когда студенты не только формируют информационно-технологическую компетенцию, но и проводят построение компьютерных моделей в новом курсе «Компьютерное моделирование».

Метод моделирования является одним из фундаментальных методов познания, и развитие аппаратного и программного обеспечения компьютеров способствует его совершенствованию. Компьютерное моделирование развивает творческий потенциал студентов, системное мышление, помогает закреплению знаний и умений. В последние годы различают аналитическое и имитационное моделирование. Ана-

литическое моделирование позволяет создавать математическую модель реального объекта в виде системы алгебраических или дифференциальных уравнений, из которых получают точное решение. Как отмечает Н.В. Макарова, имитационное (программное) моделирование или логико-математическая модель исследуемого объекта представляет собой алгоритм функционирования системы, реализованный в виде программного комплекса [5]. Выделяют три подхода к имитационному моделированию: системная динамика (макроуровень, позволяет оценить систему в целом), дискретно-событийное моделирование (описывает систему как иерархическую последовательность элементов) и агентное моделирование (описывает систему как совокупность сложных объектов, связанных определенными правилами).

Приведем классификацию имитационных моделей по способу реализации:

1) алгоритмические модели: алгоритм, компьютерная программа, которые позволяют имитировать смену состояний в системе и, таким образом, будут представлять поведение моделируемой системы;

2) графические модели: прикладные программы векторной и растровой графики. Способы представления объектов в растровой графике – в виде геометрических примитивов. В растровой графике объекты состоят из пикселей (2D-графика) или вокселей (3D-графика);

3) структурно-функциональные модели: блок-схемы, сетевые и иерархические графы.

В учебном процессе в соответствии с целями моделирования и решаемыми задачами применяется агентное имитационное моделирование. Н.П. Пупырев в своей статье описывает педагогические возможности компьютерных моделей, визуализирующих человеческие знания, не имеющие текстовых описаний. Модели позволяют вести поиск путей перехода от наблюдаемых образов-картин к формулировке некоторой гипотезы о механизмах и процессах, скрытых за динамикой наблюдаемых картин [6]. Медицинские анатомические изображения внутренних органов можно получить с помощью магнитно-резонансной томографии, компьютерной томографии и ультразвуковой диагностики. Для правильного восприятия анатомических объектов и структур этой информации бывает недостаточно, так как не

отображаются топографические отношения, которые описывают пространственное взаиморасположение органов относительно друг друга, их связь с кровеносными сосудами и нервами. Визуализация медицинских объектов — это объемная трехмерная реконструкция анатомических объектов математическими методами по множеству параллельных сечений и получение их воксельного представления. Воксельные модели создают систематическое представление о строении организма человека, точно и наглядно передают анатомическую информацию, облегчают ее понимание, часто используются для анализа медицинской и научной информации. Сообразно с этим в Институте математики и информатики в медицине (Гамбург, Германия) создано обучающее и научное программное обеспечение VOXEL-MAN: 3D-Navigator.

В основу разработанного курса «Компьютерное моделирование» положено использование навыков информационных технологий, которые предполагают умение работать с готовыми программными продуктами, навыки построения компьютерных моделей и основных способов алгоритмизации. Для его реализации достаточно ввести в каждое традиционное практическое занятие по анатомии человека компьютерный практикум продолжительностью 30 минут.

Новые педагогические идеи заключаются в том, что предложен интегрированный подход к использованию компьютерных и педагогических технологий при проведении практических занятий по дисциплинам «Информатика» и «Анатомия человека» на основе имитационного моделирования реальных анатомических объектов и структур.

Весь курс «Компьютерное моделирование» состоит из двух модулей.

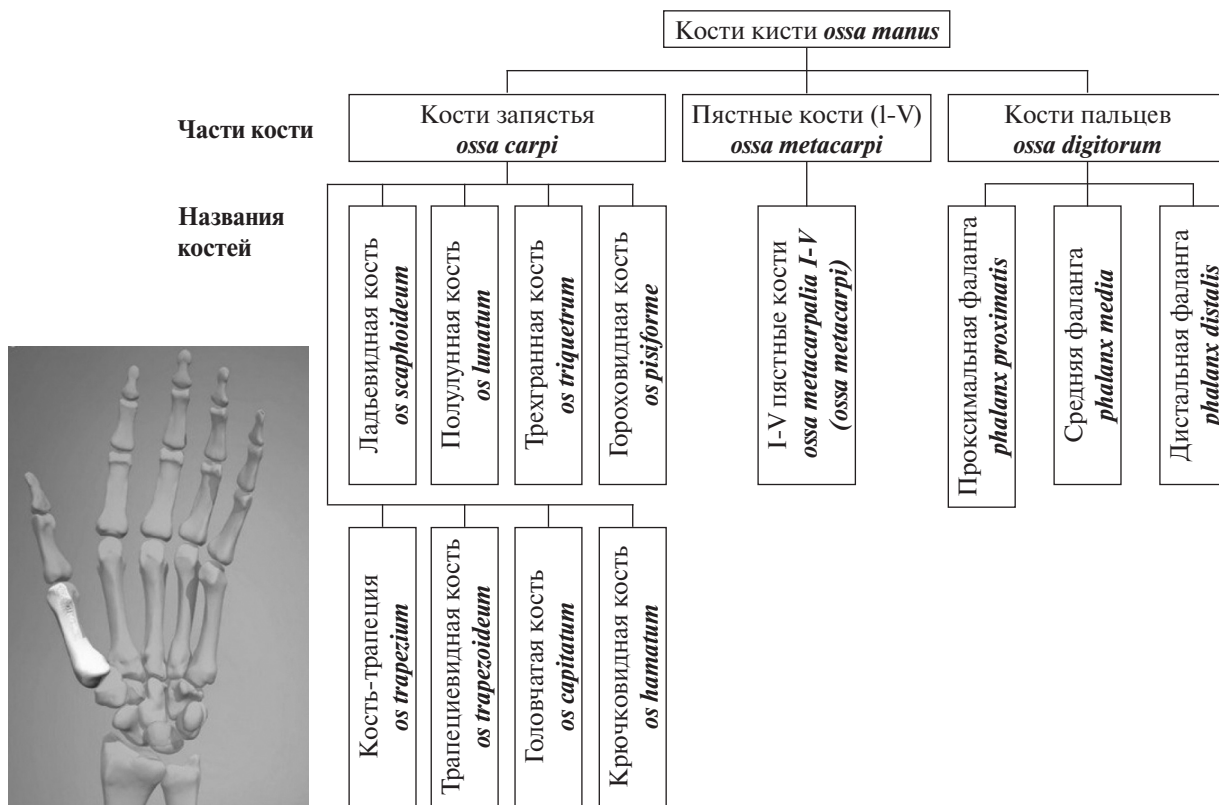
Модуль № 1. Компьютерные модели медицинской информации. *Задачи:* формирование информационно-коммуникационной компетенции (ИКК) студентов; освоение информационной технологии моделирования, компьютерного моделирования анатомических объектов и структур; закрепление базовых знаний по основам алгоритмизации; развитие аналитического и системного мышления, познавательных интересов и творческих способностей. Тематический план по модулю «Компьютерные модели медицинской информации»

соответствует программе и календарно-тематическому плану обучения анатомии человека. Созданные имитационные модели позволяют описать свойства сложных морфологических структур, а структурно-функциональные модели объясняют структуру анатомических объектов. Для построения компьютерных моделей используется среда текстового и графического редакторов, редактора блок-схем или программа подготовки презентаций. При прохождении модуля № 1 студенты выполняют *итоговую работу* или *проект* (см. рисунок), анализ моделей осуществляется *на семинарах*.

Модуль № 2. Дополнительные возможности визуализации медицинских данных. *Задачи:* формирование информационно-технологической компетенции (ИТК) студентов; освоение расширенных возможностей офисных пакетов Microsoft Office Visio, Word, PowerPoint; освоение научного программного обеспечения VOXEL-MAN: 3D-Navigator (Германия); закрепление знаний и умений интернет-технологий (анатомический атлас «Primal Pictures», Великобритания); развитие системного мышления, познавательных и творческих способностей. Занятия проводятся индивидуально или в группе по отдельному расписанию, при этом используются часы, отводимые на самостоятельную работу. Основные результаты, достигнутые при прохождении модуля № 2: повышение уровня знаний и пользовательских навыков по работе в офисных прикладных пакетах; повышение уровня подготовки в работе с анатомическими атласами медицинской визуализации. Проверка обученности студентов включает *компьютерный тест* и *выполненную практическую работу*.

Перечислим положительные моменты использования компьютерных образовательных технологий в учебном процессе на кафедре анатомии человека: доступность достоверной, наглядной, актуальной и полезной информации; минимальные затраты времени на поиск информации; развитие системного мышления, инициативности и рефлексии; демонстрация своей работы (плаката, презентации, проекта, доклада) на семинаре и в дальнейшем ее коллективное обсуждение.

Основные педагогические условия совершенствования обучения с применением компьютерных и информационных технологий:

Структурная схема кисти руки

оснащение кабинетов техническими средствами, формирование банка знаний учебно-методической и научной информации.

На кафедре анатомии человека Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии (СПбГПМА) компьютерные технологии используются с 2005 года. В 2010 году в учебном процессе стали применяться технологии дистанционного обучения. Компьютерный класс кафедры анатомии человека подключен к информационной библиотечной платформе Ovid Technologies, Inc. (<http://ovidsp.ovid.com>, Ovid), в состав которой входит интерактивный анатомический атлас «Primal Pictures», включающий в себя 20 учебных и методических модулей. Все изображения векторной графики основаны на реальных снимках и описывают около 6500 анатомических структур. Разнообразие форм представления информации создают условия, способствующие лучшему восприятию и запоминанию учебного материала с включением подсознательных реакций обучаемых [7].

В 2011 году в осеннем семестре на кафедре анатомии человека СПбГПМА был проведен педагогический эксперимент. Цель педагогического исследования – выявление эффективности проведения практических занятий на основе имитационного моделирования реальных анатомических объектов и процессов. Проводилось сравнение усвоения материала в двух группах студентов: экспериментальной и контрольной. В обеих группах темы занятий и количество часов, отводимых на освоение материала, были одинаковы; разница была лишь в методах обучения. В контрольной группе оно основывалось на традиционных методах обучения анатомии человека без применения компьютерных технологий. При оценке эффективности использовался подход, основанный на теории проверки статистических гипотез, в частности метод анализа таблиц сопряженности, который сводится к статистическому критерию Пирсона. Результаты эксперимента опубликованы [8]. На однопроцентном уровне значимости была статистически доказана эффективность использования

имитационного моделирования в процессе обучения студентов медицинских специальностей. Анкетирование студентов педиатрического и лечебного факультетов СПбГПМА, в том числе и иностранных, проведенное в весеннем семестре 2011 года, показало, что студенты готовы посещать на кафедре анатомии человека дополнительный курс «Изучение анатомии человека в формате 3D» по материалам обучающего и научного программного обеспечения VOXEL-MAN: 3D-Navigator [9].

В результате реализации курса «Компьютерное моделирование» появляется возможность использовать в учебном процессе визуальные образы изучаемых анатомических объектов, вырабатывается умение устанавливать логическую связь между функциональ-

ными процессами и этими объектами. Этот курс помогает решать учебные задачи дисциплины «Анатомия человека»: хорошо ориентироваться в сложном строении тела человека, свободно находить, определять положение и проекцию органов и их частей; помогает все-сторонне раскрыть взаимосвязь и взаимозависимость отдельных частей организма. Данный курс полезен при подготовке студентов к практическим занятиям по анатомии человека. Он способствует получению дополнительных умений и навыков в области компьютерных и информационных технологий, программных средств. В последующем полученные умения, несомненно, будут использоваться будущими врачами при решении вопросов в области практической медицины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гайворонский, И.В.** Инновационные технологии в преподавании дисциплины «Анатомия человека» [Текст] / И.В. Гайворонский, А.И. Гайворонский // Медицина. XXI век. – 2008. – № 9. – С. 38–43.
2. **Большаков, О.П.** Место и роль топографической и клинической анатомии в современной системе высшего медицинского образования [Текст] / О.П. Большаков // Морфология. – 2008. – № 1. – С. 7–19.
3. Use of interactive sessions and e-learning in teaching anatomy to first-year optometry students [Text] / B. Choudhury, I. Gouldsborough, S. Gabriel // Anatomical Sciences Education. – 2010. – Jan. – Feb. – Nr. 3. – P. 39–45.
4. Development of a supported self-directed learning approach for anatomy education [Text] / G.S. Findlater, F. Kristmundsdottir, S.H. Parson, T.H. Gillingwater // Ibidem. – 2012. – Mar. – Apr. – Nr. 5 (2). – P. 114–121.
5. **Макарова, Н.В.** Информатика [Текст]: учеб. для вузов / Н.В. Макарова, В.Б. Волков. – СПб.: Питер, 2011. – 575 с.
6. **Пупырев, Н.П.** Педагогические возможности компьютерных моделей [Электронный ресурс] / Н.П. Пупырев // Соврем. наукоемкие технологии. – 2004. – № 6 – С. 68–69. – Режим доступа: <http://goo.gl/vi7pU>.
7. **Дидактика** и компетентность в профессиональной деятельности преподавателя медицинского вуза и колледжа [Текст]: рук. для преподавателей / под ред. М.Г. Романцева, М.Ю. Ледванова, Т.В. Сологуб. – Режим доступа: <http://www.rae.ru/monographs/73–2717>.
8. **Никонорова, М.Л.** Инновационные технологии обучения анатомии человека и оценка статистической надежности полученных результатов [Текст] / М.Л. Никонорова, Ю.А. Пичугин, Н.Р. Карелина, С.В. Круглов // Морфология. – Т. 142, № 4. – СПб., 2012. – С. 92–95.
9. **Она же.** ИТ и компьютерные средства обучения в преподавании анатомии человека [Текст] / М.Л. Никонорова, Н.Р. Карелина // LAPLAMBER Academic Publishing GmbH&Co. KG. – Saarbruocken, 2011. – 82 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

НИКОНОРОВА Маргарита Леонидовна – аспирантка кафедры информатики факультета математики Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

199186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
тел. (812) 312-86-24 (кафедра)
nikml@yandex.ru

NIKONOROVA Margarita L. – Russian State Pedagogical University.

191186, Moika, 48, St. Petersburg, Russia
nikml@yandex.ru

УДК 378.147

О.С. Шишигина

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

O.S. Shishigina

THE METHOD OF FORMING OF ENGLISH SCIENTIFIC SPEECH IN ENGINEERING STUDENTS

Аннотация

К настоящему времени нет общепринятой методики формирования навыков англоязычной научной речи у студентов технических специальностей. В работе представлена методика обучения, построенная на подготовке студента к международной конференции. Ее результатом являются практические навыки студентов к презентации и защите технического проекта. Первый этап обучения связан с изучением математической терминологии на английском языке (с использованием Mathcad в качестве технического средства обучения), на втором этапе студенты учатся делать доклады по специальным и общетехническим темам.

Ключевые слова

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ, АНГЛОЯЗЫЧНАЯ НАУЧНАЯ РЕЧЬ, МАТНСАД, ТЕХНИЧЕСКИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ.

Abstract

To date, there is no generally accepted approach to teaching Foreign Languages for Scientific Purposes in technical universities. This paper covers a new approach, based on students' participation at a model of the international conference. This approach aids students to acquire practical skills needed for successful presentation and defense of technical research works. At the first stage emphasis is placed on English mathematical language acquisition (with mathematical software package Mathcad used as the main technical mean), at the second stage students are taught to make reports on special and general technical topics.

Keywords

TEACHING METHODS, ENGLISH LANGUAGE FOR SCIENTIFIC PURPOSES, MATHCAD, TECHNICAL SPECIALITIES.

В Федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения формирование практических навыков иноязычной научной речи (письменной и устной) у студентов технических специальностей рассматривается как необходимое условие для их успешной профессиональной деятельности в будущем.

При решении этой задачи результат во многом зависит от преподавателя, его способности двинуться дальше доминирующей в настоящее время гуманитарной составляющей и делового английского, но в большей мере от стремления студентов. Понимание перспектив участия в международных академических программах, учебы в зарубежных университетах,

работы за границей характерно для современных студентов. Но отсутствие навыков научной коммуникации, незнание правил оформления и составления тезисов, статей и презентаций на иностранном языке могут стать непреодолимым препятствием на этом пути. Следует констатировать, что признание новой идеи, метода, технического решения часто происходит только при условии публикации на английском языке, а большинство студентов не в состоянии его использовать в профессиональных целях.

Иноязычный научный стиль речи (как один из функциональных стилей) подробно и полно теоретически изучен в рамках стилистики. Отдельные аспекты обучения научной речи сред-

ствами иностранного языка в технических вузах исследовались Л.Б. Алексеевой и Н.Э. Аносовой, в условиях постдипломного образования – Ю.А. Комаровой [1] и Т.Н. Рыбиной [2]. Исследования Т.И. Леонтьевой, Т.Н. Михельсон, Н.В. Успенской, Н.К. Рябцевой [3] посвящены обучению письменной иноязычной научной речи, работы И.А. Авхачевой, Л.Н. Смирновой, С.М. Костенко, И.Б. Борковской – устной. Эти знания, безусловно, служат основой при определении содержания обучения и его структурной организации, отборе типов упражнений и т. д., но их недостаточно для разработки методики обучения студентов иноязычной научной речи.

Расширить иноязычные научные и профессиональные компетенции студента, помочь ему представить результаты исследований в зарубежных журналах или на международных конференциях – задача преподавателя в рамках изучения предмета «Иностранный язык». Однако здесь существует проблема, состоящая в том, что преподавателю иностранного языка, имеющему гуманитарное образование, очень сложно «перестроиться» с традиционной тематики на сугубо технические дисциплины.

Разрабатываемым методикам обучения иноязычной научной речи наиболее близки методики профессионально ориентированного обучения для отдельных узких специальностей. Но при обучении иноязычной научной речи требуются общие методики для широкого круга технических специальностей, без жесткой привязки к конкретному материалу, поскольку информация в современном мире устаревает очень быстро.

Другой проблемой является выбор технических средств обучения. Используемые ныне средства мультимедиа и компьютерные программы типа Microsoft Word и Power Point, несомненно, расширяют возможности преподавателя и эффективны для гуманитарных специальностей, но недостаточны для обучения иноязычной научной речи.

Целью данной статьи является разработка методики обучения английской научной речи студентов технических специальностей в рамках дисциплины «Иностранный язык».

Предлагаем формирование практических навыков иноязычной научной речи по специальности студента осуществлять на модели его участия в предполагаемой международной научной конференции (имеющей реальный про-

тотип), где рабочий язык английский. На основе собственного или выбранного из материалов конференции научного текста студент проходит все этапы: от заявки, заполнения анкеты, научной биографии, тезисов доклада, устранения замечаний рецензента (тоже студента), ответа на его замечания до создания презентации доклада, выступления с ним и научной дискуссии со своими товарищами и преподавателем.

Методику обучения разделим на два уровня. На *первом уровне обучения* у студентов происходит формирование навыков иноязычной научной речи по общетехническим предметам (математике, физике, электротехнике), освоенным ими на родном языке. Базисными являются упражнения по «озвучиванию» математических операций с дробями, степенями, корнями, векторами, матрицами. Студенты учатся произносить названия букв греческого алфавита. Сложнее с выбором учебного материала для описания инженерных задач, включающих решение уравнений, проведение циклических расчетов, построение 2D- и 3D-графиков, и других важных для студентов задач. В рамках изучения иностранного языка нас не интересует техническая сторона проблемы, но очевидно, что техническое решение должно быть правильным. Требовать же от преподавателя иностранного языка, чтобы он вычислял дроби и изучал математику для подбора материала, нереально. Решение этой проблемы находим в использовании математического пакета Mathcad в качестве технического средства обучения.

Математический пакет Mathcad выбран для изучения математической лексики, поскольку этот выбор уже сделали миллионы студентов, инженеров и ученых во всем мире для технических расчетов. Здесь можно набрать текст, формулы, графики, произвести вычисления, а встроенный учебник (на английском языке) содержит большое количество примеров. В рамках изучения английского языка нас интересует не техническое решение задач, а точное произношение названий основных математических операций (см. таблицу). Таким образом, используя Mathcad как общепринятый электронный учебник по математике, редактор научного текста, средство вычислений, не требующее специальной подготовки и доступное каждому, занимаемся решением только своих задач, связанных с обучением английской научной речи.

Примеры описания математических операций

Математические операции	Описание математических операций на английском языке
$M = G_1x - C_1(x - d_1) - C_2(x - d_2)$	<i>M</i> is equal to <i>G</i> sub one multiplied by <i>x</i> minus <i>C</i> sub one round brackets opened, <i>x</i> minus <i>d</i> sub one, round brackets closed, minus <i>C</i> sub two, round brackets opened, <i>x</i> minus <i>d</i> sub two, round brackets closed
$3c + N_3 + 4p_1a^1 + D_a = 43\frac{1}{3}$	3 <i>c</i> plus <i>N</i> third plus 4 <i>p</i> first <i>a</i> prime plus <i>D</i> <i>a</i> -th equals forty-three and one third
$NS = S_2 - S_1 = \int_{P_1}^{P_2} \frac{Nr}{P}$	<i>NS</i> is equal to <i>S</i> sub two minus <i>S</i> sub one is equal to the integral from <i>P</i> sub one to <i>P</i> sub two of <i>Nr</i> over <i>P</i>

Научные тексты дополняются научной визуализацией – чертежами, диаграммами, схемами, 2D- и 3D-графиками. Современный студент должен уметь их строить, а наша задача – научить его правильно называть компоненты на английском языке.

Эффективным методическим приемом для закрепления знаний является работа в команде. Один из студентов по-английски дает команды по изменению вида графика, цвета, заливки, других характеристик. Предположим, что кто-то из учащихся не справляется с заданием, так как не понимает команды. Но в глазах окружающих не знать как *to change graph color from green to black* – признак отсталости в престижной для студентов компьютерной тематике, что в соответствии с законами психологии заставит такого студента относиться к нашему предмету должным образом. Полагаем, что после первого уровня обучения студент в ходе презентации сможет пояснить аудитории технический текст, включающий формулы, и графики, изображенные на плакате.

Задачей *второго уровня обучения* является изучение аспектов английской научной речи применительно к технической специальности студента на основе методик профессионально ориентированного обучения. Для ряда специальностей подобные курсы разработаны с участием специалистов. Но научных специальностей много, они бурно развиваются, поэтому профессионально обсуждать каждую из них преподавателю иностранного языка невозможно, что является здесь главной проблемой. Предлагаем выбирать темы, которые имеют глобальное значение, входят в перечень приоритетных направлений развития науки, интересны и дискуссионны, имеют публикации научно-популярного уровня. Список тем подлежит обсуж-

дению, но нами выбраны следующие: молния и молниезащита, электромагнитный терроризм, электромагнитная экология, проблемы климата, космос. Изучение подобных тем направлено на формирование у каждого студента навыков и умений поддержать дискуссию на иностранном языке по его специальности с опорой на глобальные общетехнические темы, актуальные для всех специальностей, и расширение научного кругозора. Кроме того, здесь легко создавать проблемные ситуации, в процессе преодоления которых учащиеся имеют возможность проявить такие важные качества, как инициативность, самостоятельность, познавательная активность. Анализ и обсуждение ситуации требуют осмысления, понимания и закрепления учебной информации в памяти студентов, что, собственно, и является задачей обучения. Узкопрофессиональные темы (по выбору студента или из материалов специализированной конференции) вынесены на самостоятельную работу с последующим обсуждением в аудитории. В пару к докладчику всегда назначается оппонент (тоже студент). Роль преподавателя сводится к организации дискуссии, технических деталей он может и не знать.

Современный мир предъявляет все более высокие требования к техническим специалистам, владеющим мировым языком науки – английским. Актуальной задачей дисциплины «Иностранный язык» в техническом вузе становится обучение студентов английской научной речи (письменной и устной, в форме разных жанров) для профессионального общения, мотивированное успехом в их будущей профессиональной деятельности. Предложенная нами методика обучения студентов технических специальностей английской научной речи способствует решению этой задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Комарова, Ю.А.** Дидактическая система формирования научно-исследовательской компетентности средствами иностранного языка в условиях последиplomного образования [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02: защищена 10.12.08 / Ю.А. Комарова; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2008. – 45 с.
2. **Рыбина, Т.Н.** К вопросу об обучении научной речи на английском языке слушателей факультета повышения квалификации [Текст] / Т.Н. Рыбина // Обучение иностранным языкам (Материалы для специалиста образовательного учреждения) / под ред. М.К. Колковой. – СПб.: Каро, 2003. – С. 296–310.
3. **Рябцева, Н.К.** Научная речь на английском языке. Руководство по научному изложению. Словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики [Текст]: новый слов.-справ. активного типа / Н.К. Рябцева; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Флинта : Наука, 1999. – 598 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ШИШИГИНА Ольга Сергеевна – аспирант кафедры прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-03-18 (кафедра)
olga-shishigina@mail.ru

SHISHIGINA Olga S. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
olga-shishigina@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 947:323

А.Н. Мичурин

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВЫХ ГРУПП
В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1915 ГОДА**

A.N. Michurin

**ACTIVITY OF THE RIGHT GROUPS IN THE STATE COUNCIL
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CONDITIONS OF POLITICAL CRISIS OF 1915**

Аннотация

В статье показано развитие политической борьбы в Государственном совете в годы Первой мировой войны. Выявляются неизвестные ранее особенности организационной работы правых во время общественно-политического кризиса 1915 года, причины столкновения их с Прогрессивным блоком, степень влияния различных политических групп на работу Государственного совета.

Ключевые слова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ, ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК, ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Abstract

In article development of political struggle in the State Council in the years of World War I is shown. Unknown before feature of organizational work right come to light during political crisis of 1915, their collision with the Progressive block, extent of influence of various political groups for work of the State Council.

Keywords

STATE COUNCIL, PROGRESSIVE BLOCK, POLITICAL CRISIS, FIRST WORLD WAR.

Вопрос о правых силах в Государственной думе и Государственном совете и их влиянии на российское правительство накануне Февральской революции до сих пор является дискуссионным в отечественной и зарубежной историографии. В исследовательских работах встречаются полярные оценки сил правого общественного лагеря в годы Первой мировой войны. В некоторых работах имеются фактические ошибки относительно численности правых сил в Государственном совете, приводятся неверные цифровые данные об оппозиционном Прогрессивном блоке, формальная численность списочного состава групп подменяется реальным участием в политической

борьбе вполне конкретных людей, описание поступков которых к тому же весьма отлично от описания их в мемуарной литературе. Следует отметить, что история Государственного совета является наименее изученной страницей истории российского парламентаризма, поэтому при рассмотрении кризиса российской политической системы накануне Февральской революции, особенно во время политического кризиса 1915 года, который привел к обрушению всей «третьеиюньской» политической системы в России, ей необходимо уделить особое внимание.

Цель нашего исследования – выявить реальное соотношение правых и оппозиционных

сил в верхней палате российского парламента и определить, как образование Прогрессивного блока повлияло на усилия правых. Преувеличенные данные о сплоченности правых также требуют корректировки, это позволит выявить реальную численность так называемого «черного блока» в Государственном совете.

Политическая обстановка в первый год Первой мировой войны в верхней палате российского парламента была довольно сложной. Правые группы постепенно теряли политическое влияние, связанное с их безусловным преобладанием в Государственном совете до 1915 года. К началу XI сессии в правой группе Государственного совета было 27 избранных членов: 8 — от губернских земских собраний, 2 — от съездов землевладельцев, 11 — от дворянских обществ, 6 — от духовенства. Остальные 40 человек были членами по назначению. Правый центр состоял преимущественно из членов Государственного совета по выборам. Из 15 членов группы правого центра 8 были выборными: 4 — от губернских земских собраний, 1 — от съездов землевладельцев, 3 — от дворянских обществ. Таким образом, две правые группы в сумме дают 35 выборных членов верхней палаты, при этом от дворянских обществ к ним примкнуло всего 14 членов. Значительное число выборных членов (38 человек) вошло в группу центра: 12 — от губернских земских собраний, 6 — от съездов землевладельцев, 6 — от землевладельцев губерний Царства Польского, 3 — от дворянских обществ, 11 — от торговли и промышленности¹. Остальные 26 человек были членами Государственного совета по назначению.

Выборными от губернских земских собраний или от съездов землевладельцев фактически могли стать только крупные землевладельцы — дворяне. Можно сказать, что к началу XI сессии 19 июля 1915 года в Государственном совете было только 29 выборных дворян-землевладельцев, примыкавших к правым или правому центру. Остальные группы насчитывали 46 выборных представителей дворян [2, л. 66 об.—67]. Поэтому говорить о том, что дворянство являлось тормозом или усиливало правые группы, не представляется возможным. Дворянские общества выдвигали из своей среды преимущественно правых членов, но следу-

ет учесть тот факт, что стойкостью убеждений представители этой группы выборных членов не отличались. Так, в сложное для правых время (в конце августа 1915 года) В.И. Карпов и князь А.М. Эрстов вышли из состава правой группы [3], хотя и были избраны от дворянских обществ. Поэтому даже численное соотношение не дает точного представления о влиянии тех или иных групп Государственного совета на принятие политических решений. Можно только констатировать, что правая группа, даже при соединении с правым центром, не обладала большинством голосов для проведения необходимых решений. Из 196 голосов членов Государственного совета им принадлежало только 80.

Правые не обладали ни единством, ни стойкостью в отстаивании своих же решений, не могли они объединить все близкие им по духу и консервативные силы. Князь Б.А. Васильчиков писал о времени, предшествовавшем описываемым событиям: «Я всегда считал себя консерватором, но никогда не мог ассимилироваться с группой правых в Государственном совете и их пониманием консерватизма. Эта группа по преимуществу состояла из государственных сановников, и их политическая ориентация сказывалась гораздо более в приверженности к известным формам, нежели к принципам. Это был специфически „казенный консерватизм“, бывший порождением того государственного уклада, который традиционно назывался самодержавием, но который за период царствования Николая II значительно потерял истинный характер того режима, коего он носил наименование. Непосредственное влияние воли государя, его инициатива утратились в государственной жизни и сменились автоматическим функционированием правительственного аппарата, претворявшего всякую инициативу, вне его зародившуюся, и действовавшего в этом направлении настолько совершенно, что в столкновении с ним государь бывал бессилён. Современники помнят несколько случаев такого политического поражения государя его собственным правительством» [4]. Вместе с тем лидеры правых в парламенте считали Прогрессивный блок ответственным за подготовку к Февральской революции и вообще политической борьбе в парламенте придавали в своих мемуарах слишком большое значение. На-

¹ Подсчитано по: 1, л. 3 об.—4.

пример, Н.Е. Марков писал, что главную роль в падении монархии сыграл Прогрессивный блок [5, с. 163].

Предположения о том, что в руководстве страной к началу лета 1915 года возобладали иные, более умеренные политические течения, подтвердились после отставки 5 июня 1915 года Н.А. Маклакова и последовавших затем отставок В.А. Сухомлинова, И.Г. Щегловитова и В.К. Саблера. За эти отставки ратовала группа министров (А.В. Кривошеин, П.А. Харитонов, П.Л. Барк, П.Н. Игнатъев), пытавшаяся через И.Л. Горемыкина добиться отставки правых министров. Поэтому Н.А. Маклаков не без сарказма писал И.Г. Щегловитову 10 июля 1915 года: «Вспоминаю афоризм Шопенгауера часто: „Чем больше я узнаю людей, тем более люблю собак”. Перефразирую: чем больше я узнаю русское правительство, тем более мне интересен мой скотный двор» [6, с. 113]. Маклаков надеялся на то, что Щегловитов будет с ним в одной группе Государственного совета. Это особенно важно было выяснить накануне открытия заседаний верхней палаты. Политические пристрастия членов правительства можно выяснить, так как часть из них состояла членами Государственного совета. Из отправленных в отставку И.Г. Щегловитова, Н.А. Маклакова, В.К. Саблера и В.А. Сухомлинова первые трое оказались в правой группе Государственного совета, а В.А. Сухомлинов – среди внепартийных. Из состава кабинета министров, окончательно определенного 13 июня 1915 года в Ставке, И.Л. Горемыкин, И.К. Григорович, А.В. Кривошеин, А.А. Поливанов, С.В. Рухлов, С.Д. Сазонов, А.Д. Самарин, В.Б. Фредерикс, П.А. Харитонов, А.А. Хвостов входили в состав Государственного совета к 19 августа 1915 года [7, л. 2–4 об.]. После произошедших изменений в Государственном совете и новых назначений в правительство к ноябрю 1916 года Сазонов и Поливанов вошли в кружок внепартийного объединения, что давало им определенную свободу при голосовании, Кривошеин и Рухлов – в группу правого центра. Самарин оказался в группе правых, как Хвостов и Горемыкин [1, л. 45–46]. Граф В.Б. Фредерикс и И.К. Григорович остались на своих постах, а П.Л. Барк был включен в число присутствующих членов Государственного совета на 1916 год. Таким образом, «либеральная группа» министров после

своего распада даже не смогла выработать определенных политических пристрастий, которые объединили бы их в одной группе Государственного совета.

Другим важным событием для Государственного совета стало назначение 15 июля 1915 года А.Н. Куломзина председателем Государственного совета. А.А. Поливанов объяснял назначение Куломзина именно новыми веяниями, связанными с переменами в Совете министров, но, «дабы не раздражать крайне правых, усмотревших бы в назначении И.Я. Голубева государственную опасность, решено было выставить кандидатуру А.Н. Куломзина... искусно примирявшего в себе готовность к политическому прогрессу с приемами придворной куртуазии» [8, с. 168–169]. А.Н. Наумов характеризовал Куломзина как склонного к «упрочению в стране конституционализма» [9, с. 298], а его деловым качествам давал крайне низкую оценку, отдавая дань умению покойного М.Г. Акимова вести заседания Государственного совета. Против назначения более умеренной кандидатуры на пост председателя верхней палаты, например В.Н. Коковцова, входившего в кружок внепартийного объединения, выступали правые [10, с. 332].

Поэтому назначение нейтрального А.Н. Куломзина, близко знакомого Николаю II по работе в качестве председателя Комитета по постройке Сибирской железной дороги и в должности председателя Романовского комитета, с одной стороны, создавало у правых ощущение назначения на важнейшую должность своего представителя от группы правого центра, а с другой – показывало повое направление кадровой политики, так как на эту должность мог быть назначен и последовательно правый А.Г. Булыгин и неприемлемый для левых И.Г. Щегловитов.

В Государственном совете летняя сессия открылась в условиях координации усилий всех без исключения групп по принятию целого пакета законов, находящихся на рассмотрении в верхней палате. В такой обстановке отдельные заявления «ортодоксальных» правых, охранявших не только правительство, но и свою группу от посягательств со стороны «прогрессивных групп» в Государственном совете, приводили к обратным результатам. 19 июля 1915 года в заседании верхней палаты выступил лидер правых П.Н. Дурново. Его речь была призывом

отказаться от заигрывания с общественностью и вернуться к твердой власти: «Страх главным образом опасен потому, что он сам себя воспитывает и сам себе создает признаки, чтобы их бояться. И вот почему правительство обязано воспитывать в этом духе не только народ, но и все без исключения учреждения, из народа исходящие, а также и своих собственных представителей» [11, л. 12 об.].

Хотя речь лидера правой группы звучала как заявление от всех правых, правые поспешили откеститься от этого заявления, чувствуя, что речь П.Н. Дурново будет диссонансом в дружном хоре заявлений других групп Государственного совета и приглашений председателя Совета министров И.Л. Горемыкина к дружной совместной работе. А.А. Иванов правильно подмечает: «Первые шаги правых в полемике с лидерами Прогрессивного блока были сдержанными и политически корректными. Поэтому неверно расхожее мнение, что правые сразу же подняли знамя раздора и бескомпромиссной борьбы с блоком» [12, с. 68]. Правильнее сказать, что знамя борьбы поднял только лидер правых в Государственном совете П.Н. Дурново, после чего не получил существенной поддержки от своих товарищей по правому лагерю. Примечательно, что в Государственном совете П.Н. Дурново пользовался уважением даже у людей, далеких от него по политическим взглядам [13, с. 295].

Постепенно в Государственной думе стали распространяться слухи об организации внутрипарламентского объединения среди правых. А.А. Иванов пишет о том, что информация о «черном блоке» появилась 12 августа 1915 года: «Газета „Утро России“ сообщала, что на квартире одного из лидеров правых, П.Н. Дурново, состоялись три заседания, на которых присутствовали представители от правых фракций Государственного совета и Государственной думы. На этих совещаниях якобы обсуждались вопросы: о единении всех консервативных сил, создании правого кабинета во главе с И.Г. Щегловитовым и всемирной борьбе с Прогрессивным блоком» [12, с. 70]. Не совсем верно то, что сначала появились материалы о «черном блоке», а потом уже сам Прогрессивный блок. «Утро России» вброс информации сделало 12 августа, а Прогрессивный блок начал свою реальную организационную деятельность еще в начале августа 1915 года. Неверна также дата первого

упоминания о «черном блоке». Кадетская «Речь» писала о блоке правых еще раньше — 11 августа 1915 года. Однако еще 10 августа 1915 года С. Зарудный писал П.А. Кемпе по поводу этих слухов: «Думу собираются распустить. Думцы говорят, что это заговор правых Госсовета и Думы, или черного блока. В председатели Совета проводится будто бы И.Г. Щегловитов; увольнение кабинета И.Л. Горемыкина, твердая власть и управление без Думы до победоносного окончания войны, а там... победителей не судят» [14, л. 630]. Представители правого центра и правых в Государственном совете отрицали какое-либо свое участие в «черном блоке», указывая на краткость парламентской сессии. Представители группы центра также не придавали существенного значения появившимся в газетах сведениям о «черном блоке». Большинство правой группы, как отмечала «Речь» 11 августа 1915 года, особенно представители земств и дворянских обществ, негативно отнеслись к речи П.Н. Дурново, произнесенной им 19 июля в Государственном совете. Поэтому кадетский печатный орган считал, что в таких условиях возможны лишь в отдельных случаях комбинированные действия правых с «нейдгартцами», что нередко бывало и в предыдущие сессии.

На этом фоне происходил и раскол среди думских националистов. А. Савенко 10 августа писал: «...балашевцы устроили тесный блок (почти слияние) с гг. Дурново, Марковым П. и К°. Я, разумеется, протестую. Большинство во фракции меня поддерживает, но когда доходит до дела, то все молчат и уклоняются» [Там же. Л. 632]. С.И. Шидловский считал, что раскол во фракции националистов произошел «исключительно из-за разногласия на почве лидерства» [15, с. 213]. Того же мнения придерживался и входивший во фракцию националистов А.А. Ознобишин, который зачинщиками этого раскола считал своих бывших «софракционеров — членов Думы Василия Виталиевича Шульгина и графа Владимира Алексеевича Бобринского» [16, с. 219]. Несмотря на то что на состоявшемся 11 августа собрании нейдгартцев А.Б. Нейдгарт продолжал утверждать, что слухи о существовании блока между правыми обеих палат не имеют реального основания, раскол во фракции националистов стал неизбежен, что и привело к выходу примерно 30 депутатов из ее рядов.

В то время, как в парламенте образовывался Прогрессивный блок, правая группа Государственного совета также переживала нелучшие времена. Она находилась на грани прямого распада. Князь В.М. Урусов писал 14 августа 1915 года своему сотоварищу по правой группе Н.П. Урусову в Ровно: «В правой группе идет брожение, многие члены вышли из ее состава — Зубчанинов, Наумов, многие собираются выйти, в том числе и я... В председатели Совета намечается граф Бобринский. Быть может, он сумеет оживить группу и вывести ее из старческого маразма, в который она впала, но я думаю, что развал группы неминуем и что со вступлением в Госсовет новых членов произойдут большие перемены в группировках» [14, л. 672]. К 22 августа 1915 года из состава правой группы вышли С.И. Зубчанинов, В.И. Карпов, Н.И. Клунников, Я.Н. Офросимов, князь А.М. Эристов. Эти лица пересели в правый центр. А.Н. Наумов отмежевался от правого крыла и пересел к беспартийным. А.Г. Булыгин снял свое имя из списка правых и вошел в правительственную группу, образуемую из министров, членов Государственного совета [1, л. 15–16; 17]. Распад группы правых продолжался и после этого. Избранный ее председателем А.А. Бобринский в интервью газете «Утро России» договорился до того, что открыто признал возможность ответственного министерства. Это возмутило «ортодоксальных» правых и вызвало публичную полемику между членами правой группы. Вышедший из правой группы А.Н. Лобанов-Ростовский с возмущением писал в своем заявлении: «Я увидел, что неизбежно дальнейшее движение группы в различные „политические дебри“. Так как это противоречит моим убеждениям, то я выхожу из этой группы „далеко не правой“» [18]. П.П. Кобылинскому, оставшемуся в правой группе, пришлось оправдываться, указывая на духовную близость с вышедшими членами [19, л. 23], а В.И. Карпов, ушедший к нейдгартовцам, напротив, подчеркивал полный разрыв со своими прежними единомышленниками [20]. В тот момент правые даже считали, что Прогрессивный блок хоть и не годен, но может правительству понять, что заигрывать с левыми нельзя.

В Государственном совете происходили процессы, показывавшие полную перегруппировку политических сил. Вместе с тем вы-

кристаллизовывались группы именно по политическим пристрастиям и отношению к Прогрессивному блоку. В правой группе продолжались разброд и шатание. В связи с уходом некоторых членов Государственного совета, избранных от губернских земских собраний, из правой группы в верхней палате заговорили о возможности образования внепартийной земской группы. 25 августа 1915 года «Утро России» опубликовало большую статью о беседе с новым лидером правых в Государственном совете — графом А.А. Бобринским, который сетовал на раскол в правой группе и высказывался за сотрудничество с Государственной думой, т. е. Прогрессивным блоком. При этом Бобринский высказался за «приемлемость ответственного министерства и заявил, что по многим вопросам между ним и Милюковым нет разномыслия» [21]. 28 августа А.А. Бобринский посетил Таврический дворец во время заседания Думы, где «около часу вел переговоры с Милюковым, долго говорил с Крупенским, а затем с некоторыми из членов правых фракций Государственной думы» [22]. В этот период А.А. Бобринский выступал сторонником общения Думы и Государственного совета [2, л. 65] и стремился провести кандидатуру С.Е. Крыжановского в министры внутренних дел и председатели Совета министров, что, по мнению лидера правых в верхней палате, могло сблизить эту группу с Прогрессивным блоком.

Прогрессисты немедленно ухватились за высказывания графа А.А. Бобринского, чтобы прокомментировать открытое письмо члена правой группы князя А. Лобанова-Ростовского к А.А. Бобринскому. «Утро России» передавало высказывание Лобанова-Ростовского, с недоумением отмечавшего высказывания А.А. Бобринского об образовании ответственного министерства, когда «даже кадетская фракция была против образования ответственного министерства». Прогрессистский рупор не без сарказма замечал: «П.Н. Милюков! Это уже в ваш огород!» [21]. Вообще специфическая манера А.А. Бобринского общаться со своими политическими оппонентами была и ранее хорошо известна. Например, П.П. Менделеев писал о Бобринском: «Ближе узнал уже как товарища внутренних дел и министра земледелия. Тут он оказался совсем не на месте. Легковесность всех его выступлений, поверхностное, недостаточно

серьезное отношение к обсуждавшимся важным, животрепещущим вопросам меня прямо поражало» [23, л. 91].

Наметился и распад группы правого центра, насчитывавшей 20 членов, так как часть членов не устраивало название группы и даже само слово «правый».

В этой связи вызывает особый интерес письмо А.С. Струкова от 23 августа 1915 года к И.Л. Горемыкину по поручению постоянного Совета объединенных дворянских обществ, заседания которого состоялись 20 и 22 августа 1915 года [24, л. 27]. На заседаниях присутствовали А.П. Струков, А.А. Нарышкин, А.И. Мосолов, А.А. Бобринский, В.И. Карпов, И.Н. Ладыженский, М.И. Миклашевский, А.Н. Наумов, А.Б. Нейдгарт, С.А. Панчулидзе, Н.А. Ребиндер, Х.Н. Сергеев, С.М. Сомов [25, л. 16]. По сути своей это было заседание, в котором преобладали бывшие сотоварищи по правой группе Государственного совета: А.П. Струков (правый), А.А. Нарышкин (правый), А.И. Мосолов (правый), М.И. Миклашевский (правый), А.А. Бобринский (правый), В.И. Карпов (правый центр – бывший правый), А.Н. Наумов (внепартийный – бывший правый), А.Б. Нейдгарт (правый центр), Н.А. Ребиндер (правый центр). Так как письмо Струкова было написано по поручению Совета, который отражал мнение правой части верхней палаты, то вызывает пристальное внимание то, что это письмо поддерживали, с одной стороны, поборник «ответственного министерства» А.А. Бобринский, новый лидер правых, а с другой – такие люди, как В.И. Карпов и А.Н. Наумов, явно «полевевшие» к окончанию летней сессии 1915 года. Карпов заявил о своем фактическом разрыве с правыми, а Наумов, хотя и остался на умеренно-правых позициях, покинул правую группу именно из-за назначения А.А. Бобринского ее председателем [9, с. 299].

В письме А.П. Струкова выражалась озабоченность в связи с тем, что «появляющиеся в стране, в тылу нашей доблестной армии, стремления некоторой части общества пользоваться тяжелым временем войны для достижения излюбленных левыми течениями политических целей представляют собой явную опасность для спокойствия страны, столь необходимого для отражения нашествия» [25, л. 16]. Это явный намек на складывавшийся Прогрессивный блок и преобладание в нем течений, ведущих рабо-

ту с целью изменения государственного строя России. В этом письме выражено мнение правой группы Государственного совета, так как на заседании постоянного Совета объединенного дворянства присутствовали как члены правой группы, назначенные в Государственный совет, так и избранные от дворянских обществ. Неопределенность позиции А.А. Бобринского в том, что он поддержал фактически письмо А.С. Струкова и в то же время пытался контактировать с левым крылом Прогрессивного блока в Думе. Это говорит о том, что правые действительно переживали жесточайший кризис в вопросе отношения к Прогрессивному блоку.

Другой вопрос, насколько правые хорошо ориентировались в сложившейся политической ситуации, так как И.Л. Горемыкин вообще-то правым деятелем в полной мере не был: «Как-то раз премьер сказал мне: „Странное дело, когда я был министром внутренних дел, мне создали репутацию чуть ли не „красного“, и особенно старался в этом „либеральный“ Витте. В 1906 году меня считали ультрареакционером. Между прочим, я не был ни тем, ни другим. Я попросту всегда стоял на почве закона”» [26, с. 271]. Сходные мнения высказывались и о других лидерах правых. Например, о Щегловитове: «В Училище правоведения, которое он окончил с золотой медалью, он позировал либералом, пользовался репутацией „красного“ и по окончании курса принимал участие в передовом журнале „Правда“, значился в списках „Милюковского министерства“, предложенно Д.Ф. Треповым в 1905 году» [Там же. С. 288].

Мнение о том, что руку к созданию Прогрессивного блока, пусть и косвенно, приложили И.Л. Горемыкин и правительство, встречается у В.М. Шевырина, который пишет: «Что касается Прогрессивного блока, то Милюков, его архитектор, и его сподвижники считали это объединение „спасительным поясом монархии“. Не случаен умеренный состав Прогрессивного блока, в который вошли деятели законодательных палат. В Совете министров считалось, что появление блока было вызвано „опасениями за будущее, социальной революцией“. Министры принимали 5/6 его программы, с ним у них не было непримиримых разногласий. Госдуме и Госсовет подтолкнуло к созданию блока признание Горемыкина, что у Совета министров нет ни власти, ни автори-

тета, и то, что он попросил у них поддержки. И они „соединились в конкретную организацию, чтобы дать устой для власти, которая сама говорила, что она безвластна”» [27, с. 103].

В.М. Шевырин игнорирует тот факт, что целью кадетов было обрушить всю «третьеиюньскую систему» во главе с октябристами, поэтому и октябристов втянули в Прогрессивный блок. Блок был рожден в момент патриотической тревоги, и говорить, что к его созданию приложил руку Горемыкин, даже косвенно, не приходится. Оценка дворянскими обществами блока дана некорректно, это выдернутая из контекста 1916 года цитата, и в момент зарождения блока дворянские общества так не считали, что видно из письма А.С. Струкова. Никаких данных о том, что блок хоть как-то был связан с властью в момент зарождения нет, как нет данных о его связи с И.Л. Горемыкиным и дворянскими обществами. Да и сам Горемыкин неоднократно публично высказывался против Прогрессивного блока: «Его плохо скрываема цель – ограничение царской власти» [28, с. 245–247, 252–253].

Другим подтверждением полной неспособности правых контролировать ситуацию является записка к считавшемуся стойким правым министром С.В. Рухлову с требованием взятия твердого направления в борьбе с оппозицией в стране. Автор записки, поданной 30 августа 1915 года, прямо обвинял руководителей блока в действиях против ст. 10 Основных государственных законов, в которых он видел требование сохранения деятельности Думы и образования министерства, «пользующегося доверием страны». Указывалось на то, что правительство не проявляет твердости, причем отмечалось, что «всякий шаг, всякая уступка будут способствовать дальнейшим шагам и уступкам, создавая затруднения для поворота назад» [29, л. 3 а]. В записке давались те же рецепты исправления ситуации, что и в заявлении А.А. Хвостова на заседании правительства 21 августа 1915 года: «Политика уступок нигде в мире не приводила к хорошему, а всегда влекла страну по наклонной плоскости» [30, с. 97]. В записке предлагалось проявить сильную власть, ограничить Думу только рамками законотворческой работы, установить надзор за печатью. Предложения были не новы, но политические пристрастия причастных к ним министров оказались

различными. После своей отставки А.А. Хвостов пересел в правую группу Государственного совета, а С.В. Рухлов – в правый центр, что еще раз показывает неспособность даже политических единомышленников среди правых к конструктивным действиям в группах Государственного совета.

Таким образом, руководство Прогрессивного блока в обстановке неопределенности ожидало разрешения кризиса в выгодном для него русле, т. е. в виде «создания „министерства доверия”». Казалось, что власть охвачена хаосом. В Совете министров 2 сентября 1915 года рассматривался вопрос об эвакуации Киева, а министр внутренних дел Н.Б. Щербатов рисовал безотрадную картину хаоса на железных дорогах и начала забастовок. Щербатов говорил даже о возможности нового Выборга в Москве. Его поддерживал С.Д. Сазонов, угрожавший рабочими волнениями в случае роспуска законодательных палат и московских совещаний представителей общественных организаций [Там же. С. 136]. Один председатель Совета министров И.Л. Горемыкин оставался спокоен среди представителей власти и в соответствии с данными ему Николаем II поручениями намеревался распустить Государственную думу и Государственный совет 3 сентября 1915 года. Эту черту своего характера Горемыкин демонстрировал и раньше: «Надо отметить, что престарелый премьер вообще обладал олимпийским спокойствием, не покидавшим его в самые критические дни его долгой карьеры» [26, с. 272].

Казалось бы, перед нами раскол и кризис всех правых политических сил, который понимается всеми сторонами в законодательных палатах. Однако в реальности значительная часть правых депутатов не оценила важности момента и «дезертировала» из Петрограда: «После одобрения Государственным советом закона об особых совещаниях и их образовании (3 сентября) сессии Совета и Думы были закрыты с указанием, что палаты будут созваны вновь не позже ноября. Эта сессия, с 19 июля по 3 сентября, была вначале крайне тяжела вследствие стоявшей в городе жары. Кроме того, она была крайне неудобна для большинства членов обеих палат, так как была созвана неожиданно и в необычное время. Я уже говорил, что не предполагал, чтобы она могла быть продолжительной, поэтому мы переехали в город без прислуги;

но когда выяснилось, что сессия затягивается, пришлось выписать с дачи кухарку. Не теряя надежды еще вернуться на дачу, мы там оставили госпожу Аустин с горничной.

Заседаний в Совете было немного; проводить свободное время в душном городе было крайне противно, потому мы при малейшей возможности выезжали за город: два раза к себе на дачу (на четыре и пять дней) и три раза в Куоккалу к Игнатьевым, у которых мы провели шесть дней. Все же эта жизнь в городе была крайне тосклива и хотелось пожить еще на воздухе; возвращаться на дачу в сентябре уже не стоило» [31, с. 400–401]. А.Ф. Редигер, состоявший в правой группе Государственного совета, в своих мемуарах полностью игнорирует Прогрессивный блок и его создание, как и реакцию правых на его возникновение.

Этот момент фактического поражения Прогрессивного блока не уловили даже правые члены законодательных палат. Рупор правых — «Земщина» сокрушалась по поводу бездеятельности правительства, которое не преследует членов Государственного совета по назначению, вступивших в Прогрессивный блок [32]. В правых группах верхней палаты ситуация продолжала оставаться сложной. На состоявшемся 2 сентября 1915 года в Государственном совете собрании членов правой группы совместно с представителями группы правого центра была предпринята попытка склонить группу правого центра к подписанию ответной декларации правых на декларацию Прогрессивного блока. Правый центр, руководимый А.Б. Нейдгартом, отказался дать свои подписи и присоединиться к планируемой правыми обеих законодательных палат демонстрации [29, л. 4]. В доверше-

ние всех неприятностей правых происходило уменьшение численного состава правой группы в Государственном совете, с ним в дальнейшем пришлось бороться правительству. Кроме того, наблюдались сокращение реальной численности правых депутатов в Петрограде к осени 1915 года и падение у них интереса к политике, как, впрочем, во время любого перерыва в сессиях законодательных палат. Сродни замечанию А.Ф. Редигера о таком же состоянии правой группы в 1914 году: «Лидер правой группы П.Н. Дурново 14 октября пригласил к себе на квартиру наличных членов нашей группы для обсуждения воззвания великого князя к полякам. Собралось человек пятнадцать. Единодушно пришли к заключению, что объединение Польши, хотя бы и под главенством России, для последней невыгодно и что желательно воздерживаться от дачи дальнейших обещаний» [31, с. 379]. Только спасительный для правых роспуск законодательных палат 3 сентября 1915 года на время прервал их агонию.

В то время как земской и городской союзы все еще обсуждали на своем заседании в конце сентября 1915 года «черный блок», куда якобы вошли правые крылья обеих законодательных палат, правые пребывали в организационном и идейном хаосе. Можно с уверенностью констатировать, что правая группа Государственного совета летом и осенью 1915 года переживала кризис, не сопоставимый ни с каким кризисом в ее истории. Притом это был не только кризис численного состава группы (трудно представить серьезный «черный блок» из 15–20 членов), но и кризис самосознания правых, из которого они так и не вышли до Февральской революции 1917 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7.
2. Там же. 1915 г. Д. 2.
3. Речь. — 1915. — 19 августа.
4. Васильчиков, Б.А. Об охоте и не только о ней... [Текст] / Б.А. Васильчиков // Наше наследие. — 2002. — № 63–64. — С. 104–127.
5. Марков, Н.Е. Война темных сил [Текст] / Н.Е. Марков. — Кн. 1. — Париж, 1928.
6. Красный архив. — 1926. — Т. 15 (2).
7. РГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 148.
8. Поливанов, А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 [Текст] / А.А. Поливанов. — Т. 1. — М.: Высш. воен. ред. сов., 1924. — 240 с.
9. Наумов, А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917 [Текст] / А.Н. Наумов. — Т. 2. — Нью-Йорк: Наумова и Кусевицкая, 1955. — 583 с.
10. Коковцов, В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 [Текст] / В.Н. Коковцов. — Т. 2. — М.: Наука, 1992. — 457 с.

11. РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 428.
12. **Иванов, А.А.** Последние защитники монархии: фракция правых в IV Государственной думе в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) [Текст] / А.А. Иванов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 208 с.
13. **Forty years of diplomacy by Baron Rosen** [Text]. – London: Georg Allen & Unwin Ltd. Ruskin house, 40 museum street, w.c.i. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1922. – 315 с.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031.
15. **Шидловский, С.И.** Воспоминания [Текст] / С.И. Шидловский. – Берлин: Отто Кирхнер и К°, 1923. – 221 с.
16. **Ознобишин, А.А.** Воспоминания члена IV Государственной думы [Текст] / А.А. Ознобишин. – Париж, 1927. – 263 с.
17. **Новое** время. – 1915. – 22 августа.
18. **Утро** России. – 1915. – 25 августа.
19. РГИА. Ф. 961. Оп. 1. Д. 28.
20. **Русское** слово. – 1915. – 27 августа.
21. **Утро** России. – 1915. – 29 августа.
22. **Новое** время. – 1915. – 29 августа.
23. **Менделеев, П.П.** Воспоминания. 1863–1933 // ГАРФ. Ф. 5791. Оп. 1. Д. 111.
24. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 220.
25. РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 101.
26. **Ключевые** фигуры российской политики в канун войны и революции. Из воспоминаний Е.Н. Шелькинга [Текст] // Во власти хаоса. Современники о войнах и революции. 1914–1920 / авт.-сост. Л.М. Аринштейн. – М.: Грифон, 2007. – 432 с.
27. **Шевырин, В.М.** Власть и общественные организации в России (1914–1917) [Текст]: аналит. обзор / В.М. Шевырин; РАН, ИНИОН, Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и заруб. ист. – М., 2003. – 152 с.
28. **Совет** министров Российской империи в годы Первой мировой войны: бумаги А.Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка) [Текст]. – СПб., 1999. – 599 с.
29. РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 235.
30. **Яхонтов, А.Н.** Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) [Текст] / А.Н. Яхонтов // Архив рус. рев. – Т. 18. – М.: Тера : Политиздат, 1993. – С. 5–136. [Репринт. изд.]
31. **Редигер, А.Ф.** История моей жизни. Воспоминания военного министра [Текст]. В 2 т. Т. 2 / А.Ф. Редигер. – М.: Канон-пресс : Кучково поле, 1999. – 528 с.
32. **Земщина.** – 1915. – 31 августа.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МИЧУРИН Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-96-91 (кафедра)
michurinspb@mail.ru

MISCHURIN Alexey N. – St. Petersburg State Polytechnical University.

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
michurinspb@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 94(470)«16/18»

*Е.А. Ростовец***УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РЕФОРМА 1884 ГОДА
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ****E.A. Rostovtsev***UNIVERSITY REFORM IN 1884 IN ST. PETERSBURG UNIVERSITY**

Аннотация

В статье проанализированы основные последствия введения в действие университетского устава 1884 года в Санкт-Петербургском университете. Рассмотрен характер взаимоотношений власти, министра народного просвещения И.Д. Делянова и университетской корпорации Петербурга в 1880-е годы.

Ключевые слова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ И ВЛАСТЬ, ИСТОРИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ, УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ 1884 ГОДА, И.Д. ДЕЛЯНОВ.

Abstract

University Reform of 1884 in St. Petersburg University The article considered the basic implications of the university statute 1884 at St. Petersburg University studied the relationship authorities, ministry I.D.Delyanov and the university corporation Capital University in the 1880s.

Keywords

ST. PETERSBURG UNIVERSITY, THE ACADEMIC COMMUNITY AND RUSSIAN AUTHORITIES, HISTORY OF HIGHER EDUCATION, UNIVERSITY STATUTE OF 1884, DELYANOV.

Университетский устав 1884 года традиционно рассматривается в литературе как один из важнейших актов так называемых контрреформ [См., например: 1, 2]. Это мнение основывается на том, что законодательно права Совета университета и факультетских советов были значительно урезаны, а «права» попечителя и Министерства народного просвещения (МНП) соответственно расширены. Министр отныне не только стал назначать ректоров и деканов университетов, но и получил права назначения профессоров без консультаций с Советом. Любые изменения в составе университетских

кафедр также утверждались министерством, им формировались государственные экзаменационные комиссии, регламентировались правила поведения для студентов и вольнослушателей, утверждались учебные планы, количество и время экзаменов, определялся размер платы за обучение, объем и порядок финансирования университетов и т. п. Все сношения с министерством университетские корпорации были обязаны осуществлять через попечителя соответствующего учебного округа [3, стлб. 986]. Однако долгое время в литературе без внимания оставался вопрос: насколько существенными (и болезненными для корпораций) были реальные изменения в университетской жизни, в частности в жизни столичного университета?

Для преподавательской корпорации Санкт-Петербургского университета основной проблемой осени – зимы 1884 года был перевод бывших доцентов в разряд экстраординарных профессоров. Для большинства доцентов она была решена

*Статья подготовлена при поддержке проекта «Столичный университет в фокусе государственной политики России (1819–1917)» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Мероприятие 1.2.2), ГК № 14.740.11.1112.

удачно: в ноябре 1884 года профессорами стали бывшие доценты И.В. Помяловский, В.Г. Васильевский, Е.Е. Замысловский, И.Е. Троицкий, П.В. Никитин, Ф.Ф. Соколов, А.В. Прахов и приват-доцент В.К. Ернштедт (историко-филологический факультет), доценты С.А. Бершадский, Л.В. Дорн, Н.Д. Сергеевский, С.А. Ведров, В.А. Лебедев (юридический факультет), В.Д. Смирнов, А.М. Позднеев, Н.И. Веселовский (восточный факультет) [4, № 31, с. 31–33]; в январе 1885 года – С.П. Глазенап, Х.Я. Гоби, А.И. Воейков (физико-математический факультет) [5, № 32, с. 5–6]. Таким образом, большинство доцентов повысило свой социальный статус и улучшило материальное положение. Не повезло только трем доцентам, выведенным в ходе реформы за штат: И.А. Шебору (историко-филологический факультет) и Д.А. Пешурову (восточный факультет) – их министр затруднился произвести в профессора по новому уставу как не имеющих магистерской степени, а также А.А. Цагарели – для него как для «наиболее молодого из доцентов» также не оказалось профессуры, потому что по восточному факультету, к которому он принадлежал, число доцентов превышало количество профессорских вакансий на 3 (!) человека [4, № 31, с. 32].

Больше всего от устава 1884 года пострадал факультет восточных языков, где, согласно уставу 1863 года, было 9 профессур и 8 доцентур. По новому уставу количество профессур на нем сохранилось, а штатные доцентуры были упразднены. И, хотя эти доцентуры ранее не замещались в полном комплекте, а в ходе реформы министерство пошло на увеличение штатных профессур сверх установленной численности, именно факультет восточных языков был особенно возмущен ее результатами. Позицию совета этого факультета поддержал Профессорский совет университета, предложивший увеличить штат факультета до 14 профессоров [6, № 35, с. 65–68]. Хотя МНП и не пошло на законодательное расширение штатов, требования корпорации были учтены. Уже к концу 1885/86 учебного года магистр А.А. Цагарели был произведен в профессора [7, № 35, с. 158]. Сложнее дело обстояло с Д.А. Пешуровым, по своему первоначальному образованию являвшимся математиком, а не синологом, и имевшим магистерскую диссертацию по астрономии, но и он в 1890 году стал «и. д. экстраор-

динарного профессора» [8, с. 11]. Таким образом, решительно пострадал только И.А. Шебор, который, однако, продолжал занимать своеобразное привилегированное положение в корпорации, будучи единственным (после ухода из университета в 1886 году И.В. Ягича) преподавателем (не считая лекторов иностранных языков), родившимся и получившим начальное образование за границей (в Богемии). К тому же основным местом службы для И.А. Шебора оставался не университет, а Историко-филологический институт, где отсутствие научной степени не мешало ему исполнять должность профессора [9, т. 2, с. 339]. Итак, в ходе реформы корпорация скорее «приобретала», нежели «теряла», как в карьерном отношении, так и в финансовом смысле (с точки зрения увеличения содержания).

Следует отметить, что вопреки распространенному мнению практика выборов профессоров оставалась в столичном университете неизменной: за все время действия этой нормы нового устава (до 1905 года) только один профессор оказался назначен подобным образом, остальные прошли факультетские выборы. В этой связи показателен ответ министра И.Д. Делянова одному из кандидатов, просивших о назначении на профессорский пост в столичном университете: «Нет, батенька, вы уж лучше проведите свою кандидатуру через петербургский (соответственный) факультет: этого факультета я и сам боюсь» [Цит. по: 10, с. 201]. Так, например, И.М. Гревс, лишенный профессорства после событий 1899 года и уволенный из университета, в 1901 году «единогласным мнением» историко-филологического факультета был рекомендован к возвращению на место профессора, в связи с чем последовало ходатайство ректора в министерство, и Гревс получил «назначение» на должность профессора. Свообразным компромиссом с МНП служил уже сам факт «избранного им способа назначения» (т. е. по формальному распоряжению министра), на что особо указывал в своем письме к попечителю учебного округа ректор А.Х. Гольмстен [11, л. 22–22 об.].

Даже в отношении магистратур, которые по новому уставу замещались исключительно по решению МНП, переход от выборов к системе назначений был мягким. Примечательно, что последний «выборный» ректор И.Е. Андре-

евский был переназначен в сентябре 1884 года [12, с. 7] и оставался на своей должности вплоть до скандала с разоблачением в 1887 году действовавшей под прикрытием университета революционно-террористической группировки во главе с А.И. Ульяновым. Более того, последние два года работы в университете Андреевский совмещал с директорством в Археологическом институте. Также со временем, согласно нормам нового устава, были «переназначены» и деканы всех четырех факультетов: историко-филологического (В.И. Ламанский), физико-математического (Н.А. Меншуткин), юридического (Ю.Э. Янсон), восточных языков (В.П. Васильев) [Там же]. В.И. Ламанский, получивший отставку «согласно его прошению» уже через год, был смещен первым «назначенцем» М.И. Владиславлевым [7, № 33, с. 43]. События 1887 года по-разному сказались на судьбах деканов: если для Н.А. Меншуткина и Ю.Э. Янсона, на факультетах которых учились «террористы», они означали отставку, то для М.И. Владиславлева, напротив, развитие карьеры. Он сменил на посту ректора И.Е. Андреевского, покинувшего также «согласно прошению» и должность «заслуженного профессора» (причем ему была назначена пенсия в 3000 рублей, т. е. в размере полного оклада) [13, № 37, с. 5]. Место декана историко-филологического факультета занял И.В. Помяловский, декана физико-математического факультета – С.П. Глазенап [14, с. 11], который, впрочем, быстро отказался от должности (летом 1888 года его сменил профессор А.В. Советов) [15, № 39, с. 5]. В.П. Васильев же оставался деканом факультета восточных языков до 1893 года, т. е. до своего 75-летия, затем его сменил «назначенец» В.Р. Розен [10, с. 235]. Таким образом, смена на административных должностях избранных профессоров «профессорами-назначенцами» проходила постепенно, была вполне объяснима в глазах профессорской коллегии в каждом конкретном случае. Следует подчеркнуть, что все перечисленные «назначенцы», равно как и последующие назначенные ректоры (П.В. Никитин, В.И. Сергеевич, А.Х. Гольмстен, А.М. Жданов) и деканы (Н.Д. Сергеевский, С.Ф. Платонов), в свое время были избраны профессорами соответствующим факультетским советом и Советом университета. Очевидно, что возможность назначения профессоров, упразднение доцентуры и даже

практика назначения на административные должности не изменили закрытого корпоративного характера профессорской коллегии, что, в свою очередь, предопределяло известную солидарность в позиции по важнейшим вопросам университетской политики.

Поскольку издание нового университетского устава, одобренного Александром III 23 августа 1884 года, фактически совпало с началом учебного года, введение в действие его основных положений, связанных с новой системой преподавания, было отложено МНП до 1885/86 учебного года [4, с. 15–21].

Совет университета сразу же вступил в полемику с министром относительно Правил составления и предоставления обзоров преподавания и распределения лекций и практических занятий со студентами [7, № 33, с. 3–12; 16]. Однако настоящий конфликт развернулся в ходе введения в действие в следующем учебном году подготовленных правил об испытаниях в государственных комиссиях, правил о зачете полугодий и примерных новых учебных планах, «спущенных» министерством университетским Советам в августе 1885 года. Противостояние тянулось около двух лет – до мая 1887 года [См., например: 7, с. 3–12, 20–25, 46].

Основное требование заявлений министра, с которыми он вновь и вновь обращался к Совету, заключалось в увеличении числа практических занятий. По словам И.Д. Делянова, «в высшей степени важно привлечение студентов к деятельному с их стороны усвоению предлагаемого научного материала... и должно достигаться как с помощью возможного усиления в преподавании элемента практических упражнений в аудиториях и в учебно-вспомогательных учреждениях университета» [Там же. С. 25]. Средством для введения практических занятий на многолюдных факультетах министр как раз видел систему полугодовых курсов, гонорара и приват-доцентуры, которая «дает возможность группировки студентов на немногочисленные аудитории и устройства параллельных курсов» [Там же. С. 26].

К ноябрю 1885 года выяснилось, что все факультеты университета в практике своей работы решительно отходят от требований министерства [Там же. С. 46–54]. И.Д. Делянов был вынужден провести специальное совещание с участием ректора, деканов и ряда профессоров

[7, № 33, с. 47]. Надо отметить, что министр входил в детальное обсуждение не только учебных планов, но и вопросов, касавшихся расписания занятий. Так, в январе 1886 года он потребовал изменения расписания занятий во втором полугодии 1885/86 учебного года на том основании, что оно не соответствовало примечанию к § 3 министерских правил о составлении обозрений преподавания, согласно которому лекции преподавателей по одной кафедре не могли назначаться в одни и те же часы. «Между тем, — сообщал министр, — правило это нарушено в понедельник от 2 до 3 часов, во вторник от 1 до 2 часов, в среду от 10 до 11 и от 2 до 3 часов, в четверг от 11 до 12 часов» [5, № 34, с. 5]. Впоследствии он продолжал директивным порядком переставлять часы профессорских лекций [См., например: 6, № 35, с. 40–41].

В первом семестре 1886/87 учебного года МНП продолжило наращивать методические усилия, обрушив на голову профессоров целую лавину замечаний. Почему для студентов первого семестра нет курса зоологии? Нельзя ли вместо него применить курс о беспозвоночных животных профессора Вагнера? Почему вместо систематического курса анатомии дается только курс о системе нервов и сосудов (т. е. изложение последних разделов анатомии)? Почему на физико-математическом факультете лекции по предметам, «пригодным для студентов одного и того же семестра, совпадают»? Почему при курсе технической химии профессора Любавина не обозначено, будет ли в этом курсе изложена вся наука или только известная ее часть? Почему количество часов прозектора Фортунатова по практической анатомии «слишком неопределенно» (министерство понимает, «что практические занятия по анатомии существенно зависят от получаемого материала, тем не менее дни и число часов для этих занятий могут быть заранее определены, причем в случаях недостатка материала студенты могут быть каждый раз предупреждаемы об этом особенными объявлениями на дверях анатомического кабинета... в случаях недостатка трупов прозектор может производить в часы, назначенные для практических занятий по анатомии, весьма полезные занятия со студентами по готовым препаратам»? Почему профессора Люгемиль и Ламанский вместо 6-часовой нормы приняли на себя четыре и пять лекций? Почему ряд профессоров включили

в эту норму совещательные часы? Почему «по иным предметам нет точного указания на объем курса, который предположительно прочесть в данное полугодие? Например, в курсе русской литературы, читаемом профессором Миллером, значится: „История русской литературы — 4 лекции, русская народная словесность — 2 лекции“, но какие отделы этих наук составляют предмет чтения, не обозначено». Почему специальные курсы по тем или иным областям знаний вводятся тогда, когда еще не прочитаны (или не читаются) общие курсы? Ряд этих и других вопросов сопровождался многочисленными указаниями. Например, профессору Никитину рекомендовалось точно указывать названия пособий для своего курса; приват-доценту Зелинскому — указывать, для какого конкретно отделения он проводит занятия по древним языкам; профессорам Васильевскому и Прахову — указать, что такие-то читаемые ими курсы являются продолжением предшествующих; профессору Вредену — дополнить название своего курса «Политическая экономия (физиология хозяйства)» словами «производство и его результаты» и пр. [Там же. С. 8–11].

Одновременно для изменения уже утвержденных часов проведения конкретных лекций университет был вынужден официальным порядком вносить этот вопрос на личное рассмотрение министра [См., например: Там же. С. 41]. Вскоре министр стал сверять поданные ему для утверждения обозрения преподавания с оригинальными заявлениями преподавателей и отмечать малейшие несоответствия, например в названиях рекомендуемых пособий [См., например: 17, № 36, с. 8]. Не ускользали от внимания министра и типографские ошибки: в частности, в одном из циркуляров И.Д. Делянов иронически замечал: «...относительно приват-доцента Фортунатова указано, что он будет излагать „внутренности органов чувств“, между тем как в действительности он намерен излагать: „внутренности и органы чувств“, т. е. учение о внутренностях и об органах чувств» [Там же. С. 9].

Однако критический анализ факультетских обозрений со стороны министра не ограничивался лишь формальными моментами. И.Д. Делянов вникал в сами формулировки учебного плана. Не оставлял вниманием министр и анализ списков рекомендованной литературы.

Приведем характерный критический пассаж одного из министерских циркуляров (январь 1886 года): «Юридический факультет предполагает предложить для домашнего чтения студентам второго семестра, между прочим, по политической экономии учебник профессора Вредена и сочинение Рошера „Начало народного хозяйства“, т. I, в переводе Бабста. По мнению г. Министра, при существовании в русском переводе такого капитального труда, как сочинение Рошера, сим последним могло бы быть ограничено чтение по политической экономии и одновременное занятие двумя учебниками было бы излишним. Само собой разумеется, что капитальное сочинение Рошера должно быть предпочтено другому» [5, № 34, с. 5]. Данное указание министра выглядело особенно вызывающе, поскольку профессор Э.Р. Вреден, собственно, и читал курс политической экономии. Юридический факультет, впрочем, только частично выполнил распоряжение министра, рекомендовав на следующий год только одну книгу на русском языке — пособие Э.Р. Вредена, дав также указание и на последнее полное немецкое издание труда В.Г. Рошера [18, с. 34–35].

В условиях методического противостояния министерства и университета своеобразным ответом на претензии МНП стали требования профессуры о резком увеличении бюджетных ассигнований на деятельность университетских лабораторий и оплату труда научно-вспомогательного персонала в связи с увеличением числа практических занятий согласно нормам нового устава. В августе 1886 года на заседании Совета были обнародованы заявления ведущих профессоров: А.В. Советова, И.М. Сеченова, Н.П. Вагнера, А.С. Фаминицына, А.Н. Бекетова, Ф.Ф. Петрушевского, В.В. Докучаева, А.А. Иностранцева, Ю.Э. Янсона, в которых констатировалось, что в рамках существующего министерского финансирования университет не в состоянии «правильно установить практические занятия» в таком количестве, которое «студенты вправе требовать» и которое «отвечает экзаменационным требованиям» [6, № 35, с. 26–33]. Ответственность за невозможность организации преподавания в соответствии с требованиями закона, таким образом, перелгалась на МНП.

В связи с начавшимся противостоянием профессорской коллегии и МНП нельзя не от-

метить, что ректоры и деканы-«назначенцы» оказались в сложном положении. Это обстоятельство самым очевидным образом проявилось уже первые годы после начала действия положений нового устава, когда корпорация в ряде случаев открыто выступала против действий назначенцев, в частности М.И. Владиславлева [См., например: 19, с. 225; 20, с. 41; 1, с. 171]. Интересно, что ректорство философа М.И. Владиславлева способствовало постепенному отступлению министерства от прежнего диктата в гуманитарных дисциплинах. По словам А.И. Введенского, в период ректорства Владиславлева фактически заменившего его на кафедре философии, он «энергично содействовал переработке программ историко-филологического факультета, введенных с 1884 года, что имело особое значение для участи философии: по программам 1884 года ее преподавание было ограничено лишь изучением учений Платона и Аристотеля; с переменой же этих программ преподавание ее было восстановлено в том же объеме, как оно велось и раньше с 1863 года» [9, т. 1, с. 155; ср.: 21, с. 174]. Надо сказать, что М.И. Владиславлев вообще был достаточно активен в реформировании учебного процесса согласно требованиям науки и пожеланиям корпорации. Именно при ректоре-«назначенце» усилия корпорации, направленные на отстаивание своей академической независимости от министерства, в конце концов увенчались успехом и по другим направлениям: МНП на рубеже 1880–1890-х годов стало в автоматическом режиме утверждать факультетские «Обозрения преподавания» и отказалось от практики утверждения обозрения на каждое полугодие; практически в полном объеме была возобновлена и система полукурсовых испытаний на всех четырех факультетах (историко-филологическом, юридическом, физико-математическом, восточных языков) [См.: 22, № 44, с. 6–7; 23, № 45, с. 7–8]. Иными словами, была фактически восстановлена прежняя система преподавания. Можно сказать, что с конца 1880-х годов министерство фактически отказалось от практики мелочного контроля за научной и учебной сторонами преподавания в столичном университете.

Таким образом, хотя на факультетскую структуру устав 1884 года повлиял незначительно, на первых порах после его введения МНП попыталось воспользоваться положениями но-

вого устава для создания своеобразной «директивной системы» управления преподаванием в университете. В этих условиях университетской профессуре было жизненно необходимо сохранить характер самопополняемой коллегии, а Профессорскому совету – оставаться основным органом принятия решений по важнейшим

вопросам университетской жизни. Следует отметить, что Совет университета в целом успешно решил обе эти задачи. В результате к концу 1880-х годов реальная автономия университета стала шире, что, в свою очередь, стало одной из важных предпосылок университетских потрясений начала XX века [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Щетинина, Г.И.** Университеты России и устав 1884 года [Текст] / Г.И. Щетинина. – М., 1976.
2. **Ростовцев, Е.А.** Академическая корпорация столичного университета в фокусе историографии [Текст] / Е.А. Ростовцев, Д.А. Барин, А.В. Кривоноженко, И.В. Сидорчук // Клио. – 2012. – № 7. – С. 47–62.
3. **Устав Императорских Российских университетов 1884 года** [Текст] // Сб. постановлений М-ва нар. просвещения. – СПб., 1893. – Т. IX, 1884.
4. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1884–85 академического года [Текст]. – СПб., 1885.
5. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885–86 академического года [Текст]. – СПб., 1886.
6. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1886–87 академического года [Текст]. – СПб., 1887.
7. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1885–86 академического года [Текст]. – СПб., 1886.
8. **Отчет** Санкт-Петербургского университета за 1890 год [Текст]. – СПб., 1891.
9. **Биографический** словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869–1894 [Текст]. – СПб., 1896–1898.
10. **275 лет.** Санкт-Петербургский государственный университет [Текст] / сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин; под ред. Л.А. Вербицкой. – Летопись 1724–1999. – СПб., 1999.
11. **Ректор** – МНП. 4 октября 1901 года. № 201. Копия // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9182.
12. **Отчет** С.-Петербургского университета за 1884 год [Текст]. – СПб., 1885.
13. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1887–88 академического года [Текст]. – СПб., 1888.
14. **Отчет** С.-Петербургского университета за 1887 год [Текст]. – СПб., 1888.
15. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1888 года [Текст]. – СПб., 1889.
16. **Представления** деканов факультетов и мнения профессоров по запросу Министерства народного просвещения о зачете полугодий, о гонораре доцентов и других вопросах устава 1884 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 386.
17. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1886–1887 академического года [Текст]. – СПб., 1887.
18. **Обозрение** преподавания наук в С.-Петербургском университете на второе полугодие 1886–87 учебного года [Текст]. – СПб., 1887.
19. **Георгиевский, А.** Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков [Текст] / А. Георгиевский. – СПб., 1890.
20. **Макареня, А.А.** Д.И. Менделеев и Петербургский университет [Текст] / А.А. Макареня, И.Н. Филимонова. – Л., 1969.
21. **Козбарь, Л.И.** Логика в Санкт-Петербургском университете [Текст] / Л.И. Козбарь // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / науч. ред. Л.А. Вербицкая, сост. Г.А. Тишкин. – СПб., 2003.
22. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1891 года [Текст]. – СПб., 1891.
23. **Протоколы** заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за осеннее полугодие 1891 года [Текст]. – СПб., 1892.
24. **Ростовцев, Е.А.** «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 годах [Текст] / Е.А. Ростовцев // J. of Modern Russian History and Historiography. – 2009. – Vol. 2. – P. 75–121.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доцент исторического факультета СПбГУ.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 552-96-91 (кафедра)

rostovtsev@hotmail.ru

ROSTOVTSEV Evgeniy A. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politehnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

rostovtsev@hotmail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 329(480)

С.Н. Погодин

ПАРТИЯ «ИСТИННЫЕ ФИННЫ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ФИНЛЯНДИИ

S.N. Pogodin

THE PARTY "TRUE FINNS" IN THE POLITICAL SYSTEM OF FINLAND

Аннотация

В статье вскрыты причины, способствовавшие возникновению партии «Истинные финны». Анализируется программа, устав и основные документы партии. Рассматриваются основные направления политической, экономической и социальной политики партии, а также основные положения миграционной политики. Исследуются результаты парламентских и местных выборов, в которых принимала участие партия.

Ключевые слова

ФИНЛЯНДИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ, ПРОГРАММА, УСТАВ ПАРТИИ, «ИСТИННЫЕ ФИННЫ», ПАРЛАМЕНТСКИЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ.

Abstract

The article revealed the reasons for the emergence of the party "True Finns". The program, the party constitution and the basic documents of the party are analyzed. The basic directions of the political, economic and social policy of the party, and summary of migration policy are considered. We study the results of the parliamentary and local elections in which the party participated.

Keywords

FINLAND, POLITICAL SYSTEM, POLITICAL PARTIES, PROGRAM, PARTY'S CONSTITUTION, "TRUE FINNS", PARLIAMENTARY AND MUNICIPAL ELECTIONS.

В реестр партий Финляндии 13 октября 1995 года была внесена организация «Perussuomalaiset рр» (шведский вариант названия – «Sannfinlandarna рр»). На русский язык название этой организации обычно переводят как «Истинные финны», однако можно встретить и другие варианты перевода: «Коренные финны», «Исконные финны», «Обыкновенные финны», а также «Настоящие финны» или «Подлинные финны» (перевод с английского варианта названия «True Finns»). В этой связи следует отметить, что с осени 2011 года в англоязычных текстах партии используется вариант «Финны» («The Finns»).

С момента своего создания партия принимала активное участие в муниципальных и городских выборах. В результате участия в общегосударственных выборах она всегда входила в состав парламента.

Основателем и руководителем (1995–1997) партии «Истинные финны» был Раймо Вистбака (Raimo Vistbacka). В настоящее время он является руководителем фракции в парламенте страны.

С 1997 года партию «Истинные финны» возглавляет Тимо Соини (Timo Soini), магистр политологии, получивший ученую степень в университете города Хельсинки. Соини начал

свою политическую карьеру в 1989 году, когда стал вице-председателем популистской партии – аграрной партии Финляндии. С 1992 по 1995 год он был секретарем этой партии, с 2009 по 2011 год – депутатом Европарламента. Секретарем партии «Истинные финны» является Осси Сандвик (Ossi Sandvik).

Согласно Уставу партии «Истинные финны», ее главная цель – объединение на христианско-социальной основе групп населения, чьи интересы в социальной и экономической сферах и общественный статус не получили должного внимания со стороны государства. К ним относятся:

1) семьи с детьми, которые являются залогом процветания страны;

2) пожилые люди, создавшие своей работой существующее процветание, обеспечившие свободу Финляндии и получившие право на пенсию;

3) безработные, представляющие собой ценные трудовые резервы в деловой и промышленной сферах;

4) малые, семейные предприятия и индивидуальные предприниматели, являющиеся основой финского бизнес-сектора и поддерживающие национальную экономику, прежде всего на внутреннем рынке, а также во внешней торговле;

5) низкооплачиваемые работники, должностные лица и работники, которые посредством своего тяжелого труда в социальных службах, здравоохранении и производственной сфере управляют финским обществом;

6) студенты, обеспечивающие своим самостоятельным обучением производственный потенциал для финского общества и международную конкурентоспособность в будущем;

7) работники сельского и лесного хозяйства, деятельность которых защищает внутреннее поставку продовольствия и сырья для деревообрабатывающей промышленности в период кризиса [1, с. 1].

Целью партии является также устойчивое развитие благосостояния страны для будущих поколений с высоким социальным, экономическим, культурным, экологическим и нравственным уровнем. Все политические решения, принимаемые государством, должны исходить из понятия гуманности, так как, по мнению партии, она является неотъемлемой частью

коллективности. В свою очередь, коллективность базируется на общих ценностях и нормах демократического общества. Демократия – это народовластие, она невозможна без народа. Современная социальная структура финского общества позволяет реализовать гуманность. По мнению партии, общество должно быть основано прежде всего на духовных ценностях. Материя является необходимым условием для достижения достойной жизни, но это не самоцель. Стремление к истине и духовности – неотъемлемая часть человечества. Истины и точки зрения разные, в результате чего человечество естественным образом разбивается на разные культуры. Именно культуры являются главным богатством человечества. Устойчивое благополучие невозможно строить на пустом месте. Партия «Истинные финны» – сторонница суверенного национального государства и финской культуры [2, с. 21].

Членом партии «Истинные финны» может стать гражданин Финляндии, достигший 18 лет и не состоящий в другой партии. Прием в партию осуществляется по письменному заявлению, подписанному собственноручно кандидатом и направленному ее руководству. Руководство партии решает, принять или отклонить заявление. Член партии имеет право выйти из нее, направив письменное уведомление руководству партии, а также через уведомление о намерении выйти из партии для записи в протоколе партийного собрания [1, с. 2].

Партия может принять решение об исключении ее члена из своих рядов по одной из следующих причин:

1) неуплата членских взносов в установленный срок;

2) невыполнение обязательств, которые брались при вступлении в партию;

3) членство в другой действующей в Финляндии партии;

4) если человек стал кандидатом в члены другой действующей в Финляндии политической партии;

5) уход из муниципального совета группы партии;

6) несоблюдение законов и партийных правил [Там же. С. 3].

Коллективными членами партии являются районные организации партии «Истинные финны», утвержденные руководством партии

и зарегистрированные в качестве ассоциаций. В деятельности партии могут принимать участие ассоциации, не являющиеся членами партии и ведущие работу с женщинами, молодежью, пенсионерами.

Основные положения о деятельности партии «Истинные финны» приведены в избирательной программе 2011 года. Один из ее главных пунктов – вопрос о финской культуре. Партия считает, что финская культура – это дар Финляндии миру и ключ к успеху для финского общества в XXI веке. Партия выступает за мультикультурность, но в условиях защиты национальной идентичности, и призывает дорожить финским языком. Культурные ассигнования должны быть направлены на укрепление финской идентичности. Жизнеспособность местной культуры следует поддерживать путем создания основы для активного участия в ней финнов.

Партия уделяет внимание также вопросам телевидения: вещательная компания страны должна быть исключительно финской и обеспечивать высокое качество, а время вещания программ на шведском языке подлежит сокращению. Предполагается поддерживать монополию «Veikkaus» (финская лотерея) в играх, доходы от ее операций должны направляться на поддержку культуры, спорта, науки и молодежной работы.

«Социальность» партии выражается в уважении к достижениям северо-европейской модели социально-экономического развития в области социальной защиты в Финляндии. По мнению партии, здоровье и благополучие нации – это самоценные и непереносимые условия для успеха страны. Социальные услуги должны находиться в государственном секторе, но они не должны стать централизованными. Важным моментом является восстановление общечеловеческих ценностей, и ответственность за инициирование этого лежит на политических деятелях. Очень важна забота о пожилых людях [3, с. 2].

Партия призывает к использованию налоговых льгот, чтобы вести граждан к здоровому образу жизни. Налог на алкоголь должен быть увеличен, а реклама алкоголя ограничена. Здоровые пищевые продукты должны быть дешевле, налоги на вредные для здоровья продукты следует увеличить. Необходимо еще активнее бороться со всеми типами наркотиков.

Важный вопрос предвыборной программы партии – система образования. Основные по-

ложения сводятся к следующему: количество учащихся в школьных классах не должно быть увеличено; максимальную квоту учащихся-иммигрантов следует устанавливать для каждой школы, чтобы предотвратить дифференциацию школ; число классов декоративно-прикладного искусства должно возрасти; количество занятий по физическому воспитанию следует увеличить; числовые оценки должны быть упразднены; числовые оценки за поведение должны выставляться на более ранней стадии обучения и входить в аттестат (свидетельство об окончании школы); шведский язык должен преподаваться факультативно; никаких изменений в религиозном образовании; деревенские школы должны быть сохранены; тенденцию к централизации средних учебных заведений следует прекратить; финансовая помощь для студентов должна быть привязана к индексам, доходы родителей не должны влиять на финансовую помощь для студентов, которые достигли совершеннолетия и проживают самостоятельно; степень бакалавра должна быть основной квалификацией для многих специальностей; при финансировании университетов нужно учитывать, сколько времени необходимо студентам для получения высшего образования; число учащихся, принимаемых в университеты, должно быть сокращено.

Большое внимание партия уделяет муниципалитетам: число их должно быть сокращено, а уровень бюрократии снижен, но без принудительного слияния; межмуниципальные административные структуры не должны принимать решения по наиболее важным вопросам – основной медицинской помощи и социальным услугам; демократия должна быть защищена от бюрократического правления; механизм принятия решений на провинциальном уровне не подходит для всех; должны быть введены муниципальные референдумы, в частности при принятии решений о муниципальном слиянии; муниципальные руководители должны избираться жителями муниципалитета путем голосования.

Партия критически относится к Европейскому союзу (ЕС), поскольку считает, что жители Финляндии обладают всеми необходимыми возможностями для того, чтобы в минимальной степени зависеть от влияния извне, самостоятельно обеспечить процветание своей страны,

построить социальное государство всеобщего благоденствия. Свое отношение к ЕС партия выражает в следующих положениях предвыборной программы: ЕС в его нынешнем виде и развитии не способствует демократии; идея демократии не была одним из основополагающих принципов ЕС; партия хочет сократить роль ЕС в вопросах, которые касаются только Финляндии, а также увеличить возможности для самостоятельного принятия ею решений; для ЕС можно оставить роль экономической зоны и зоны свободной торговли; нельзя допустить расширение ЕС на восток и вступление в него Турции: чем больше в основе союза фрагментарной культуры, тем более бюрократической и олигархической будет его административная структура; решения о передаче власти в ЕС нельзя принимать без консультативного референдума; в принципе субсидиарности ЕС нет ничего, кроме пропаганды; чистая (конечная) сумма членских взносов Финляндии должна быть уменьшена; необходимо отказаться от взаимных кредитных гарантий и совместных долговых обязательств перед странами Экономического и Монетарного союзов; нельзя вносить изменения в договоры ЕС, которые делают его ближе к федеральным государствам; Финляндия должна быть готова к роспуску Экономического и Монетарного союзов ЕС в их нынешнем виде.

Особое внимание партия уделяет вопросам внешней политики и политики безопасности Финляндии: членство в ЕС не должно быть включено в Конституцию Финляндии; полномочия президента следует сохранить и расширить; проведение референдумов усиливает представительную демократию; предложение о членстве Финляндии в НАТО должно быть отвергнуто, а всеобщая воинская обязанность сохранена; Финляндия должна принимать участие только в миротворческих миссиях, утвержденных ООН, но не с позиции воюющей стороны; обеспечение внутренней безопасности страны исходит от объединенной нации.

Партия «Истинные финны» известна в первую очередь благодаря своим взглядам на вопросы иммиграции. При внимательном рассмотрении оказывается, что предложения партии по этому вопросу не являются радикальными. Интеграционная политика должна быть основана на принципе «Если живешь в Риме, живи

по римским обычаям». Иммигранты обязаны принять финские социальные и правовые установления, тогда финское общество, в свою очередь, примет их традиции. В документе партии говорится: «Мы уважаем право иммигрантов жить в нашей стране, но не позволим никому прибыть сюда для того, чтобы причинить нам вред. <...> Мы считаем, что Финляндия должна быть открыта для такой миграции, последствия которой являются нейтральными или положительными» [Цит. по: 4].

Авторы программы противопоставляют «обыкновенных иммигрантов» трудовым мигрантам, однозначно выступая против последних, поскольку они разрушают финское государство благоденствия. Партия предлагает сократить для каждого иммигранта «план адаптации», важной частью которого должно стать изучение финского языка. Выучить финский язык необходимо в течение трех лет, затем государство не должно оплачивать переводчика. «Гражданство должно быть наградой», считает партия «Истинные финны». И его получению должны предшествовать пятилетнее проживание в стране и изучение языка. Необходимые условия — отсутствие финансовой зависимости от пособий и отсутствие криминала в биографии. Средства, направляемые на содержание лиц, ищущих убежища, должны пойти на их питание и лечение, а не выплачиваться в виде пособия.

Партия выступает за пересмотр правил для воссоединения семьи [3, с. 4] и предлагает обратиться к модели, которую использует Дания: желающие вывезти оставшуюся на родине семью должны доказать свою способность обеспечить ее финансово, а не «сажать» родственников на социальные пособия; родственники должны подтвердить свое родство с помощью ДНК-теста, а переселение старшего поколения (так называемый «вопрос бабушек») недопустимо в принципе. Во избежание возникновения иммигрантских гетто партия предлагает упростить получение жилья новоприбывшими, в первую очередь искоренив завышение цен на жилье в городском центре [2, с. 40–44].

Важным для политических партий Финляндии является налоговый вопрос. Партия «Истинные финны» заявляет: налоговое бремя не должно быть чрезмерным, но именно от налогов зависит судьба финского варианта северной модели социально-экономического

развития. Она выступает за регулировку налогов для улучшения платежеспособности, но это не означает развитие в направлении пропорционального налогообложения. Так называемые «зеленые налоги» должны быть отменены.

По вопросам налоговой политики выдвигаются следующие требования: налог на добавочную стоимость не должен быть увеличен; потребление должно контролироваться за счет увеличения подоходного налога для лиц с высоким уровнем дохода; налогообложение доходов от капитала следует увеличить, оно должно быть прогрессивным; налог на дивиденды компании должен быть увеличен за счет уменьшения суммы, не облагаемой налогом; поступление большей суммы денег в государственную казну от финансово успешных компаний; налог на доходы корпораций (в деловой лексике – налог на корпорацию) должен оставаться на его нынешнем уровне; общественно ориентированная социальная политика также должна быть использована для обеспечения готовности платить налоги [3, с. 4].

На первое место следует ставить финское предпринимательство, а для этого необходимо: ликвидировать теневую экономику; сократить субсидии для крупных компаний; создавать реальные рабочие места путем снижения налогов для малого и среднего бизнеса; принимать во внимание общую экономическую выгоду; увеличить средства на улучшение авто- и железнодорожной сети.

Особое внимание уделяется энергетической сфере. Партия выступает за использование различных внутренних источников энергии: самодостаточность – один из ключевых аргументов в решениях вопросов энергетической политики; в дополнение к ядерной энергии должно быть разработано производство энергии из возобновляемых источников; биотопливо обеспечит децентрализованное производство энергии; экономия энергии и утилизация отходов являются неотъемлемой частью энергетической политики.

Предвыборная программа 2011 года затрагивала также вопросы законодательства: наказания должны стать более жесткими (электронный мониторинг не эквивалентен тюремному заключению); мелких преступников следует взять под контроль; инвестиции, вложенные в расследование финансовых преступлений,

должны быть быстро возвращены; необходимо создать законодательство для преступлений на почве ненависти; планирование преступления должно быть наказуемо; иммигранты, совершившие уголовное преступление, подлежат депортации, а уличное попрошайничество следует запретить; самозащита не должна быть наказуема; закон должен применяться ко всем одинаково, не должна использоваться различная юридическая практика для разных культурных слоев; комитет по конституционному праву должен быть заменен конституционным судом; закон о выборах должен быть реформирован.

Сельское хозяйство также является для партии одним из важнейших вопросов. Выступая в поддержку отечественного сельского хозяйства, партия не принимает развитие сельского хозяйства ЕС в ущерб финскому аграрному сектору. В отношении сельского хозяйства она придерживается следующих положений: министерство сельского и лесного хозяйства и министерство охраны окружающей среды должны быть объединены в министерство природных ресурсов; следует отменить налог на доход с сельскохозяйственной земли и лесных владений, отказаться от генетически модифицированных продуктов; возможности для охоты должны быть защищены; инициативным владельцам лесных угодий следует предоставлять более широкие возможности управления ими.

Партия «Истинные финны» сразу же после своего основания в 1995 году начала принимать активное участие в выборных кампаниях страны. На парламентских выборах в 2003 году она получила 1,3 % голосов, в 2007-м уже 4,1 %, а на муниципальных выборах 2008 года – 5,4 % голосов. Новой вехой в истории партии стали парламентские выборы 2011 года. Финские СМИ писали 17 апреля, в день выборов, о «битве между Партией центра и социал-демократической партией», однако настоящими героями стали «Истинные финны», получившие 19,1 % голосов [5], т. е. почти в 5 раз больше, чем на прошлых выборах. Правящая Партия центра и ее главный политический конкурент – социал-демократическая партия на выборах 2011 года потерпели поражение. По итогам выборов, Партия центра потеряла один мандат и получила только 11,6 % голосов, что на 4,2 % меньше, чем на выборах 2007 года [Там же]. «Центр»

проиграл, партия «Истинные финны» получила большее число мандатов.

Вице-председатель Партии центра Т. Каунисто назвал результаты парламентских выборов 2011 года катастрофическими для своей партии. Основная причина ее неудачи на выборах, по словам Каунисто, возросшее недовольство финнов деятельностью ЕС. Лидер финских социал-демократов Ю. Урпилайнен отметила после выборов, что их результаты были настолько удивительными, что занятое ее партией 2-е место не стало чем-то постыдным для партии, но выборы показали: финны хотят политических изменений [4].

Успех на выборах партии «Истинные финны» обусловлен следующими причинами: 1) политические и экономические проблемы ЕС, особенно финансовые сложности в еврозоне; 2) партия «Истинные финны» стала первой партией в стране, которая громко заговорила о проблемах, связанных с иммиграцией; 3) с прошлых парламентских выборов партия «Истинные финны», в отличие от других партий, не была замечена в политических скандалах [6].

Получив высокий процент голосов на парламентских выборах, партия «Истинные финны» могла претендовать на министерские посты. Однако после серии переговоров лидеры партии не вошли в новое правительство. Главным аргументом было несогласие партии с курсом на широкое участие в общеевропейских делах, прежде всего с предоставлением финансовой помощи Греции и Португалии, а также с приемом в страну иммигрантов. Таким образом, партия стала крупнейшей оппозиционной силой в стране.

Лидер партии Т. Сойни выдвинул свою кандидатуру на участие в президентских выборах 2012 года. По итогам первого тура, прошедшего 24 января 2012 года, он набрал 9,4 % голосов и занял 4-е место [7] (на выборах 2006 года Сойни поддержали 3,4 % избирателей).

Партия «Истинные финны» одержала убедительную победу на выборах в Европарламент, набрав 9,8 % голосов, что на 9,3 % больше, чем на выборах 2004 года [8]. За другие партии проголосовали следующим образом: коалиционная партия – 23 % голосов, Партия центра – 19,3 %, социал-демократическая партия – 17,6 %, партия «Зеленый союз» – 12,2 %, шведская народная партия – 6,1 %, партия «Союз левых

сил» – 5,9 %, партия «Христианские демократы» – 4,2 % [Там же]. Места финских партий в Европарламенте распределились так: коалиционная партия и Партия центра потеряли по одному месту и сохранили представительство по одному депутату, социал-демократическая партия и партия «Зеленый союз» получили по два места, партии «Истинные финны» и «Христианские демократы», а также шведская народная партия получили по одному месту, партия «Союз левых сил» потеряла свое единственное место.

Партия «Истинные финны» поставила перед собой цель увеличить свое представительство в городских и муниципальных советах на 1000 мандатов. На муниципальных выборах 2008 года она получила около 5,5 % голосов (для сравнения: в 1996 году – 0,9 %, в 2000-м – 0,7 %, в 2004-м – 0,9 %) [9]. Успех партии на муниципальном уровне объясняется тем, что центральной темой ее избирательной кампании стала борьба с коррупцией. По словам председателя партии Т. Соини, коррупция процветает в области планировки и застройки населенных мест, землеиспользования и организации услуг [10].

Несмотря на успех на выборах, партия «Истинные финны» имеет одно слабое место: кроме лидера партии Т. Соини в ней нет значимых политических фигур. Кандидаты в парламент – это или бывшие депутаты, которые ранее являлись членами финской аграрной партии, популистской предшественницы партии «Истинные финны», или же индивидуальные политики-популисты из разных уголков страны. У всех этих представителей партии нет общей идеологической связи, кроме амбиций выиграть выборы и склонности критиковать ведущие партии.

Партию «Истинные финны» сравнивают с похожими европейскими правопопулистскими партиями и даже с некоторыми фашистскими партиями. Однако такие сравнения несправедливы. Популизм партии – это больше реакция националистически настроенных финнов на стремительную интернационализацию и европейскую интеграцию.

Однако следует отметить интересный факт. Опрос общественного мнения, проведенный газетой «Helsingin Sanomat» в апреле 2012 года (в нем приняли участие 2436 человек), показал, что партию «Истинные финны» поддерживают только 15 % опрошенных (по сравнению с опросом, проведенным летом 2011 года, она потеряла

7 %). Коалиционная партия пользуется поддержкой у 23 % респондентов, Партия центра – у 16,7 %, социал-демократы – у 16,4 % [11].

Отношение к России часто становится ключевым вопросом для финских политиков. Чтобы понять, как относится к ней партия «Истинные финны», следует проанализировать отношение партии к возможному участию Финляндии в НАТО. «Самостоятельность Финляндии – это не предмет для торга», – отмечается в предвыборной программе [2, с. 36]. Партия признает, что у страны есть возможность присоединиться к НАТО, но использовать ее не следует. Таким образом, партия «Истинные финны» полностью принимает финскую внешнюю политику, которую проводила Т. Халонен.

Лидер партии Т. Соини считает, что Финляндия должна выполнять принятые на себя международные обязательства. Партия гордится тем, что вооруженные силы страны участвуют в миротворческой деятельности ООН и вносят, таким образом, вклад в поддержание глобальной безопасности. Однако партия одобряет умеренное повышение ассигнований на военные нужды «для того, чтобы вооруженные силы фактически преодолели текущее ослабление». Если же Финляндия все-таки подготовит заявку на членство в НАТО, в стране должен быть проведен референдум. В программе партии отмечается, что Финляндия, участвуя в ЕС, не должна быть вовлечена в гонку вооружений, сопряженную с ослаблением роли Совета Безопасности ООН [Там же. С. 37].

В партийных документах 1995 и 2011 годов Россия не упоминается. Партия «Истинные финны» не видит в ней угрозу. По мнению руководства партии, несмотря на то что вооруженные силы страны находятся в ослабленном состоянии, боеспособность российской армии не вызывает у партии опасений. 10 ноября 2011 года Т. Соини заявил, что перевооружение России не представляет угрозы для Финляндии [12].

Во время парламентской избирательной кампании 2011 года и президентской кампании 2012 года партия продемонстрировала определенную благожелательность по отношению к России. В декабре 2011 года Т. Соини отметил, что нынешний вектор финляндско-российских отношений должен быть сохранен [13].

Важным аспектом отношений между Россией и Финляндией остается традиционный

«карельский вопрос». Это дискуссия в финском обществе о возвращении территорий, которые Финляндия утратила в результате советско-финляндской, «зимней», войны (1939–1940) и военных действий в 1941–1944 годах. Основные причины дискуссии – это тысячи переселенцев и их потомки, потерявшие родину и недвижимость, и невыполнение советской (и далее – российской) стороной статьи 27 Парижского мирного договора с Финляндией, гарантирующей восстановление прав собственности. Московский мирный договор (1940) и Парижский мирный договор (1947) между СССР и Финляндией закрепили территориальные потери последней: Карельский перешеек, Петсамо, Салла, Куусамо и отдаленные острова Финского залива (Гогланд, Большой Тютерс, Мощный и Сескар). Сторонники возвращения утраченных территорий считают, что эти два договора носили вынужденный характер и только Тартуский мирный договор является легитимным, поскольку никогда не был отменен.

Партия «Истинные финны» проявила присущий ей популизм в высказывании по «карельскому вопросу». Главный секретарь партии Ю. Нийнисте заявил, что Советский Союз поступил неправильно, потребовав у Финляндии эти территории в результате «зимней» войны (1939–1940), что это была война против агрессии Сталина, поэтому Карелия является частью Финляндии. Однако в интервью «Uusi Suomi» Ю. Нийнисте отметил, что высказанное им мнение – это его личная точка зрения, партия «Истинные финны» не ставит перед собой цели вернуть Карелию [14].

В 2006 году Т. Соини поддерживал движение по воссоединению с Финляндией части Карелии, отданной в результате войны. В интервью «Fontanka.fi» он объяснил свою позицию по данному вопросу: «Это были территории Финляндии до войны, и я хотел бы, чтобы Карелия вновь стала финской, но только при взаимном решении стран. Если бы так случилось, Карелия смогла бы стать „окном в Россию“. У наших стран много общей положительной истории. Во время царского управления Финляндией Россия признала автономию Финляндской Республики, в Финляндии построили железную дорогу, на-

чала развиваться письменность, многие компании, существующие по сей день, созданы в то время. Финляндия поднималась бок о бок с Россией, была свобода мысли и веры» [Цит. по: 15, с. 29].

Можно сделать вывод, что успех партии «Истинные финны» не дает предпосылок для изменения финской политической линии по отношению к России в сторону ухудшения взаимоотношений между двумя странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Perussuomalaiset** rp:n saannot. Hyvaksytty Patentti- ja Rekisterihallituksessa. 18.11.2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.Perussuomalaiset.fi.
2. **Suomalaiselle** sopivin. Perussuomalaiset rp:n eduskuntavaaliohjema. 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.Perussuomalaiset.fi.
3. **Fitting** for the finns — the True Finns` election programme for the parliamentary election. 2011 / Summary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.Perussuomalaiset.fi.
4. **Рябченко, А.В.** Успех партии «Истинные финны» и его значение для России / А.В. Рябченко // ИАРЕГNUM. 30.03.2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.regnum.ru.
5. **Perussuomalaiset** vaalien suurvoittaja, Kokoomus nousi suurimmaksi puolueeksi eduskuntavaaleissa 2011 // Tilastokeskus. 29.4.2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tilastokeskus.fi.
6. **Эрваси, П.** На избирательных участках собирается буря / П. Эрваси // Инфо-Финляндия. 11.04.211 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.info-finlendin.ru.
7. **Vahvistettu** tulos: Sauli Niinisto valittiin presidentiksi 2012 // Tilastokeskus. 10.02.2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tilastokeskus.fi.
8. **Vahvistettu** tulos. Perussuomalaiset ja Vihreat menestyivät europarlamenttivaaleissa. 2009 // Tilastokeskus. 12.06.2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tilastokeskus.fi.
9. **Vahvistettu** tulos. Karkkilan, Kauniaisten ja Vihdin. 6.9.2009 toimittujen uusintavaalin tuloksella paivitetty vaalitulokset // Tilastokeskus. 03.12.2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tilastokeskus.fi.
10. **Истинные** финны хотят удвоить свою поддержку на муниципальных выборах // Yle.fi Novosti ro-russki. 21.04.2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.Yle.fi.
11. **Ollikainen, M.** HS-gallup: Perussuomalasten kannatus sulaa yha [Текст] // Helsingin Sanomat. 18.4.2012.
12. **Venajan** varustautuminen ei huoleta Soinia ja Vuorysta // Yle.fi. 25.2.2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.Yle.fi.
13. **Presidenttiehdokas** Timo Soini Kuopiossa // Perussuomalaiset.fi. 02.12.2012 Arkisto [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.Perussuomalaiset.fi.
14. **Kammonen, T.J.** Soinin «ministeri»: Karjala takaisin // Uusi Kotimaa. 4.03.2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.UusiKotimaa.org.
15. **Линнас, Н.А.** Дирижер партийного оркестра [Текст] / Н.А. Линнас, П.В. Прохоров // Эксперт Северо-Запад. — 2011. — № 40 (536).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ПОГОДИН Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
тел. (812) 606-62-42 (кафедра)
pogodin56@mail.ru

POGODIN Sergey N. — St. Petersburg State Polytechnical University.
195251, Politeknicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
pogodin56@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 327

К.Е. Мещеряков

РОССИЙСКО-КИРГИЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ «НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КИРГИЗИИ (2010–2012)

K.E. Mesceryakov

THE RUSSIAN-KYRGYZSTANI RELATIONS AFTER THE PEOPLE'S REVOLUTION IN KYRGYZSTAN (2010–2012)

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы межгосударственного сотрудничества Российской Федерации и Киргизской Республики в военной, политической и экономической областях накануне и после «Народной революции» в Киргизии 2010 года. Произведен анализ факторов, повлиявших на развитие двустороннего сотрудничества в указанный период.

Ключевые слова

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, КИРГИЗИЯ, «РЕВОЛЮЦИЯ ТЮЛЬПАНОВ», «НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», АВИАБАЗА «МАНАС», ВОЕННАЯ БАЗА В КАНТЕ, ОШСКИЙ КОНФЛИКТ.

Abstract

The article analyses the main trends and problems in the Russian-Kyrgyzstani relations in the political, military and economic fields on the eve and soon after the 2010 People's revolution in Kyrgyzstan. It shows the factors that had influenced the development of the bilateral cooperation in 2010–2012.

Keywords

RUSSIAN FEDERATION, KYRGYZSTAN, TULIP REVOLUTION, PEOPLE'S REVOLUTION, "MANAS" AIRBASE, KANT MILITARY BASE, OSH INTERETHNIC CONFLICT.

С момента провозглашения независимости небольшая по территории, затертая в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая Киргизская Республика неизменно являлась одним из основных партнеров России на постсоветском пространстве. Здесь проживает многотысячная русскоязычная диаспора, активно действуют российские предприниматели, располагается один из столпов системы коллективной безопасности ОДКБ – российская авиабаза в городе Канте, которая в дальнейшем ляжет в основу Объединенной российской военной базы.

На протяжении двух десятилетий, минувших со времени распада СССР, российско-киргизские отношения демонстрировали весьма неоднозначные и противоречивые тенденции. Периодически в них возникали серьезные трения, приводившие к сокращению Москвой и Бишкеком масштабов своего взаимодействия и поиску сторонами альтернативных партнеров. Одним из таких непростых этапов в современной

истории российско-киргизского сотрудничества является период, связанный с переходом власти в Кыргызстане от президента К.С. Бакиева, возглавлявшего республику с 2005 по 2010 год, к А.Ш. Атамбаеву, избранному главой государства в конце 2011 года. Целью данной статьи является изучение основных особенностей российско-киргизских межгосударственных отношений в указанный период, т. е. накануне и после «Народной революции» в Кыргызстане.

В начале 2010 года в Киргизии произошло резкое ухудшение экономической ситуации, спровоцировавшее рост активности оппозиционных партий и движений. Президент К.С. Бакиев начал реализацию мер, направленных на дальнейшую централизацию власти в республике и призванных обеспечить последующую передачу полномочий главы государства его сыну М.К. Бакиеву.

На фоне заметного ухудшения российско-киргизских отношений, происходившего по

вине Бишкека с весны 2009 года [20, с. 104–106], в марте 2010 года, накануне 5-летней годовщины «революции тюльпанов», внимание российских СМИ к Кыргызстану возросло, были представлены материалы, весьма критично характеризовавшие положение дел в этой стране. К.С. Бакиева упрекали в связях с финансово нечистоплотными элементами, ущемлении гражданских прав и свобод, расцвете коррупции и nepотизма. Сочтя данные действия провокацией, направленной на дискредитацию его режима, Бакиев выступил с резким заявлением о том, что российские журналисты искажают ситуацию в Киргизии и способствуют дальнейшему охлаждению ее отношений с Москвой. МИД республики сообщил, что направил в посольство России в Бишкеке ноту протеста, однако само посольство факт ее получения не подтвердило [23].

В подобных обстоятельствах российское руководство, воспринявшее демарш К.С. Бакиева как продолжение внутривластной борьбы в Киргизии, сохранило нейтралитет, воздержавшись как от критики действий киргизской стороны, так и от их одобрения. В свою очередь, киргизская оппозиция восприняла это как однозначный отказ Москвы поддерживать К.С. Бакиева и 6 апреля 2010 года устроила антиправительственный митинг в Таласе, на севере республики. Страну быстро охватили беспорядки, в ночь на 7 апреля достигшие Бишкека. Режим К.С. Бакиева оказался не способен повлиять на происходящее, и в течение суток власть в Киргизии перешла к сформированному оппозицией Временному правительству, которое возглавила Р.И. Отунбаева — первый министр иностранных дел независимого Кыргызстана, бывший посол республики в США, Великобритании и Ирландии.

Реакция Москвы на беспорядки в Кыргызстане оказалась сдержанной. 7 апреля 2010 года МИД России выступил с заявлением, в котором выразил заинтересованность в сохранении стабильности в этом дружественном государстве и призвал противоборствующие стороны воздерживаться от насилия [14]. Д.А. Медведев выразился более категорично, отметив, что события в Киргизии свидетельствуют о крайней степени возмущения граждан действующей властью [17]. Наиболее резкие слова в адрес свергнутого лидера произнес В.В. Путин: «Когда президент

Бакиев приходил к власти, он очень жестко критиковал отстраненного... президента Акаева за семейственность, за то, что в экономике Кыргызстана кругом сидели родственники. У меня такое впечатление, что господин Бакиев наступал на те же самые грабли» [1]. Сказанное продемонстрировало чрезвычайное раздражение России действиями К.С. Бакиева в последние месяцы его руководства и готовность признать итоги произошедшей в Киргизии революции.

Уже 8 апреля 2010 года правительство Р.И. Отунбаевой выразило намерение продолжить активное взаимодействие с Россией и запросило у нее помощь в виде нефтепродуктов и нового кредита на поддержание финансовой системы Кыргызстана [6]. Вскоре новые власти заявили о неукоснительном соблюдении республикой всех обязательств в рамках ОДКБ [32], что свидетельствовало об их стремлении сохранить за Бишкеком статус военно-политического союзника Москвы. 14 апреля в Россию прибыл вице-премьер Временного правительства А.Ш. Атамбаев, получивший согласие В.В. Путина на выделение Киргизии 50 млн долларов на решение первоочередных задач социальной сферы и проведение весенне-полевых работ [12].

В середине апреля в Киргизии произошла серия нападений на офисы компаний и жилые дома русскоязычных граждан, участились случаи проявления бытового национализма в отношении русского населения. Попытки российского посольства привлечь к происходящему внимание местных властей не увенчались успехом, после чего обеспокоенность судьбой своих соотечественников выразил МИД России [29]. 20 апреля президент Д.А. Медведев дал распоряжение министру обороны А.Э. Сердюкову принять меры по обеспечению безопасности российских граждан и усилению защиты российских стратегических объектов на территории Киргизии [39], после чего давление на русское население республики практически прекратилось. В мае Москва перевела Временному правительству обещанные 50 млн долларов, что позволило ему несколько стабилизировать обстановку [24]. Вскоре Р.И. Отунбаева была назначена временным президентом республики, а А.Ш. Атамбаев — премьер-министром Кыргызстана.

В июне 2010 года в Ошской области произошло обострение противоречий между кир-

гизами и узбеками, переросшее в полномасштабные антиузбекские погромы. Жертвами беспорядков стали более 100 человек, около 1500 человек получили ранения, причем на этот раз в распоряжении киргизских властей не было сил, способных остановить кровопролитие подобно советским войскам, введенным в зону бедствия летом 1990 года, когда здесь произошел аналогичный по своему размаху конфликт. Временное правительство обратилось к ОДКБ и руководству России с просьбой направить миротворцев для разделения конфликтующих сторон [31], однако соответствующие запросы были сделаны в устной форме, поэтому не имели юридической силы и не могли быть удовлетворены Москвой. К концу июня правительство Р.И. Отунбаевой урегулировало ситуацию в Ошской области собственными силами.

К июлю 2010 года задолженность Киргизии перед Россией превысила 340 млн долларов. На этом фоне правительство республики затормозило процесс передачи в собственность Москвы контрольного пакета акций ОАО «Дастан» — единственного в Киргизии предприятия, производящего оборудование для морских торпед по заказам оборонных ведомств России, Индии и Украины, — и переговоры о создании второй российской военной базы в Ошской области, что являлось нарушением договоренностей, достигнутых сторонами в июле 2009 года, еще во время президентства К.С. Бакиева. Подобная позиция была воспринята Россией как попытка выторговывания Бишкеком новых преференций, поэтому переговоры Д.А. Медведева и Р.И. Отунбаевой, состоявшиеся в июле и августе 2010 года [9, 10] и рассматриваемые киргизским руководством как путь к получению от Москвы дополнительной помощи, не дали результатов. Лишь в октябре, после согласия Бишкека на частичную передислокацию российских военнослужащих в Ошскую область, Москва выразила готовность начать рассмотрение вопроса о выделении ему новых субсидий [42].

В ноябре 2010 года ситуация в Киргизии вновь дестабилизировалась. В республике состоялись парламентские выборы, способствовавшие не консолидации общества, а, напротив, усилению его раскола по политическому признаку. В Ошской области участились случаи захвата киргизами сельскохозяйственных уго-

дий, принадлежавших узбекам, что привело к новому всплеску межнациональной напряженности. В самом Оше произошла серия терактов, вызвавших панику у местных жителей. В Бишкеке неизвестные злоумышленники совершили нападение на православный храм Святого равноапостольного князя Владимира [4].

Неспособность руководства республики взять ситуацию под свой контроль вынудила его вновь обратиться за поддержкой к России. В середине ноября 2010 года в Красноярск прибыла делегация во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Киргизии в России У. Чиналиевым. Он высказался за скорейшее восстановление экономического сотрудничества между нашими странами, попросив губернатора Красноярского края рассмотреть возможность оказания гуманитарной помощи Киргизии строительными материалами [44].

В декабре 2010 года в Москву прибыл А.Ш. Атамбаев. Данный визит стал его первой зарубежной поездкой после назначения на должность премьер-министра, что свидетельствовало о сохранении киргизским руководством прежней внешнеполитической ориентации. А.Ш. Атамбаев провел переговоры с В.В. Путиным, обсудив экономическую ситуацию в Киргизии и запросив возобновления российских кредитов, замороженных в конце президентства К.С. Бакиева [35]. Председатель правительства Киргизии также был принят руководителем Администрации Президента России С.Е. Нарышкиным, который заявил о готовности Москвы восстановить с Бишкеком добрососедские стратегические отношения [7]. В то же время результаты поездки А.Ш. Атамбаева не получили освещения в СМИ, что свидетельствовало о стремлении России извлечь максимальную выгоду из возобновления сотрудничества с Кыргызстаном.

В феврале 2011 года Комитет Жогорку Кенеша (парламента) Киргизской Республики по конституционным вопросам одобрил законопроект о присвоении географического названия «Пик Владимира Путина» одной из безымянных вершин в горах Алатау [5]. Данное решение, безусловно, являлось демонстрацией лояльности киргизских властей к российскому руководству, однако не вызвало у Москвы ответной реакции. Тогда же Бишкек согласовал с Вашингтоном новые условия поставок топлива

в Центр транзитных перевозок «Манас». Если раньше заправку американских самолетов осуществляли исключительно компании, принадлежащие США, то теперь 50 % топлива должна была поставлять киргизская сторона. Это гарантировало бюджету страны приток дополнительных средств в объеме 650 млн долларов в год [26]. Кроме того, Временное правительство предложило учредить для осуществления поставок топлива «Манасу» совместное предприятие с участием российской компании «Газпромнефть», что вызвало у Москвы несомненный интерес [2].

С приходом весны внутривнутриполитическая ситуация в Киргизии вновь обострилась. Двадцать политических партий, не прошедших в парламент республики на предыдущих выборах, создали альтернативные правительство и Народный совет. Целью их деятельности стала выработка решений, направленных на выведение страны из системного кризиса. Одним из первых шагов действующего руководства Киргизии в свое время также было формирование органов власти, неподконтрольных К.С. Бакиеву, поэтому данное событие вызвало у Р.И. Отунбаевой панику.

В марте 2011 года жители Бишкека, доведенные до отчаяния нищетой, попытались устроить штурм Дома правительства. Вскоре премьер-министр А.Ш. Атамбаев вновь отправился в Москву и запросил у В.В. Путина помощь из средств Антикризисного фонда ЕврАзЭС в объеме 200 млн долларов; российская сторона ответила Бишкеку отказом [30]. В апреле руководство Киргизии высказалось за скорейшее вхождение своей страны в Таможенный союз ЕврАзЭС; данная инициатива также не получила одобрения Москвы, поскольку Киргизия не соответствовала необходимым для этого критериям [37]. Затем Россию посетил О.Т. Бабанов – вице-премьер Киргизии, один из трех лидеров «Народной революции» 2010 года. Его переговоры с В.В. Путиным не дали результатов: председатель правительства России потребовал у Бишкека немедленного выполнения взятых К.С. Бакиевым обязательств как по вопросам погашения задолженности перед Москвой, так и в области реализации совместных экономических проектов. В итоге киргизские власти были вынуждены признать существование серьезных проблем в отношениях с Росси-

ей и прийти к выводу, что они исчерпали лимит доверия Москвы [22].

20 апреля 2011 года Киргизия выплатила России 14,3 млн долларов просроченной задолженности, выразив принципиальную готовность передать ей в счет погашения остальной части долга 48 % акций ОАО «Дастан» [15]. На этом фоне парламент республики ратифицировал соглашение с НАТО, предполагавшее переезд Центральноазиатского офиса альянса из Астаны в Бишкек; руководство НАТО выразило намерение расширить свое взаимодействие с Киргизией [27]. Правительство республики начало переговоры с США о продлении сроков пребывания в аэропорту «Манас» Центра транзитных перевозок [33]. Таким образом, администрация Р.И. Отунбаевой вернулась к тактике «маятниковой дипломатии»: подобно А.А. Акаеву и К.С. Бакиеву, она начала выстраивать свою внешнюю политику, лавируя между интересами Москвы и Вашингтона, что вызвало у России сильное раздражение.

В мае 2011 года в Киргизии произошел невиданный с середины 1990-х годов всплеск националистических настроений. Средства массовой информации, печатные издания, политические партии и общественные организации республики начали в массовом порядке тиражировать материалы, имевшие ксенофобский характер и унижавшие достоинство русского, узбекского и еврейского населения страны. Это вызвало у России серьезную тревогу, хотя и не спровоцировало ее на принятие жестких ответных мер.

В июне 2011 года Бишкек потребовал от Москвы экстрадировать своих граждан, задержанных по обвинению в причастности к прошлогодним беспорядкам в Ошской области. Среди них оказались лица из близкого окружения К.С. Бакиева [3]. Российская сторона не выполнила данную просьбу. Вскоре Д.А. Медведев провел краткие переговоры с Р.И. Отунбаевой [11]. Встреча глав двух государств была приурочена к работе саммита ШОС в Астане и не получила широкого освещения в прессе. Тем не менее по возвращении домой Р.И. Отунбаева выступила с резким заявлением, суть которого сводилась к ее готовности «лично... бороться с проявлениями махрового национализма» в республике, пропагандируемого политиками, действующими против своего государства [41].

В июле 2011 года в Ошской области произошли столкновения между узбеками, населяющими поселок Араван, и киргизами, проживающими в селе Чеко-бат. Поводом к началу конфликта стала бытовая ссора между жителями двух населенных пунктов, переросшая в погромы на рынке Аравана, устроенные уроженцами Чеко-бата. Для пресечения беспорядков руководство Киргизии ввело в Араван подразделения внутренних войск, закрыв в поселке все магазины, кафе и детские сады. После этого ситуация начала постепенно стабилизироваться.

В конце августа 2011 года Кыргызстан отметил 20-ю годовщину независимости. В столице страны прошел военный парад и состоялась праздничная демонстрация. Д.А. Медведев направил Р.И. Отунбаевой поздравительную телеграмму, в которой выразил удовлетворение высокой динамикой российско-киргизского политического диалога, позволяющего «решать актуальные вопросы двусторонней повестки дня в духе союзнического партнерства на основе последовательного выполнения имеющихся договоренностей» [13]. Соответственно российский лидер впервые за последние месяцы заявил о союзническом характере отношений между нашими странами, увязав возможность сохранения достигнутого ими уровня партнерства со строгим выполнением Бишкеком своих обязательств перед Москвой. После этого в Киргизию отправился С.Е. Нарышкин. Он провел переговоры с временным президентом и премьер-министром республики, но не сделал по итогам своей поездки официальных заявлений [40].

В сентябре 2011 года в Киргизии началась подготовка к президентским выборам, призванным подвести черту под переходным периодом ее истории, начавшимся с революционных событий в апреле 2010 года. Центральная избирательная комиссия республики допустила до участия в голосовании 20 кандидатов; претендентом на высший государственный пост от правящей коалиции был объявлен А.Ш. Атамбаев. В октябре он совершил рабочий визит в Москву, в ходе которого обсудил с С.Е. Нарышкиным вопросы стратегического партнерства между нашими странами [43]. Главным итогом данной встречи стало согласие России поддерживать его кандидатуру на предстоящих выборах.

В ходе предвыборной кампании большинство кандидатов на пост президента Киргизии

выступили за активную интеграцию республики с Россией. В данной связи руководство страны подало заявку на ее присоединение к Таможенному союзу ЕврАзЭС [16], что вызвало у Москвы двойственную реакцию. С одной стороны, речь шла о явно популистском ходе, которому не стоило придавать особого значения, учитывая, что Бишкек по-прежнему не был готов к полноценному участию в данном объединении. С другой стороны, пророссийские устремления киргизского руководства стали настолько демонстративными, что это не могло не удивить Москву.

Президентские выборы в Кыргызстане состоялись 30 октября 2011 года и уже в первом туре принесли победу А.Ш. Атамбаеву. Д.А. Медведев направил избранному коллеге поздравительное послание, в котором выразил надежду, что под его руководством страна продолжит курс на укрепление союзничества и стратегического партнерства с Россией [18]. После подведения итогов голосования А.Ш. Атамбаев пообещал закрыть в 2014 году, когда истечет срок действия соответствующих соглашений между Бишкеком и Вашингтоном, Центр транзитных перевозок «Манас», выполнив тем самым негласную договоренность между Россией и Киргизией, достигнутую в феврале 2009 года, но впоследствии нарушенную К.С. Бакиевым. В ответ Россия начала оказание Киргизии гуманитарной помощи, отправив в республику двухмесячный запас муки и растительного масла на сумму 5 млн долларов [28].

Церемония инаугурации А.Ш. Атамбаева прошла 1 декабря 2011 года. На ней присутствовали гости из Турции, стран СНГ и отдельных регионов России. В то же время уровень делегаций, прибывших в Бишкек, оказался сравнительно невысоким: например, Российскую Федерацию представлял заместитель министра иностранных дел Г.Б. Карасин, что не осталось незамеченным киргизской стороной [36]. Д.А. Медведев направил А.Ш. Атамбаеву поздравительную телеграмму, в которой говорилось о необходимости развивать между нашими странами открытое, конструктивное сотрудничество в духе традиций дружбы, взаимоуважения и доверия. Для придания двустороннему взаимодействию нового импульса президент России предложил активизировать политический диалог, обеспечить реализацию совместных эконо-

мических и инвестиционных проектов, восстановить интенсивные гуманитарные контакты между Москвой и Бишкеком. Особое внимание он уделил тесной координации позиций сторон в рамках существующих интеграционных объединений и международных структур. Главными задачами российско-киргизского партнерства на предстоящее пятилетие Д.А. Медведев назвал всемерное расширение разносторонних связей и наполнение межгосударственных отношений реальным содержанием [19].

19 декабря 2011 года А.Ш. Атамбаев посетил Россию с рабочим визитом, в ходе которого продолжил обсуждение вопросов двустороннего взаимодействия с Д.А. Медведевым. По итогам проведенных консультаций президенты не подписали каких-либо документов и не сделали совместных заявлений. Это свидетельствовало о сохранении между двумя государствами существенных противоречий, не позволявших им вернуться к духу подлинно взаимовыгодного и конструктивного партнерства.

В январе 2012 года А.Ш. Атамбаев неожиданно отказался от идеи закрытия военной базы «Манас», предложив преобразовать ее в Гражданский центр транзитных перевозок с участием США, России, Турции и иных заинтересованных сторон. Одновременно во внешней политике Бишкека наметился крен в сторону Анкары: свой первый официальный визит в должности президента А.Ш. Атамбаев совершил в Турцию, где не скупился на теплые слова в адрес принимающей стороны и пригласил ее расширить свое присутствие на киргизском рынке [21]. Подобная непоследовательность в поведении национального лидера вызвала у граждан Киргизии возмущение, и в конце января они организовали пикетирование посольства США в Бишкеке, требуя вывести из города американскую военную базу. Одновременно в Баткенской области произошел конфликт между киргизами и таджиками, проживавшими в селе Айдаркен; силы правопорядка республики вовремя остановили волнения, не позволив им перерасти в полномасштабные межнациональные столкновения.

В феврале 2012 года экономическая ситуация в Киргизии вновь дестабилизировалась. В начале посевной кампании республика столкнулась с катастрофической нехваткой бюджетных средств, что усилило протестные настро-

ения ее граждан. В подобных обстоятельствах А.Ш. Атамбаев был вынужден в очередной раз обратиться за поддержкой к России. В ходе официального визита в Москву, приуроченного к открытию в российской столице памятника киргизскому эпическому герою Манасу, он встретился с В.В. Путиным и Д.А. Медведевым и запросил у них экстренную финансовую помощь. В ответ российское руководство потребовало у киргизского лидера в скорейшем порядке обеспечить выполнение ранее достигнутых договоренностей о погашении задолженности Бишкека перед Москвой, достигшей 493 млн долларов [8]. Тогда А.Ш. Атамбаев обвинил Россию в том, что у нее также накопились долги за аренду военных объектов, расположенных на территории Киргизии, и пригрозил закрыть российскую авиабазу в Канте [25]. В результате стороны вновь не пришли к каким-либо договоренностям, и А.Ш. Атамбаев улетел домой, не достигнув своих целей.

В начале марта 2012 года Россия полностью рассчиталась по долгам перед Киргизией, тогда как Бишкек по-прежнему игнорировал наличие у него внушительной задолженности перед Москвой. Неудачи правящего режима в области внешней политики и его неспособность решить внутренние проблемы страны вызвали возмущение у киргизской оппозиции, организовавшей массовый митинг в Оше — одном из самых «проблемных» городов республики. Демонстранты обвинили президента в том, что его дипломатия является непоследовательной и конфликтной и может привести к экономической блокаде Кыргызстана. После этого Бишкек инициировал переговоры о создании на своей территории Объединенной военной базы России, официально признав, что сбой в реализации соответствующих договоренностей 2009 года происходили исключительно по его вине [Там же]. Одновременно руководство Киргизии активизировало консультации с министерством обороны США о дальнейшей судьбе Центра транзитных перевозок «Манас». Соответствующая информация просочилась в столичные СМИ, и жители Бишкека начали предпринимать попытки по блокированию аэродрома «Манас» с целью недопущения его дальнейшей эксплуатации американской авиацией. В конце месяца около ста патриотически настроенных граждан организовали митинг с

требованием досрочного вывода Центра с территории Киргизии.

В подобных условиях Москва и Бишкек отметили 20-ю годовщину установления дипломатических отношений. Д.А. Медведев направил А.Ш. Атамбаеву очередную поздравительную телеграмму, в которой вновь высказался за сохранение нашими странами максимально высокого уровня партнерства в политической, экономической и гуманитарной областях [38].

В апреле 2012 года Киргизию посетил С.В. Лавров, проведший обстоятельные переговоры со своим коллегой Р.А. Казакбаевым и президентом А.Ш. Атамбаевым. Стороны обсудили перспективы реализации совместных проектов в гидроэнергетической, нефтегазовой и иных отраслях, уделив основное внимание условиям возобновления строительства Камбаратинской ГЭС, приостановленного Россией в октябре 2009 года. Бишкек выразил заинтересованность в скорейшем возвращении российских инвестиций, а Москва потребовала у него дополнительных гарантий защиты своих капиталовложений и увеличения доли своих компаний в уставном капитале сооружаемых на его территории объектов [34]. Визит С.В. Лаврова продемонстрировал, что российская и киргизская стороны впервые за последние годы вернулись к обсуждению реальных совместных проектов и их отношения начали постепенно выходить из стагнации.

Подводя итоги, отметим, что период с 2010 по начало 2012 года стал чрезвычайно сложным

периодом в современной истории российско-киргизских отношений. В это время Киргизия переживала глубокий политический и социально-экономический кризис, колоссальную внутреннюю напряженность, вылившиеся в «Народную революцию», беспрецедентный всплеск ксенофобии и националистических настроений в киргизском обществе, межнациональные конфликты на территории республики.

Все это нашло свое отражение во внешней политике Киргизии, в частности вызвало резкое сокращение масштабов ее взаимодействия с Россией. В результате большинство совместных проектов, реализуемых нашими странами, были заморожены, торгово-экономическое сотрудничество сведено к минимуму, российские инвестиции в экономику Кыргызстана приостановлены. Киргизия оказалась на грани банкротства. На этом фоне между Москвой и Бишкеком возникли серьезные политические разногласия, в отдельных случаях создававшие угрозу союзническому характеру двустороннего взаимодействия.

К сожалению, стабилизация обстановки в республике заняла более двух лет, на протяжении которых Бишкек вел себя в отношении Москвы крайне недипломатично, эгоистически и непоследовательно. Тем не менее в долгосрочной перспективе стороны сохранили заинтересованность в возвращении взаимоотношений в нормальное русло и, когда ситуация в Кыргызстане начала улучшаться, немедленно взяли курс на преодоление существующих между ними противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бакиев** «наступает на те же грабли», что и экс-глава Киргизии [Электронный ресурс] // РИА «Новости». — 2010. — 7 апреля. — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20100407/219207354.html> (дата обращения: 01.04.2013).
2. **Бишкек** подготовил новое соглашение о поставках авиатоплива на базу «Манас» [Текст] // Независимая газ. — 2011. — 2 февраля.
3. **Бишкек** потребует экстрадиции задержанных в России обвиняемых по прошлогодним событиям [Текст] // Там же. — 15 июня.
4. **В Бишкеке** совершено нападение на православный храм [Текст] // Там же. — 2010. — 8 ноября.
5. **В Киргизии** появится пик Владимира Путина [Текст] // Там же. — 2011. — 9 февраля.
6. **Временное** правительство Киргизии рассчитывает на помощь России [Электронный ресурс] // РИА «Новости». — 2010. — 9 апреля. — Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20100409/220071307.html> (дата обращения: 01.04.2013).
7. **Встреча** руководителя Администрации Президента России Сергея Нарышкина с премьер-министром Киргизии Алмазбеком Атамбаевым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://state.kremlin.ru/administration/9939> (дата обращения: 01.04.2013).
8. **Встреча** с Президентом Киргизии Алмазбеком Атамбаевым [Электронный ресурс] // Там же. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/14587> (дата обращения: 01.04.2013).

9. **Встреча** с Президентом Киргизии Розой Отунбаевой [Электронный ресурс] // Там же. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/8276> (дата обращения: 01.04.2013).
10. **Встреча** с Президентом Киргизии Розой Отунбаевой [Электронный ресурс] // Там же. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/8703> (дата обращения: 01.04.2013).
11. **Встреча** с Президентом Киргизии Розой Отунбаевой [Электронный ресурс] // Там же. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/11573> (дата обращения: 01.04.2013).
12. **Гудков, А.** Молодую демократию поддержат бензином и деньгами [Текст] / А. Гудков // Коммерсант-daily. – 2010. – 15 августа.
13. **Дмитрий Медведев** направил поздравительное послание Президенту Киргизской Республики Розе Отунбаевой в связи с двадцатилетием государственной независимости Киргизии [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/12492> (дата обращения: 01.04.2013).
14. **Заявление** официального представителя МИД России А.А. Нестеренко в связи с событиями в Киргизии от 7 апреля 2010 г. [Электронный ресурс] // М-во иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/6bc38aceada6e44b432569e700419ef5/c325749c004f2_933c32576fe0032c333?OpenDocument (дата обращения: 01.04.2013).
15. **Киргизия** выплатила России 14,3 млн долларов просроченной задолженности [Текст] // Независимая газ. – 2011. – 20 апреля.
16. **Киргизия** подала заявку на вступление в Таможенный союз, но вступить пока не сможет [Текст] // Там же. – 18 октября.
17. **Комментарий** Дмитрия Медведева по ситуации в Киргизии [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/7388> (дата обращения: 01.04.2013).
18. **Медведев, Д.А.** Его Превосходительству господину Алмазбеку Атамбаеву, избранному Президенту Киргизской Республики [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Там же. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/letters/13310> (дата обращения: 01.04.2013).
19. **Он же.** Его Превосходительству господину Алмазбеку Атамбаеву, Президенту Киргизской Республики [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Там же. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/letters/13742> (дата обращения: 01.04.2013).
20. **Мещеряков, К.Е.** Политика России в Центральной Азии: тенденции и проблемы развития, пути модернизации с целью повышения эффективности [Текст] / К.Е. Мещеряков. – СПб., 2012. – 372 с.
21. **Михайлов, Г.** «Манас» предлагают поделить на троих [Текст] / Г. Михайлов // Независимая газ. – 2012. – 18 января.
22. **Он же.** Бишкек исчерпал лимит доверия Москвы [Текст] / Г. Михайлов // Там же. – 2011. – 14 апреля.
23. **Он же.** Бишкек послал ноту Москве [Текст] / Г. Михайлов // Там же. – 2010. – 30 марта.
24. **Он же.** В Бишкек пришли первые гуманитарные миллионы [Текст] / Г. Михайлов // Там же. – 19 мая.
25. **Он же.** Киргизский бонус от базы РФ [Текст] / Г. Михайлов // Там же. – 2012. – 6 марта.
26. **Он же.** Киргизы сыграли в «Манас» / Г. Михайлов [Текст] // Там же. – 2011. – 9 февраля.
27. **Он же.** Политика Бишкека – маятник между Россией и НАТО [Текст] / Г. Михайлов // Там же. – 19 мая.
28. **Он же.** Россия спасает Киргизию от голода [Текст] / Г. Михайлов // Там же. – 24 ноября.
29. **Он же.** Русские в Бишкеке опасаются погромов [Текст] / Г. Михайлов // Там же. – 2010. – 16 апреля.
30. **Он же.** Сначала «Дастан», потом – кредит [Текст] / Г. Михайлов // Там же. – 2011. – 21 марта.
31. **Он же.** Беспомощный и беззащитный Бишкек [Текст] / Г. Михайлов, В. Мухин, В. Панфилова // Там же. – 2010. – 16 июня.
32. **Новые** власти Киргизии обещают выполнять обязательства в рамках ОДКБ [Электронный ресурс] // РИА «Новости». – 2010. – 11 апреля. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20100411/220850462.html> (дата обращения: 01.04.2013).
33. **Панфилова, В.** «Манас» надолго останется американским [Текст] / В. Панфилова // Независимая газ. – 2011. – 9 июня.
34. **Она же.** В Бишкеке ждут инвестиций из Москвы [Текст] / В. Панфилова // Там же. – 2012. – 6 апреля.
35. **Она же.** Киргизии без России не выжить [Текст] / В. Панфилова // Там же. – 2010. – 28 декабря.
36. **Она же.** Киргизия перешла от Отунбаевой к Атамбаеву [Текст] / В. Панфилова // Там же. – 2011. – 1 декабря.
37. **Она же.** Предвыборный трюк Бишкека [Текст] / В. Панфилова // Там же. – 12 апреля.
38. **Поздравление** Президенту Киргизии Алмазбеку Атамбаеву [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/14813> (дата обращения: 01.04.2013).
39. **Президент** поручил Министерству обороны обеспечить безопасность российских граждан в Киргизии [Электронный ресурс] // Там же. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/7510> (дата обращения: 01.04.2013).
40. **Рабочая** поездка руководителя Администрации Президента Сергея Нарышкина в Киргизскую

Республику [Электронный ресурс] // Там же. — Режим доступа: <http://state.kremlin.ru/face/12517> (дата обращения: 01.04.2013).

41. **Роза Отунбаева** «намерена лично бороться с проявлениями махрового национализма» [Текст] // Независимая газ. — 2011. — 17 июня.

42. **Россия** рассматривает вопрос о выделении Киргизии 135–150 млн долларов [Текст] // Там же. — 2010. — 22 октября.

43. **Сергей Нарышкин** встретился с премьер-министром Киргизии Алмазбеком Атамбаевым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://state.kremlin.ru/face/13015> (дата обращения: 01.04.2013).

44. **Чернявский, А.** Кыргызстан нуждается в возобновлении сотрудничества с Россией [Текст] / А. Чернявский // Независимая газ. — 2010. — 17 ноября.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МЕЩЕРЯКОВ Константин Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-42, (812) 534-10-06 (кафедра)
mesce@mail.ru

MESCERYAKOV Konstantin E. — *St. Petersburg State University, St. Petersburg State Polytechnical University.*
195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
mesce@mail.ru

УДК 327

*К.Е. Мещеряков***РОССИЙСКО-ТУРКМЕНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2008–2012 ГОДАХ:
СТАНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА***K.E. Mesceryakov***THE RUSSIAN-TURKMENISTANI RELATIONS UNDER THE PRESIDENCY
OF DMITRY MEDVEDEV: TOWARDS THE STRATEGIC PARTNERSHIP**

Аннотация

В статье рассматриваются тенденции и проблемы развития российско-туркменских межгосударственных отношений в политической, торгово-экономической, энергетической, культурно-гуманитарной сферах, вопросы межрегионального сотрудничества России и Туркмении в годы президентства Д.А. Медведева. Изучаются вопросы становления стратегического партнерства между двумя государствами.

Ключевые слова

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, ТУРКМЕНИСТАН, СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО, ПОСТОЯННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ, ПОЛИТИКА САМОИЗОЛЯЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИЯ.

Abstract

The article deals with the main trends and problems in the evolution of the Russian-Turkmenistani relations in the political, economic, energetic and humanitarian fields under the presidency of Dmitry Medvedev. It analyses the issues of the establishment of the strategic partnership between the two states.

Keywords

RUSSIAN FEDERATION, TURKMENISTAN, STRATEGIC PARTNERSHIP, PERMANENT NEUTRALITY, SELF-ISOLATION POLICY, MODERNIZATION.

Туркменистан является одним из наиболее сложных для изучения постсоветских государств, что обусловлено его исключительной замкнутостью и изолированностью от внешнего мира. Вместе с тем с течением времени он стал играть все бóльшую роль в международных делах. Эта республика занимает 4-е место в мире по запасам природного газа. Еще в 1990-х годах они привлекли внимание ведущих вне-региональных игроков (России, США, ЕС, Китая, Турции, Ирана). С момента распада СССР Москва придавала особое значение развитию связей с Ашхабадом, и эта тенденция остается неизменной. Рассмотрим динамику развития российско-туркменских отношений в период президентства Д.А. Медведева (2008–2012).

Учитывая, что Г.М. Бердымухамедов возглавил свою страну в декабре 2006 года, т. е. всего за полтора года до прихода к власти Д.А. Медведева, опыт его взаимодействия с

администрацией В.В. Путина был намного меньше, чем у лидеров других центральноазиатских республик. В отличие от своих коллег по региону Бердымухамедов не имел репутации консерватора, напротив, он выдвинул инициативу проведения глубоких реформ во всех сферах жизни республики, направленных на ее комплексную модернизацию и избавление от негативных наслоений эпохи С.А. Ниязова. В этом плане курс, предложенный Д.А. Медведевым, представлялся Г.М. Бердымухамедову идеологически близким и понятным, поэтому между ним и новым президентом России не возникло взаимного недоверия, которое сразу же появилось, например, между Д.А. Медведевым и президентом Узбекистана И.А. Каримовым.

В первые месяцы президентства Д.А. Медведева российско-туркменские отношения развивались по сценарию, согласованному главами двух государств, В.В. Путиным и Г.М. Бердыму-

хамедовым, в 2007 – начале 2008 года. Москва и Ашхабад продолжили расширение контактов в торгово-экономической и гуманитарной сферах, вели достаточно интенсивный (с учетом туркменской специфики) политический диалог на высшем и высоком уровнях.

В начале 2008 года российские строительные компании приступили к сооружению ветки Прикаспийского газопровода, который должен был пройти вдоль восточного побережья Каспийского моря, через территорию Туркмении и Казахстана, и связать газовые месторождения этих республик с энергетическими сетями ОАО «Газпром». Работы были начаты в соответствии с договоренностями, достигнутыми главами России, Казахстана и Туркмении в городе Туркменбаши 12 мая 2007 года [33] и подтвержденными трехсторонним соглашением от 20 декабря 2007 года [31]. Таким образом, Москва начала реализацию одной из своих основных геополитических задач на центральноазиатском направлении – создание новых газотранспортных мощностей, способных поставить под ее контроль все экспортные потоки природного газа, добываемого в регионе. Благодаря этому Россия собиралась добиться монополии на местном энергетическом рынке, одновременно не выпуская казахстанское и туркменское топливо на Запад, к платежеспособным потребителям из стран Европейского союза.

Между тем из-за экстремально холодной зимы в январе 2008 года Туркмения несколько снизила поставки топлива «Газпрому». Это создало дополнительные неудобства Москве, учитывая, что в то время у нее обострился газовый конфликт с Киевом, создавший угрозу перебоев в поставках энергоресурсов европейским потребителям.

В марте 2008 года председатель ОАО «Газпром» А.Б. Миллер встретился с руководителями газовых компаний Казахстана, Узбекистана и Туркмении. По итогам проведенных переговоров было принято решение, что со следующего года «Газпром» начнет закупать топливо у этих стран по европейским ценам [22]. Несмотря на большие потенциальные расходы, таким способом «Газпром» пытался сохранить транзитную монополию России на экспорт центральноазиатского газа. Однако в апреле Ашхабад начал переговоры о маршрутах транспортировки своих энергоресурсов с представи-

телями Евросоюза, Китая, Индии и Пакистана, настаивая на том, что его газа хватит всем потенциальным потребителям [15]. Очевидно, что действия туркменского руководства объяснялись не антироссийским настроением, а стремлением гарантировать валютные поступления в экономику республики при любом варианте развития событий: односторонняя зависимость от Москвы в столь важном вопросе, как экспорт топлива, не соответствовала общей стратегии укрепления национальной безопасности Туркменистана, поэтому поиск альтернативных вариантов транспортировки газа в Европу не должен был привести к свертыванию его партнерства с Россией. Вероятно, это понимали и в Москве, которая, как и в предыдущие годы, продолжала видеть в Ашхабаде одного из своих важнейших партнеров на постсоветском пространстве.

Первая встреча Г.М. Бердымухамедова с Д.А. Медведевым в должности президента России состоялась в июне 2008 года в рамках проведения Международного экономического форума в Санкт-Петербурге. В начале переговоров туркменский лидер выступил с чрезвычайно эмоциональной речью, в которой впервые в истории двусторонних отношений официально заявил: «Россия – это великая страна. Россия для Туркменистана является самым главным стратегическим партнером». По итогам состоявшихся переговоров стороны решили расширить сферу своего взаимодействия: помимо традиционно важного энергетического сотрудничества, они заявили о необходимости наращивания торговли и реализации совместных проектов в области образования [21].

Продолжение диалога между лидерами двух стран последовало в ходе первого официального визита Д.А. Медведева в Ашхабад, состоявшегося в июле 2008 года. Характер визита, а также круг вопросов, обозначенных сторонами как приоритетные, продемонстрировали, что российско-туркменские отношения окончательно избавились от перекосов, присущих им в годы руководства С.А. Ниязова, и поднялись на качественно более высокий уровень. Отказавшись от политики самоизоляции, Туркменистан начал развивать с Россией широко-масштабное сотрудничество в экономической и гуманитарной сферах. На этом фоне визит нового президента России в Ашхабад стал оче-

редной важной ступенью в развитии двусторонних отношений.

По итогам визита стороны приняли Совместное российско-туркменское заявление. В нем впервые было отмечено, что отношения Москвы и Ашхабада имеют стратегический характер и поступательно развиваются по широкому спектру направлений; подобная формулировка означала, что российско-туркменское сотрудничество наконец достигло уровня стратегического партнерства.

Главной сферой своего взаимодействия стороны вновь назвали экономику. Они подтвердили намерение осуществлять долгосрочное сотрудничество в области добычи и транспортировки природного газа, уделив особое внимание строительству Прикаспийского трубопровода. Президенты впервые сделали акцент на ключевой роли транспорта как в двусторонних отношениях, так и в региональном масштабе. Они договорились увеличить объемы авиаперевозок и активизировать деятельность морских и железнодорожных путей сообщения. Стороны подчеркнули важность организации прямого сообщения между российскими портами Астраханского воднотранспортного узла, Махачкалой и портом Туркменбаши. Главы государств отметили необходимость строительства новой железнодорожной линии Казахстан – Туркмения – Иран как важной составляющей транспортного коридора Север – Юг. Россия и Туркменистан приветствовали значительный рост взаимного товарооборота; Г.М. Бердымухамедов привел данные, что за 2006–2008 годы он увеличился в 7,5 раз, достигнув показателя 4,85 млрд долларов. В результате торговые отношения начали приносить ощутимый доход обеим сторонам [35].

В тексте Совместного заявления практически не нашли отражения вопросы, связанные с развитием кооперации между предприятиями России и Туркмении. Вместе с тем в своем обращении к прессе президенты отметили, что в последние годы на туркменский рынок стал активно проникать российский бизнес: помимо «Газпрома», здесь работали «Итера», «КамАЗ», «МТС», «Сибирские авиалинии» и другие российские компании, действовало более 100 предприятий с участием российского капитала и реализовывалось более 100 совместных проектов [14]. Впервые

за годы развития двусторонних отношений Россия и Туркмения уделили особое внимание расширению межрегионального сотрудничества, назвав показательными связи Туркменистана с Санкт-Петербургом, Татарстаном и Астраханской областью.

Президенты выразили удовлетворение сложившимися отношениями в гуманитарной сфере, где партнерские связи между вузами, научными центрами и учреждениями культуры двух стран обрели устойчивое развитие. Стороны подчеркнули важность подготовки квалифицированных кадров в российских вузах для ведущих отраслей туркменской экономики и решили создать в Туркмении филиалы учебных заведений России. Также было решено в ближайшие годы провести Дни культуры России в Туркменистане и Туркменистана в России, о чем ранее не могло быть и речи.

На фоне активного стремления Москвы и Ашхабада к расширению экономических и гуманитарных отношений их политическое взаимодействие должно было остаться узким: стороны выразили намерение сохранить достигнутый уровень партнерства, не прилагая усилий для его расширения [35].

Таким образом, Совместное заявление глав России и Туркменистана стало крупномасштабным программным документом, определившим приоритетные направления двустороннего взаимодействия на период президентства Д.А. Медведева.

Конфликт, произошедший в августе 2008 года между Россией и Грузией, практически не повлиял на характер российско-туркменских отношений. Опираясь на свой постоянно нейтральный статус, Ашхабад не вынес ему официальной оценки. Отсутствие у Туркмении точек соприкосновения с Грузией не ставило перед ее руководством задачи по определению стратегии своего поведения в дни кавказского кризиса. Юридически Туркменистан не являлся полноправным членом Содружества, и события в Южной Осетии не затрагивали его интересов. В свою очередь, Москва в наименьшей степени рассчитывала на поддержку Ашхабадом своих действий на Кавказе, что избавило российско-туркменские отношения от недоразумений, подобных тем, что возникли по тому же поводу между Россией и Узбекистаном, Казахстаном или Белоруссией.

В результате диалог между Москвой и Ашхабадом продолжил развиваться в направлении, определенном в ходе июльского визита Д.А. Медведева в Туркменистан. В августе 2008 года Г.М. Бердымухамедов принял первого заместителя председателя правительства России В.А. Зубкова, обсудив с ним вопросы экономического и гуманитарного взаимодействия между нашими странами. Стороны подписали базовое Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, которое более подробно, чем Совместное заявление президентов России и Туркмении, определило приоритетные отрасли партнерства двух государств в экономической сфере [36]. Тогда же Г.М. Бердымухамедов подписал указ об открытии в Ашхабаде филиала Российского государственного университета нефти и газа. В октябре из России в Ашхабад прибыла колонна из 60 специализированных машин для перевозки хлеба. В дар Туркменскому государственному университету было передано 500 изданий из фонда Российской библиотеки «Русское зарубежье».

Экономический кризис 2008–2009 годов поначалу не привел к сокращению российско-туркменского сотрудничества. Ашхабад сохранил ранее определенный объем поставок газа в Россию, а «Газпром», как это и было решено, с 1 января 2009 года начал закупать туркменское топливо по цене 340 долларов за 1 тыс. куб. м. Российские компании продолжили строительство Прикаспийского трубопровода, крупный и средний бизнес не отказался от своего присутствия в Туркмении. В феврале 2009 года Г.М. Бердымухамедов подписал постановление о закупке Ашхабадом 1040 автомобилей «КамАЗ» на сумму 100 млн долларов [40]. Вместе с тем туркменская дипломатия по-прежнему сохраняла многовекторность, не ограничиваясь лишь сотрудничеством с Москвой. В феврале Г.М. Бердымухамедов провел переговоры с М. Ахмадинежадом, по итогам которых было принято решение об увеличении поставок туркменского газа в Иран. Ни цены, ни объем поставок сторонами согласованы не были [20], поэтому действия Ашхабада не создали реальной угрозы российской газовой монополии в Центральной Азии.

24–25 марта 2009 года Г.М. Бердымухамедов посетил Россию с первым в истории двусторонних отношений государственным визитом.

Москва рассчитывала, что данный визит будет иметь особое значение для дальнейшего развития российско-туркменского партнерства. Предполагалось, что главы государств обсудят возможность отмены визового режима между своими странами, введенного в 1999 году по инициативе С.А. Ниязова, и договорятся о подписании соглашения о строительстве Транс-туркменского газопровода, который свяжет газовые месторождения Восточной Туркмении с Прикаспийским газопроводом. Длина новой ветки должна была составить 600 км, стоимость проекта – 1,5 млрд долларов [37].

По итогам проведенных переговоров стороны подписали более 10 документов, что вполне соответствовало рангу визита Г.М. Бердымухамедова. В ответ на начавшуюся в Туркмении реформу образования Москва согласилась заключить с Ашхабадом соглашение о взаимном признании документов об образовании: отныне аттестаты и дипломы, выдаваемые туркменским школьникам и студентам, стали признаваться в России. ФСБ России и Государственная пограничная служба Туркменистана подписали соглашение о сотрудничестве по пограничным вопросам. Отдельные соглашения были заключены Министерствами внутренних дел и Генеральными прокуратурами России и Туркмении, что свидетельствовало о расширении взаимодействия сторон в сфере безопасности. Правительства двух стран заключили соглашение об организации прямого железнодорожно-паромного сообщения через порты Астраханского воднотранспортного узла, Махачкалу и Туркменбаши, что стало реализацией их более ранних договоренностей.

Главным политическим документом, принятым по итогам визита, стало новое Совместное российско-туркменское заявление. По своему содержанию оно во многом повторяло прошлое заявление Д.А. Медведева и Г.М. Бердымухамедова. Документ обозначил важность укрепления взаимодействия сторон в экономической и гуманитарной областях, подтвердив близость их взглядов по основным внешнеполитическим вопросам. Однако в нюансах новое заявление значительно отличалось от предыдущего. Если в июле 2008 года президенты охарактеризовали российско-туркменские отношения как стратегические, то теперь – как «прочные дружественные отношения», в которых «неук-

лонно повышается уровень партнерства во всех сферах». Об их стратегическом характере более не говорилось. Также в заявлении не содержалось формулировок о том, что приоритетной отраслью сотрудничества Москвы и Ашхабада выступает энергетика. Вместо этого была обозначена их готовность углублять политический диалог [34].

Указанные нюансы определили особенности дальнейшей эволюции российско-туркменских отношений. В ходе визита Г.М. Бердымухамедова Москве не удалось добиться подписания с Ашхабадом соглашения о строительстве Транsturкменского газопровода. Хотя поначалу российские эксперты не придавали этому особого значения, в конце марта данная проблема получила неожиданное развитие. Г.М. Бердымухамедов поручил своему кабинету провести международный тендер на проектирование и строительство Транsturкменского газопровода, что означало его отказ от сотрудничества с Москвой на прежних условиях. 7 апреля 2009 года между президентами России и Туркмении состоялся телефонный разговор, в ходе которого обсуждались планы реализации ранее достигнутых договоренностей. Вечером того же дня «Газпром» направил Ашхабаду уведомление о сокращении закупок природного газа на 90 %, что и было сделано спустя несколько часов [42]. Так началась российско-туркменская «газовая война»: главным потребителем туркменского топлива в то время выступал «Газпром», и его отказ импортировать углеводороды мог иметь для Ашхабада тяжелейшие последствия.

9 апреля на газопроводе «Средняя Азия – Центр-4» произошел взрыв, и поставки туркменского газа в Россию полностью прекратились. Москва не прокомментировала произошедшее, а МИД Туркмении возложил ответственность за случившееся на «Газпром», поскольку тот заявил о снижении отбора газа всего за несколько часов до его осуществления и «Туркменгаз» не успел снизить давление в трубах. Г.М. Бердымухамедов поручил своему правительству расследовать причины аварии и создать межведомственную рабочую группу, которая подготовила бы предложения по дальнейшей реализации международного сотрудничества Туркменистана в энергетической сфере [30]. Это означало, что в будущем Ашхабад

намеревался резко сократить взаимодействие с Москвой в данной области.

Очевидно, что в случае с Туркменией тактика давления, уже неоднократно применявшаяся «Газпромом» в отношении западных соседей России – Украины и Белоруссии, совершенно не оправдалась. Ашхабад не подчинился требованиям Москвы и практически заморозил с ней отношения. Внешне позиция «Газпрома» выглядела нелогичной. Туркмения традиционно являлась одним из наиболее надежных партнеров России на постсоветском пространстве. Отношения между нашими странами отличались особым прагматизмом и опирались на прочный экономический фундамент, представленный сотрудничеством в энергетической сфере. На протяжении многих лет Москва последовательно добивалась расположения Ашхабада и расширяла масштабы взаимодействия с ним. Однако газовый конфликт 2009 года мог перечеркнуть все предыдущие достижения и, учитывая особенности существующего в Туркмении режима, на годы вперед оттолкнуть ее от Москвы. Поэтому весьма вероятно, что в ходе государственного визита Г.М. Бердымухамедова российское руководство получило неоспоримые доказательства того, что в ближайшее время Ашхабад пойдет на капитальный пересмотр своих отношений с Москвой. Косвенно об этом свидетельствовали характер Совместного заявления Д.А. Медведева и Г.М. Бердымухамедова и чрезвычайно напряженная атмосфера, царившая на переговорах. Например, речь могла идти о намерении Туркмении приступить к активному участию в проектах транспортировки энергоресурсов в обход территории России, что автоматически сделало бы их окупаемыми и в перспективе могло вывести Центральную Азию с орбиты российского влияния. В подобных обстоятельствах импорт туркменского газа по мировым ценам до конца 2009 года не представлял для Москвы ни политического, ни экономического интереса, что и обусловило дальнейший ход событий.

Доводом в пользу данной версии служит то, что уже 16 апреля 2009 года Туркмения заключила соглашение о транспортировке газа в Европу с участником проекта «Набукко» – немецкой компанией RWE, пообещав ей месторождение на шельфе Каспийского моря [11]. Очевидно, что контракты подобного уровня

требуют длительной подготовки и подписать их в десятидневный срок не представляется возможным. Вскоре в Ашхабаде состоялась конференция «Надежный и стабильный транзит энергоносителей», проходившая под эгидой ООН и собравшая глав энергетических ведомств 50 государств, делегации ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС, руководителей 100 крупных компаний. На конференции туркменский лидер поддержал проекты ЕС, которые позволят создать новые маршруты поставок газа на Запад, в том числе «Набукко» [12].

Между тем в мае 2009 года на Пражском саммите ЕС Ашхабад отказался подписать декларацию о реализации проекта «Южный коридор». На этом фоне Туркмения резко активизировала диалог с Китаем, который согласился выделить ей целевой кредит в 3 млрд долларов на освоение месторождения Южный Йолотань. Предполагалось, что расплачиваться по кредиту республика будет газом разрабатываемого месторождения, в целях чего стороны решили построить газопровод Туркмения – Китай мощностью 40 млрд куб. м в год, т. е. несколько больше ожидаемой пропускной способности «Набукко» [8]. В августе Туркмения и Иран договорились ввести в строй дополнительную ветку газопровода мощностью 20 млрд куб. м в год [10].

В июне 2009 года «Газпром» начал с Ашхабадом переговоры о пересмотре условий закупок топлива, предложив ему исчислять цену на газ не на административной основе, а по европейской формуле. Туркменская сторона ответила российскому монополисту отказом. При этом Москве так и не удалось склонить Ашхабад к предоставлению «Газпрому» эксклюзивного права на сооружение Транстуркменского газопровода [1].

Для преодоления напряженности в двусторонних отношениях в сентябре 2009 года в Туркмению отправился Д.А. Медведев. В ходе переговоров президенты не обсуждали вопросы о новой цене туркменского топлива и сроках возобновления его поставок в Россию. Вместе с тем они всячески подчеркивали дружественный характер отношений между нашими странами. Не оговаривая причин аварии на газопроводе «Средняя Азия – Центр-4», Г.М. Бердымухамедов заявил, что «она ликвидирована „Туркменгазом“ и „Газпромом“... Больше там вопросов не осталось». В области

энергетики стороны подписали соглашение о разделе продукции между компанией «Итера» и правительством Туркмении на 21-м блоке туркменского сектора Каспийского моря. Однако основное внимание главы государств уделено не энергетическим вопросам. Они подчеркнули, что товарооборот между Россией и Туркменистаном продолжает расти даже в условиях финансового кризиса и сокращения торговли энергоресурсами. Стороны высказались за расширение сотрудничества в отраслях сельского хозяйства и транспорта. Д.А. Медведев отметил, что Ашхабад является крупнейшим потребителем российских автомобилей «КамАЗ». Г.М. Бердымухамедов проинформировал российского коллегу о намерении заключить крупнейший в истории межрегионального взаимодействия двух стран контракт на строительство мостов и дорог с правительством Санкт-Петербурга. Он поблагодарил Россию за подготовку в своих вузах нескольких сот туркменских специалистов и пригласил Д.А. Медведева принять участие в церемонии открытия нового здания Российско-туркменской школы им. А.С. Пушкина [24]. Таким образом, отношения между Москвой и Ашхабадом начали постепенно стабилизироваться.

В октябре 2009 года в Москве состоялось очередное заседание Российско-туркменской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. По итогам ее работы посол Туркмении в России Х.А. Агаханов выразил удовлетворение темпами развития двусторонних контактов, подчеркнув, что «Туркмения всегда выделяла Россию как своего стратегического партнера» [27]. 27 октября, в День независимости Туркмении, Д.А. Медведев направил Г.М. Бердымухамедову поздравительную телеграмму, в которой с оптимизмом охарактеризовал текущее состояние российско-туркменских отношений [18]. В ноябре Ашхабад дал принципиальное согласие на возобновление поставок газа в Россию. Вскоре Г.М. Бердымухамедов совершил поездку в Италию, где договорился с премьер-министром С. Берлускони об инвестировании газодобычи в Туркмении крупнейшим итальянским концерном ENI, являющимся участником «Южного потока» – альтернативного «Набукко» проекта транспортировки топлива в Европу через территорию Турции [28]. Поскольку Москва ак-

тивно поддерживала данный проект, действия Ашхабада вызвали у нее понимание.

Из Италии Г.М. Бердымухамедов приехал в Россию, где в неформальной обстановке обсудил с Д.А. Медведевым практически все основные вопросы двустороннего партнерства. Президенты отметили, что в текущем году российские компании значительно расширили свое присутствие в агропромышленном комплексе Туркменистана, в республике с успехом прошли Дни России. Намечая перспективы дальнейшего взаимодействия, Г.М. Бердымухамедов высказался за наращивание сотрудничества Туркмении с российскими регионами – Санкт-Петербургом, Татарстаном, Свердловской областью и Алтайским краем, а также выразил надежду на успешное проведение в 2010 году Дней культуры Туркменистана в России [5].

В декабре 2009 года была открыта первая очередь газопровода Туркменистан – Китай, связавшего в единую сеть месторождения всех стран Центральной Азии. Это разрушило российскую монополию на транзит туркменского, узбекского и казахского топлива на внешние рынки, однако Москва не проявила особого беспокойства по данному поводу, предпочитая активному проникновению в Центральную Азию западных энергетических компаний долгосрочное присутствие в регионе Китая. Справедливость подобной оценки подтверждает последовавшее за открытием газопровода заявление не названного в прессе источника в Еврокомиссии, констатировавшего, что «Евросоюз явно упустил время для получения доступа к туркменскому газу, Китай опередил нас» [32]. Поэтому тон телефонного разговора руководителей России и Туркмении, состоявшегося после церемонии открытия нового газопровода, оказался исключительно дружественным и спокойным [38].

В конце декабря Д.А. Медведев совершил очередной визит в Туркмению. Он принял участие в церемонии открытия нового здания Российско-туркменской школы им. А.С. Пушкина. Главы государств обсудили ключевые вопросы двустороннего сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах. Они согласились, что главной целью взаимодействия России и Туркмении в области внешней политики должно стать обеспечение безопасности и стабильности в Центральной Азии и Каспийском бассейне, поэтому им

следует углублять партнерство в рамках ООН и ОБСЕ. Ключевыми отраслями экономического сотрудничества стороны обозначили топливно-энергетический, агропромышленный комплексы, транспорт, связь, коммуникации, авиа- и судостроение. Особое внимание они вновь уделили расширению межрегионального взаимодействия, к которому активно подключился еще один российский регион – Астраханская область. Дольше, чем обычно, Д.А. Медведев и Г.М. Бердымухамедов обсуждали вопросы сотрудничества в гуманитарной сфере. Президент Туркмении подчеркнул, что в его стране регулярно проводятся российские книжные выставки, Дни кино, действуют филиалы российских вузов, проводятся международные конференции и фестивали с участием российских деятелей науки и культуры. Д.А. Медведев поддержал инициативу проведения в России Дней культуры Туркменистана. Общее состояние своих отношений стороны вновь охарактеризовали как стратегическое партнерство [23].

Важнейшим решением, принятым лидерами двух стран по итогам визита, стало возобновление поставок в Россию туркменского газа по трубопроводу «Средняя Азия – Центр-4». Ашхабад пошел навстречу «Газпрому», категорически отказавшемуся покупать топливо в объемах, предусмотренных долгосрочным соглашением 2003 года, т. е. около 70 млрд куб. м в год, по высоким ценам. В итоге было решено, что в 2010 году Туркмения поставит России 10–11 млрд куб. м газа, причем цена, утвержденная новым контрактом, прессе не сообщалась – туркменское руководство лишь отметило, что она будет соответствовать условиям европейского рынка. Очевидно, что жесткая позиция «Газпрома» была продиктована как политическими, так и экономическими соображениями. В условиях снижения газопотребления в странах ЕС ему стало невыгодно закупать туркменское топливо на прежних условиях. Учитывая, что с вводом в эксплуатацию газопровода Туркменистан – Китай будущее своей энергетической политики Ашхабад связал не с Европой, а с КНР, Россия в среднесрочной перспективе не должна была конкурировать с ним на европейском рынке и, следовательно, оставалась крупнейшим поставщиком топлива в страны ЕС. Поэтому задача скупать весь туркменский экспортный газ, чтобы он не попал на европей-

ские рынки в обход ее сетей, стала для России неактуальной. С другой стороны, Москва была вынуждена признать, что уже в 2012 году она уступит Пекину роль ведущего игрока на энергетическом рынке Туркмении, а следовательно, и всего центральноазиатского региона [9].

Итоги визита Д.А. Медведева в Ашхабад продемонстрировали, что российско-туркменские отношения окончательно вышли из кризиса. В марте 2010 года на встрече с С.В. Лавровым Г.М. Бердымухамедов вновь заявил: «Россия для нас – стратегический, надежный партнер» и выступил за сохранение высоких темпов развития двустороннего взаимодействия во всех областях [3]. В июне президент Туркменистана принял главу Союза нефтегазопромышленников России Ю.К. Шафранника и обсудил с ним перспективные направления двустороннего сотрудничества в нефтегазовой сфере в контексте проведения Ашхабадом модернизации своего топливно-энергетического комплекса [41]. Это означало намерение Туркмении приступить к внедрению инновационных элементов в отношении с Россией.

В октябре 2010 года Д.А. Медведев совершил рабочий визит в Туркменбаши. Лидеры России и Туркмении обменялись мнениями по всему спектру двусторонних отношений, вновь охарактеризовав их состояние как долгосрочное стратегическое партнерство. Президенты согласились, что российско-туркменские отношения отличаются стабильностью, взаимопониманием, опорой на многовековые традиции дружбы и взаимоуважения между народами двух стран. Как и в декабре 2009 года, основное внимание на переговорах стороны уделили взаимодействию в области внешней политики, экономики и в гуманитарной сфере, отметив, что за истекший год им удалось существенно расширить перечень отраслей своего сотрудничества [25]. Характер проведенных переговоров продемонстрировал, что в 2010 году российско-туркменские отношения действительно вышли на уровень полноценного стратегического партнерства, основанного на всем комплексе связей между Москвой и Ашхабадом, а не только на их взаимодействии в энергетической сфере.

В декабре Туркмения отметила 15-летие своего постоянного нейтралитета. Д.А. Медведев направил Г.М. Бердымухамедову поздравительное послание, в котором высоко оценил истори-

ческий выбор туркменского народа, обусловив его «стремлением строить межгосударственные отношения на принципах добрососедства, равноправия и учета взаимных интересов» [29]. На этом фоне весьма неожиданным для Москвы стало решение Ашхабада приостановить деятельность компании Varash Communications Technologies – одного из двух операторов сотовой связи Туркменистана, дочернего предприятия МТС. Обвинив компанию в «необоснованном завышении тарифов» и «низкопробных пиар-технологиях», правительство республики национализировало ее имущество, после чего МТС вывезла из страны своих специалистов – граждан России [26]. Таким образом, Ашхабад временно прекратил взаимодействие с Москвой в сфере высоких технологий, что было чрезвычайно болезненно воспринято российским руководством. После этого контакты между главами государств и правительств двух стран оказались сведены к минимуму.

В мае 2011 года в Национальной туристической зоне «Авара» на туркменском побережье Каспийского моря состоялся Международный газовый конгресс, собравший многочисленных иностранных гостей. Обращаясь к участникам форума, Г.М. Бердымухамедов вновь призвал их увеличить инвестиции в энергетический сектор туркменской экономики, в первую очередь в строительство новых газопроводов, способных связать республику со всеми потенциальными импортерами ее топлива.

В августе 2011 года президенты России и Туркмении провели первый за несколько месяцев телефонный разговор. Они обсудили текущие вопросы двустороннего сотрудничества и наметили планы дальнейших контактов между своими государствами на различных уровнях [39]. Аналогичные сюжеты рассматривались ими во время сентябрьского саммита СНГ в Душанбе. При этом Г.М. Бердымухамедов поблагодарил Д.А. Медведева за «хорошее взаимодействие между Туркменистаном и Российской Федерацией» и вновь назвал нашу страну «великой державой» и «стратегическим партнером» Ашхабада [7]. Все это свидетельствовало о его готовности восстановить полноценные контакты с Россией.

В сентябре 2011 года в Ашхабаде прошел III Российско-туркменский экономический форум, организаторами которого выступили

Торгово-промышленная палата России, Торгово-промышленная палата и Союз промышленников и предпринимателей Туркменистана. Главным девизом форума стал девиз: «Новый уровень межрегионального сотрудничества — залог нового качества жизни народов России и Туркменистана», что и определило основную повестку дня его работы [2].

В октябре 2011 года Туркмения отметила 20-ю годовщину независимости. Д.А. Медведев направил Г.М. Бердымухамедову поздравительное послание, в котором, помимо традиционных оценок текущего состояния отношений между нашими государствами, содержалось положение о том, что сторонам следует уделять большее внимание поддержанию атмосферы взаимопонимания и взаимного доверия, поскольку именно это станет определяющим фактором на дальнейших этапах развития российско-туркменского сотрудничества [17]. Данные слова можно было трактовать как скрытое недовольство Москвы характером своего взаимодействия с Ашхабадом, установившимся в последние месяцы.

Призыв президента России был услышан туркменской стороной, и в декабре 2011 года Г.М. Бердымухамедов совершил рабочий визит в Москву и провел переговоры с Д.А. Медведевым в резиденции «Горки». Стороны обсудили основные проблемы торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества, а также перспективы председательства Туркменистана в СНГ. Несмотря на то что на переговорах царил атмосфера взаимопонимания, главы двух государств не пришли к каким-либо новым договоренностям и не подписали итоговых документов [6]. Москва отказалась увеличивать закупки туркменского газа, а Ашхабад продолжил настаивать на необходимости диверсификации своих газотранспортных путей.

В феврале 2012 года в Туркмении состоялись вторые в ее истории альтернативные президентские выборы. В них приняли участие действующий глава государства и еще семь кандидатов — высокопоставленные чиновники и руководители предприятий республики. Как и ожидалось, победу одержал Г.М. Бердымухамедов, за кандидатуру которого уже в первом туре проголосовало 97,1 % избирателей. Д.А. Медведев направил вновь избранному коллеге поздравительную телеграмму, в кото-

рой высоко оценил его достижения на посту президента и высказался за продолжение нашими странами «слаженной работы по активизации политического диалога, кооперации в торгово-экономической, инвестиционной и гуманитарной сферах... плотной координации действий в региональных и международных делах». В заключение российский лидер отметил, что «конструктивное сотрудничество в духе дружбы и партнерства отвечает интересам наших стран, служит миру и стабильности в Центральной Азии» [19]. Таким образом, программа дальнейшего развития российско-туркменских отношений, предложенная Д.А. Медведевым, сохранила полную преемственность принципов двустороннего сотрудничества, утвердившихся в предыдущие годы.

Свой первый официальный визит после повторного вступления в должность Г.М. Бердымухамедов совершил в Турцию. Это свидетельствовало о его намерении продолжить диверсификацию своей внешней политики, не уделяя приоритетного внимания развитию контактов с Россией. В ходе визита туркменский лидер не скупился на теплые слова в адрес принимающей стороны, заявив, что «Туркменистан и Турция — это два государства — одна нация» [13].

В марте 2012 года Г.М. Бердымухамедов встретился с президентом Азербайджана И.Г. Алиевым. По итогам проведенных консультаций стороны приняли решение начать строительство Транскаспийского газопровода — ветки, которая должна была пойти по дну Каспия и обеспечить экспорт туркменского топлива в Европу, минуя территорию России. Последнее было с тревогой воспринято Москвой, по-прежнему опасавшейся возможности превращения Ашхабада в ее конкурента на энергетическом рынке ЕС. Тем не менее в канун 20-летия установления дипломатических отношений между Россией и Туркменистаном и 10-летия подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между нашими странами от 23 апреля 2002 года Д.А. Медведев направил Г.М. Бердымухамедову очередное поздравительное послание, в котором приветствовал достижения в российско-туркменских отношениях, совершенные за последние годы, и выступил за их дальнейшее прогрессивное развитие по всем направлениям [16]. В апреле российская сторона приняла активное участие в проекте «Культурные столицы

Содружества – 2012», стартовавшем в туркменском городе Мары [4]. Все это свидетельствовало о продолжении Москвой и Ашхабадом активного разнопланового сотрудничества даже в условиях сохранения между ними противоречий экономического характера.

Подводя итоги, отметим, что период президентства Д.А. Медведева стал достаточно непростым этапом в современной истории российско-туркменских отношений. Несмотря на взаимопонимание, изначально установившееся между лидерами двух стран, Москве и Ашхабаду так и не удалось обеспечить выполнение большинства из ранее достигнутых ими договоренностей. С конца 2008 года у сторон стали возрастать взаимное недоверие и антипатия, в результате чего их отношения пережили несколько кризисов.

В то же время неблагоприятные тенденции в российско-туркменских отношениях

способствовали активному поиску сторонами новых принципов, направлений и форм сотрудничества. Благодаря этому в 2008–2012 годах их отношения подверглись комплексной реорганизации, окончательно избавились от перекосов предыдущих лет, главным из которых являлось упорное нежелание Ашхабада развивать какое-либо взаимодействие с Москвой за пределами энергетической сферы. В итоге за годы президентства Д.А. Медведева наши государства впервые вышли на уровень полноценного стратегического партнерства, их контакты заметно диверсифицировались и обрели прежде несвойственную им стабильность. При этом важно, что Россия и Туркменистан научились успешно, с наименьшими потерями, преодолевать возникающие между ними конфликты и сохранили общий курс на постепенное расширение и углубление своих связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бутрин, Д.** Туркмения настаивает на торгах с Россией [Текст] / Д. Бутрин // Коммерсант-daily. – 2009. – 1 июня.
2. **В Ашхабаде** пройдет третий туркмено-российский экономический форум [Текст] // Независимая газ. – 2011. – 28 сентября.
3. **В Ашхабаде** считают Россию своим стратегическим партнером [Текст] // Там же. – 2010. – 17 марта.
4. **В городе Мары** стартует проект «Культурные столицы Содружества – 2012» [Текст] // Там же. – 2012. – 23 апреля.
5. **Встреча** с Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/6150> (дата обращения: 01.04.2013).
6. **Встреча** с Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым [Электронный ресурс] // Там же. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/14111> (дата обращения: 01.04.2013).
7. **Встреча** с Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым [Электронный ресурс] // Там же. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/12552> (дата обращения: 01.04.2013).
8. **Габуев, А.** Китай начинает отбор туркменского газа [Текст] / А. Габуев // Коммерсант-daily. – 2009. – 25 июня.
9. **Гриб, Н.** Туркмения предпочла европейскую цену объемам экспорта газа в Россию [Текст] / Н. Гриб // Там же. – 2010. – 11 января.
10. **Гриб, Н.** Туркмения протянет Ирану газопровод [Текст] / Н. Гриб, О. Гавриш // Там же. – 2009. – 14 августа.
11. **Он же.** Туркмения нашла замену «Газпрому» [Текст] / Н. Гриб, О. Гавриш, С. Егикян // Там же. – 17 апреля.
12. **Он же.** Туркмения дрейфует к Nabucco [Текст] / Н. Гриб, Е. Миклашевская // Там же. – 25 апреля.
13. **Зарубежные СМИ** о визите Президента Туркменистана в Турцию [Электронный ресурс] // Гос. информ. агентство Туркменистана. – 2012. – 3 марта. – Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=888> (дата обращения: 01.04.2013).
14. **Заявления** для прессы по итогам российско-туркменистанских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2008/07/04/1728_type63377_type63380_203586.shtml (дата обращения: 01.04.2013).
15. **Куликов, С.** Туркменского газа хватит всем [Текст] / С. Куликов // Независимая газ. – 2008. – 15 октября.
16. **Медведев, Д.А.** Поздравление Гурбангулы Бердымухамедову с 20-летием установления дипотношений между Россией и Туркменистаном и 10-летием со дня подписания Договора о дружбе и сотрудничестве [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/14953> (дата обращения: 01.04.2013).

17. **Он же.** Поздравление Президенту Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедову [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Там же. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/13242> (дата обращения: 01.04.2013).
18. **Он же.** Президенту Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедову [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Там же. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/letters/5830> (дата обращения: 01.04.2013).
19. **Медведев** поздравил Бердымухамедова с переизбранием на пост президента Туркмении [Электронный ресурс] // Информ. агентство «Regnum». — 2012. — 15 февраля. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1499223.html#ixzz1tb59PMhv> (дата обращения: 01.04.2013).
20. **Наумов, И.** Россию теснят из Туркменистана [Текст] / И. Наумов // Независимая газ. — 2009. — 16 февраля.
21. **Начало** встречи с Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/06/202173.shtml> (дата обращения: 01.04.2013).
22. **Начало** рабочей встречи с председателем правления компании «Газпром» Алексеем Миллером [Электронный ресурс] // Там же. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/03/162153.shtml> (дата обращения: 01.04.2013).
23. **Начало** российско-туркменистанских переговоров [Электронный ресурс] // Там же. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6428> (дата обращения: 01.04.2013).
24. **Начало** российско-туркменистанских переговоров в расширенном составе [Электронный ресурс] // Там же. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5455> (дата обращения: 01.04.2013).
25. **Начало** российско-туркменских переговоров в расширенном составе [Электронный ресурс] // Там же. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9318> (дата обращения: 01.04.2013).
26. **Никаноров, С.** Сотовая связь по-туркменски [Текст] / С. Никаноров // Независимая газ. — 2011. — 1 апреля.
27. **Панфилова, В.** Ашхабад избрал прагматизм [Текст] / В. Панфилова // НГ-Дипкурьер. — 2009. — 19 октября.
28. **Она же.** Бердымухамедов презентовал Туркмению в Европе [Текст] / В. Панфилова // Независимая газ. — 2009. — 27 ноября.
29. **Поздравительное** послание Президенту Туркменистана по случаю национального праздника — Дня нейтралитета [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/9798> (дата обращения: 01.04.2013).
30. **Почему** произошла авария на САЦ-4 [Текст] // Коммерсант-daily. — 2009. — 13 апреля.
31. **Россия, Казахстан и Туркмения** подписали соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/themes/2007/12/154920.shtml> (дата обращения: 01.04.2013).
32. **Сергеев, М.** Китай оставляет газопровод Nabucco без газа [Текст] / М. Сергеев // Независимая газ. — 2009. — 17 декабря.
33. **Совместная** декларация Президента Республики Казахстан, Президента Российской Федерации, Президента Туркменистана и Президента Республики Узбекистан о развитии газотранспортных мощностей в регионе Центральной Азии от 12 мая 2007 г. [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2007/05/131059/155459.shtml> (дата обращения: 01.04.2013).
34. **Совместное** российско-туркменское заявление от 25 марта 2009 г. [Электронный ресурс] // Там же. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/03/214311.shtml> (дата обращения: 01.04.2013).
35. **Совместное** российско-туркменское заявление от 4 июля 2008 г. [Электронный ресурс] // Там же. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2008/07/203621/203615.shtml> (дата обращения: 01.04.2013).
36. **Соглашение** между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о торгово-экономическом сотрудничестве от 30 августа 2008 г. [Текст] // Бюл. междунар. договоров. — 2009. — № 2. — С. 68–70.
37. **Соловьев, В.** Президенты России и Туркмении преодолеют вместе 600 км [Текст] / В. Соловьев // Коммерсант-daily. — 2009. — 25 марта.
38. **Телефонный** разговор с Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/6343> (дата обращения: 01.04.2013).
39. **Телефонный** разговор с Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым [Электронный ресурс] // Там же. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/12350> (дата обращения: 01.04.2013).
40. **Туркмения** закупит более тысячи КамАЗов [Текст] // Независимая газ. — 2009. — 20 февраля.
41. **Туркмения** модернизирует топливно-энергетический комплекс [Текст] // Там же. — 2010. — 30 июня.
42. **Хроника** газового конфликта России и Туркмении [Текст] // Коммерсант-daily. — 2009. — 13 апреля.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МЕЩЕРЯКОВ Константин Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-42, (812) 534-10-06 (кафедра)
mesce@mail.ru

MESCERYAKOV Konstantin E. — *St. Petersburg State University, St. Petersburg State Polytechnical University.*
195251, Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
mesce@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 327

*А.К. Акопов, И.Л. Унтилова***МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА***А.К. Акопов, I.L. Untilova***MODEL OF GLOBAL E-GOVERNMENT****Аннотация**

В статье исследуется необходимость возникновения адекватных моделей политического порядка, характеризующих новый этап развития общества на базе информационных технологий. Анализируется феномен «электронное правительство». Введение электронного правительства не только на национальном, но и на глобальном уровне в виде модели нового мирового порядка обусловлено кризисом управляемости.

Ключевые слова

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, МИРОВОЙ ПОРЯДОК, МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА, ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Abstract

This article examines the need for equivalent models of political order, which characterizes the new stage of society development. We study the phenomenon of “e-Government” based on new information technology analyzes. E-Government implementation, not only at national but also at the global level as a model for the new world order, is determined by the crisis of control.

Keywords

INFORMATION SOCIETY, THE POLITICAL MODELING, WORLD ORDER, A GLOBAL MODEL OF THE WORLD, E-GOVERNMENT.

Хотя государство утрачивает монополию на международную акторность в условиях становления информационного общества, именно оно по-прежнему возглавляет переход к новому мировому порядку. В то же время эффективность управленческой деятельности государства в информационную эпоху напрямую связана с тесными взаимоотношениями с гражданами, частными компаниями, неправительственными структурами и т. д. В результате необходимости такого взаимодействия на базе новых информационных технологий формируется феномен электронного правительства, под которым подразумеваются «интернет-технологии, обеспечивающие информационное взаимодействие органов власти с населением и институтами гражданского общества» [1]. Концепция электронного правительства возникла в начале 1980-х годов в западной литературе и в настоящее время стала одной из центральных мировоззренческих установок мирового сообщества. По нашему мнению, именно электрон-

ное правительство может рассматриваться как одна из вероятных моделей нового мирового порядка в условиях информационного общества.

Консультационная компания «Gartner Group», основанная в 1979 году, является общепризнанным мировым лидером в области независимой аналитики информационных технологий и телекоммуникаций, разработки вопросов их стратегического планирования, развития и эффективного применения. Деятельность компании носит глобальный характер: она имеет 9 исследовательских центров и 80 представительств в различных странах мира. Число экспертов, постоянно работающих в компании, более 1000 человек. Клиентами ее являются 11 тыс. организаций во многих странах мира¹. Компания дает следующее определение: электронное правительство – это трансформирование внутренних и внешних отношений государственных организаций на основе ис-

¹ Более подробно о компании см.: www.gartner.com.

пользования возможностей Интернета, информационных и телекоммуникационных технологий с целью оптимизации предоставляемых услуг, повышения уровня участия общества в вопросах государственного управления и совершенствования внутренних процессов.

В этом определении присутствуют три элемента концепта электронного правительства:

- государственные услуги,
- вовлечение граждан в процессы государственного управления,
- внутренняя эффективность.

Переходя к характеристике данной модели, следует остановиться на проблеме определения самого термина «электронное правительство». В экспертном сообществе утвердилось мнение, что данный термин в первоначальном английском варианте (e-Government) слишком узок в его содержательном отношении, так как имеется в виду не только участие в современном управлении исключительно государственных исполнительных структур (government), но и всех ветвей власти на государственном уровне, а на международной арене не только государств, но и всех заинтересованных международных акторов. Таким образом, в случае электронного правительства следует говорить о двух уровнях его реализации: национальном и транснациональном. Исходя из данного утверждения, понятие «электронное правительство» получает различные трактовки:

- национальный уровень: электронное правительство представляется в форме организации «государственного управления на основе электронных средств обработки, передачи и распространения информации, предоставления услуг государственных органов всем категориям граждан (пенсионерам, рабочим, бизнесменам, государственным служащим и т. п.) электронными средствами, информирования теми же средствами граждан о работе государственных органов» [2]; развитие электронной инфраструктуры государственного управления в рамках концепта электронного правительства предполагает как количественные (создание сайтов государственных структур, насыщение госаппарата необходимой оргтехникой), так и качественные преобразования (автоматизация административно-управленческой деятельности, установка нового программного обеспечения или создание своих собственных внутренних

программных продуктов, перевод административной работы в сетевое пространство);

- транснациональный уровень: электронное правительство представляется в форме информационных взаимодействий государств, общества и бизнес-сообщества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и интернет-технологий, на основе чего создается корпоративная модель глобального управления; в результате происходят масштабные трансформационные преобразования мирового сообщества, где акцент делается на перераспределении зон приоритетной компетенции государственных и общественных структур, перенесение акцентов в экономике, политике и культуре.

Таким образом, основная идея электронного правительства на обоих уровнях сводится к повышению эффективности государства в его соуправленческих функциях совместно с обществом и бизнесом в условиях становления нового мирового порядка в эпоху информатизации.

Согласно концепции электронного правительства, его функциональные задачи сводятся к следующим позициям:

- на уровне взаимодействий «от правительства к правительству» (G2G): создание межведомственных сетей, корпоративных и государственных баз данных, реестров введения электронного документооборота и т. п.;

- на уровне «от правительства к населению» (G2C): предоставление сведений о свободных рабочих местах, выдача свидетельств о рождении, регистрация и голосование избирателей, медицинская информация и т. п.;

- на уровне «от правительства к бизнесу» (G2B): проведение государственных закупок, выдача лицензий и разрешений и т. п.

Необходимость введения электронного правительства не только на национальном, но и на глобальном уровне в виде модели нового мирового порядка обусловлена кризисом управляемости. Тип управления, который был характерен для прежней системы международного порядка, где межгосударственные отношения и связанные с этим международные управленческие принципы и задачи определялись исключительно национальными интересами, более не эффективен, так как объективно не соответствует пространственно-временным координатам информационного общества. Более

того, международное сотрудничество, о котором постоянно говорилось на протяжении всего XX века как о наиболее эффективном формате взаимодействия национальных государств на международной арене, зашло в тупик, чему свидетельством служат постоянная критика и низкая эффективность деятельности большинства международных межправительственных организаций (например, ООН, НАТО и др.). В результате возникает насущная необходимость в приведении в соответствие с новой информационной эпохой управленческих механизмов участников международной жизни в XXI веке. Так, новые пространственно-временные координаты современной информационной эпохи требуют существенной трансформации самих принципов взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества как на национальном, так и на транснациональном уровне. В этих условиях меняется роль гражданина, который «из объекта властно-управленческого воздействия превращается в компетентного потребителя услуг, предоставляемых корпусом государственных и муниципальных служащих, и одновременно становится полноправным участником процесса принятия политических решений как на местном, региональном, так и на общенациональном уровне» [3]. Что касается транснационального уровня, то и здесь личность становится одним из важнейших элементов системы управления и принятия решений (электронные референдумы, хакерские атаки на порталы госорганов разных стран, создание виртуальных государств, блогерская деятельность и т. д.).

На транснациональном уровне взаимодействие между государством, бизнесом и обществом осуществляется в различных формах:

- взаимодействие государств проявляется в форме международных отношений;
- взаимодействие бизнесов из разных стран осуществляется в форме международной торговли, международного разделения труда и во множестве транснациональных форм;
- международное взаимодействие (между гражданами разных стран) охватывает как неформальные формы (общение по скайпу, в чатах и социальных сетях и т. д.), так и формальные (создание некоммерческих организаций международного характера).

При этом важно отметить, что если прежде международное сотрудничество осуществлялось

сугубо в форме межгосударственных взаимосвязей, то в условиях нового мирового порядка информационного общества первенство осуществления транснациональных взаимодействий переходит к гражданам и бизнесу. Так, например, «государство не может напрямую общаться с бизнесами другой страны (даже в случае транснациональных корпораций — для этого в России, например, придуман институт представительства), а вот граждане могут напрямую взаимодействовать с бизнесами другой страны. Это происходит, когда, скажем, мы покупаем книгу через Интернет в магазине, расположенном в другой стране» [4]. Таким образом, в рамках нового мирового порядка по модели электронного правительства формируется множество центров управления, в роли которых в данном случае будут выступать не отдельные государства или бизнес с обществом, а национальные модели электронных правительств (например, электронные правительства России, США, Франции и др.).

Сегодня государственные проекты и программы типа «e-Country» существуют и реализуются на разных этапах практически во всех ведущих странах мира. «...В развитых странах происходит переход к третьему поколению средств взаимодействия, к Government Gateways, т. е. к тому, что можно называть „шлюзами одного окна“. Каждый этап, каждое поколение технологий приводит к повышению эффективности взаимодействия. Ценность проектов электронного правительства заключается именно в конкретной пользе для граждан и бизнеса — в сокращении издержек, в сокращении затрат времени граждан, времени и денег бизнесменов и в той добавленной стоимости, которую дают эти системы для общества» [Там же].

Рассматривая концепт электронного правительства как одну из моделей нового мирового порядка, по нашему мнению, надо исходить из ряда позиций, изложенных исполнительным директором неправительственной организации «Центр демократии и технологий» (CDT) Дж. Демпси. Они сводятся к трем стадиям становления системы электронного правительства.

Стадия «публичности» предполагает использование новейших коммуникационных технологий для расширения доступа граждан и институтов гражданского общества к интересующей их информации органов государственной власти и местного самоуправления.

Стадия «интерактивного участия» подразумевает обратную связь со стороны граждан с властью в виртуальном пространстве в виде комментариев по проектам законодательных актов и предложений, касающихся законодательных инициатив. Данная стадия может также включать в себя и создание дискуссионных интернет-форумов с участием граждан и представителей органов власти.

Стадия «онлайн-транзакций» предполагает предоставление услуг государственных и муниципальных учреждений через Интернет (например, оплату коммунальных платежей, заполнение налоговых деклараций и сбор налогов, регистрацию общественных объединений и т. п.). Среди возможных преимуществ от таких нововведений следует назвать упрощение бюрократических процедур и значительное сокращение сроков при оформлении необходимых документов, сокращение масштабов коррупции и соответственно рост доверия граждан к институтам власти.

Возвращаясь к анализу транснационального уровня электронного правительства, следует отметить, что национальные электронные правительства, выходя на международный уровень, нуждаются в выработке общих правил взаимодействия и кодификации национального законодательства с международными правовыми документами, нормами и принципами в таких областях, как:

- морское право;
- правила дорожного движения, перевозки грузов и пассажиров на автодорогах;
- нормы и правила воздушного сообщения;
- нормы и правила железнодорожного сообщения;
- законодательство в сфере коммуникаций и информации, прежде всего мобильной связи, Интернета, рекламы [5].

Так, ряд международных организаций уже занимается стандартизацией форматов документов для разных форм межгосударственного взаимодействия. В качестве примера можно привести успешный опыт Европейской экономической комиссии ООН (United Nations Economic Commission for Europe), которая разработала стандарт документов для международной торговли – UNeDocs, базирующийся на XML. Согласно этому документу, участниками обмена могут быть таможенные службы различных государств.

Таким образом, концепция электронного правительства предполагает не только участие в современном управлении исключительно государственных исполнительных структур (government), но и всех ветвей власти на государственном уровне, а на международной арене не только государств, но и всех заинтересованных международных акторов. Следовательно, в случае электронного правительства следует говорить о двух уровнях его реализации: национальном и транснациональном.

Необходимость введения электронного правительства как на национальном, так и на глобальном уровне в виде модели нового мирового порядка обусловлена кризисом управляемости. Прежний тип управления уже не эффективен, поскольку не соответствует пространственно-временным координатам информационного общества.

В настоящее время государственные проекты и программы типа «e-Government» реализуются практически во всех ведущих странах мира. В результате в рамках нового мирового порядка по модели электронного правительства формируется множество центров управления, в роли которых будут выступать не отдельные государства или бизнес с обществом, а национальные модели электронных правительств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Магова, А.А.** Мировой опыт использования электронного правительства [Электронный ресурс] / А.А. Магова. – Режим доступа: ich.tsu.ru/Grants/Conferences/MFU/01Sect/Matova1.doc.
2. **Голобуцкий, А.** Электронное правительство [Электронный ресурс] / А. Голобуцкий, О. Шевчук. – Режим доступа: <http://golob.narod.ru/egovperru.html>.
3. **Грачев, М.Н.** Демократия: методология исследования, анализ перспектив [Текст] / М.Н. Грачев, А.С. Мадатов. – М.: Алкигамма, 2004. – 128 с.

4. **Агамирзян, И.Р.** Мировой опыт реализации концепции электронного правительства [Электронный ресурс] / И.Р. Агамирзян. – Режим доступа: <http://open-gov.ru/2010/10/05/mirovoy-opyt-egov/>.

5. **Проектные** идеи и предложения по электронному правительству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.redshift.com/~alevintov/2011/sep/pro.html>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АКОПОВ Артак Каренович — программист *Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-10-24
art@akbt.ru

АКОРОВ Artak K. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
art@akbt.ru

УНТИЛОВА Ирина Леонидовна — аспирант *кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-42, (812) 534-10-06 (кафедра)
UntilovaIL@mail.ru

UNTILOVA Irina L. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
UntilovaIL@mail.ru

Философские и культурологические исследования

УДК 122

С.Г. Иванов

НОМИНАЛИЗМ КАК ИДЕЙНАЯ ОСНОВА РЕФОРМАЦИИ

S.G. Ivanov

NOMINALISM AS IDEOLOGICAL BASIS OF REFORMATION

Аннотация

Анализируется влияние средневекового номинализма на изменение религиозных представлений Мартина Лютера. Раскрываются мировоззренческие предпосылки Реформации, протестантизма, религиозно мотивированного профессионализма и предпринимательской этики.

Ключевые слова

РЕФОРМАЦИЯ, ПРОТЕСТАНТИЗМ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЭТИКА, НОМИНАЛИЗМ.

Abstract

Influence of medieval nominalism on change of religious representations of Martin Luther is analyzed; world outlook preconditions of the Reformation, Protestantism reveal, is religious motivated professionalism and enterprise ethics.

Keywords

REFORMATION, PROTESTANTISM, ENTERPRISE ETHICS, NOMINALISM.

Одна из наиболее трудных задач, стоявших перед схоластами в XIII веке, заключалась в обосновании мира природы как предваряющей ступени мира благодати. Только связав природу и благодать в иерархически выстроенную целостность, теология могла стать полностью завершённой системой и подтверждением того, что церковный порядок является наилучшим и закономерным завершением порядка естественного. Частично эту задачу разрешил св. Фома. В его системе отношение естественного миропорядка к церковному оказалось равносильным отношению средства к цели или замысла к его реализации. Благодаря этому с природы снимались подозрения в ее греховности, а также рассеивались прежние сомнения относительно пригодности наследия Аристотеля для целей христианского вероучения.

Учение Аквината было одобрено официальным католическим Римом, но в рамках схоластики его разделяли далеко не все. Так, св. Бонавентура, будучи генералом францисканского ордена, остававшегося главной твердыней августиновской традиции (а значит, и платонизма), видел в аристотелизме, на который опирался св. Фома, течение, враждебное христианству. Его последователь Матвей Акваспарта (ок. 1235–1302) открыто выступил против томизма с августиновских позиций. Он считал, что францисканцы должны проложить собственный, средний путь между Платоном и Аристотелем. Знание, указывал Акваспарта, зависит от низших и высших факторов, от внешних предметов и идеального разума [6, с. 559].

Весьма вероятно, что на отношении францисканского ордена к томизму сказалось его

давнее соперничество с доминиканцами, к числу которых принадлежал и св. Фома. Большинство францисканцев просто отказалось признавать его авторитет. Однако на уровень концептуальных расхождений это неприятие вышло благодаря деятельности Иоанна Дунса Скота (ок. 1270–1308). Его полемика с учением Аквината в некотором смысле предвосхитила идейную оппозицию Гегеля и Шопенгауэра в XIX веке.

Отрицание Дунсом Скотом разницы между сущностью и существованием, которая имела столь большое значение в томистской теологизированной метафизике, однозначно указывает на его склонность к номиналистической трактовке бытия. Но Дунс Скот *пока еще* не номиналист в чистом виде. Он под стать Абельяру «блуждает» между реализмом и номинализмом. В частности, Дунс Скот не отрицает наличия общего в вещах, однако его общее уже не универсалия, т. е. не то «общее, которое сказывается о многом, но то общее, для которого не является несовместимым пребывание в другом [субъекте], нежели тот, в котором оно есть» [5, с. 617]. Природе, считал Дунс Скот, присуща не универсальность, а общность сама по себе или *коммунальность*, т. е. в ней что-то постоянно взаимодействует с чем-то. Причем это взаимодействие имеет направленный характер движения: от общего к индивидуальному, от абстрактного и потенциального к конкретному и актуализировавшемуся.

С чисто формальной стороны критика Дунсом Скотом томизма не выходила за границы, очерченные для схоластики религиозной идеологией. Однако А.Ф. Лосев, анализируя деятельность францисканского философа, имел все основания, чтобы заметить: «Вот уж если кто является ниспровергателем традиционного в Европе мнения, что в средние века философия была служанкой богословия, так это именно Дунс Скот» [3, с. 171]. Причем важно понимать, что осуществленное им отделение философии от теологии оказалось знаковым совсем не по причине превращения знания в самостоятельную область, независимую от веры. За внешним фактом от внимания исследователей как-то ускользает отчетливо проявившаяся и вскоре ставшая доминирующей в искусстве, науке, политике, экономической и производственной сферах сугубо номиналистическая

тенденция к *разделению и обособлению всех явлений*, каждое из которых признавалось как бы наделенным своей собственной автономной сущностью. Связанная с этим тотальная индивидуализация бытия, замыкаясь на конкретной вещи и на конкретном индивидууме, вела к важным мировоззренческим выводам, безоговорочно менявшим нравственные ориентиры, поддерживаемые томизмом. Человеку больше не нужно было стремиться к соответствию с идеалом. Он сам в себе являл «венец творения» и окончательное завершение всех начал. Развитие от низшего к высшему теряло смысл, а прежнее направление от человека к Богу должно было уступить обратному: от Бога к человеку. В философском отношении это означало возвращение к принципу эманации, а через него — все те пантеистические тенденции, которые со временем подготовили замену духа Божьего в человеке духом свободы и равенства.

Уже очень скоро фактические последователи Дунса Скота подвергли его философию критике и записали в один ряд с томизмом как некий пережиток или «древний путь» (*via antiqua*), которому противопоставлялся «путь новый» (*via moderna*). Этим путем следовали теперь не только францисканцы, но и доминиканцы, а также схоласты, не принадлежавшие к этим орденам, и некоторые светские представители философии и науки. Началом, объединяющим всех их, стало безоговорочно *номиналистическое* понимание проблемы универсалий. Идейный Рубикон был перейден! Однако при всем этом именно учение Дунса Скота по праву может считаться тем поворотным пунктом, после которого схоластика превратилась из средства теоретической поддержки католической веры в инструмент ее разрушения. Оккам и латинские аверроисты лишь довели до логического предела тенденции, появившиеся до них. Расщепление целостности бытия на формально связанные между собой самодостаточные единицы, наряду с рассмотрением деятельности Бога в сугубо волюнтаристском ключе, прямо выводило европейское сознание на путь Реформации. Джон Виклиф (ок. 1320–1384), впитавший идеи Дунса Скота через оксфордского теолога Томаса Брэдвордена (ок. 1290–1349), Ян Гус (1369–1415) и Джироламо Савонарола (1452–1498) были только началом. Неодоказуемость догматов вероисповедания, и прежде все-

го главного из них — догмата о существовании Бога, выразилась в полной *иррационализации* богословия. Ему оставалось опираться исключительно на документы Священного Писания, авторитет которого был уже в немалой степени поколеблен.

Рожденную томизмом и воспринятую Возрождением уверенность во всемогуществе человека-творца, являющегося проводником воли Бога на земле, незаметно заменило восприятие его как исключительно слабого существа. Именно слабость человека превратила выполнение им предписаний морали в тяжкую и нерадостную обязанность перед Всевышним. Избавить человека от наказаний, а также теми или иными способами облегчить ему бремя нравственного долга как раз и бралась Римско-католическая церковь. По сути, она сама подсказывала верующим мысль, что греха не нужно бояться, если он может быть искуплен. Мартину Лютеру (1483–1546) оставалось лишь опереться на эту идейную платформу и развить на ее основе собственное учение.

История того, *как* это происходило, известна достаточно хорошо. Собственно философский интерес представляет лишь вопрос о сущностном измерении начатой Лютером Реформации. Дело в том, что сам он не создавал какого-либо специального учения о бытии, подобного тому, на которое опирался св. Фома. В то же время у Лютера было достаточно целостное и взаимосвязанное представление о Боге, вере и человеке, что косвенно указывает на общую для этих представлений идейную базу — онтологию. Можно предположить, что Лютер не останавливался на ней специально, потому что воспринимал как нечто самоочевидное и не требующее дополнительных разъяснений. Однако в связи с этим среди философов до сих пор нет единой точки зрения на то, какие принципы следует считать определяющими в совершенной Лютером революции: связанные с реализмом или все-таки номиналистические. Между тем их раскрытие не просто важно, но имеет ключевое значение для объяснения последующего развития всей западной цивилизации.

Идейное размежевание обусловлено главным образом оценкой внешней стороны Реформации и ее итогов. Существовала такая точка зрения: поскольку протестанты так и остались людьми, верующими в Бога — в *общее*, к тому

же в самом протестантизме подчас обнаруживались рецидивы католического вероучения (*ниетизм*), значит, его нужно считать обычным *ответвлением* христианства, базирующимся на общей с ним реалистической основе. В пользу этого вывода свидетельствует и обращение вдохновителей Реформации к идеалам первоначальной апостольской церкви, и признание ими идеи творения, и пуританский фанатизм, напоминавший жертвенность первых христиан, и мн. др.

Однако наряду с фактами, как бы подтверждающими «реализм» Реформации, существуют факты, отрицающие его. В связи с этим нужно признать, что религиозность сама по себе не может считаться надежным критерием для определения идейной позиции. Верят по-разному! Ведь и Оккам был человеком *по-своему* верующим и даже богословом, но никто не станет оспаривать, что при этом он был еще и однозначным, можно сказать, законченным номиналистом.

Также и само возникновение протестантизма не из принятия евангельского Благовестия (что, действительно, свидетельствовало бы о безотчетном *реализме*, рассматривавшем понятие как самодостаточную истину), а лишь из оппозиции к католическому вероисповеданию, со всеми сопутствующими ему крайностями и пороками, однозначно указывает на номиналистическую природу явления. Тут все просто: если не реализм, то номинализм. *Tertium non datur!* Причем наиболее полно правоту этого утверждения как раз и демонстрировали теологические и религиозно-философские учения реформистов.

Формальные основы протестантской идеологии были заложены в учениях немецких теологов Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона (1497–1560), швейцарцев Ульриха Цвингли (1484–1531) и Жана Кальвина (1509–1564), а также в работах их многочисленных последователей. Все они ратовали за «очищение» христианства и за возвращение к «истокам» (*Ad fontes — lat.*) — к тому первоначальному и бесхитрому вероучению, которое проповедовали апостолы. В противовес сложившейся в католицизме церковной практике возможности к осуществлению этой задачи виделись в восстановлении авторитета Библии (особенно Нового Завета). Священное предание (т. е. вся

совокупность папских постановлений, решений курии и церковных соборов) должно было быть сверено со Священным Писанием.

Однако это простое и, как вначале полагалось, самоочевидное решение отягчалось аллегоричностью библейских текстов, сложностью и неоднозначностью их понимания. Функция выработки единой и общезначимой католической доктрины не случайно принадлежала Римской церкви, объявившей себя в лице папы носительницей абсолютной истины. Поддержание веры в это являлось действенным средством преодоления ересей и, таким образом, в течение столетий гарантировало внутреннюю сплоченность католицизма, способствовало объединению вокруг него людей, вселяло им надежду на *общее* спасение.

К тому же через отстаивание исключительного права на объяснение текстов Священного Писания католическая церковь фактически воспроизводила свою важнейшую онтологическую установку. Выработанное реализмом понимание понятия как словесного указания на *реально существующий идеальный предмет* или *пробраз* подразумевало точное соответствие между обозначающим и обозначаемым. Понятию должен отвечать только единственный смысл. К примеру, *совесть* — это не «комплекс» и не «предрассудок», но именно *голос Бога, напоминающий человеку о его долге и осуждающий за несправедные поступки*. Никакие вольности здесь недопустимы. Человек, подобно ребенку, должен следовать велениям матери-Церкви, любящей своих чад, но строго наказывающей заслушание.

Протестанты справедливо указывают на то, что Реформация возвысила достоинство человека, выступила в защиту его личности и свободы совести, признала право самому выбирать и строить формы общения с абсолютным. Начало же всему этому положило право самостоятельного толкования Библии, провозглашенное Лютером. Признав католическую церковь заблудившейся и порвав с ней¹, немецкий ре-

¹ Неприятие Церкви как скомпрометировавшего себя социального института у Лютера было столь велико, что применительно к основанному им религиозному направлению он предпочитал вовсе не употреблять слово «Kirche», заменяя его «собранием» (Sammlung) или «общиной» (Gemeinde).

форматор покончил и с половинчатостью всех предреформационных движений, решительно отвергавших «римские злоупотребления», но не отваживавшихся покуситься на идею непогрешимости самой церковной организации и ее «сверхприродного», «Божественного» происхождения. От Бога лишь Библия, доказывал Лютер, мудрость которой несоразмерна человеческой мудрости. «Богооткровенное» содержание Священного Писания стирает все различия между экстраординарными и обычными способностями, между умом ученойшего схоласта и умом простолюдина. Перед высшей истиной никто не может быть выше или ниже. Истина в равной мере открыта *всем* людям на страницах Библии.

Сообразно такому представлению в 1519 году Лютер отказался от средневекового учения, согласно которому тексты Святого Писания не могут быть поняты вне санкционированного официальной Церковью толкования. Ни постановления соборов, ни сочинения Отцов и Учителей Церкви не обладают для этого каким-либо самостоятельным авторитетом. Лишь само Писание как «*norma normans*» (нормирующее норму. — *лат.*) способно наделять их вероучительным и нормативным смыслом.

С другой стороны, столь же недопустимо объявлять кого-либо еретиком за своевольную интерпретацию Библии, если только она не опровергнута «очевидными разумными доводами». Фундаментальное положение католицизма о сословно-кастовом разделении людей на священников и мирян Лютер объявил ложным и противоречащим Евангелию. Каждый христианин правомочен быть не только толкователем, но и проповедником Божьего слова, отправлять обряды и таинства. Этим шагом была создана новая традиция, ставившая утверждение непререкаемости авторитета Священного Писания в зависимость от суждения о нем любого из верующих. Уже здесь отчетливо проявилась идея равнодостоинства людей. Выражаемая пока еще теологическим языком, она была созвучна концепциям выборной власти и идеалам сословного равенства.

Взрывая церковные устои, Лютер был уверен, что тем самым убирает преграду, стоящую между человеком и Богом. Для искренней и чистой религиозной веры не нужен пышный, но бесполезный церемониал, придуманный ка-

толицизмом. Вера должна сохраняться в сердце, поддерживать же ее должны не внешние уловки и доходящее до фетишизма поклонение реликвиям, а единственное желание верить.

Этот пункт был самым сложным для Лютера, поставившим его на грань духовного кризиса. Вера нуждается в основаниях, но ни как монах, ни как дипломированный богослов Лютер таких оснований не находил. Выдвинутое Ансельмом онтологическое доказательство им отвергается. Земная жизнь Иисуса и особенно его смерть противоречат понятию совершенного существа, из которого оно черпается. Равным образом Лютер (как и позднее Кант) указывает на ограниченность космологического и телеологического доказательств бытия Бога. Оба они базируются на идее совершенства мира, что, в свою очередь, является подтверждением совершенства Творца (в одном случае как Первопричины, в другом — как Верховного устроителя). Однако само совершенство мира не есть что-то безусловное. Оно зависит от определенной психологической установки и воспринимается лишь тем, кто заранее, не прибегая к ухищрениям схоластики, считает мир творением Бога, в силу чего он не может быть несовершенным. Только посредством такой настроенности игнорируются все те свидетельства «естественного знания», которые говорят об обратном. Но Лютер видит, что мир сам по себе, рассматриваемый непредвзято и без опоры на разум, отнюдь не подтверждает существования Бога. Он вовсе не указывает человеку на Творца, но скорее скрывает его. Любить мир как творение Бога можно только *вопреки* «естественному знанию» о бренности всех природных вещей, безоговорочно приняв на веру Слово Божественного откровения.

Невозможность как-либо определить понятие Бога превращает его в полную непознаваемость. Отсюда любая попытка исследовать, *что* есть Бог, или хотя бы доказать, что он вообще *есть*, объявляется Лютером ложной. Человеку дано знать о Всевышнем лишь то, что он сам пожелал приоткрыть человеку через Священное Писание. Истинность последнего определяется не разумом, а Христом и верой, поэтому Писание, в принципе, не может быть рационально доказано или опытно подтверждено. Понятное в его текстах следует понимать, непонятное — принять, руководствуясь

безоговорочным доверием к Божьему Слову (принцип *sola Scriptura* — «только Писанием»). Таким образом, вера и понимание оказываются единственными посильными для человека способами отношения к Богу.

Лютер не единожды признавал, что не испытывает в сердце требуемой веры, подчас — в 1507—1508 годах — доходил почти до богоборчества, но вместе с тем Бог был нужен Лютеру как необходимая составляющая той идейной позиции, которую он отстаивал. Именно умеренный номинализм (с ним Лютер познакомился в Эрфуртском университете) ориентировал его на то, что наличествующие в вещах сущности и смыслы должны находиться в каком-то соответствии друг с другом. Условием же такого соответствия должно быть присутствие некоей универсальной сущности и некоего универсального смысла. Показательно, что эта установка достаточно близка той, которую на заре христианства вынуждены были принять апологетики для преодоления скепсиса по отношению к новой вере не только извне, но и внутри себя.

Сквозь единичность и обособленность всего существующего нельзя найти ничего общего; ничего, что позволило бы подвести многообразие явлений под единый исходный принцип. Тем не менее, необходимость этого принципа диктует разуму царящая в мире несправедливость. Поэтому-то первые христиане и отказывались признавать за физическим миром какую-либо объективную действительность, передав эту действительность миру идеальному, т. е. тому, который должен соответствовать самому понятию в высшей степени совершенного мира. Этим *понятие* и *действительность* практически уравнились между собой, что и обеспечило почву тому *идейному реализму*, на котором Августин Блаженный впоследствии воздвиг свое учение о Граде Божьем, а Ансельм Кентерберийский занялся разработкой онтологического доказательства.

Здесь и обнаруживается главное различие. Хотя протестанты и полагали себя продолжателями раннего христианства, они отвергали не мир как таковой — действительность мира у них не вызвала сомнений. Протестанты отвергали то объяснение Бога, мира и человека, которое предлагалось католицизмом. Взамен протестанты выдвигали собственные, отличные от

прежней христианской традиции объяснения. Поскольку все величественное здание католического вероучения выросло именно из *реализма*, соответственно все усилия Реформации следует понимать как борьбу с реалистической трактовкой бытия и базирующейся на ней системой ценностей.

Связь человека с Богом осмысливается христианством прежде всего через идею спасения. При этом католики уверены, что отделяющая человека от Бога вина грехопадения не абсолютна. Данное понимание опирается не на догматическую, а на историческую основу. Оно стало результатом так называемого «пелагианского спора», начатого Августином и Пелагием в V веке и в завалуированной форме продолжившегося спустя тысячелетие в поздней схоластике между «Via moderna», фактически принявшей позицию еретика Пелагия, и «Schola Augustiniana moderna»², отстаивавшей концепцию св. Августина.

Согласно св. Августину, грех не является результатом вольного выбора. Человечество заражено им с момента своего появления. Самостоятельно преодолеть последствия грехопадения оно не в состоянии. Поэтому снять с людей вину за первородный грех мог только Творец. Пришествие в мир Христа как раз и было высшим искуплением и *извне* явленной людям Божьей благодатью. То есть средство к спасению человечества оказывалось заключенным в Боге. Именно от него, а не от человека исходит процесс спасения.

Пелагий, напротив, учил, что средства к спасению целиком находятся внутри человека. Люди способны спасти себя сами. Для этого от них требуются добрые дела и поступки, которые накладывают на Бога определенные обязанности. Равным образом и идея благодати понималась Пелагием как своего рода встречные требования, выдвигаемые Всевышним перед человечеством, к примеру в форме Десяти Заповедей. Таким образом, пелагианская трактовка отношения людей с Богом фактически сводилась к юрицизму римского права.

² Родоначальником направления считается Григорий Риминийский, состоявший в том же религиозном ордене отшельников св. Августина, к которому позже примкнул М. Лютер.

Основной же критерий выбора между пелагианским «спасением по заслугам» и августиновским «спасением по благодати» заключался в понимании человека и его возможностей. Св. Августин видел в людях прежде всего *слабость* и потому ставил дело их спасения в полную зависимость от Бога. Пелагий делал акцент на *силе* и *самодостаточности* человека, вследствие чего Бог сводился у него к формально-указующему принципу того, *что нужно сделать* для достижения спасения (требование *внутреннего* изменения при этом не являлось обязательным). Соответственно в одном случае спасение выглядело как незаслуженный *дар Бога* (распространявшийся, впрочем, не на всех — из чего неизбежно должно было появиться учение о «предопределении»), а в другом оно превращалось в законную и потому *обязательную* награду.

В ходе последовавшей дискуссии возобладали взгляды св. Августина, признанные подлинно христианскими. Их нормативность закреплялась решениями Карфагенского (418) и Второго Оранжевого (529) соборов. В свою очередь, пелагианство было объявлено еретическим. Однако с течением времени учение св. Августина оказалось весьма выхолощенным (особенно в той части, где говорилось, что спасены будут *только избранные*). В немалой степени этому способствовало влияние рационалистически мыслящей идеологии томизма, доказывавшей познаваемость Бога, а через это — и возможность *общего* спасения. Поэтому, когда Лютер начинал Реформацию, у него имелось достаточно оснований как для того, чтобы призвать верующих вернуться к августиновской доктрине, так и для прямого обвинения католицизма в том, что он отошел от идеи Божьей благодати и стал полагаться исключительно на человеческие силы и способности.

Надо признать, что в деятельности Римско-католической церкви все отчетливее угадывались элементы отвергнутого и осужденного пелагианства (хотя богословами «Via moderna» это и отрицалось). Причем с *определенной* точки зрения данное обстоятельство даже как бы не противоречило учению св. Августина. Поскольку зло, по мысли почтенного Отца Церкви, — это *недостаток* добра, то и грех можно понимать как досадный промах, нарушающий течение благочестивой жизни, а значит, он вполне искупается путем выполнения какого-ли-

бо из предусмотренных Церковью покаянных установлений или «добрых дел». Продолжительность искупления зависит от тяжести человеческих грехов. Во власти Церкви определять достоинство искупающих действий, заменять одни благочестивые поступки другими, допускать вместо покаяния его эквивалент или вообще отменять наказание, к примеру за какой-то дар или подношение. Таким образом, покаяние как условие искупления греха незаметно превращалось в предмет торговой сделки, опять же не имевший никакого догматического обоснования.

Осознание этого факта заставило Лютера задуматься как над сомнительностью того пути спасения, на который указывала верующим католическая церковь, так и над самой необходимостью ее посредничества. Нет и не может быть иной благодати, кроме исходящей непосредственно от Бога. Его примирение с человеком уже было осуществлено Иисусом Христом, сполна уплатившим за род людской весь долг. Человек был искуплен им *полностью* — и как плоть, и как дух. Значит, и никакого дополнительного удовлетворения, на котором настаивает католицизм, не требуется. Лютер называет учение о нем «дьявольским» и всячески доказывает, что спасение посредством «добрых дел» не более чем обман³. В понимании Лютера, Богу нет нужды проводить различие по делам. Судить он будет не дела, а людей. Следовательно, добрые дела — это не мотив и не причина для оправдания, а его плод — естественный результат оправданности, возможный только после духовного преображения и означающий благодарность Богу за прощение.

³ Развитие этого положения вылилось в широкую программу упразднения всех признанных излишними предписаний Церкви. В частности, из семи Священных таинств реформисты сохранили лишь два: крещение и причастие. Показательна аргументация Лютера против церковных священнодействий — для него это не более чем магия, направленная на подчинение Божьей воле воле человеческой. Позднее радикальные пуританские секты придут к полному отрицанию всех «магических средств» спасения. Объявив их «суеверием», Реформация начнет тот религиозно-исторический процесс, результатом которого станет устранение магического мироощущения. Осуществится, как выразился Макс Вебер, «расколдовывание мира» (*Entzauberung der Welt* — нем.).

Когда в 1512 году будущий реформатор обратился к трудам св. Августина, его буквально ошеломило представление о Боге как о сверхъестественной силе, не подчиняющейся никаким (в том числе и собственным) законам и произвольно определяющей людей к спасению и проклятию. Принципиальная недоступность Бога познанию, дополненная уже не *творчески-открывающим*, как в томизме, а *волюнтаристским* пониманием его сущности, свидетельствовала о том, что *единой для всех*, рационально просчитанной схоластами дороги к Богу не существует. Из непредсказуемости Божественного выбора неумолимо следовал вывод, что никому (включая Церковь) не известно, чего хочет Бог, какие из дел он посчитает «искупительными» и какое их количество будет являться достаточным.

Один Бог знает, кто будет спасен, а кому гореть в геенне огненной. Этот выбор совершенно произволен и беспредпосылочен, из чего Лютеру становилось понятно, что, если человек фактически уже от века принадлежит либо к спасенным, либо к проклятым, вопрос спасения перед ним вообще не стоит. Как и указывал св. Августин, человек слаб. Он принципиально не способен быть нравственным и хотеть добра, т. е. цели Бога и человека различны. Человек виновен перед Богом от рождения по причине абсолютной греховности всего колена Адамова. У него нет заслуг, которые можно было бы положить на весы Божественной справедливости. Спаситься самостоятельно и достичь святости человеку не по силам. Однако вечная жизнь уже возвещена и обещана ему через смерть Спасителя и его воскресение. Человеку остается только *поверить в спасение* (принцип *sola fide* — «только через веру и без дел душа оправдывается Словом Божьим») — поверить твердо и безоговорочно, полагаясь не на свои личные заслуги, но на *безвозмездно* даруемое Богом прощение (принцип *sola gratia* — «только благодатью»). Отпуская человеку грехи, Бог взамен требует от него лишь такого же безвозмездного почитания и служения.

Но как человеку практически удостоверить, к какому уделу он предопределен? Лютер считал, что в системе взаимоотношений между человеком и Богом никакой неопределенности быть не может. Формально отвергнув юрицизм со стороны католической церкви, на деле Лютер лишь видоизменил его, приведя в

соответствие со своим учением. Спасение — это своего рода *договор*, согласно которому каждая из сторон несет определенную ответственность за принятые обязательства. Христианин должен быть уверен, что соблюдение всех предъявляемых к нему Богом условий является действительной гарантией вечной жизни и никаких дополнительных обязательств от него уже не потребуется. В противном случае сама идея спасения просто утратила бы всякий смысл.

Относительно себя Лютер, как ему казалось, нашел решение проблемы. Размышляя над вопросом предопределенности, он обратился к евангельскому сюжету распятия. Христос, Сын Божий — разве не он по праву мог бы считаться избранным из избранных? Как же тогда случилось, что ему наравне с преступниками выпало быть осужденным на мучения и позорную казнь? По свидетельству евангелиста Матфея, Христос впал в отчаяние, когда Бог Отец оставил его. Но после смерти он воскрес! Не следует ли в таком случае понимать ощущение полной безнадежности всех усилий, хорошо знакомое самому Лютеру, предвестием избранности?

Однако, решив вопрос своего личного спасения, Лютер должен был указать критерии его решения для других. При этом он сам оставался на позиции, что общего пути к Богу не существует (ведь общее — это то, что находится в компетенции разума, Бог же *внезаумен*). В то же время полностью обойтись без такого общего было бы невозможно — хотя человек и идет к Богу *самостоятельно*, поводырем для него *всегда* выступает вера. Для Лютера это сугубо личностная категория. Ее основой является *индивидуальное* волевое усилие. С одной стороны, воля подчиняет скептический разум, с другой — определенным образом *дисциплинирует* саму чувственную потребность верования, чтобы последняя не переросла в *суеверие*, но, соединившись с другими схожими потребностями, выразила себя в *религии*. Таким образом, лютеранство безоговорочно оказывалось одной из практических форм *умеренного номинализма*, признававшего общее лишь в проявлениях частного и направлявшего рассуждение великого реформатора во вполне конкретное русло.

В чем смысл веры? Для чего человек облагодетельствован способностью *верить*? Для того, полагал Лютер, чтобы его душа была открыта Божественной благодати. Рассуждая над

словами апостола Павла о спасительном значении веры, он приходит к мысли, что честность и совестливость не могут целиком принадлежать человеку. Это величайший небесный дар. Бог помнит о человеке и помогает ему найти правильную дорогу. Верой он как бы изменяет человека и дарует ему новое рождение. Не через что-то внешнее, а именно через веру человек делается подобен образу Божьему. Очень часто люди из гордыни склонны приписывать себе те или иные заслуги, но — «*Deo Soli Gloria*» («Только Богу слава») — само их благочестие невозможно без милостивого содействия Всевышнего. От него оно исходит и к нему должно возвращаться. Так, при помощи совести (которая есть «глас Божий» в человеке) люди прозревают свое несовершенство. Тот же, кто преодолел гордыню и самодовольство, кто правдив и требователен к себе, уже не безнадежен для спасения и не имеет оснований числить себя среди *проклятых* и предопределенных к гибели. Это очень важный момент, отличающий лютеровское *«sola fide»* от католического оправдания *добрыми делами*.

Посредством веры Лютер дал человеку возможность «общаться» с Богом независимо от священника или Церкви, напрямую испрашивая его о себе и своем предназначении. Человек сам для себя стал пастырем. Бог же превратился в лютеранстве из высшего и трансцендентного существа в нечто близкое и конкретно-индивидуальное («чтобы Он мог быть не просто [абстрактным] Христом, но Христом для вас и для меня, и чтобы то, что сказано о Нем, и то, что заключается в Его имени, могло быть действующей силой внутри нас» [4, с. 36–37]). Благодарность и *доверие* к Богу — вот главные стимулы реформиста, уверенного, что Бог всегда рядом⁴; бесконечно возвышаясь над творением, он все же входит с ним в непосредственную связь как Дух Святой, готовый подсказать и направить. По замечанию С.А. Исаева, занимав-

⁴ Последователи Лютера не стремились к точному следованию его доктрине и давали свои толкования, главной особенностью которых являлась все та же легко угадываемая номиналистическая подноготная. Так, Андреас Осиндер полагал, что Бог непосредственно *пребывает внутри верующего* и, таким образом, спасение происходит через соединение Божественной природы с человеческой («*сущность в вещи*»).

шегося исследованием протестантского модернизма, «вера для Лютера выступала отнюдь не как некоторое психологическое состояние или эмоциональная готовность (в духе позднейших либеральных теологов). Вера понимается здесь как напряженное *вслушивание* человека в глубины своего „Я“, вслушивание, необходимое для решения кардинального вопроса – лежит ли на нем милость Божия как единственная гарантия личного спасения» [2, с. 54].

С этой точки зрения протестантская вера была более тверда и деятельна, чем не изменяющая человека изнутри искупительная практика католицизма. Даже неистовый Савонарола, которого Лютер признавал непонятым и непризнанным католическим святым, остановился на полдороге. Надеясь преодолеть царящие повсюду безверие и разврат, бунтарь-доминиканец призывал Церковь вернуться к суровому аскетизму ранних монашеских орденов и сделать его правилом жизни среди мирян. Однако Савонарола не понимал главного: грех не вокруг человека – он в нем самом. Уже в Новое время Сёрен Кьеркегор вновь обратится к этой проблеме и сделает пессимистический вывод: добродетель определяется не разумом человека, а его волей, ибо «грех заключается не в том, что человек не познал, что справедливо, а в том, что он не хочет справедливости» [1, с. 17].

Люди двойственны. В них есть внешнее, плотское и есть внутреннее, духовное [4, с. 25]. Единственное, что оберегает «внутреннего человека» от греха, является средством исцеления его души, – это вера. Поэтому Лютер и отказывал «делам» в функции спасения, ибо *самоллично* разуверился в их способности давать успокоение бушующей страсти. Однако при этом он не стал и проповедником монашески-созерцательного образа жизни. Совсем наоборот – Лютер указал своим последователям на активно-преобразующую сторону веры, означавшую, в его понимании, готовность действовать подобающим образом. «Дело» само по себе не спасет человека, но оно способно зримо подтвердить окружающим его духовное воскресение. Очистив верой свою душу перед Богом, проникнувшись любовью и добротой, человек должен стремиться, чтобы все сущее, начиная с его собственного тела, также было «очищено».

Вот здесь, считал Лютер, как раз и начинаются «дела» в подлинном смысле. Подобно

тому, как о деревьях судят по приносимым плодам, так и дела человека свидетельствуют о том, добр он или плох; обратился ли человек к Богу или остался в безверии. Уверовавшему открыта дорога к спасению, и потому он делает все добровольно и свободно, не принимая во внимание ничего, кроме одобрения Божьего.

Но человеку мало спасти только себя. В работе «О светской власти» Лютер прямо указывал, что «все полезное или нужное ближнему для обретения Царства Небесного считается достохвальным. Ибо каждый обязан делать полезное и нужное его ближнему, не обращая внимания на то, предписывает ли это Ветхий или Новый Завет, иудейское ли это, или же языческое дело, как учит Павел (1 Кор. 9)» [Там же. С. 141]. Христос спас грешника милостью своей и наполнил его душу благодатной верой. Спасенный также может стать своего рода Христом для нуждающихся. Он должен бескорыстно помочь им, «используя свою плоть и ее дела»; разлить веру из сердца своего в их сердца, чтобы «Христос мог быть един во всех» и все могли быть истинными христианами.

Верующему нельзя гордиться тем положением, которое он, благодаря роду своей деятельности или ремесла, занимает среди подобных себе. Такая гордость была бы греховна и только уводила бы человека от Бога. Праведнику же во всяком деле, за которое он берется, надлежит выражать свою любовь к Всевышнему. При этом любить – не значит пытаться каким-либо образом умиловать Бога. Это и кощунственно, и бессмысленно. Истинная любовь к Богу должна выражаться в неустанном и добровольном труде. Адам, сотворенный честным и безгрешным, не нуждался в оправдании. Но, любя Создателя своего, он возделывал и охранял сад. «Эта работа воистину была самой свободной из всех, когда-либо существующих работ, – пишет Лютер, – она исполнялась только для того, чтобы угодить Богу, а не для обретения праведности, которую Адам уже имел в полной мере и которая могла бы стать первородным правом для всех нас» [Там же. С. 39]. Руководствуясь этим библейским примером, настоящий христианин должен посвящать себя одному из общепользовательных дел, памятуя о том, что все, с чем он сталкивается в жизни (будь то семейные обязанности, служба или труд), *ниспослано* ему. Мирскому промыслу нужно отдаваться с таким

же самозабвением и самоотречением, с каким лучшие из монахов совершали искупление своих и чужих грехов. Никакая работа, особенно если она связана со служением ближним, не нуждается в специальном морально-альтруистическом оправдании: раз она от Бога, то, значит, по сути своей изначально *блага*. Работой человек обуздывает свою плоть, работой же он благодарит Всевышнего. А поэтому и делать ее должно *как следует*; делать *добротнo*; делать так, как если бы плоды трудов его праведных принимал сам Господь. Этим утверждением высших достоинств христианского трудолюбия, способного *в любой* практически выраженной форме засвидетельствовать преклонение человека перед Богом, Лютер дал обоснование и проложил путь протестантской практике мирской аскезы.

Облачившись в такие идейные формы, напряженное стремление к *личному* спасению полностью изменило формы практического поведения людей, вырабатывало в протестантизме «серьезное отношение к жизни» (А. Кайпер) и потребность ответственно подходить к любому делу. Всякое начинание отныне получало у

реформистов сакральный смысл и истолковывалось в духе спасительного для уверовавших Божьего промысла. Покаянно-деятельное переживание мира не оставляло в душах протестантов места сумеречному сомнению и надежде, не подкрепленной поступком. Работа стала для них формой *Бого-служения*. Господь решает и указывает, а человек повинуетя и исполняет. Он *призван* Богом, а потому «жить – значит стоять на посту», как позднее разовьет это положение Кальвин. Человек должен добродетельно нести свой земной крест, непрестанно и добросовестно трудиться, памятуя о том, что вся его деятельность, какие бы формы она ни принимала и сколь бы тяжела ни была, есть ответ на Божье *призвание* (*Beruf* – нем.; *professio* – лат.). Через покаяние и веру Реформация ясно указывала некогда смиренной пастве на открывшуюся перед ней стезю мирской активности и делового предпринимательства. Столетие спустя намеченные Лютером, развитые пуританизмом и пиетизмом тенденции стали основой религиозно мотивированного *профессионализма* и протестантской *этики*. Европа окунулась в бездну капитализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гайденко, П.П.** Экзистенциализм и проблемы культуры (Критика философии Хайдеггера) [Текст] / П.П. Гайденко. – М., 1963.
2. **Исаев, С.А.** Теология смерти: очерки протестантского модернизма [Текст] / С.А. Исаев. – М., 1991.
3. **Лосев, А.Ф.** Эстетика Возрождения [Текст] / А.Ф. Лосев. – М., 1982.
4. **Лютер, М.** Избранные произведения [Текст] / М. Лютер. – СПб., 1994.
5. **Неретина, С.С.** Пути к универсалиям [Текст] / С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – СПб., 2006.
6. **Рассел, Б.** История западной философии [Текст]. В 3 кн. / Б. Рассел. – Новосибирск, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ИВАНОВ Сергей Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

191251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
ivsg@rambler.ru

IVANOV Sergey G. – St. Petersburg State Polytechnical University.
195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
ivsg@rambler.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 109.318.11

Д.Н. Козырев

«ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ» В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

D.N. Kozyrev

"PHILOSOPHY OF TECHNICS" IN SYSTEM OF THE HIGHER TECHNICAL EDUCATION

Аннотация

В работе рассматриваются вопросы, связанные с возрастанием роли гуманитарно-мировоззренческой компоненты в системе высшего технического образования. Аргументируется важность обращения к проблематике философии техники и показывается специфика этой философской дисциплины. Сложный феномен современной техники требует многостороннего анализа; в связи с этим акцент делается на изменения, вносимые техникой в повседневность. В частности, освещается вопрос о влиянии технической рациональности на самосознание современного человека.

Ключевые слова

ОБРАЗОВАНИЕ, ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ПРОГРЕСС, РЕАНИМАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОНСТАНТ.

Abstract

The paper examines the issues associated with the strengthening of the role of humanitarian and ideological components in the complex of higher technical education. The article argues for the importance of the treatment of the problems of the philosophy of technology and shows the specifics of the philosophical discipline. Complex phenomenon of modern technology requires multilateral analysis; in connection with this, the emphasis is on the changes, introduced the technology in everyday life. In particular, highlights the question of the influence of technical rationality on the self-consciousness of the modern person.

Keywords

EDUCATION, PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY, EVERYDAY LIFE, PROGRESS, RESUSCITATION OF THE CULTURAL CONSTANTS.

Оптимизация стратегии высшего технического образования делает вопрос о структуре предназначенного студентам массива знаний необычайно острым и актуальным. Очевидно, что практическая составляющая должна занимать в нем положение «гравитирующего центра»: производственная сфера общества заинтересована в высокой квалификации вливающейся в нее «свежей крови». Но абсолютизировать эту тенденцию не следует; стремление вытеснить все «ненужное» может привести к технократическому требованию редукции образования к грамотному обслуживанию наличной техники. В этом случае поспешное исключение из корпуса необходимых дисциплин всего того, что отвлекает от конкретики социальных запросов, может обернуться дорогостоящими потерями.

Сильным контраргументом против крайностей специализации является акцент на динамическую составляющую образования. По многолетним наблюдениям известного американского исследователя когнитивных процессов В. Ружичайро, там, где «образование развивает в студентах мыслительные способности, студенты оказываются хорошо подготовленными к задачам, возникающим в их личной и профессиональной жизни» [1, с. 8]; в результате общество выигрывает. В эвристике, разрабатывающей приемы активизации творческого мышления, давно отмечена связь между эффективностью мысленных усилий и способностью осознать проблему в широком контексте смежных знаний.

Уникальность философского взгляда на мир заключается в сочетании нелокального и

критического мышления, и это качество делает философию незаменимым спутником творчества. Нелокальность при этом не означает принципиальной отрешенности и беспочвенности результатов умственной работы; напротив, она стимулирует появление свежего взгляда на любую частную проблему и активизирует работу интеллекта в режиме поиска. Философию недаром называют культурой ума; последовательное обращение к основаниям вносит в мышление порядок и связность. Следует указать, что еще в начале XX века известный инженер А. Ридлер полагал необходимым включить в образование инженеров философскую составляющую. Многостороннее образование должно научить инженера управлять, т. е. глядеть вперед и своевременно выяснять задачи, выдвигаемые современностью и будущим, а не двигаться путем подтягивания и толчков.

Названные соображения помогают оценить роль философии техники в профессиональном становлении современного инженера. Этот раздел философии привлекателен для представителей технической интеллигенции, стремящихся обдумать мировоззренческие основания своей деятельности. Философский вопрос «что такое техника?» ведет к углублению привычных смыслов, к пониманию включенности техники в многообразие культуры и вплотную подводит к древней тайне человеческой природы. Это значит, что гуманистическая мотивация в сознании специалиста может стать серьезным противовесом прагматическому «прямодействию». Экспертиза проектов может в этом случае получить дополнительные критерии в рамках самой инженерной корпорации. Такой ход событий, безусловно, желателен: он соответствует пока что слабо артикулированным, но вполне реальным ожиданиям общества.

Следует, впрочем, внести ясность в отношения между философией техники и общей теорией техники. Речь идет о кардинально различных способах познания технической реальности. Философскую мысль традиционно питает напряжение между двумя полюсами: субъектом и объектом, человеком и миром. Философию техники можно понять как взгляд на мир сквозь призму техники: ее предметом выступает отношение человека к технизированному миру. В отличие от техникведения она исследует феномен техники в максимально

возможной целостности, уделяя особое внимание процессам взаимодействия с субъектом ее создания и использования.

Техника является важнейшей характеристикой положения человека в космосе. Связь человека и техники неразрывна и необратима, и для описания положения современного человечества на оси истории нередко используется термин «гиперцивилизация». Исключительную важность проблематике философии техники сообщает экзистенциальный, жгуче-жизненный вопрос, пронизывающий всю совокупность сопряженных с технической реальностью смыслов. Это вопрос о будущем человечества: состоится ли это будущее и сохранится ли в этом случае человечество? Техника превратилась в силу, создающую историю, и поэтому она не может быть обойдена вниманием со стороны философской мысли.

Философский анализ феномена нуждается в повышенной тонкости при обобщении наблюдений. Мир техники, предстающий в качестве множества механизмов и аппаратов, к этому множеству сведен быть не может. Отдельное техническое изделие можно продемонстрировать, но технику как таковую, как некоторый интеграл от вкрапления технического в повседневность, предъявить невозможно. Сложно оценить и ее воздействие на отдельные подсистемы большой социальной системы; германский философ Х. Ленк утверждает, что однофакторная теория техники и ее взаимосвязей с другими жизненными сферами несостоятельна.

Техника с ее несокрушимой, «железной» поступью воплощает протест человека против его собственной природной слабости. Сейчас уже невозможно отрицать благотворную роль научно-технического прогресса: в прошлые эпохи жизнь была короткой и суровой. Однако современный человек балансирует между отчаянием и надеждой: над человечеством нависла тень возможных технокатастроф. Известный американский философ Х. Сколимовский видит задачу философии техники в том, чтобы помочь человеку осознать опасность исторического тупика, вызванного тем, что для разговора с природой был избран ложный язык.

Наряду с тревожной экологической ситуацией имеет место и другая угроза — менее очевидная, но не менее опасная. Тот же Сколи-

мовский называет технику «состоянием западного сознания» [2, с. 246]: в развитых странах она становится уже не только физической, но и ментальной опорой человека. Техника изменяет жизненный мир человека, поле его первичного опыта; измененная реальность оказывает возвратное воздействие на человека с такой интенсивностью, что под вопросом оказывается сохранение человеческой идентичности. Так рождаются тревожные размышления об «экологии человека». Угроза носит антропологический характер, и ее симптомы свидетельствуют о какой-то важной потере, чреватой началом вырождения.

Так, приемы обращения с аппаратами переносятся на межчеловеческое общение, которое постепенно становится «коммуникационной техникой». Мышление становится операциональным, исчисляющим и командным, и тем самым субъект отчуждается от своих глубин. Изменения опережают их осмысление, и человек эпохи гиперцивилизации ведет странную жизнь: он овладевает, не обдумывая. М. Хайдеггер в связи с этим пронизательно заметил, что «человек Нового Времени впредь находится в принципиально новом отношении к бытию, и при этом он ничего об этом не знает» [3, с. 145]. В итоге возникает эффект самонепонимания, и часто уверенность современного человека маскирует его растерянность, от которой он стремится скрыться. Цельность расщепленный человек может вновь обрести только путем возвращения к вдумчивому, философскому взгляду на действительность.

Популярная в философской литературе трактовка техники как продолжения человека указывает на близость философии техники к философской антропологии. Эта точка зрения вызывает некоторое недоумение у сторонников естественно-научного подхода к технике, склонных видеть в технике в первую очередь продукт прикладной науки. Однако философия техники ставит вопрос о специфике технических наук, но не сводится к этому вопросу и потому не может считаться частным случаем эпистемологии (философии науки).

Безусловно, мир техники обладает рациональной структурой и пронизан рациональными стандартами; высшей же формой рациональности, ее эталоном выступает наука. Однако теоретический образ техники не со-

впадает с самим феноменом, который не может быть понят без учета волевой и властной мотивации его творца. Технике свойственна процессуальность, через которую в нее проникают иррациональные силы, идущие из глубины человеческой природы. Так рождается важный смысловой сдвиг: в технике рациональность понимается иначе, чем в науке — уже не как логическая строгость («максимум доказуемости»), а как требование к технической системе быть максимально эффективной и в минимальной степени нести черты неопределенности.

Линия связи техники с корпусом научного знания «огибает» фундаментальные науки, благодаря которым становится возможным организовать и преобразить реальность. Прямой выход техника имеет на прикладные науки; их задачей является адаптация фундаментального знания к конкретным вызовам жизни. Поэтому технические науки правомерно определить как прикладные науки естественного цикла. Знаком эпохи можно считать стремительную технизацию прикладных наук гуманитарного цикла, перенимающих инструментальный стиль мышления и «вооружающихся» соответствующей методологией. Объяснение динамики фундаментального знания неизбежно требует «интерналистского» круга понятий: их движение обусловлено логикой расширяющегося знания, наличием в ней неясностей и противоречий. Развитие технических наук описывается «экстерналистскими» моделями: важнейшим стимулом здесь выступают запросы со стороны общественных институтов.

Стремление к нахождению общего знаменателя в этих разнородных сферах «научного космоса» привело к парадоксальному взгляду на науку как на «теоретическую технику». Эта точка зрения характерна для инструментализма — влиятельного направления в американской философии науки. Действительно, если целью естественных наук является подготовка прямых инструкций к преобразованию природы, то тогда их можно оценивать по техническим критериям востребованности и эффективности. Согласиться с этим можно, лишь отказавшись от опоры на истину как на нормативный идеал научного поиска. Именно таков ход мысли классика этого направления Дж. Дьюи; он пытался ограничиться понятием «гарантируемой подтверждаемости». В этой

системе взглядов научные понятия предстают всего лишь орудиями для обработки сырого материала впечатлений. В то время как классическая традиция закрепляет за научной теорией функцию объяснения происходящего в мире, инструментализм, напротив, говорит лишь о некотором рассеянии неопределенности. Так рушится стройная система научных ценностей. Ситуация представляется весьма показательной: налицо мировоззренческий вызов, демонстрирующий необходимость поставить предел бездумной экспансии технического стиля мышления.

Меняется жизнь, меняемся вслед за ней и мы... Это суждение тривиально, но его тривиальность лукава. Так, использование такого аргумента для оправдания отступления от взятых нашими предшественниками культурных высот представляет собой откровенное прикрытие конформистской установки. Прогресс может иметь нравственное оправдание лишь в том случае, если он способствует возрастанию человечности. Вспомнив знаменитую формулировку Гегеля, можно констатировать, что отсутствие прогресса в сознании свободы есть знак приближающейся беды, исторического крушения. «Все прогрессы реакционны, если рушится человек», — эта мысль поэта А. Вознесенского представляется бесспорной. Поэтому бездумное упование на позитивный характер перемен имеет иррациональную природу. Дело в том, что процесс насыщения жизни техническими новациями принял характер неизбежного и бесповоротного движения, и потому для достижения безмятежности благоразумнее считать эту неизбежность благом.

Меняется не столько рисунок на ткани повседневной жизни, сколько сама эта ткань.

Философия техники оценивает ситуацию под «антропологическим» углом: банальное повседневное использование технических предметов ведет к весьма значительным следствиям внутри человеческого бытия. И если это бытие потеряет смысл, то потеря может остаться незамеченной: имитацией смысла станет поддержка собственных средств технической поддержки. Намеренно утрируя опасные варианты исторических сценариев, Г. Андерс еще в 1970-х годах предупредил, что у «современного Прометея» есть шанс превратиться в дворцового карлика своего собственного машинного парка. Эта угроза требует ответного напряжения сущностных сил и может быть устранена лишь при повышении «градуса осознанности».

Действительно, сущность субъекта скрыта в нем самом. Это свободное самоопределение, и оно образует содержание субъектности, которое следует искать не столько в переживаниях бытия, сколько в обретенных в ходе этих переживаний ценностях. Автоматизированная жизненная среда властно требует «неавтоматического» к ней отношения; в противном случае наплыв ценностей низшего уровня грозит деградацией поступка до уровня простой реакции на стимулы и рекламные зазывания. Следствием станет неизбежное сужение пространства свободы, низведение ее до неприглядных хаотических протестных порывов. Поэтому гуманистическая функция философии техники не может не выразиться в призыве к реанимации культурных констант. Лаконичное определение культуры представляет ее как «мир воплощенных ценностей»; современность вносит поправку: ценностей высшего уровня, возвращающих человеку его вечное и незыблемое достоинство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ружиэйро, В. Мышление. Пятнадцать уроков для начинающих авторов [Текст] / В. Ружиэйро. — М., 2006.
2. Философия техники как философия человека [Текст] // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.

3. Хайдеггер, М. Семинар в Ле Торе. 1969 [Текст] / М. Хайдеггер // Вопросы философии. — 1993. — № 10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КОЗЫРЕВ Дмитрий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 552-87-01 (кафедра)

dnk72@yandex.ru

KOZYREV Dmitriy N. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

dnk72@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 17.033.«20»+323.396+179.8

*И.Н. Протасенко***РЕССЕНТИМЕНТ ЭЛИТЫ В ГЕНЕЗИСЕ БОНАПАРТИЗМА***I.N. Protasenko***RESSENTIMENT ELITE IN BONAPARTISM GENESIS****Аннотация**

Статья посвящена социально-философскому анализу феномена «рессентимент элиты» в условиях системного кризиса и генезиса бонапартизма. Раскрываются основные смыслы концептов «зависть» и «рессентимент». Делается вывод, что рессентимент правящего класса выступает как превращенная форма рефлексии своего положения и является одной из причин «катастрофы сверху».

Ключевые слова

БОНАПАРТИЗМ, СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС, ЭЛИТА, ЗАВИСТЬ, РЕССЕНТИМЕНТ, РЕССЕНТИМЕНТ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА, ВЛАСТЬ.

Abstract

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the elite resentment phenomenon in the system crisis conditions and Bonapartism genesis. The basic meanings of the concepts of envy and resentment are analyzed. The conclusion is that the resentment of the ruling class manifests itself as the transformed (modified) form of the reflection of own position and is one of the reasons of “catastrophe from above”.

Keywords

BONAPARTISM, SYSTEM CRISIS, ELITE, ENVY, RESSENTIMENT, RULING CLASS RESSENTIMENT, POWER.

Бонапартизм как социальный феномен представляет собой сложное социальное явление, генезис которого предопределяется целой системой факторов [8, 9]. Бонапартизм – это специфическое обнаружение социального порядка, возникающего в условиях системного кризиса и предстающего как режим персональной власти, установленный «по видимости» народного волеизъявления [См. наш коммент. к этой дефиниции: 7, с. 125–126]. Формирование бонапартистской ситуации обусловлено не только социально-экономическим кризисом, не только раскладом политических сил, но и психоэмоциональным состоянием как социума в целом, так и отдельных его социальных групп.

Цель статьи – проанализировать психоэмоциональное состояние элиты, рациональные и иррациональные основания ее мотивации в условиях системного кризиса, радикальных социально-политических трансформаций.

Принято думать, а возможно, это иногда сознательно внушается, что зависть и рессентимент являются принадлежностью только бедных, слабых и беспомощных, т. е. низших социальных слоев. Этому в немалой степени способствовали тексты Ф. Ницше [4].

Предварительно кратко рассмотрим ключевые смыслы концепта «зависть», а также характеристики переживания, обозначаемые этим термином. Попутно заметим, что феномен зависти остается мало исследованным и находится на периферии внимания ученых. Однако если обратиться к тем немногим классическим текстам, посвященным исследованию зависти и рессентимента, то можно увидеть совершенно иную картину. Прежде всего, следует отметить, что чувство зависти свойственно человеку любого возраста, пола и сословия. Второй существенный момент – это то, что зависть направлена в основном на людей, находящихся

внутри той же самой группы и на том же уровне, что и завистник, и крайне редко на тех, кто значительно выше его. Скорее олигарх позавидует олигарху, чем уборщица из супермаркета долларовому миллиардеру. Так, Аристотель в своей «Риторике» проницательно замечает, в какой степени наша зависть направлена исключительно на тех, кто нам ровня, на равных нам, подчеркивая, что «высокопоставленные и удачливые бывают завистливы» [1, с. 81]. Ф. Бэкон, наблюдая зависть среди придворных, пишет: «Люди знатного рода замечены в зависти к людям новым при их возвышении. Ведь дистанция между ними сокращается, и это как обман зрения: когда другие поднимаются, им кажется, что это они сами опускаются» [2, с. 368]. Бэкон описывает то, что можно назвать «завистью королей», т. е. зависть, направленную сверху вниз. Ее можно назвать завистью к отдаленности, и эта форма зависти будет встречаться постоянно. Вероятно, это и есть абсолютная зависть, заключает Г. Шёк, потому что человек, находящийся наверху, не может ничего потерять оттого, что другие, в результате собственных достижений, начнут соревноваться с ним в роскоши и богатстве [10, с. 239]. Однако заметим, что это справедливо для стабильного социума с широким социально-политическим консенсусом. В обществе, переживающем кризис, социальные потрясения и трансформации, «зависть королей» отягощается глубочайшим рессентиментом, замешанным на страхе потерять всё.

Из современных исследований феномена зависти необходимо отметить фундаментальный труд Г. Шёка «Зависть: теория социального поведения» [10], где автору удалось показать связь и нюансы смыслов таких концептов, как «зависть», «ревность», «страх», «агрессия», «рессентимент». Шёк обратил наше внимание на то, как в современных публикациях значения концептов «зависть» и «рессентимент» маскируются другими понятиями, например концептами «ревность», «агрессия», «злоба» [10, с. 24], и на то, что наблюдается своего рода вытеснение этих концептов из общественных наук [Там же. С. 25–29]. Слово «конфликт», конечно, может звучать красивее и быть более приемлемым для наших социально чувствительных ушей, чем старое, совершенно однозначное слово «зависть» [Там же. С. 139]. Психолог М. Дэниэлс отмечает: «Зависть...

маскируется под другие явления, чем ставит в тупик учителей, родителей и психотерапевтов, которым она злобно противостоит. Ее фундаментальное значение в течение долгого времени недооценивалось в психоаналитических и психологических кругах. И наконец, возможно, мы живем в культуре, которая благоприятствует развитию зависти» [12]. Чтобы понять, насколько прав Дэниэлс, достаточно обратить внимание на заложенную в современных рекламных слоганах мотивацию. Это мотивация зависти. Между тем Шёк убедительно показал, что те общества, в которых удавалось социально обуздать зависть, имели более высокие темпы развития. В частности, он пишет: «Чем больше частные люди и хранители политической власти в данном обществе способны действовать, как если бы зависти не было, тем выше будут темпы экономического роста и тем больше будет всевозможных инноваций. Такой общественный климат, где принятое нормативное поведение, обычаи, религия, здравый смысл и общественное устройство приводят к более или менее согласованной установке на игнорирование завистников, больше всего подходит для максимально полного и свободного развития творческих (экономических, научных, артистических и т. п.) способностей человека. В таком обществе, где большинство членов разделяют это убеждение, оно позволяет им справляться с очевидными различиями, существующими между людьми, рациональным образом, не принося зависти слишком больших жертв; эта установка на самом деле позволяет законодателям и правительствам обеспечивать равную защиту для неравных достижений членов сообщества, а иногда даже обеспечивать им неравные преимущества для того, чтобы в долгосрочной перспективе сообщество смогло получить пользу от тех достижений, которые сначала, возможно, доступны лишь для немногих» [10, с. 27].

Зависть носит гораздо более универсальный характер, чем это признавалось до сих пор. Более того, исключительно зависть делает возможным какое бы то ни было социальное взаимодействие. Вместе с тем зависть не объясняет всего, но, по точному замечанию Шёка, проливает свет на большее количество вещей, чем люди были готовы допустить или даже увидеть до сих пор [Там же. С. 17].

Таким образом, зависть — это психологический и социальный феномен, выступающий базовым (подчеркнем, социальным и психологическим) феноменом в понимании других психологических процессов. Она возникает не в поляризации социальных слоев и классов. Зависть интенциональна и субъектна, поскольку это направленное чувство, оно не может возникнуть без цели, без жертвы.

Как известно, феномен рессентимента открыл Ф. Ницше. Заимствованный из французского языка, этот термин обозначает психологический комплекс состояний ненависти, униженности, затаенной обиды и мстительности. Однако эти переживания не находят выхода во фронтальной борьбе, а блокируются трусостью и параличом воли, что порождает крайне болезненное состояние бессилия. И тогда эти переживания оборачиваются вовнутрь и ищут себе выхода в сфере воображения.

Данное понятие, по мнению М. Шелера, зафиксировало не просто кризис в развитии отдельных сфер культуры, а патологическую направленность его разрешения. Поэтому в образной формулировке Шелера «рессентимент — это самоотравление души... Душевный динамит...» [11, с. 13]. Иначе говоря, данное явление «представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, — запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство» [Там же].

Полагаем, что современная российская элита являет собой результат деградации и разложения советской элиты, ярко обнаруживая паразитизм, дисфункцию, неготовность и неспособность осуществлять действия, задаваемые социальной ролью. Качество управления — важнейший индикатор успехов социально-экономической системы.

Советская и партийная номенклатура выросла из революционного катаклизма 1917 года, прошла отбор Гражданской войны, чисток 1937 года, Великой Отечественной войны. Как

видим, партийной номенклатуре было нелегко: выжить в таких исторических и социальных условиях, сохраниться как индивиду, да еще сделать карьеру. Согласитесь, дело непростое. Тут нужны не просто талант или способности. Талант и способности — это для профессионалов узкой специализации: инженера, врача, учителя, ученого и т. д. Советский управленец — специалист широкого профиля. И какой талант или способность здесь важнее — это вопрос. Советская система, построенная по сталинской модели, не была совершенством, но, по крайней мере, в отношении дисциплины и требовательности она была достаточно сильной. Сама система заставляла номенклатуру держать себя в тонусе. Хотя барства, хамства и холопства всегда было предостаточно. Правящая партийная бюрократия в Советском Союзе, взяв на себя функции руководства и управления, в конечном счете не справилась. В борьбе за власть и выживание в системе номенклатура забыла свои функциональные обязанности. Жизнь превратилась в подковерные интриги, потребление из насущной необходимости и удовольствия превратилось в игру на выживание. Обеспечение через закрытые распределители показалось не просто недостаточным, а унижительным — захотелось капиталов. А капитал, как известно, верхнего предела не имеет. Если распределители народ мог содержать (зная об этом и не ропща), то обеспечить каждому управленческому функционеру счет в банке — тут никакая система не выдержит.

Полагаем, что основной внутренней мотивацией элиты 1990-х годов была зависть к возможностям европейского уровня потребления и глубочайший рессентимент в осознании своего места в жизни, социальной иерархии, неутолимой неудовлетворенности ни в самореализации, ни в возможных перспективах. Европейский дом казался местом, где исполняются мечты.

Механизм формирования рессентиментного типа личности Шелер раскрывает так: «По мере того как игнорирование позитивных ценностей пробуждает тягу к ним, он (человек, находящийся во власти рессентимента. — *И. П.*) все глубже погружается, минуя переходные ценности и ценности-средства, в противоположные этим позитивным ценностям зло. Постепенно оно занимает все большее пространство в сфере его ценностного внимания. В нем зарож-

дается нечто такое, что пробуждает желание хулить, ниспровергать, унижать, и он цепляется за любой феномен, чтобы через его отрицание хоть как-то себя проявить. Так, оправдывая внутреннюю конституцию своего ценностного переживания, рессентиментный тип произвольно „обесценивает” бытие и мир» [11, с. 60]. Сословная система во Франции оскорбляла третье сословие. Чтобы отрубить голову своему королю (в Англии, во Франции и т. д.), нужно испытывать очень сильные чувства, которые не позволяют сознанию примириться с мыслью, что король может стать гражданином «как все», кто был подданным Его Величества. Символизм неравенства (впрочем, так же как и символизм равенства) ранит сильнее, чем непосредственное унижение. Поэтому казнь направлена более против символизма института монархии, чем против человека, представляющего эту монархию. Аналогична «казнь» всего советского: и плохого, и хорошего, застойного и конструктивного, архаического и фантастического. Тотальная грамотность населения страны, снова отодвинутая в неопределенное далёко, свидетельствует о бескомпромиссной беспощадности борцов со всем советским.

Революция — это взрыв рессентимента и праздничное отреагирование тяжелой повседневности, это психоэмоциональное зашкаливание вплоть до апатии и жажды скорейшего ужасного конца. Немецкое «Grollen», по мнению М. Шелера, близко отражает основной смысл рессентимента — это блуждающая во тьме души, затаенная и независимая от активности «Я» злоба, которая образуется в результате воспроизведения в себе интенций ненависти или иных враждебных эмоций и, не заключая в себе никаких конкретных враждебных намерений, питает своей кровью всевозможные намерения такого рода. Эмоция Ельцина против Горбачева и эмоция Горбачева против тех, кто не с ним. Это эмоция скорлупы, эмоциональной зашоренности. Невозможность видеть что-либо, кроме себя и своего уязвленного самолюбия. Разве можно в таком состоянии думать о Родине, о том, как старики будут доживать свой век. Молодые менеджеры перестройки радостно, откровенно и категорично заявляли: «Пенсионеры не переживут перестройку, так как не впишутся в рынок». Эти постоянные сетования, что «с этим народом» трудно проводить

какие-либо реформы. Интересно, что Гитлер на исходе войны тоже был крайне недоволен своим народом. Перестроечный термин «совок» — уничижительная характеристика советских людей, наивно доверяющих власти в своем государстве, надеющихся на то, что властные решения справедливы, что бизнес ведет свои дела честно: лекарства — настоящие, продукты — непросроченные, а доленое строительство гарантирует получение жилья.

Антисоветизм проявился как борьба со всем советским. Наши люди были не готовы к такому разрушительному очернению всего и вся. Не случайным оказалось решение А. Яковлева о назначении редактором журнала «Огонёк» В. Коротича. Кадровая политика, как известно, относится к наименее спонтанным решениям в любых трансформациях.

Рессентимент, как сказал бы Ницше, слишком человеческое свойство. Рессентимент угнетенных и задавленных, рессентимент масс — это то, что сразу заметно, лежит на поверхности исторического ландшафта. Но для того, чтобы разбудить массы, сделать бунт возможным, возглавить его (а «разрешение» на бунт проходит через осознание того, кто способен канализировать энергию масс), необходим другой рессентимент. Имеется в виду рессентимент представителей элиты и, как это ни парадоксально, рессентимент правящей верхушки. Массы должны быть направляемы и руководимы. Чудовищные заряды рессентимента задавленных масс, которые буквально взорвались, порождая ужасающие практики насилия и жестокости: гражданские и мировые войны, революции, ГУЛАГ, Освенцим, стали возможны вследствие глубокого рессентимента их лидеров.

Партийная верхушка испытывала глубочайший рессентимент, так как идеологически и нравственно была опустошена, давно перестала верить своим богам. Клятвы и заклинания именем классиков превратились в ритуальные мантры с утраченными смыслами.

Двоемыслие самым губительным образом сказалось именно на функционерах управления, номенклатуре. Особенно опасным участком является тот, где мотивация должна строиться на идеологических аргументах. Клятвы формулами, в которые давно не верят, источают тлетворный яд цинизма, разрушают нравственный фундамент личности — совесть. Извраща-

ется функциональное предназначение управления целым, понимание «блага» той социальной общности, которой предназначен служить тот или иной руководитель или управленец. Народная интуиция, выразившаяся в поговорке «Рыба гниет с головы», весьма точно указывает на патологические деформации субъектов руководства и управления. В. Межуев отмечает: «Не то плохо, что все разом заговорили, а то, что впереди оказались не самые лучшие — те, кто мечтал не столько о демократии, сколько о том, чтобы быть первыми на „пиру победителей“, войти в новую элиту и не упустить свою долю при дележе власти и общественного пирога. Для таких людей революционная фраза и радикализм в отрицании прошлого — единственный шанс подняться вверх, всплыть на поверхность» [3]. Х. Ортега-и-Гассет описывает в общем виде этот процесс так: «В наше время массовый тип, „чернь“, преобладает даже в традиционных избранных группах. Так, в интеллектуальную жизнь, которая по самой сути своей требует и предполагает высокие достоинства, все больше проникают псевдоинтеллектуалы, у которых не может быть достоинств; их или просто нет, или уже нет. То же самое — в уцелевших группах нашей „знати“, как у мужчин, так и у женщин. И наоборот, среди рабочих, которые раньше считались типичной „массой“, сегодня нередко встречаются характеры исключительных качеств» [5, с. 21].

Глубина ressentiment проявилась и стала вполне очевидной после так называемой «революции сверху» в том ожесточенном мстительном разрушении всего советского, всего, что могло бы пригодиться в новой жизни. Разрушенные НИИ и КБ. Сколько патентов на изобретения и ноу-хау советских ученых и конструкторов появилось у тех, кто проявил сообразительность и расторопность в хаосе «революционных» обстоятельств.

Советское общество, как оказалось, в большой степени осталось традиционным. Моральный кодекс строителя коммунизма не ломал привычных максим народной мудрости: «Труд всему голова», «Береги честь смолоду», «Делай, что должно, и будь, что будет». Интеллигенция «лечилась» «психоанализом» кухонных разговоров либо (если не помогало), увы, алкоголизировалась. Самая тяжелая ситуация сложилась в экзистенциальном состоянии партийной но-

менклатуры. Вот где амплитуда между «можно» и «нельзя», между провозглашаемым и подразумеваемым оказалась гигантской. А «кухонный психоанализ» для них был исключен по определению, так как эта категория людей в наибольшей степени боялась «ушей стен». Страх, необходимость отслеживать себя и контролировать свои реакции — это потяжелее миссии разведчика во враждебной среде, где трансценденция целей и ценностей выводила сознание из ловушки маски и истинной сущности личности. Ложь и «надувание щек» каждый день и только во имя собственного номенклатурного пайка — адова работа. Впрочем, номенклатура среднего звена приспособилась, и, пожалуй, здесь была самая большая трудность — вот кто не хотел менять свой статус-кво. Выше не прыгнуть, а перемены чреватые ухудшением положения.

Важно еще и то, как формировался этот класс. Это схема выдвигенчества. Каждый выдвигенец всегда хуже и слабее рекомендателя. Это поистине алгоритм вырождения в рабское «чего изволите», «начальник всегда прав», «я — начальник, ты — дурак». Вот так рабы оказываются у власти.

«Восстание рабов в морали начинается с того, что ressentiment сам становится творческим и порождает ценности: ressentiment таких существ, которые не способны к действительной реакции, выразившейся бы в поступке, и которые вознаграждают себя воображаемой мстительностью. В то время как всякая преимущественная мораль произрастает из торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит Нет „внешнему“, „иному“, „несобственному“: это Нет и оказывается ее творческим деянием. Этот поворот оценивающего взгляда — это необходимое обращение вовне, вместо обращения к самому себе — как раз и принадлежит к „ressentiment“: мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения прежде всего в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, — ее акция в корне является реакцией», — отмечает Ницше [4, с. 424–425].

Вместо дефиниции Шелер предлагает краткое предметное описание, предметную характеристику: «Рессентимент — это самоотравление души, имеющее вполне определенные причины и следствия. Оно представляет собой дол-

говременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, — запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам» [11, с. 14].

Полагаем, что если рессентимент — это переживание и действие рабского сознания, то сознание партийно-номенклатурного деятеля вполне соответствует этому определению. Рабское сознание не лечится карьерными высотами. Оно обретает больше простора для мстительного выхода этого яда, отравляя на своем пути всё, что попадает в поле его «руководства». Методология деятельности такого сознания в высшей степени тоталитарная, как самая понятная для этого типа сознания. В России у власти оказались «кухаркины» дети в худшем смысле этого слова, как неспособные соответствовать ни масштабу, ни интеллектуальной глубине, ни нравственной высоте культуры и цивилизации, в которой им довелось «поручить». Ортега-и-Гассет, размышляя о восстании масс, отмечает: «Подчеркиваю, что я никогда не призывал общество стать аристократичным. Я утверждал, и я все больше верю, что человеческое общество по самой сущности своей всегда аристократично — хочет оно этого или нет; больше того, оно лишь постольку общество, поскольку аристократично, и перестает быть обществом, когда перестает быть аристократичным» [5, с. 25].

Ницше говорит о рессентименте слабых, угнетенных, маргинализированных, завидующих сильным. В рассматриваемом нами случае речь идет о рессентименте в превращенной форме — власть предрержащей партийной номенклатуре захотелось легализовать то, что они имели, и в

то же время освободиться от системы, которая любую минуту могла лишить их кормушки. Это и в самом деле восстание рабов сверху. Однако, ломая систему с применением, по признанию А.Н. Яковлева, тоталитарной механики, они крушили великую страну и избивали ее народ, создавший своим трудом ее богатства. Как точно подметил А. Зиновьев: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Здесь уместно вспомнить рассуждения Ортега-и-Гассета о проявлениях любви к родине: «Любовь же в мыслях достигает объекта и принимается за свое незримое, но святое и самое жизнеутверждающее из всех возможных дело — утверждает существование объекта. Поразмыслите над тем, что значит любить искусство или родину: это значит ни на одно мгновение не сомневаться в их праве на существование; это значит осознавать и ежесекундно подтверждать их право на существование. Не так, впрочем, как это делает судья, знающий законы, приговоры которого поэтому бесстрастны, а так, чтобы оправдательный приговор был одновременно и поиском, и итогом. И наоборот, ненавидеть — это значит в мыслях убивать предмет нашей любви, истреблять его в своих помыслах, оспаривать его право на место под солнцем. Ненавидеть кого-либо — значит приходить в ярость от самого факта его существования. Приемлемо лишь исчезновение его с лица земли» [6, с. 357–358].

Следует подчеркнуть, что рессентимент правящего класса тем сильнее, чем менее выражена (чем менее присутствует в системе ценностей и приоритетов) **идея служения** этого класса социуму, стране, народу, наконец. Таким образом, рессентимент правящего класса выступает как превращенная форма рефлексии своего положения и является одной из причин «катастрофы сверху».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аристотель.** Риторика. Поэтика [Текст] / Аристотель; пер. с др.-греч. и примеч. О.П. Цыбенко, под ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова; пер. В.Г. Аппельрота, под ред. Ф.А. Петровского. — М.: Лабиринт, 2000.
2. **Бэкон, Ф.** О зависти. Опыт или наставления нравственные и политические [Текст] / Ф. Бэкон // Соч. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1972.
3. **Межуев, В.** Может ли демократ в России быть противником перестройки? [Электронный ресурс] / В. Межуев // Перестройка 20 лет спустя (Из стено-

- граммы дискуссии, проведенной клубом «Свободное слово» при Ин-те философии РАН). — Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/gorby/itogi/mezuiev.htm> (дата обращения: 28.03.2013).
4. **Ницше, Ф.** Генеалогия морали [Текст] / Ф. Ницше // Соч. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1990.
5. **Ортега-и-Гассет, Х.** Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. — М.: АСТ, 2008. — С. 13–172.

6. **Он же.** Этюды о любви [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет; пер. В.Е. Багно // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 350–433.
7. **Протасенко, И.Н.** Бонапартизм: власть и ценности [Текст] / И.Н. Протасенко // Науч.-техн. вест. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. – 2012. № 2 (148). – С. 125–129.
8. **Она же.** Бонапартизм как модель социальной субъектности [Текст] / И.Н. Протасенко // Там же. – 2011. – № 1 (118). – С. 25–31.
9. **Она же.** Современный бонапартизм в контексте системной экологии социально-политических трансформаций [Текст] / И.Н. Протасенко // Там же. – 2010. – № 2 (111). – С. 30–35.
10. **Шёк, Г.** Зависть: теория социального поведения [Текст] / Г. Шёк; пер. с англ. В. Кошкина, под ред. Ю. Кузнецова. – М.: ИРИСЭН, 2008.
11. **Шелер, М.** Рессентимент в структуре моралей [Текст] / М. Шелер. – СПб.: Наука : Университетская кн., 1999.
12. **Daniels, M.** The Dynamics of Morbid Envy in the Etiology and Treatment of Chronic Learning Disability [Text] / M. Daniels // Psychoanalytic Rev. – Vol. 51. – 1964. – P. 45–56.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ПРОТАСЕНКО Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
irina.protasenko@mail.ru

PROTASENKO Irina N. – *St. Petersburg State University.*
199034, Mendeleevskaya linia, 5, St. Petersburg, Russia
irina.protasenko@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 930

А.Э. Терехов

**«СОВЕРШЕННОМУДРЫЕ» КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА
В КИТАЕ В I ВЕКЕ Н. Э.**

A.E. Terekhov

**"SAGE" AS THE ELEMENT OF THE POLITICAL MYTH
IN THE FIRST CENTURY A.D. CHINA**

Аннотация

Статья посвящена древнекитайскому политическому мифу и роли, которую играли в нем «совершенномудрые» (шэн). Проанализированы изменения, которым подверглись образы «совершенномудрых» в I веке н. э., а также новые функции, сделавшие их прообразами реальных императоров того времени и создавшие прецедент для их обожествления. Выделено политическое и социальное значение чудесного рождения, необычной внешности и благих знамений.

Ключевые слова

ДРЕВНИЙ КИТАЙ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ, МИФОЛОГИЯ, «СОВЕРШЕННОМУДРЫЕ».

Abstract

The article deals with the Ancient Chinese political myth and the part the "Sage" took in it. The subjects of analysis include the changes which the image of "Sage" undergoes in the first century A.D. China, as well as the new features it gets as the result: miraculous birth, extraordinary appearance and auspicious omens, which turned it into the prototype of the real monarchs of that period and made a precedent for their divinization.

Keywords

ANCIENT CHINA, POLITICAL IDEOLOGY, POLITICAL MYTH, MYTHOLOGY, "SAGES".

Древнекитайская мифология в принципе неотделима от политики. Как известно, китайское письменное наследие не знает такого жанра, как «миф», а отдельные истории мифологического характера разбросаны по различным памятникам философского и исторического содержания [1, с. 334]. Долгое время исследователи древнекитайской мифологии считали, что записи мифов в этих сочинениях представляют собой результат искажения древней традиции, и стремились реконструировать их «изначальные варианты», на основе которых выдвигались предположения о жизни той эпохи, когда, по их мнению, и появились те или иные мифы [См., например: 2–4]. Однако такой подход не всегда оправдан. Во-первых, мы не можем быть полностью уверены в том, что тот или иной миф появился в дописьменную эпоху (или даже вообще в эпоху, ранее которой он был записан).

Во-вторых, разнообразие трактовок одного и того же сюжета едва ли позволяет сводить его к одному «правильному» варианту.

В настоящее время популярность приобретает иной подход к древнекитайским мифам. Поскольку для большинства из них записано множество вариантов, разница в их трактовке отражает идеи авторов памятника, в котором появляется тот или иной фрагмент. Таким образом, миф в древнекитайском сочинении является не только и не столько реликтом каких-то древних представлений, сколько живым, постоянно видоизменяющимся способом выражения современных автору идей. В результате, запись того или иного мифа в том или ином его варианте позволяет реконструировать не столько сам миф, сколько социальные, политические и философские позиции авторов текста, в составе которого он сохранился [См.: 5–7; 8, с. 92–140].

Тем не менее, хотя эти предания в дошедшем до нас виде и неотделимы от политики, в их основе все же лежат древние, «естественные» мифы.

Под «политическим мифом» мы понимаем нечто принципиально иное, а именно обусловленное определенной идеологической целью создание новых, не существовавших ранее преданий. Несмотря на то что подобные истории фабрикуются, по крайней мере, с циньского времени, пожалуй, самой значимой из них является предание о рождении основателя династии Хань (202 год до н. э. – 220 год н. э.) [См.: 9, с. 183–184]. Массовый характер их создание приобретает именно в I веке н. э. По-видимому, именно тогда появился основной массив чэнь-вэй, так называемый оракуло-апокрифических текстов. Главной целью этих сочинений религиозно-политического содержания была легитимизация ханьского правящего дома с мистически-философских позиций, а одним из основных риторических приемов как раз и стало использование политического мифа. Более того, в данном случае можно говорить даже о мифологии, поскольку отдельные элементы ее изначально создавались как части единой системы. Это вновь отличает древнекитайский политический миф от «естественного», для которого (по крайней мере, в том виде, в котором он до нас дошел) характерна фрагментарность [1, с. 334].

Ключевое место в апокрифических текстах отводилось истории, что неудивительно, поскольку в Китае она всегда являлась важнейшим элементом политической риторики. В то же время в основе древнейшей (а стало быть, наиболее авторитетной) истории этой страны лежал именно миф [10], и потому изначально мифологичны главные ее персонажи, служащие одним из важнейших составляющих изображенного в апокрифических текстах мира, – совершенномудрые (*шэн*). Именно они выступают в качестве основной движущей силы исторического прогресса; в то же время все они тесно связаны с политикой, поскольку сами являются либо правителями, либо их советниками.

Содержание термина *шэн*, впервые появившегося еще в надписях на гадательных костях (XIII–X века до н. э.), со временем изменялось, и ко временам эпохи Чжаньго (Борющихся царств, V–III века до н. э.) он стал обозначать древних правителей, являвших собой образец

духовного совершенства [9, с. 156–168]. К I веку н. э. все они воспринимались как фигуры исторические, однако изначально большинство из них являлись божествами. Феномен постепенного превращения божеств и героев в древних правителей и их министров характерен для древнекитайской традиции и в современной науке обычно называется «эвгемеризацией» или, точнее, «обратной эвгемеризацией» [1, с. 330–334]. Тем не менее процесс этот мог идти разными путями.

В некоторых случаях первым этапом на пути к превращению в древних правителей становилось восприятие вчерашних божеств в качестве историзированных предков аристократических родов. По-видимому, именно по такому сценарию проходила эвгемеризация образов Чжуань-сюя и Ди-ку, не игравших особой роли в философской риторике и при этом сохранивших значительное количество рудиментов своей божественной природы в форме архаичных по сути преданий, зафиксированных в некоторых древних памятниках преимущественно историко-географического характера [См., например: 11, 12].

Напротив, ряд совершенномудрых стал частью истории благодаря их особой роли в истории древнекитайской мысли. Так, Яо, Шунь и Юй превратились в образцовых правителей стараниями конфуцианских и моистских идеологов [13, с. 106–134]. Иным школам древнекитайской мысли обязаны своим появлением в рядах совершенномудрых Фу-си, Шэнь-нун и Хуан-ди. Образ Фу-си как древнего правителя получает наибольшее развитие в комментарии «Привязанных слов» (Си цы чжуань) к знаменитому Канону Перемен (И-цзин), где он выступает как первотворец триграмм (*гуа*) [14, с. 197–209; 8, с. 86–90]. Шэнь-нун, первоначально, по-видимому, являвшийся аграрным божеством [См.: 15, с. 104–107], стал выразителем идей школы аграриев (*нун-цзя*) [16, с. 69–70]. Что же касается Хуан-ди, Желтого императора, то он, будучи изначально либо верховным божеством [17, с. 189–209], либо божеством дождя [18, с. 174–185], постепенно становится одним из главных авторитетов некоторых даосских и легистских направлений древнекитайской мысли.

Однако не все совершенномудрые древности изначально являлись божествами. Так, основателя династии Шан Чэн-тана можно

считать скорее легендарным персонажем, образ которого, возможно, действительно восходит к фигуре одного из шанских правителей. В то же время в ряде случаев к совершенномудрым причислялись исторические фигуры, существование которых не подвергается сомнению, например чжоуский правитель Вэнь-ван, его сыновья У-ван и Чжоу-гун, а также Конфуций.

В общих чертах представления о том, кого из древних правителей и министров можно причислить к совершенномудрым, сложились к концу Чжаньго – началу Хань. Именно в это время появляются первые случаи упоминания различных групп *шэнов*. Таким образом, уже в этот период начинают проявляться тенденции к взаимному сближению образов совершенномудрых с различным происхождением. Тем не менее в большинстве своем они сохраняли индивидуальность, и потому изначально разнородное множество совершенномудрых продолжало сохранять известную пестроту.

Первой крупномасштабной акцией по систематизации *шэнов* стало составление «Канона поколений» (Ши-цзин), предпринятое в конце Западной Хань (202 год до н. э. – 9 год н. э.) Лю Синем (ок. 50 года до н. э. – 23 год н. э.). В этой книге, текст которой сохранился в составе одной из глав «Книги [по истории Западной] Хань» (Хань шу) [19, цз. 21Б, с. 1011–1024], древние правители выстраивались в определенной последовательности, соответствующей порядку взаимопорождения якобы покровительствующих им Пяти сил (у дэ). В процессе создания этой системы Лю Синь, по-видимому, в ряде случаев соотнес изначально не связанные образы (например, Фу-си и Тай-хао), тем самым спровоцировав отождествление различных персонажей [20, с. 450–455, 586–597].

Апокрифические тексты продолжили эту тенденцию. Однако унификации в них подвергся не столько перечень совершенномудрых (хотя именно им мы, вероятно, обязаны появлением единственной устойчивой когорты *шэнов*, Двенадцати совершенномудрых [См.: 21]), сколько сами их образы. До этого каждый из них – не в последнюю очередь из-за разницы в происхождении – сохранял значительное своеобразие. Теперь же образы всех совершенномудрых перекраиваются по единому шаблону вне зависимости от их изначального вида. Связанные с ними предания отходят на второй

план, уступая место типовым атрибутам, наиболее значимыми из которых становятся чудесное рождение, чудесная внешность и сопровождающие их деятельность благие знамения.

Представления о чудесном рождении (в китайской мысли ханьской эпохи для его обозначения использовался специальный термин – *гань шэн*, т. е. «рождение от [божественного] воздействия») восходят к глубокой древности и зафиксированы в древнейших письменных памятниках Китая. Являясь, по-видимому, реликтом тотемистических верований, в ханьское время они выступают в качестве образца для создания историй о рождении реальных исторических лиц, причем впоследствии эти новые мифы ложатся в основу преданий о появлении на свет легендарных персонажей [9, с. 182–186]. Помимо этого, истории о необычном появлении на свет древних государей и основателей династий переосмысляются в натурфилософском ключе: их чудесное рождение начинает объясняться тем, что их матери беременели «от воздействия оплодотворяющей силы-цзин Неба» [22, цз. 15, с. 156]. Эта трактовка дополняется религиозной составляющей. Согласно ей в каждом случае сила-цзин, о которой идет речь, принадлежит одному из Пяти [небесных] владык/императоров (у ди) – в данном случае астральных божеств, впервые упоминаемых именно в апокрифических текстах [23, с. 134–138]. При этом зачатие всех «детей» каждого из Пяти владык проходит по одному и тому же сценарию: так, сыновья Зеленого императора Линвэйяна (Фу-си, Хоу-цзи) рождаются в результате того, что их матери наступают в след великана, дети Красного императора Чибяону (Шэнь-нун, Яо, ханьский Гао-цзу) – после встречи их матерей с драконами и т. д. [Там же. С. 138–142]. Иными словами, все легенды о рождении совершенномудрых являются типовыми, что, с одной стороны, подчеркивает унифицированность образов *шэнов* в апокрифических текстах, а с другой – доказывает, что данные мифы были созданы искусственно и, следовательно, об их древности не может быть и речи.

Визуальным проявлением необычной природы совершенномудрых становится их необычная внешность. В то время как в более ранних источниках о ней практически не говорится, апокрифы пестрят богатыми, подробными и изощренными описаниями наружности

шэнов. Высказывалось мнение, что встречающееся в этих текстах изображение их внешности восходит к архаичным представлениям о них как о божествах [См.: 24, с. 12]. Есть основания предполагать, что это не совсем так: не отрицая возможной связи отдельных черт нового облика *шэнов* с их «божественным» прошлым, необходимо отметить сходство характера и терминологических особенностей этих описаний с традицией китайской физиогномики (*сян шу*), т. е. искусства определения характера и судьбы человека по его внешности [См. подробнее: 25]. По-видимому, именно популярность физиогномики в ханьском Китае стала причиной появления подробных описаний наружности совершенномудрых, и именно физиогномика (в свое время, возможно, обогатившись за счет архаичных представлений о внешности божественных персонажей) послужила источником материала для них [9, с. 186–202].

Благие знамения (*жуй*), как считалось, появлялись в ответ на мироустроительную деятельность правителя. Традиция знамений в Китае имеет долгую историю и, возможно, в том или ином виде существовала уже в XI веке до н. э. Ее активное развитие приходится на вторую половину Чжаньго и время правления Западной Хань. Именно в это время оформляется предоставившая ей теоретическое обоснование концепция «[космического] резонанса» (*гань ин*) [26, с. 216–229]. В китайской идеологии благие знамения всегда обладали меньшей, по сравнению с дурными, значимостью. Более того, до Хань они воспринимались лишь как атрибут правителей легендарной древности, и только во второй половине Западной Хань начали играть действительно важную роль в политической жизни страны. Чаще всего в качестве благого знамения выступало появление тех или иных благовещих существ или вещей (*жуй у*) [Там же. С. 258–260]. Вероятно, в основе подобных верований лежали представления о магической силе имени: вещи сами по себе приходят к совершенному, который благодаря своему сверхъестественному знанию способен «поименовать» их [27]. Тем не менее в ханьском Китае они переосмысляются в сугубо политическом ключе [26, с. 244–248] и оказываются связаны с фигурой совершенного через понятие «Великого спокойствия» (*тай пин*) [9, с. 203–215]. Став неотъемлемым элементом об-

раза *шэна*, благие знамения позволили сблизить с ним ханьских императоров, согласно источникам также неоднократно удостаивавшихся их появления. При этом одно и то же знамение могло восприниматься то как проявление покровительства той или иной из Пяти сил, то как подтверждение легитимности правителя, то как символ наступившей благодаря императору мировой гармонии, то как предвестие скорого появления совершенного [26, с. 261–291]. Хотя истоки традиции благих знамений могут восходить к мифологическому мышлению, а ряд зафиксированных в текстах случаев их появления при легендарных правителях могут быть следами древних преданий, несомненным остается ее политический характер, окончательно оформившийся в I веке н. э.

Безусловно, эти три аспекта образа совершенномудрых появились не на пустом месте, но стали результатами переосмысления рудиментов их изначальной мифологической природы. Тем не менее неверным было бы понимать этот процесс как простое возвращение к ней. Напротив, это именно создание принципиально новой мифологии, обожествление деятелей, к тому времени воспринимавшихся традицией в качестве исторических.

Говоря о причинах подобной ремифологизации образов совершенномудрых, стоит обратиться к причинам создания текстов, в которых зафиксированы ее результаты, т. е. апокрифов. Как уже говорилось, их главной целью являлась легитимизация императорской власти в целом и ханьского правящего дома в частности. Что же касается образа совершенномудрых, то они призваны были служить проекцией современных монархов в легендарную древность. Поэтому не случаен тот факт, что все три основных атрибута новых *шэнов* представлены в биографиях основателей Западной и Восточной Хань. Первый, Гао-цзу (202–195), по преданию, родился от дракона, «был человеком с большим носом и драконообразным лицом, с длинными усами и бородой, на левом бедре у него было семьдесят два родимых пятна», а когда он, «напившись, валился спать... часто видели над ним дракона» [28, т. 2, с. 157]. Вторым был Гуань-ди (25–57), у которого, согласно текстам, был «рост семь чи и три цуня, прекрасные усы и брови, большой рот, высокий нос и солнечный рог» [29, 1982: цз. 1, с. 1]; рождение его, по преданию, сопро-

вождалось появлением фениксов и чудесных колосьев [22, гл. 9, с. 96–97; гл. 15, с. 164]. В результате удивительная внешность этих правителей и необычные обстоятельства их появления на свет сразу выдавали их природу совершенномудрого, а следовательно, божественное происхождение и право на престол. Справедливости ради нужно отметить, что Гао-цзу фактически являлся образцом для создания новых образов *шэнов*, а Гуань-ди — главным покровителем (и, скорее всего, еще и одним из создателей) апокрифических текстов, в которых они нашли свое отражение. Таким образом, совершенномудрые, всегда выступавшие в качестве недостижимого образца интеллектуально-нравственного и духовного совершенства, превратились в исторический прецедент для подтверждения божественности ханьских императоров и их власти.

Важно отметить, что к совершенномудрым относились не только правители, но и их сановники, в первую очередь Гао-яо, Чжоу-гун и Конфуций. При этом в традиции с этими (и некоторыми прочими, например с Фу-си) фигурами ассоциировалось составление канонических текстов, которые обожествлялись вместе с их создателями. Таким образом, включение этих персонажей в число обожествляемых *шэнов* позволяло возвысить авторитет как самих ученых, так и их идеологии — классического конфуцианства [30, с. 312–316]. В результате за счет совершенномудрых обожествлялась не только верховная власть, но и интеллектуальная традиция.

Таким образом, в политической мифологии I века н. э. образ совершенномудрых претерпевает ряд важных изменений. Во-первых, они подвергаются ремифологизации, т. е. вторичному обожествлению, в результате которого приобретают новые, часто прежде для них не характерные атрибуты. Этот процесс категорически не тождествен возвращению к их образам архаических божеств, но в то же время идентичен мифологизации, которой в рамках тех же самых текстов подвергаются реальные исторические персонажи, такие как Вэнь-ван, Конфуций и т. д. Во-вторых, в процессе этой мифологизации и ремифологизации, проходящей по одним и тем же правилам, изначально разнородные совершенномудрые стандартизируются, в результате чего их образы становятся однотипными. В-третьих, поскольку новые мифы о совершенномудрых создаются целенаправленно и в рамках более общей политической мифологии, они достаточно жестко структурированы и выстроены в строгую систему. Параллельно с трансформацией образов совершенномудрых меняется и их роль — теперь они служат не столько образцом для подражания, сколько прообразом ханьских императоров и прецедентом для их обожествления. В то же время наличие среди совершенномудрых ряда министров призвано было защитить позиции ученых. Иными словами, превратившись в героев политического мифа, древние правители и их советники стали отражением реальных государей и сановников I века н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодде, Д. Мифы Древнего Китая [Текст]: [пер. с англ.] / Д. Бодде // Мифологии древнего мира. — СПб., 2005. — С. 327–363.
2. Юань Кэ. Мифы древнего Китая [Текст]: [пер. с кит.] / Юань Кэ. — М., 1987. — 527 с.
3. Яншина, Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии [Текст] / Э.М. Яншина. — М., 1984. — 248 с.
4. Birrell, A. Chinese Mythology: An Introduction [Text] / A. Birrell. — Baltimore; L.: The J. Hopkins University Press, 1993. — 344 p.
5. Allan, S. The Heir and The Sage: Dynastic Legend in Early China [Text] / S. Allan. — San Francisco, 1981. — 165 p.
6. Lewis, M.E. The Flood Myths of Early China [Text] / M.E. Lewis. — Albany, 2006. — 248 p.

7. Idem. The Mythology of Early China [Text] / M.E. Lewis // Early Chinese Religion. — Pt. 1: Shang through Han (1250 BC–220 AD) / ed. J. Lagerwey, M. Kalinowski. — Leiden; Boston, 2009. — Vol. 1 — P. 543–593.
8. Puett, M. The Ambivalence of Creation: Debates Concerning Innovation and Artifice in Early China [Text] / M. Puett. — Stanford, 2001. — 299 p.
9. Терехов, А.Э. Представления о совершенномудрых правителях-шэнь [Текст] / А.Э. Терехов // Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая / сост. М.Е. Кравцова. — СПб., 2012. — С. 156–215.
10. Васильев, Л.С. Проблема мифа и исторических преданий в Шан-Чжоу [Текст] / Л.С. Васильев // Об-во и гос-во в Китае: материалы XXIX Науч. конф. — М., 1999. — С. 36–50.

11. **Го юй** (Речи царств) [Текст] / пер., вступ. ст. и коммент. В.С. Таскина. — М., 1987. — 472 с.
12. **Каталог** гор и морей (Шань хай цзин) [Текст] / предисл., пер. и коммент. Э.М. Яншиной. — М., 2004. — 349 с.
13. **Гу Цзе-ган**. Таолунь гуши да Лю Ху эр сяньшэн (Обсуждение древней истории — отвечаю господам Лю и Ху) [Текст] / Гу Цзе-ган // Гу ши бянь (Споры о древней истории). — Шанхай, 1982. — Т. 1. — С. 105–150.
14. **Lewis, M.E.** Writing and Authority in Early China [Text] / M.E. Lewis. — Albany, 1999. — 556 p.
15. **Henricks, R.G.** Fire and Rain: A Look At Shen Nung (The Divine Farmer) and His Ties With Yen Ti (The “Flaming Emperor” or “Flaming God”) [Text] / R.G. Henricks // Bull. of the School of Oriental and African Studies / University of London. — 1998. — Vol. 61, Nr. 1. — P. 102–124.
16. **Graham, A.C.** The Nung-chia “School of the Tillers” and the Origins of Peasant Utopianism in China [Text] / A.C. Graham // Studies In Chinese Philosophy & Philosophical Literature. — Albany, 1991. — P. 67–110.
17. **Ян Куань**. Чжунго шангу ши даолунь (Введение в древнейшую историю Китая) [Текст] / Ян Куань // Гу ши бянь (Споры о древней истории). — Шанхай, 1982. — Т. 7, кн. 1. — С. 65–421.
18. **Lewis, M.E.** Sanctioned Violence in Early China [Text] / M.E. Lewis. — Albany, 1990. — 390 p.
19. **Хань шу** (Книга [по истории династии] Хань) [Текст]. В 12 т. — Шанхай, 1964. — 4273 с.
20. **Гу Цзе-ган**. Удэ чжунши шо ся дэ чжэнчжи хэ лиши (Политика и история под влиянием теории Пяти сил) [Текст] / Гу Цзе-ган // Гу ши бянь (Споры о древней истории). — Шанхай, 1982. — Т. 5. — С. 404–617.
21. **Терехов, А.Э.** Формирование древнекитайской когорты Двенадцати совершенномудрых [Текст] / А.Э. Терехов // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. — 2013. — № 1 (167). — С. 136–140.
22. **Хуан Хуэй**. Лунь хэн цзяо ши (фу Лю Пань-суй цзи цзе) (Сверенный текст «Весов суждений» с разъяснениями (со сводным толкованием Лю Пань-суя)) [Текст]. В 4 т. / Хуан Хуэй. — Пекин, 2006. — 1366 с.
23. **Гу Цзе-ган**. Сань хуан као (Изыскания о Трех августейших) [Текст] / Гу Цзе-ган, Ян Сян-куй // Гу ши бянь (Споры о древней истории). — Шанхай, 1982. — Т. 7, кн. 2. — С. 20–282.
24. **Рифтин, Б.Л.** От мифа к роману. Эволюция изображения персонажей в китайской литературе [Текст] / Б.Л. Рифтин. — М., 1979. — 360 с.
25. **Терехов, А.Э.** Статус физиогномики в доханьском и ханьском Китае [Текст] / А.Э. Терехов // В поисках «китайского чуда»: сб. статей, посвящ. 80-летию Ю.В. Чудодеева. — М., 2011. — С. 316–341.
26. **Он же**. Традиция знамений и ее место в государственной идеологии древнего и имперского Китая [Текст] / А.Э. Терехов // Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая / сост. М.Е. Кравцова. — СПб., 2012. — С. 216–291.
27. **Цю Си-гуй**. Шо «гэ у» — И сянь Цинь жэньши лунь вэ фачжань гочэн вэй бэйцзин (Толкование «классификации вещей» на фоне развития доциньской гносеологии) [Текст] / Цю Си-гуй // Вэнь ши цун гао — Шангу сысян, миньсу юй гувэньзысюэ ши (Сборник работ по литературе и истории: древнейшая идеология, обычаи и история палеографии). — Шанхай, 1996. — С. 3–15.
28. **Сыма Цянь**. Исторические записки («Шицзи») [Текст]. Т. II. / Сыма Цянь; пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. — М., 2003. — 567 с.
29. **Хоу Хань шу** (Книга [по истории династии] Поздняя Хань) [Текст]. В 12 т. — Шанхай, 1973. — 3684 с.
30. **Ли Цзин-мин**. Чжунго жусюэ ши: Хань Цинь цзяоань (История китайского конфуцианства: Цинь и Хань) [Текст] / Ли Цзин-мин. — Гуанчжоу, 1998. — 429 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ТЕРЕХОВ Антон Эдуардович — ассистент кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-42, (812) 534-10-06 (кафедра)
aterekhoff@gmail.com

TEREHOV Anton E. — St. Petersburg State Polytechnical University.
195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
aterekhoff@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 101.8

Н.А. Тикуришвили

ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗНОГО В ПОНИМАНИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

N.A. Tikurishvily

THE UNITY OF DIVERSES IN UNDERSTANDING OF SOCIAL MANAGEMENT IN HISTORY OF PHILOSOPHY UNTIL THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

Аннотация

Автор анализирует специфику основных подходов к пониманию природы и сущности управления в истории философии, показывает, что современное развитие социального управления в новом культурно-историческом контексте возможно на основе диалога когнитивных практик, сущность которого состоит в достижении единства многообразного в философском понимании управления.

Ключевые слова

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, УПРАВЛЕНИЕ, ГОСУДАРСТВО, МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ, УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИДЕИ.

Abstract

The author analyzes specifics of the main ways to understanding the nature and essence of management in the history of philosophy, shows that modern development of problems of social management in a new cultural and historical context is possible on the basis of a dialogue of cognitive practice the essence of which is to achieve the unity of diverse in the philosophical understanding of the management.

Keywords

HISTORY OF PHILOSOPHY, MANAGEMENT, STATE, MODELS OF A POLITICAL SYSTEM, ADMINISTRATIVE IDEAS.

Управление, будучи универсальным феноменом существования человека и общества, специфически проявляющимся на различных этапах их развития, сегодня приобретает особую значимость в обеспечении общественной жизни, что требует своего научного и философского осмысления.

Как вид человеческой практики управление появилось тогда, когда возникла необходимость в совместной деятельности людей. В самом широком смысле оно может быть определено как воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития. «Управление является функцией различных организованных систем, обеспечивающей сохранение их структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности» [1, с. 674]. Различные аспекты социального управ-

ления были в центре внимания философской мысли на всех этапах ее развития. Философы вплоть до середины XIX века стремились выявить закономерности управления процессами, происходящими в обществе, и использовать их в общественно полезных целях.

Интерес философии к проблемам управления проявился еще в философии Древнего мира, представители которой поставили проблему оптимального соотношения интересов государства, общества и человека. На Востоке наибольшее значение для развития представлений о сущности и роли управления имели конфуцианство и легизм. Рассуждения Конфуция об управлении исходили из идеи нерушимости отношений между верхами и низами, выполнения и соблюдения правил ритуала «ли», который требует беспрекословного повиновения низов верхам. Согласно конфуцианскому уче-

нию, «когда каждый обретает подходящее себе занятие, занимает соответствующее ему место, тогда высшие и низшие служат друг другу» [7, с. 160]. В поисках совершенных форм общественного и государственного устройства Конфуций создал модель такого государственного управления, в котором при наличии обожествляемого правителя реальная власть принадлежит ученым-интеллигентам, соединяющим в себе свойства философов, литераторов, ученых и чиновников.

Общество, с точки зрения Конфуция, должно управляться в первую очередь с помощью моральных норм, а не административно-правовыми или экономическими методами. Поэтому первостепенное значение придавалось межличностным отношениям, в категориях которых рассматривались государственная власть и управление.

В легизме была разработана иная модель управления, основанная на равенстве всех, за исключением правителя, перед законом. Основными управленческими идеями легизма были государственное регулирование экономических процессов, систематическое обновление государственного аппарата путем назначения чиновников, равные возможности при выдвижении на административные посты, личная ответственность чиновника, надзор над деятельностью государственного аппарата. С точки зрения легистов, для успешной деятельности правителю необходимо хорошо разбираться в психологии людей, эффективно использовать основные методы управления — награды и наказания, с явным предпочтением вторым. Необходимо отметить, что основные идеи легизма оказали значительное влияние на последующее формирование идеологии тоталитарного государственного управления не только на Востоке, но и на Западе, наиболее полно воплотившись в политической философии Н. Макиавелли.

В итоге развивая одну и ту же идею создания мощного, хорошо управляемого государства, конфуцианство и легизм принципиально расходились в философском обосновании методов его построения. Если в конфуцианстве на первый план выступали нравственные качества людей, то легизм обосновывал приоритет права над моралью и даже несовместимость политики и морали.

В античной философии особое внимание проблеме государства и управления уделил в своем творчестве Платон. Умение управлять людьми, по его мнению, «одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений» [9, с. 57], предполагающее не только совокупность действий, но и такое знание, которое «одно лишь из всех остальных видов знания заслуживает имя мудрости» [10, с. 219].

Платон считал, что управление страной должно проводиться на основе законов, но, поскольку они слишком абстрактны, осуществлять надзор за их исполнением должен политик, владеющий искусством управления. Суть его управленческой деятельности должна заключаться в преломлении этих общих законов к реально складывающейся ситуации. Следовательно, можно констатировать, что идеи Платона явились условием для осуществления ситуационного подхода в управлении. Стремясь к систематизации типов управления, Платон создает теорию типов общежития. Первый (идеальный) тип стоит выше государства и законодательства и не нуждается в них. Из существующих в действительности типов государства правильными Платон считал монархию и аристократию. Тимократия, олигархия, демократия и тирания, с его точки зрения, искаженные формы государства, в них добродетели отдельной личности не согласуются со строем государства в целом, что либо заставляет поступаться нравственными нормами, либо ведет власть к гибели. Исследуя отрицательные типы государства, Платон сделал вывод, что основной причиной порчи человеческих обществ и государственных устройств является господство корыстных интересов, их влияние на поведение людей. Поэтому создатели наилучшего государства должны позаботиться не только о правильном воспитании людей, но и установить в государстве порядок, при котором устройство общежития и права на имущественные блага не могли бы стать помехой ни для высокой нравственности, ни для исполнения управленческих функций.

В отличие от Платона Аристотель, анализируя государственное устройство, ориентировался не на идеальное государство, а на естественным путем сложившиеся формы социально-политической жизни греков. Но если рассматривать все государственные устройства,

то из всех их видов «наилучшим является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших» [3, с. 129]. С точки зрения Аристотеля, наилучшим государственным устройством, легче всего реализуемым для большинства полисов в реальных условиях, может быть политика как смешение олигархии и демократии, в которой поляризация бедных и богатых уравновесится преобладанием зажиточных средних слоев. Ведь, как писал Аристотель, «если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, а именно политики» [2, с. 55]. Интересно отметить, что эти идеи философа были в определенном смысле предвосхищением социально-политических теорий XX века, поставивших во главу угла социального устройства средний класс как основу стабильности общества.

Исследование различных аспектов философии социального управления было продолжено в философии Средневековья. Особенностью подхода философов этой эпохи к проблемам государства и управления было рассмотрение их в контексте решения проблем, связанных с природой общих понятий, соотношением разума и веры, науки и религии. Специфика решения этих проблем состояла в постепенном отходе от абсолютизированного иррационализма на ранних этапах Средневековья и переходе к рационализму на поздних этапах, что особенно ярко проявилось в творчестве Фомы Аквинского. Основные идеи его относительно государства, закона, права оказали большое влияние на формирование социально-политических теорий последующей эпохи. Разрабатывая систему социально-политических идей, Фома Аквинский сформулировал свои представления о праве. С его точки зрения, право представляет собой совокупность правил Божественного руководства миром, содержащихся в Божественном уме и переданных в Священном Писании, а само государство – Божественное установление. «Фома Аквинский вслед за Аристотелем утверждает, что существуют различные формы власти, однако не все они в одинаковой степени реализуют счастье и благо общества. Он различает формы государственного управления: олигархию, монархию, тиранию и разновидность ее – демократию» [4, с. 143]. Самой правильной из них признавалась монархия, что вполне со-

ответствовало феодальному типу государства, а ее правомерность определялась тем, насколько разумной и справедливой была деятельность монарха. В характеристику разумности монарха входило и признание им церковной власти. Монарх должен быть в своем царстве тем, чем является душа в теле, а Бог – в мире. Если это правило оспаривалось монархом, то признавалось «право выступить против тирана, лучше сказать, против правителя, который был негоден церковной власти» [Там же. С. 144]. Управленческая роль церкви в общественной жизни ценилась выше, чем роль государства, и светская власть не должна была забывать об этом. Учение Фомы Аквинского стало важным шагом в укреплении духовной власти католицизма над развитием социальной жизни. Рассуждения его о соотношении государства и церкви, права и религии имели большое значение для развития последующих теорий общественного управления.

Исследование философских проблем государства и управления с позиций рационализма было продолжено в философии Нового времени. Большой вклад в разработку понимания природы, сущности, форм управления, роли субъекта управленческой деятельности внесли Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, П. Гольбах, развивавшие свои идеи в контексте теории общественного договора, с позиций которой государство возникло как результат добровольного рационального соглашения людей для защиты их общих интересов. Так, например, с точки зрения Гольбаха, понятие сущности политики и государства мешают ложные понятия, преобладающие в политических науках, акцент на интересы государей, метафизические идеи теологии, страсти, интриги королевских дворов и другие иррациональные факторы, что препятствует созданию науки об управлении государством. Если же принять за основу такой объективный фактор, как природа человека, можно вывести из нее политическую систему как совокупность тесно связанных между собой истин, цепь принципов, таких же достоверных, как принципы других областей человеческого знания.

Рассуждая о сущности управления общественной жизнью, Гольбах считал, что главное место в процессах управления должно принадлежать разуму и законам, на основе которых возможно реформирование общества. По его

мнению, «чтобы преобразовать государство, необходимы разум, хладнокровие, знания и время» [6, с. 86]. Возникновение более совершенной политики возможно при глубоком анализе опыта веков, со временем она улучшит государственную власть, сделав ее более разумной, а значит, и людей — более счастливыми. С точки зрения Гольбаха, «ни один народ не может быть счастливым, если им не управляют, следуя законам природы, всегда ведущим к добродетели» [Там же]; управлять — «значит обязывать членов общества точно выполнять условия общественного договора» [Там же. С. 133], побуждать их содействовать общему благу. В идеях Гольбаха, так же как и во взглядах других теоретиков общественного договора, были сформулированы важнейшие принципы социального управления: его рациональность, направленность на общезначимые интересы, укорененность в природе человека и общества.

Дальнейшее развитие представлений об управлении как целенаправленной рациональной деятельности связано с творчеством Г.В.Ф. Гегеля. С его точки зрения, государство представляет собой общество с правовыми отношениями, в котором люди имеют значение друг для друга не в силу каких-либо индивидуальных естественных отношений, не сообразно своим естественным склонностям и чувствам, а как личности, и эта личность каждого косвенно утверждается. «Государственная власть включает в себя законодательную, административную и финансовую (чтобы создавать себе средства для осуществления свободы), судебную и полицейскую, военную и власть вести войну и заключать мир» [5, с. 51].

Гегелем, так же как и его предшественниками, была дана классификация типов государственного устройства в зависимости от степени участия граждан в управлении общественной жизнью. Государственный строй народа не является чисто внешним устройством, он зависит от характера народа, от его нравов, уровня образованности, от численности народа и его образа жизни. «Государство как нечто всеобщее представляет собой противоположность индивидам. Оно тем совершеннее, чем больше всеобщее соответствует разуму и чем больше индивиды согласны с духом целого» [Там же. С. 202]. Необходимо, чтобы мысли и поступки граждан по отношению к государственной власти были

не слепым повиновением ее приказам и требованию того, чтобы индивид давал согласие на государственные мероприятия, а существовало доверие между правительством и гражданами. Именно Гегелем были сформулированы важнейшие для развития современной философии управления проблемы сущности и структуры управленческой деятельности, классификации типов управления, выявлена роль субъекта государственного управления, поставлена проблема соотношения общества и государства, индивида, государства и общества, обоснована роль права и закона в управлении.

Большое значение для современного понимания сущности социального управления имеют также идеи, разработанные К. Марксом в рамках его теории общества — исторического материализма. Объясняя общество как целостную систему через теоретическую реконструкцию его экономической структуры в контексте деятельного подхода, Маркс, с одной стороны, выявил значение экономических противоречий как ведущего фактора социальных изменений, не отрицая в то же время роли сознательной целенаправленной деятельности людей в управлении и преобразовании общества.

Особенностью марксистского подхода к пониманию сущности и задач социального управления стало не только выявление диалектической взаимосвязи экономических и политических процессов, признание того, что политика — это концентрированное выражение экономики, но и обоснование важнейшей роли в управлении таких его составляющих, как планирование и прогнозирование. Сама общественная теория Маркса стала примером социологического прогнозирования, что обусловило появление интеллектуальной традиции, в рамках которой идеи Маркса, пройдя региональную и национальную адаптацию и модернизацию (А. Лабриола, Г. Плеханов, В. Ленин, К. Каутский и др.), стали смысловым ядром идеологий, теорий и программ деятельности революционных движений XX века.

Анализируя сущность государственного управления, Маркс подчеркивал, что политическая власть в антагонистическом обществе неизбежно является организованным насилием одного класса для подавления другого: «Государство — это машина для поддержания властвования одного класса над другим, это органи-

зованное насилие одного класса для угнетения другого» [8, с. 472]. Это ставило на повестку дня задачу общественного переустройства путем революции, в результате которой место старого классового общества должна занять ассоциация, где свободное развитие каждого будет являться условием свободного развития всех.

Признавая важное значение идей Маркса для развития философских представлений о социальном управлении, их новаторский характер, следует в то же время подчеркнуть, что идея редукации политической организации к экономической системе оказалась исторически непродуктивной. Это потребовало своего переосмысления в контексте исследования роли социально-культурных факторов в управлении

общественной жизнью, что и стало предметом философии управления в XX веке.

Таким образом, в истории философии были определены основные подходы к пониманию природы и сущности управления, даны варианты различных классификаций государственного управления, поставлена проблема соотношения интересов личности, общества и государства в управленческой деятельности, осмыслена роль субъекта управления. Глубокая разработка проблем социального управления в истории философской мысли заложила основу развития управленческих идей в новом культурно-историческом контексте в философии второй половины XIX – XXI века, осуществляющегося на основе диалога когнитивных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афанасьев, В.Г.** Управление [Текст] / В.Г. Афанасьев // Филос. энцикл. словарь. – М.: Сов. энцикл., 1989.
2. **Аристотель.** Сочинения [Текст]. В 4 т. Т. 4 / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
3. **Он же.** Политика. Афинская полиция [Текст] / Аристотель. – М.: Мысль, 1997. – 458 с.
4. **Боргош, Ю.** Фома Аквинский. Мыслители прошлого [Текст] / Ю. Боргош. – М.: Мысль, 1966. – 212 с.
5. **Гегель, Г.В.Ф.** Работы разных лет [Текст]. В 2 т. Т. 2 / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1971. – 630 с.
6. **Гольбах, П.А.Д.** Избранные произведения [Текст]. В 2 т. Т. 2 / П.А.Д. Гольбах. – М.: Соцэкзиз, 1963. – 563 с.
7. **Конфуций.** Беседы и суждения [Текст] / Конфуций. – СПб.: Кристалл, 1990. – 1120 с.
8. **Маркс, К.** Избранные произведения [Текст]. В 3 т. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1986. – 536 с.
9. **Платон.** Политика. Наука об управлении государством [Текст] / Платон, Аристотель. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 864 с. – (Антология мысли).
10. **Он же.** Государство [Текст]. В 3 т. Т. 3, ч. 1 / Платон. – М.: Мысль, 1972. – 567 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ТИКУРИШВИЛИ Нугзари Автандилович – аспирант кафедры философии Вологодского государственного педагогического университета.

160035, Вологда, ул. Орлова, 6
тел. (8172) 72-16-04 (кафедра)
Ваха_best@mail.ru

TIKURISHVILI Nugzari A. – *Vologda State Pedagogical University.*

160035, Orlova street, 6, Vologda, Russia
Ваха_best@mail.ru

УДК 168.522

*Е.И. Фролова***ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ***E.I. Frolova***LANGUAGE AS AN INSTRUMENT OF SOCIAL INTERACTION:
THE PRAGMATIC AND SEMIOTIC APPROACHES**

Аннотация

Статья посвящена философскому осмыслению роли языка в социальных взаимодействиях. Понятие языка рассматривается с функциональной точки зрения. Основанием такого подхода служит критика субстанциональной трактовки языка в семиотике и философии прагматизма. Семиотический и прагматический подходы рассматриваются как взаимодополняющие, что дает возможность реабилитации ведущей роли личности в установлении социальных взаимодействий.

Ключевые слова

ЯЗЫК, СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, СЛОВАРЬ, СЕМИОТИКА, ПРАГМАТИЗМ.

Abstract

The article is devoted to philosophical reflection on the role of language in social interactions. The concept of language is considered in this article from a functional point of view. Criticism of the substantive interpretation of the language in semiotics and the philosophy of pragmatism provides the basis of such an approach. Relevance of this study is that semiotic and pragmatic approaches are seen as complementary, and their conclusions suggest the possibility of reconstruction of leading role of individual in establishing of social interactions.

Keywords

LANGUAGE, SOCIAL INTERACTION, VOCABULARY, SEMIOTICS AND PRAGMATISM.

На современном этапе вследствие лингвистического поворота в философии многие авторы философских исследований, посвященных эпистемологической, этической, культурологической или социальной проблематике, с необходимостью обращаются к проблеме языка. Применительно к социальной философии существуют различные тенденции описания взаимосвязи понятий «язык» и «общество», однако основными могут считаться две тенденции рассмотрения языка: 1) в метафизическом ключе, как явление, господствующее над всеми формами человеческой жизни, в том числе и общественной; 2) как инструмента, «словаря», который складывается под действием внешних общественных и культурных факторов. В первом случае это классическая трактовка языка, идущая от Платона, философские работы

М. Хайдеггера, структуралистов и постструктуралистов, для которых говорить о языке – значит говорить обо всем, поскольку любое высказывание вписывается в структуру метанарратива. Однако, как мы можем увидеть в поздних работах М. Фуко, Ю. Кристевой и С. Жижека, такая стратегия приводит современную философию к кризису, пиком которого стало провозглашение «смерти человека» и замены его роли в социуме структурами языка. Вторая тенденция рассмотрения языка не признает существования каких-либо языковых метаструктур, полностью определяющих жизнь человека в обществе. Структуры, в рамках которых разворачивается наша социальная коммуникация, ситуативны и многочисленны, особенно в современном глобализованном обществе. Исследователи, стоящие на данной точке зрения, – предста-

вители англо-американской лингвистической философии, прагматизма, семиотики или теории коммуникативного действия в духе Ю. Хабермаса — говорят о языке как о некоторых обдуманных речевых актах, с помощью которых выстраивается взаимодействие между суверенными личностями. Рассмотрим язык с этой точки зрения, используя взаимодополняющие концепции прагматизма и семиотики.

Выбор именно этих подходов продиктован не только нашей личной философской позицией (в свете отказа современной философии от поиска метафизического абсолюта такая оговорка является вполне уместной), но и возможностью реализовать в данной статье определенные цели. Задача наша состоит не столько в раскрытии понятий языка и социального взаимодействия в рамках подчинения второго структурам первого, сколько в рассмотрении языка через его функциональные (социально-практические) особенности (именно так он трактуется семиотическим и прагматическим подходами). Попытаемся найти общие основания семиотического и прагматического подходов к языку и представить их как взаимодополняющие. В конечном итоге через анализ различных словарей и речевых практик можно взглянуть на общество с разных позиций. В зависимости от словаря (он может быть как антифундаменталистским, либеральным, так и, напротив, реакционным и жестким, подавляющим) общество выражает себя в языке, а язык, таким образом, — господствующие в обществе связи мышления.

Как следует из названия статьи, язык мы рассмотрим в практическом ключе, т. е. как один из феноменов, с помощью которого можно наблюдать реалии социальных взаимодействий. Поэтому в первую очередь следует определить, что понимается под термином «социальное взаимодействие». Наиболее часто данный термин употребляется в области социологии, в то время как в словаре философии он нередко заменяется понятиями «социальное отношение» или «коммуникация». Однако в данном синонимическом поле понятие «социальное взаимодействие» выступает в качестве доминанты, поскольку подразумевает событие контакта между людьми, который может носить систематический характер (т. е. выступать в качестве социальных отношений) или спон-

танный, экзистенциальный (как, например, понятие «встречи» у К. Ясперса).

Взаимодействия также могут быть как коммуникативными (и развиваться в поле «диалога с Другим»), так и сугубо монологичными, не требующими от адресата никакого другого социального действия, кроме восприятия. Например, человеческие жесты представляют собой как раз феномен именно такого социального взаимодействия, поскольку, как правило, носят чисто ситуативный характер и не направлены на получение какого-либо ответа. Тем не менее даже такой тип взаимодействия будет происходить в символической, а в более широком смысле в языковой форме. Конечно, сторонник классической социологии может возразить, что жест или монологическая речь относятся скорее к понятию «социальное действие», чем к понятию «социальное взаимодействие». Однако если при контакте с внешним миром человек предполагает наличие Другого (в случае текста — читателя), то его действие будет организовываться так, чтобы оно было понято или хотя бы могло быть воспринято Другим. Таким образом, любое действие в обществе можно считать взаимодействием, и это взаимодействие предполагает использование знаковых систем.

Итак, язык как знаковая система, соотносящая рациональные понятия с физическим носителем (звуком или изображением), является ключевым при социальном взаимодействии. Как уже отмечалось, существует несколько тенденций «говорения о языке» в философии. «Говорить о языке, вероятно, хуже, чем писать о молчании», — заметил однажды Хайдеггер, чтобы затем по-парменидовски добавить: «Язык есть; язык и ничего, кроме него» [7, с. 4]. Однако в рассмотрении подобного рода язык из философского понятия превращается в лирического героя, а философия становится попыткой самовыражения. Поскольку мы говорим о языке в социально-философском ключе, целесообразно обратиться к другим подходам, рассматривающим язык в инструментальном, а не метафизическом смысле.

В первую очередь обратимся к интерпретации языка в семиотике. В рамках данного подхода язык уже не представляется метафизической субстанцией. Семиотика, по выражению одного из ее основателей Ч.У. Морриса, — это наука, описывающая «процесс, в котором нечто

функционирует как знак» [4, с. 47]. Рассматривая язык как систему знаков, семиотика раскладывает способ функционирования знаков (семиозис) на простые компоненты: знаковое средство, означаемое (десигнат), интерпретанту и интерпретацию — и описывает их отношения. «Отталкиваясь от трех соотносительных членов троичного отношения семиозиса (знаковое средство, десигнат, интерпретатор), можно абстрагировать и рассмотреть ряд бинарных отношений. Можно, например, изучать отношения знаков к их объектам. Это отношение мы назовем *семантическим измерением семиозиса* (обозначается символом $I_{\text{сем}}$); изучение этого измерения назовем *семантикой*. Предметом исследования, далее, может стать отношение знаков к интерпретаторам. Это отношение мы назовем *прагматическим измерением семиозиса* (обозначается символом I), а изучение этого измерения — *прагматикой*» [Там же. С. 50]. Таким образом, в семиотике присутствуют две разные тенденции: с одной стороны, логико-позитивистский пафос, заключающийся в стремлении построить метанауку, с другой — прагматическая направленность, элиминирующая понятие научной истины до успешности применения определенного инструмента, или, если следовать выражению Рорти, словаря.

Как мы видим, в основании самой семиотики лежит прагматическое измерение, а ее предшественниками и основателями выступают Пирс, Джеймс и Дьюи, так же как и в философии прагматизма. Более того, нетрудно убедиться, что не только прагматизм с его стремлением к либерализации общества, но и семиотика имеет чисто гуманизирующую направленность. Об этом можно судить по интонации, с которой У. Эко, один из знаменитых европейских семиотиков, описывает в широко известном интервью Ли Маршаллу [3] образовательные возможности, которые дает Интернет.

Обозначенные подходы противопоставляют свою позицию позиции структурализма и пытаются реабилитировать роль личности в общественных практиках. Однако, в то время как прагматизм зарождался на базе англо-американской философии, постулировавшей свою независимость от континентальной философии, семиотика не имела территориальной специализации, поэтому во многом опиралась на

европейскую философию языка. Тем не менее изначальный вектор развития семиотики был противоположен тем подходам, которые опирались на трактовку языка Ф. де Соссюра, скорее семиотический подход восходит к представлению о языке Э. Кассирера. Показателен эпизод, описанный К.А. Свасьяном в статье «Проблема человека в философии Э. Кассирера» [6]. В марте 1929 года в Давосе Кассирер, неокантианец, философ, работающий в чисто академической среде, руководил одним из университетских семинаров вместе с Хайдеггером. «Налицо была очевидная контрверса, где академическая научность столкнулась с философией человеческого существования, и, казалось бы, именно здесь бесчеловечному сциентизму должен был быть нанесен удар со стороны профессионального человековедения. События разыгрались непредвиденно: Кассиреру пришлось защищать человеческое существование от унижительно пораженческого острословия философа экзистенциализма. „Заброшенности” (Geworfenheit) человеческого бытия в мире он противопоставил человеческую жизнь в культуре, культурой и для культуры» [6, с. 228]. Неудивительно, что уже позднее Кассирер, переводя свою «Философию символических форм» на английский язык, озаглавил ее как «Опыт о человеке» [2]. Если говорить о последнем произведении, то в терминологии семиотики Кассирер в нем занимается семантическим исследованием. Предметом размышления этого философа является символическая деятельность человека, но эта деятельность определяет «природу человека» функционально, а не субстанционально.

Здесь раскрывается проблематичность концепции Кассирера. Насколько можно судить, исходя из его работы, символы указывают на некий объединяющий формы человеческой деятельности принцип, будь то язык, наука, религия или искусство. «В конечном счете должна быть найдена общая черта, характерная особенность, посредством которой все эти формы согласуются и гармонизируются» [Там же. С. 523]. Однако, поскольку Кассирер дает семантический анализ символических форм, его работа носит описательный характер, в ней нет поспешных обобщений. Мы не найдем у философа определения сущности человеческой природы, и заявленная цель так и не будет вполне реализована.

С другой стороны, следует поставить под вопрос саму возможность нахождения этой единой «человеческой природы» в рамках используемого словаря. Возможно, такое абстрагирование будет терять из виду особенности различных символических форм.

Философы во второй половине XX века пытались разрешить проблему систематизации данных о различных символических формах применительно к их роли в социальных взаимодействиях. Примером «семантического» ответа можно назвать позицию У. Эко, выраженную в его работе «Отсутствующая структура» [8], в то время как «прагматический» подход будет проиллюстрирован позицией Р. Рорти в его работе «Случайность, ирония и солидарность» [5]. Язык в обоих случаях рассматривается в применении к социальным взаимодействиям между людьми (в широком понимании – на праксисе), и в обоих случаях мы видим критику структуралистской модели понимания языка. И у Эко, и у Рорти эта критика зиждется на схожем основании – отказе от попыток найти некоторое абсолютное основание языка. Эко постулирует, что невозможно найти единую для всех знаковых систем метаструктуру. Рорти показывает, что выведение языка в отдельную сторону познавательного процесса в теориях структуралистов не решает апорий классического субъект-объектного отношения, но только привносит новую «метафизическую субстанцию».

Семиотический подход обнаруживает, что отказ от понятия структуры приводит философию к тупику рассуждения. Поэтому Эко предлагает некоторую уловку. «Структура как фикция, как предположение в той мере, в какой она предоставляет в мое распоряжение инструментарий, позволяющий мне прокладывать путь в социально-историческом универсуме, хотя бы отчасти утоляет мое бесцельное влечение, полагая ему пределы, пребывая в которых животное-человек ощущает умиротворение» [8, с. 463]. Сравнивая эту цитату с приведенной выше цитатой Кассирера, можно заметить, что оба философа используют «терапевтическую» риторику («гармонизация», «умиротворение» как цель). Из этого можно сделать вывод, что целью семиотики является не создание единой структуры символических форм, а непротиворечивое их описание, которое можно использовать для описания человеческой действительности,

разворачивающейся в рамках взаимодействия между людьми, а не в рамках взаимодействия человек – объективная реальность.

Если говорить о прагматизме как философской концепции, то он предполагает другой выход из сложившегося тупика. Если рассматривать структуру языка как инструмент, то этот инструмент можно назвать «словарем». Тогда, раз этот словарь исчерпал свои описательные возможности, необходимо создать новый словарь и границы его употребления. «Философия... не претендует иметь лучшего кандидата на создание тех же самых старых вещей, которые делались нами, когда мы говорили по-старому. Скорее, она предполагает, что нам, возможно, вдруг захочется прекратить их делать и заняться чем-то другим. Но она не доказывает этого предположения на основе предшествующего критерия, присущего старой и новой языковой игре. Ибо подобного критерия просто не будет, если новый язык действительно нов» [5, с. 31]. В итоге смена научного и философского словаря не является самоцелью, она просто дает человеку возможность «заниматься чем-то другим». Именно в этой дистинкции раскрывается утопическая направленность размышления, которую мы видим у Рорти. Дело не только в том, что новый словарь лучше дает возможность создать систему, обладающую большими возможностями в предсказании и управлении интеллектуальной жизнью индивида (такая трактовка представлена в работе Н.С. Юлиной «Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета» [9] при сравнении позиций Дэннета и Рорти). Кажется, сам Рорти отказывается от терминологии предсказания и управления, поскольку она неизменно отсылает к позитивистской концепции истины. Поэтому целью ставится «переформулировать надежды либерального общества нерационалистским и неуниверсалистским способом, т. е. способом, который лучше, чем более старые описания этих надежд, служит их реализации» [5, с. 72]. В обращении к «надеждам» общества кроется своеобразие Р. Рорти как философа, его «оптимизм», как верно заметил Ж. Буврес в статье «Читая Рорти: прагматизм и его следствия» [1]. Увлечение Рорти образом либерального ироника – это то, что составляет его притягательность и популярность во всем мире и одновременно провоцирует критику. В сборнике статей «Рор-

ти и его критики» [1], вышедшем в 2000 году, можно не раз увидеть скептицизм оппонентов и коллег Рорти в отношении предложенного им способа реализации общественных надежд. Проект Рорти заключается в том, чтобы через популяризацию нового словаря привести общество к осознанию личной ответственности. Сомнение в такой позиции, правда, заключается не в том, что проект либерализма не может осуществиться таким способом, а в том, что одной смены словаря на самом деле недостаточно для появления новых способов социального взаимодействия.

Подводя итоги, стоит еще раз отметить, что оба рассмотренных подхода — семантический и прагматический — описывают язык с функциональной точки зрения, как часть и инструмент социального взаимодействия, и фактически не дают субстанциального определения, но лишь указывают на него. Язык вне метафизического размышления — это некоторый «X», способный организовывать наше понимание и нашу общественную жизнь. Таким образом, данные подходы открывают для социальной философии возможности социального рассмотрения проблематики языка в рамках его функционирования при социальных взаимодействиях.

Тем не менее в рамках обоих подходов раскрывается понимание языка и социального взаимодействия вне риторики подчинения, как это можно увидеть в структурализме, более того, оба подхода сознательно противопоставляют себя такой трактовке языка. Нами были также указаны и другие общие основания этих подходов:

- семиотический и прагматический подходы опираются на выводы классического прагматизма в лице Пирса, Дьюи и Джеймса;

- оба подхода имеют гуманистическую направленность.

С другой стороны, различие этих подходов состоит в тех целях, которые они ставят перед исследованием: для семиотики — это «гармонизация», для прагматизма — «реализация социальных надежд».

Если следовать логике семиотики, то основная цель языка — адекватная трансляция реалий социума, т. е. авторы не стремятся к изменениям реалий социальной жизни. Речь не идет о критике негативных видов социального взаимодействия, которые имеются в любом обществе. Человек выводится за рамки таких социальных явлений, как насилие, унижение, намеренное взаимонепонимание. Человек, как разумное существо, испытывает радость и умиротворение от взаимопонимания, поэтому основная социальная функция семиотической философии — подробное описание действующей языковой системы, актуальной для данного общества.

Между тем взаимопонимание не является социальной реалией, скорее, это социальная «надежда», утопия, при которой каждый человек видит другого как равноправного участника социального взаимодействия. Любая структура социального взаимодействия не является универсальной — вот та идея, осознание которой может реализовать эту утопию, сделать общество действительно либеральным, поскольку она предполагает не только наличие разных структур взаимодействия, разных языковых практик, но и возможность личного выбора наиболее приемлемой, возможность новаторства, поиска новых словарей для достижения взаимопонимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rorty and His Critics [Text] / ed. by R. B. Brandom. — Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2000.
2. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке [Текст] / Э. Кассирер. — М.: Гардарики, 1998.
3. Маршалл, Л. Под Сетью [Текст] / Л. Маршалл, У. Эко // Искусство кино. — 1997. — № 9.
4. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков [Текст] / Ч. У. Моррис // Семиотика: сб. переводов / под ред. Ю. С. Степанова. — М.: Радуга, 1982. — С. 45–97.
5. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность [Текст] / Р. Рорти; пер. с англ. И. В. Хестановой, Р. З. Хестанова. — М.: Рус. феноменол. общ-во, 1996.
6. Свасьян, К. А. Проблема человека в философии Э. Кассирера [Текст] / К. А. Свасьян // Буржуазная филос. антропология XX века. — М.: Наука, 1986. — С. 227–239.
7. Хайдеггер, М. Язык [Текст] / М. Хайдеггер; пер. с нем. Б. В. Маркова. — СПб., 1991.
8. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко; пер. с итал. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло. — СПб.: Симпозиум, 2006.
9. Юлина, Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета [Текст] / Н. С. Юлина. — М.: Канон+, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ФРОЛОВА Елена Игоревна – аспирант кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 534-75-21 (кафедра)

selena-che@mail.ru

FROLOVA Elena I. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

selena-che@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 372.881.111.1

Н.Э. Аносова

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СМИ**

N.E. Anosova

**PROBLEMS OF MASS MEDIA POLITICAL DISCOURSE TRANSLATION
FROM ENGLISH INTO RUSSIAN**

Аннотация

Статья посвящена анализу политического дискурса, его жанровой структуры и основных под-типов. Рассмотрены функциональные и стилистические особенности материалов политического дискурса СМИ, а также лексические и стилистические приемы перевода текстов политического дискурса с английского языка на русский.

Ключевые слова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНОСТЬ, СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА, ПАРАДИГМА ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ.

Abstract

The article deals with the analysis of political discourse in mass media, its genres and types. The purpose of the article is to consider functional and stylistic features of political discourse in mass media as well as stylistic and lexical techniques of English-Russian political translation.

Keywords

POLITICAL DISCOURSE, POLITICAL COMMUNICATION, CULTURAL LINGUISTICS, CULTURAL IDIOSYNCRASY, MASS MEDIA, POLITICAL TRANSLATION, PARADIGM OF POLITICAL CORRECTNESS IN TRANSLATION.

Общественно-политическая ситуация и ее изменение играют существенную роль в развитии языка. Политический дискурс – это явление современной повседневной жизни. Чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики, причем политический дискурс интересует как профессионалов, занятых в политике, журналистов и политологов, так и самые широкие массы граждан. Умение понимать язык политики и вести дискуссию на общественно-политические темы входит и в круг значимых

компетенций студентов – магистрантов гуманитарного, экономического и технического направлений.

Студенты, изучающие иностранный язык в магистратуре, все чаще сталкиваются с проблемами перевода лексических единиц политического дискурса в рамках курса профессионально ориентированного перевода и в рамках дисциплины «Иностранный язык для специальных целей». В связи с этим возникает необходимость уделять особое внимание таким областям знания, как политический дискурс средств мас-

совой информации (СМИ), лингвокультурная составляющая общественно-политического дискурса и особенности перевода статей общественно-политической тематики.

Политический дискурс — неотъемлемая часть социальных отношений, поскольку он формируется ими и в то же время сам формирует их, являясь сложным единством языковой формы, знания и действия [3, с. 123]. Таким образом, в реализации политического дискурса участвуют не только языковые средства, но и экстралингвистические факторы, которые определяют общение, а также когнитивные структуры, обуславливающие существование самого дискурса [4, с. 320].

В лингвистике обозначены два основных типа дискурса: персональный (лично ориентированный) и институциональный (статусно ориентированный) [8]. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором — как представитель определенного социального института. Статусно ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т. е. речевое взаимодействие представителей социальных групп и институтов друг с другом, с людьми, реализующими статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития.

Наряду с такими видами институционального дискурса, как юридический, медицинский, деловой, рекламный, исследователи выделяют политический дискурс, изучением которого занимаются многие политологи, социологи, психологи, лингвисты. Основы теории политического дискурса были заложены представителями кембриджской и оксфордской философских школ в 50-е годы XX века, занимавшимися анализом лингвистического контекста общественной мысли. В 1970-х годах термин «дискурсы» широко применялся при анализе политических процессов, в 1980-х возник центр семиотических исследований, связанных с анализом дискурсов [2, с. 230].

В последние десятилетия теория политического дискурса стала объектом пристального внимания лингвистов. Если на Западе проблемы языка и власти, языка и идеологии, языкового манипулирования, роли мифа в

политической коммуникации находились в фокусе исследовательского интереса достаточно давно — примерно с послевоенных лет, то в нашей стране лингвисты стали активно разрабатывать эту проблематику преимущественно с начала перестройки, когда политическая коммуникация перестала носить сугубо ритуальный характер. В первую очередь политический дискурс является предметом изучения политической лингвистики, основанной в середине XX века Дж. Оруэлом и В. Клемперером. В настоящее время это отдельное направление, успешно развиваемое как зарубежными, так и отечественными исследователями. Политическая лингвистика находится на стыке наук (лингвистики, политологии, культурологии и др.) и активно использует методы социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, стилистики и риторики.

Политический дискурс пересекается с другими типами дискурса — юридическим, научным, массово-информационным, педагогическим, рекламным, религиозным, спортивно-игровым, бытовым и художественным. Современный язык политики отличает среда его существования — СМИ, и в силу ориентации политического общения на массового адресата этот язык лишен корпоративности, присущей любому специальному языку [12, с. 386]. Политический дискурс, как и всякий другой, имеет полевое строение. В центре его находятся те жанры, которые максимально отражают основное назначение политической коммуникации — борьба за власть. Жанровая структура политического дискурса весьма богата. Это прежде всего парламентские дебаты, общественно-политические речи, голосование. В составе политического дискурса выделяют такие жанры, как манифест, предвыборная платформа, персональное общение, интервью, политическая реклама и др. Вследствие «размытости» границ дискурса нередко происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте. Так, например, интервью с политологом сочетает в себе элементы масс-медиа, научного и политического дискурсов. Политический и рекламный дискурс пересекаются в жанре политической рекламы. Таким образом, можно сделать вывод, что любой материал в СМИ, в котором речь идет о политике и автором которого является политик (или, наобо-

рот, адресованный политику), следует относить к полю политического дискурса.

Важнейшая характеристика политического дискурса — это культурная специфика. Политический дискурс СМИ, являясь предметом интереса лингвокультурологии, представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества. Медиатексты насыщены культурозначимой информацией, в них фиксируются и отражаются как общие, так и специфические особенности функционирования национальных языков и культур. Именно поэтому выявление и описание культурозначимых компонентов медиаречи оказывается сегодня одной из важнейших исследовательских задач.

Анализ непосредственно языковой составляющей медиадискурса позволяет составить представление о функционировании языка на современном этапе его развития: проследить за образованием новых единиц, заметить исчезновение существовавших ранее. Лингвокультурная специфика реализуется в семантике, синтактике, прагматике языковых знаков, наполняющих текст, что в совокупности составляет культурологическую маркированность медиадискурса [6, с. 264]. При этом категория культуроспецифичности представлена совокупностью единиц культурологического контекста, относящихся ко всем его четырем уровням: денотативному, коннотативному, ассоциативному и метафорическому [7]. Лингвистическую основу данной категории составляют слова, обозначающие реалии и артефакты, слова и словосочетания с культуроспецифичными коннотациями, лексические единицы с устойчивыми ассоциативными связями.

Культурные характеристики политического дискурса тесно связаны с другой его важнейшей характеристикой — прецедентностью. Перевод прецедентных текстов всегда представляет сложную переводческую задачу. Прецедентность — это одно из проявлений важнейшей категории дискурса, интертекстуальности. Прецедентные феномены в широком понимании — любые широко известные имена, высказывания, тексты, ситуации, имеющие хождение и легко узнаваемые в данном лингвокультурном сообществе, — представляют собой интерес с точки зрения теории и практики перевода. Являясь своеобразной проекцией лингвокультурного пространства, их порождающего, тексты, относящиеся к дис-

курсу масс-медиа, содержат реалии, ссылки на исторические события. Лингвокультурное пространство понимается как совокупность языковенных культурных феноменов, широко известных в данном ЛКС и составляющих культурную грамотность среднего его представителя. Соответственно использование прецедентных феноменов повышает степень аутентичности высказывания, способствует созданию «своей» атмосферы, закрытости от «коммуникативных чужаков» и, таким образом, является эффективным средством обращения к культурной идентичности аудитории [12].

Высоким уровнем прецедентности отличается политический дискурс США, и, поскольку необходимость перевода в политическом дискурсе прецедентных единиц возникает повсеместно, перед переводчиком встает дилемма: стоит ли такие единицы в переводе заменить, опустить или дать переводческий комментарий.

Как американские, так и российские политические деятели в своих речах неизменно используют ту прецедентную информацию, которая имеет отношение к ценностным ориентирам лингвокультурного сообщества и отражает современную проблематику. По мнению известного переводчика П.Р. Палажченко, существуют три текста, которые знакомы каждому американцу: это первые абзацы Декларации независимости, государственный гимн и Геттисбергская речь президента Линкольна [9, с. 211]. Кроме того, большинству американцев известно содержание Билля о правах — первых десяти поправок к Конституции США. Выдержки из этих прецедентных документов либо аллюзии на них являются неотъемлемой частью публичных выступлений американских политиков, в особенности предвыборных агитационных речей. На русскоязычного читателя такие приемы не произведут никакого впечатления: ни упоминание речи Линкольна, ни цитирование знаменитой «I have a dream» М.Л. Кинга не вызовет у него патриотических чувств, поскольку данные прецедентные тексты не являются частью его культуры.

В процессе передачи на иностранный язык прецедентных текстов интересно проследить алгоритм действий в устном переводе. В книге известного отечественного переводчика П.Р. Палажченко находим следующий эпизод из переводческой практики А.Д. Швейцера:

«Поскольку <...> анекдоты генерала были, по существу, непереводаемыми, я обзавелся американским сборником, содержащим шутки на все случаи жизни, и тщательно его проштудировал. Выслушав очередной образчик генеральского юмора, я пересказывал вместо него один из подходящих по ситуации анекдотов из сборника, причем с неизменным успехом» [11, с. 187]. Таким образом, замена прецедентного текста языка оригинала на прецедентный текст языка перевода оказывается оправдана, но лишь при условии сохранения коммуникативного эффекта высказывания.

В дискурсе американских президентских выборов трансформация подвергается незначительное число прецедентных феноменов. Причем часть из них носит формальный характер, например необходимые грамматические изменения для представления высказывания в косвенной речи. Для российского предвыборного дискурса характерны большая распространенность и вариативность видов трансформации прецедентных феноменов. Они подвергаются трансформации для того, чтобы вовлечь читателя в языковую игру с автором и вызвать, таким образом, заинтересованность. Участие в «создании» смысла высказывания, самостоятельное восстановление интертекстуальных связей влечет за собой эмоциональную вовлеченность, что создает благоприятную основу для оказания запланированного воздействия [5].

Перевод политического дискурса имеет ряд функциональных и стилистических особенностей, которые находятся в прямой зависимости от особенностей самого политического дискурса. Из общеязыковых функций наиболее актуальной для политического дискурса является функция воздействия на адресата. Теория перевода на современном этапе своего развития обращает внимание на взаимосвязь перевода и социолингвистических факторов. Делается вывод, что реципиент неизменно воспринимает текст перевода через призму своей национальной культуры и соответственно некоторые содержательные аспекты высказывания будут априори не поняты либо неверно истолкованы.

Существует несколько ключевых характеристик общественно-политического дискурса СМИ как отдельного функционального стиля. Во-первых, это высокая стандартизованность, выражающаяся в использовании публицисти-

ческих клише, штампов, лексикализованных метафор, что позволяет создать эффект беспристрастности автора: *call for actions* – призыв к действию; *officially comment on* – дать официальное заявление; *a statement issued by* – в заявлении, опубликованном; *in the midst of political campaign* – в разгар политической кампании; *the agency reported that* – в сообщении агентства говорится. Многие клише англоязычного политического дискурса СМИ имеют устойчивые эквиваленты в русском языке, принятые в переводе, их и следует придерживаться: *to proceed from the assumption that...* – исходя из того, что...; *restricted information* – информация для служебного пользования/секретная информация.

Надо отметить, что основным стилистическим принципом организации языка в публицистике является сочетание стандарта и экспрессии. Для политического языка и дискурса США характерна экспрессивность, подчеркнутая обилием стилистических средств: *From the House to the Senate, a demon lurks, luring the country's leaders to twist and mangle words into grotesque amalgamations.* – *Заседающие в конгрессе политические лидеры страны, подавившись соблазну, коверкают слова, создавая порой нелепые, лишённые смысла фразы.* Однако подобная «высокая» экспрессия в меньшей степени присуща русскому языку, поэтому в процессе перевода чаще всего используется прием снижения образности. Перевод метафорических выражений с английского языка на русский, как правило, также сопровождается снижением образности в языке перевода по сравнению с текстом оригинала: *John McCain's admission to the Weekly Standard's Steve Hayes... that he would consider the possibility of choosing a pro-choice running mate is rightly seen as a trial balloon to gauge reaction among conservative base voters to such a move.* – *Заявление Джона Маккейна о том, что он готов рассмотреть возможность избрания в качестве кандидата на пост вице-президента политика – сторонника легализации абортов, которое он сделал в интервью корреспонденту Weekly Standard's Стиву Хейзу, стоит воспринимать скорее как попытку прозондировать почву с целью оценить реакцию консервативно настроенных избирателей на подобный ход.*

Отечественные СМИ в последнее десятилетие активно увеличивают число немотивированных заимствований в русском языке, и на

страницах российских газет можно встретить такие варианты передачи реалий политического дискурса СМИ, как *прочойс* и *пролайф*. На наш взгляд, прием транскрипции в данном случае не позволяет раскрыть значение называемых понятий, а сами лексические единицы выглядят чужеродно и слишком экзотично в русском дискурсе. *Pro-choice* — всемирно известное общественно-политическое движение, возникшее сразу после того, как в 1973 году Верховный суд США отменил запрет на аборты, существовавший в большинстве штатов. Ему противопоставлено движение *pro-life* — «в защиту жизни» («за жизнь»). Вопрос перевода этих реалий до сих пор является спорным. На наш взгляд, наиболее корректным вариантом перевода является описательный: *a pro-choice running mate* — кандидат в вице-президенты — сторонник легализации абортов.

Названия партий в США часто носят очень образный характер, и адекватный перевод такой лексики невозможен без наличия у переводчика фоновых знаний об американской партийной системе. Например, в статьях американских СМИ, посвященных предвыборной тематике, встречается словосочетание *Blue Dogs*. Тот факт, что оба слова написаны с заглавной буквы, должен навести переводчика на мысль, что это не просто политическое прозвище или ироничное сравнение с синими собаками, но название учреждения или государственного образования. В ноябре 1994 года в ответ на республиканский успех на выборах группы умеренных и консервативных демократов в палате представителей США объединились, назвав себя «Демократами синей собаки» (англ. *Blue Dog Democrats*). В качестве талисмана они выбрали синюю собаку, очевидно, намекая на старую шутку о том, что южанин проголосует за демократов, даже если кандидатом от демократов будет «желтая собака». «Желтая собака» превратилась в голубую, так как голубой цвет — это традиционный цвет демократов. Предпочтительным вариантом перевода в данном случае является описательный перевод со смысловым развитием, сопровождающийся снижением образности: *Blue Dogs* — *партия консервативных южан*. Название этой партии в последнее время все чаще появляется на страницах американских общественно-политических изданий, и в русскоязычных СМИ можно встретить варианты перевода «*Партия*

синих псов» или «*Демократы синей собаки*». В этом случае требуется переводческий комментарий, поскольку среднестатистический русский читатель не столь близко знаком с партийной системой США и подобный перевод без пояснения может вызвать непонимание.

Следующий пример может служить иллюстрацией трудностей при переводе неологизмов, присущих политическому дискурсу: *Conservatives are panning the president's performance*. «*This is another hype-and-blame trick from a president who thinks turning the economy around and solving our unemployment problem is everyone else's job but his own*». — *Консерваторы критикуют работу президента*. «*Это очередной пример политики очковтирательства, проводимой президентом Обамой, который считает, что управлять экономикой страны и решать проблемы безработицы должен кто угодно, но только не он сам*». Посредством создания неологизма *hype-and-blame* представители республиканской партии во главе с М. Ромни, являющимся одним из главных соперников Б. Обамы на президентских выборах 2012 года, выразили критику в адрес Обамы и его политики в Белом доме. Параллельность конструкций неизменно вызывает у адресата сообщения, т. е. избирателей, ассоциацию со знаменитым слоганом «*Hope and Change*», который стал лейтмотивом президентской кампании Обамы в 2008 году. Лексема «*очковтирательство*» относится к сниженному стилю, что накладывает существенные ограничения в ее употреблении. Однако язык российской прессы в большинстве случаев допускает использование сниженной или даже бранной лексики, поэтому предложенный вариант «*политика очковтирательства*» будет уместен в переводе. Кроме того, реалия *hype-and-blame trick* также тяготеет к разговорному стилю; соответственно приведенный вариант перевода позволяет сохранить стилистическое оформление высказывания, а ярко выраженная оценочность и негативная коннотация прекрасно работают на создание необходимого коммуникативного эффекта.

В значительной степени денотативный культурологический контекст политического дискурса составляют общественные и политические реалии, аллюзии к прецедентным текстам, цитаты. Отличительная черта американского современного политического дискурса — аллюзии на сакральные тексты. Политический и

религиозный дискурсы могут «переплетаться». Так, в дискурсе Б. Обамы значительное место занимают мессианские мотивы (сейчас в меньшей степени, чем до прихода к власти), аллюзии на библейские сюжеты и речи М.Л. Кинга-мл. [1, с. 248]. Для правильной интерпретации и перевода аллюзий и цитат необходимо обладать общей эрудицией и фоновыми знаниями о культуре и стране происхождения исходного текста. Разумеется, невозможно помнить наизусть все прецедентные тексты – источники цитат и метафор, поэтому в тех случаях, когда интуиция или контекст подсказывают, что в тексте спрятана цитата, переводчику текста могут помочь англоязычные словари цитат (например, «Oxford Dictionary of Quotations» и «Penguin Dictionary of Modern Quotations»).

Еще один немаловажный аспект политического дискурса, который необходимо учитывать при переводе, – парадигма политкорректности. Постколониальное западное общество, движения за права женщин и сексуальных меньшинств привели за последние десятилетия к значительным изменениям в лексическом составе английского языка. В гендерных политкорректных эвфемизмах наблюдается нейтрализация по признаку пола путем ухода от «сексистских» суффиксов *-man*, *-woman*, *-er* и *-ess*:

- *policeman, policewoman* → *police officer* «офицер полиции»;

- *chairman, chairwoman* → *a chairperson* или даже *chair* «председатель» (обращение *Madam Chair* звучит пикантно);

- *air hostess* → *flight attendant* «борпроводник»;

- *waiter, waitress* → *server*;

- *fireman* → *a firefighter* «огнеборец» и т. д.

Дискриминирующий «мужской» суффикс *-man* и вовсе близок к искоренению. Само слово «women», по наблюдениям некоторых исследователей, все чаще пишется как *womyn* или даже *wimmin* во избежание ассоциации со словом *man* [10, с. 624].

Нужно ли отражать такие изменения в переводе? Отрицательный ответ, казалось бы, очевиден. Внутренняя форма слова вторична, носители русского языка вряд ли обращают особое внимание на сочетания *преподаватель Иванова, врач Иванова* и т. д. Напротив, в русском языке формы женского рода в названиях профессий чаще имеют оттенок пренебрежительности и разговорности.

Возникает вопрос и при передаче политкорректных эвфемизмов-словосочетаний. В английском языке, особенно в американском варианте, имеется множество таких слов. Одним из наиболее продуктивных в образовании новых эвфемизмов является суффиксоид *-challenged*:

- *an invalid* «инвалид» → *a physically challenged person*, что можно попробовать перевести как «человек, преодолевающий физические трудности»;

- *fat* «толстый» → *horizontally challenged* – «преодолевающий горизонтальные трудности»;

- *bald* «лысый» → *follicularly challenged* – «преодолевающий фолликулярные трудности» или «фолликулярно отсталый».

Политкорректные эвфемизмы рекомендуется передавать также эвфемизмами, делая максимально близкую кальку. Вместе с тем мы переводим не только с языка на язык, но и с культуры на культуру, а в нашей, русскоязычной культуре эвфемизмы распространены отнюдь не так широко. Проблему усугубляет то обстоятельство, что до сих пор далеко не все эвфемизмы, порожденные толерантностью, зарегистрированы толковыми словарями, не говоря уже о словарях двуязычных. Переводчику таких текстов приходится проявлять недюжинную изобретательность в переводе подобной лексики.

Функциональная специфика политического дискурса по отношению к другим видам дискурса проявляется в его базовой инструментальной функции – борьбе за власть [12]. Одна из важных особенностей текстов СМИ практически всех жанров – сочетание в них элементов сообщения и воздействия. Хотя главной функцией массовой коммуникации принято считать передачу информации, эта передача довольно редко бывает полностью нейтральной, т. е. абсолютно свободной от элементов воздействия на аудиторию. В большинстве случаев передача информации сопровождается прямым или завуалированным выражением оценки, языковыми средствами и речевыми приемами, побуждающими аудиторию к определенной реакции на передаваемую информацию, средствами привлечения внимания к информации или к точке зрения, выражаемой в сообщении. Исследование функциональных и стилистических особенностей политического дискурса помогает осуществить перевод с сохранением необходимого коммуникативного эффекта, что является, безусловно, первостепенной задачей переводчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Будаев, Э.В.** Метафора в политической коммуникации [Текст] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. — М.: Флинта, 2008.
2. **Ван Дейк, Т.А.** Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. Ван Дейк. — М., 1989.
3. **Велединская, С.Б.** Курс общей теории перевода [Текст]: учеб. пособие / С.Б. Велединская; Нац. исслед. Томск. политехн. ун-т (ТПУ). — Томск: Изд-во ТПУ, 2010.
4. **Верещагин, Е.М.** Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Рус. яз., 1980.
5. **Ворожцова, О.А.** Прецедентные феномены в российском и американском предвыборном дискурсе 2004 [Текст] / О.А. Ворожцова // Полит. лингвистика. — 2007. — Вып. 3 (23). — С. 69–73.
6. **Добросклонская, Т.Г.** Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) [Текст] / Т.Г. Добросклонская. — М.: Флинта : Наука, 2008.
7. **Иванова, С.В.** Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии [Текст] / С.В. Иванова // Полит. лингвистика. — 2008. — Вып. 1 (24). — С. 29–33.
8. **Карасик, В.И.** Структура институционального дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. — С. 25–34.
9. **Палажченко, П.Р.** Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика) [Текст] / П.Р. Палажченко. — 2-е изд. — М.: Р. Валент, 2002.
10. **Тер-Минасова, С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. — М., 2000.
11. **Чужакин, А.П.** Мир перевода, или вечный поиск взаимопонимания [Текст] / А.П. Чужакин, П.Р. Палажченко. — М.: Р. Валент, 1997.
12. **Шейгал, Е.И.** Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. — Волгоград: Перемена, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

АНОСОВА Наталия Эдуардовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-97-84 (кафедра)
natalia-ed@mail.ru

ANOSOVA Natalia E. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*
195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
natalia-ed@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 811.581.11

Т.Н. Лобанова

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
В ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(на материале газет КНР)**

T.N. Lobanova

**TRANSLATION OF POLITICAL TEXTS: LINGUOPRAGMATIC ASPECT
(by the material of Chinese newspapers)**

Аннотация

В статье рассмотрены проблемные вопросы политической лингвистики на примерах функционирования и перевода китайского политического языка. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ аналогов китайских и русских политических текстов, выделены лексико-фразеологические трудности перевода с китайского языка на русский и с русского языка на китайский. Предложены лингвопрагматические модели структурирования текста, позволяющие передать более адекватно смысл политического текста в ситуациях русско-китайского перевода.

Ключевые слова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА, СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК, ПЕРЕВОД, СТРУКТУРИРОВАНИЕ ТЕКСТА.

Abstract

The article deals with the problematic issues of political linguistics in the aspect of functioning and translating. The comparative analysis of Chinese and Russian political texts is given and lexical difficulties of translating (Russian↔Chinese) are defined. Linguopragmatic models of text structuring to present the meaning of political texts more adequately are shown in the article.

Keywords

POLITICAL LINGUISTICS, POLITICAL TEXT, POLITICAL VOCABULARY, THE MODERN CHINESE LANGUAGE, TRANSLATION PROCESS, STRUCTURING OF TEXTS.

Опыт нашей переводческой деятельности и работы в пресс-центре с текстами на китайском и русском языках, в основном политико-экономического толка, а также с текстами выступлений российских и китайских политических деятелей в сотрудничестве с преподавателями-волонтерами из КНР оказал влияние на выбор рассматриваемой проблемы [12, 14].

Проблема перевода политических текстов в отечественной теории перевода – в ряду разрабатываемых. Во многом это объясняется тем, что в последнее время бурно развивается новая гуманитарная наука, занимающаяся изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием, – политическая

лингвистика (далее – политлингвистика). Переводчику следует принимать решения с учетом достижений политлингвистики, обращаясь к ее базовому категориальному аппарату. Исследованием проблем политлингвистического направления занимаются ученые-лингвисты екатеринбургской научной школы А.П. Чудинов [13], Э.В. Будаев [3; 4, с. 19; 5; 11] и др. Исследователи отмечают, что «на современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация „язык власти“), становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами»

[12, с. 25], т. е. исследования по политлингвистике объединены прежде всего изучаемым материалом.

В данной области знаний не существует единой теоретической основы и методологии. В комплекс базисных понятий и терминов политлингвистики включают политическую коммуникацию, политический язык, политический текст и контекст, политическую речь и др. Среди современных научных лингвистических изысканий можно выделить диссертационное исследование С.Г. Катаевой [6, 7], посвященное проблеме политического языка на материале политической лексики, однако оно выполнено на материале немецкого языка. В пособии А.Н. Баранова [1] предлагаются методы, позволяющие анализировать содержание текста, определяя, что говорится и что подразумевается, а также обсуждаются часто используемые в текстах СМИ приемы манипулирования сознанием. В соответствии с существующей классификацией политлингвистических исследований на современном этапе [3, с. 21–41] исследование по проблемам перевода политических текстов, с одной стороны, политлингвистическое, с другой – исследование по практической деятельности переводчика.

Знание и понимание специфических характеристик политических текстов обеспечивают адекватный перевод. По нашему убеждению, эффективнее выполнять перевод политического текста или сообщения с опорой на концепцию динамической (или функциональной) эквивалентности Ю. Найда [9], определяя адекватность перевода не путем сравнения исходного текста с текстом перевода, а путем сопоставления реакции получателя переводного текста и получателя текста на исходном языке.

Рассмотрим особенности политической лексики китайского языка новейшего периода в аспекте перевода, проводя сравнительно-сопоставительный анализ единиц китайского языка, содержащих в своей семантической структуре политический компонент, на уровне предложения-высказывания, абзаца и целого текста. Отметим, что на основе комплексного изучения современного китайского политического языка нами были выявлены значения, не зафиксированные в лексикографических источниках.

В любом обществе социальные и политические изменения влекут за собой изменения языковые. Власть устанавливает новые отношения между людьми, что требует языкового оформления. Язык политики влияет на язык в целом.

Тщательно отобранные лексические средства для номинации явлений либо политических фигур с целью создания необходимого образа, формирования стереотипа или ярлыка характеризуют тексты политической коммуникации (устной или письменной, любой жанровой разновидности). Одни авторы (политические и общественные деятели, журналисты) для достижения перечисленных выше целей прибегают к ярким языковым приемам, а другие представляют информацию с помощью нейтральной лексики. Согласно У.А. Берзиня, в современных политических текстах КНР большую роль играют элементы традиционного китайского политического языка [2, с. 271].

В связи с вышесказанным актуальным является изучение особенностей переосмысления, преобразования и перевода лексических и метафорических единиц с учетом культурного фона, так как при переводе на китайский или русский язык не всегда удается подобрать точный эквивалент в связи с различиями в понятийных картинах мира русских и китайцев. Заявленная проблематика также обоснована тем, что в теории и практике перевода важно учитывать особенности обоих языков в сравнительном плане, поскольку русский и китайский языки различны по своей структуре, что объясняется синтетическим характером русского языка и изолирующим типом китайского.

Политическая лексика – один из самых подвижных пластов языковой системы газеты; одни слова и фразеологизмы выходят из употребления, на их место приходят другие лексические единицы, в том числе и такие, которые ранее активно использовались в общенародном языке. Тексты политической коммуникации рассчитаны на массового читателя и слушателя. Такие тексты насыщены общественно-политической терминологией, специфической лексикой – идеологемами и метафорами, эпитетами, сокращениями, особыми грамматическими конструкциями, лозунгами, призывами, преседентными высказываниями и цитатами. Иссле-

дурмый тип текстов изобилует прецедентными феноменами – названиями различного рода государственных планов, программ, конференций, мероприятий, которые, как правило, заключаются в кавычки и вызывают трудности у переводчика.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ китайских и русских политических текстов в процессе переводческой деятельности позволил выделить трудности (на лексико-фразеологическом уровне) при переводе:

1) названий реалий государственно-административного устройства и общественной жизни КНР и других государств:

а) административных единиц, государственных институтов, государственных постов: liánbāng guǎnqū – *федеральный округ (в РФ)*; Èluósī liánbāng huìyì wěiyuánhui zhǔxí – *председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ*; zìzhìqū – *автономный округ (в КНР)*; zhíxíyáshì – *город центрального подчинения*; tèbié xíngzhèngqū – *особый административный район*;

б) общественных организаций, партий, воинских подразделений, функционирующих органов власти КНР и других государств: tōngyī èluósī dǎng – *Единая Россия*; Zhōngguó gòngchǎndǎng – *Коммунистическая партия Китая*; Zhōngguó gòngchǎndǎng dì shíbā cì quánguó dàibǎo dàhui – *XVIII съезд КПК*; Èluósī liánbāng ānquán jú – *ФСБ России*; Zhōngguó mínzhǔ tóngméng – *Демократическая лига Китая (ДЛК)*; Èluósī gòngchǎndǎng – *Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)*; Shànghǎi hézuò zǔzhī – *Шанхайская организация сотрудничества* и др.;

2) ономастических реалий:

а) антропонимов: Fú•fú•pǔjīng – *В.В. Путин*; Xìjīnpíng – *Сициньпин*; huáng dì Bǐde yī shì – *Петр I Великий*;

б) топонимов: Yàtài dìqū – *Азиатско-Тихоокеанский регион*; yánhǎi biānjiāng qū – *Приморский край*; Kānchájiā biānjiāngqū – *Камчатский край*; Āmù'ěr zhōu – *Амурская область*.

Следует выделить трудности, связанные с переводом названий государственных программ и проектов: переводчику необходимо подобрать точный аналог при переводе во избежание коммуникативных неудач. Например, «guójiā zhōngchángqī jiàoyù gǎigé hé fāzhǎn guīhuà gāngyào (2010–2020 nián)» – *«Национальный проект среднесрочных и долгосрочных программ развития и реформ в области образо-*

вания на 2010–2020 гг.»; zhōngguó «dōngběi dìqū zhènxiǎng jìhuà» – *«Программа по возрождению районов Северо-Востока Китая»*.

Названия конференций, «круглых столов», симпозиумов и форумов являются прецедентными и также вызывают затруднения при переводе. Например: «zhōngguó éyǔ jiàoxuéfāde xiànrshíwèntí» – *«Актуальные проблемы методики преподавания русского языка в КНР»*; «èluósī shìjiè jījīn – фонд «Русский мир»»; «méiyǒu mòshēnggrénde shìjiè» niándù guójiè qīngnián dàhui – *ежегодный международный слет молодежи «Мир, где нет чужих»*; «āmù'ěr tiāncāi qīngnián» – *фонд «Талантливая молодежь Амура»* и т. д.

Политическая лексика обогащается за счет новой политологической терминологии, идеологием и политических метафор. «Идеологема – это слово, в значение которого входит идеологический компонент» [13, с. 92]. Рассмотрим примеры китайских идеологием: dìguó yǒngyuǎn bù luò de tàiyáng – *империя, над которой никогда не заходило солнце*; xiǎokāng – *«Малое процветание»*; dà tǒng – *«Великое Единение»*.

Синтагматическое членение китайских политических текстов позволяет обнаружить примеры метафор и других выразительных средств политической коммуникации. Так, политическую метафору в китайском языке относят к языковым средствам манипулирования. Например: jīnnián de jīngjì bixū zhuǎnrù gēng jiànkāng de fāzhǎn guǐdào – *экономику в этом году необходимо перенаправить в колею здорового развития*; zhèngfǔ gěi mǐnyíng qǐyè kāifàng lǜdēng – *правительство должно дать народу зеленый свет на управление предприятиями*.

Приведем примеры различных средств выразительности и их перевод: suǐzhe xīnxī bàozhà shídài de dào lái... – *по мере наступления эпохи «взрыва информации»...* (метафора); zài guójiè wǔtái shàngdài biǎo wǒmen de guójiā – *представлять наши страны на международной арене* (речевое клише); yǒu xiāoxi chèn fānduìpài xīwàng... – *согласно имеющейся информации, оппозиция надеется...* (метафора персонификации); liúxiě shìjiàn – *кровавое мероприятие* (эпитет, перифраз); lǐngdǎorén chángqī zhízhèng kěnéng dàilái de zhèngzhì píláo – *длительное пребывание у власти вызывает политическую усталость* (антропоморфная метафора); zhǎnshì èluósī jīngshén de guójiā língxiù – *государственный лидер, демонстрирующий дух России* (перифраз); yǒukěnéng

bàofā dì'èr bōlàng cháo – вероятно, нахлынет вторая волна кризиса (социоморфная метафора).

Рассматривая грамматические трудности перевода, целесообразно обратиться к работе Т.Н. Никитиной [10], где автором представлена «грамматика зависимостей»: основой любого предложения выступает элементарная предикативная конструкция. Кроме того, переводчику полезно иметь в своем багаже конструкции, функционирующие в данном стиле и являющиеся диагностическим признаком: yǐ ... wèi – рассматривать как (в качестве), принимать за ...; yóu ... jǔbàn – (мероприятие) организовано кем-либо; wèi ... tíngōng – для ... предложить; cóng ... láikàn – с точки зрения, с позиции...; yǐ ... wéizhǔ – взять (что-либо) за основу; pòtāng – поставить (что-либо) во главу угла; yǐcǐ tóngshí – кроме того и др.

В исследуемых текстах часто используются конструкции, указывающие на время или содержащие информацию о временных отрезках. Например: gùjīn – теперь, ныне; zhìjīn – до сих пор, до настоящего времени; jīnri – сегодня; jīnri – к сегодняшнему дню; jīnri 2011 niándǐ – до конца 2011 года и др.

Обратимся к примерам структурных преобразований при переводе и выделим наиболее типичные случаи преобразований, характерные для данного типа текстов при переводе с русского языка на китайский. Как правило, в публицистических текстах присутствует указание на дату события или мероприятия.

22–25 ноября 2011 года состоялась Дальневосточная научно-практическая конференция «Национальный культурный центр: концепция и технология развития». Одним из ее учредителей выступил Хабаровский государственный институт искусств и культуры. – yóu hā ba luō fu sī kè guólì yìshù yǔ wénhuà xuéyuàn zhǔbàn, «mínzú wénhuà zhōngxīn: gài niàn yǔ fāzhǎn fāngfǎ» yuǎndōng kēxué yántǎohuì yú 2011 nián 11 yuè 22–25 rì jǔxíng [12, с. 107]. Обстоятельство времени, стоящее в начальной позиции в русском предложении, в китайском ставится в конце. Кроме того, за счет использования речевого оборота «yóu ... jǔ bàn», который указывает на организатора какого-либо мероприятия, два предложения на русском языке предлагается перевести одним китайским.

Это сборник лучших студенческих проектов обеих вузов с 2002 по 2008 год. – zhè shì yī běn

cóng 2002 nián zhì 2008 nián qījiān liǎng gāoxiào yōuxiù xuéshēng de shèjì huàcè [Там же. С. 109].

В данном примере рамочная конструкция в китайском предложении использована как атрибутивная и стоит перед определяемым, в то время как в русском предложении временная конструкция заканчивает предложение.

Одним из самых значительных образовательных и культурно-просветительских проектов мирового масштаба начала XXI века, бесспорно, является создание и развитие сети Институты Конфуция. – 21 shìjì chū, xiǎnrán, chuàngjiàn yǔ fāzhǎn kǒngzǐ xuéyuàn shì quánqíu guīmó de jiàoyù hé wénhuà xiàngmù zhī yī [Там же. С. 115].

Непереведенные тексты политико-экономического толка содержат огромное количество примеров для анализа, в которых актуальны структурные преобразования на уровнях предложение – абзац – текст.

Любой политический текст – это средство информации и средство убеждения. Повторяемость ситуаций и аргументов, а также недостаток времени у журналистов на более тщательную обработку материала приводит к частому использованию штампов. Поэтому для таких текстов характерны максимальная воспроизводимость и «штампованность». Газетные штампованные клише отличаются узкой вариативностью и сравнительно легко поддаются репродукции, что должно учитываться в процессе перевода. Исходя из вышеперечисленных особенностей, можно сделать вывод о том, что в газетах будут встречаться примерно одинаковые грамматические и экспрессивные стилистические конструкции. Особого внимания от переводчика требует организация текста: наличие абзацного членения. Достаточно трудно воспроизвести на языке перевода (русском) тот же объем, что и в китайском абзаце, в силу типологической отдаленности китайского и русского языков.

Разрабатывая переводческие стратегии, можно сделать вывод: чтобы политический текст в полной мере выполнял свою коммуникативную функцию, его недостаточно просто перевести, он должен быть включен в культурную среду языка перевода. Китайская политическая лексика – один из самых подвижных пластов языковой системы, и перевод политических текстов (русский/китайский и наоборот) является достаточно трудоемким процес-

сом, так как переводчику необходимо не только отлично владеть языком оригинала и языком перевода, но и понимать концептосферу обоих народов. От этого зависит стратегия перевода: сохранять, изменять или преобразовать исходную лексическую единицу, чтобы не утратить первоначальный эффект оригинала. Логику стратегического подхода при структурировании текста на переводящем языке предопределяют: 1) структурные преобразования, обусловленные требованием учета актуального членения предложения; 2) объединение и членение предложений при переводе с китайского языка на

русский; 3) свертывание и развертывание префикаций; 4) преобразования, мотивированные лакунарностью или логикой изложения информации в тексте; 5) добавления или опущения.

Структурные преобразования проистекают из смысловых и стиливых особенностей китайского и русского языков. Перечисленные выше техники и приемы перевода должны работать на то, чтобы вызвать у целевой аудитории ту же реакцию, что и текст оригинала.

Лингвометодическое решение рассматриваемых проблем предлагается в разработанном нами учебном пособии [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баранов, А.Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика [Текст]: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – 3-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2011. – 592 с.

2. **Берзиня, У.А.** Традиционный политический язык в современной КНР [Текст] / У.А. Берзиня // Учен. зап. Отд. Китая ИВ РАН. – Вып. 2. – М., 2010. – 286 с.

3. **Будаев, Э.В.** Зарубежная политическая лингвистика [Текст]: учеб. пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта : Наука, 2008. – 352 с.

4. **Он же.** Метафора в политическом интердискурсе [Текст]: моногр. / Э.В. Будаев; Урал. гос. пед. ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2006.

5. **Он же.** Сопоставительная политическая метафорология [Текст] / Э.В. Будаев. – Н. Тагил: НТГСПА, 2011. – 330 с.

6. **Катаева, С.Г.** Проблемы определения понятийного аппарата немецкой политолингвистики [Текст] / С.Г. Катаева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2009. – № 1. – С. 160–166.

7. **Она же.** Немецкий политический язык. Основные направления и тенденции развития (1945–2005) [Текст] / С.Г. Катаева. – М.; Липецк: ЛГПУ (гриф МПГУ), 2007. – 205 с.

8. **Лобанова, Т.Н.** Пособие по чтению современной китайской прессы = 中文报纸阅读教程 [Текст]:

учеб. пособие / Т.Н. Лобанова. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. – 120 с.

9. **Найда, Ю.** К науке переводить [Текст] / Ю. Найда // Вопр. теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 114–137.

10. **Никигина, Т.Н.** Грамматика китайского публицистического текста [Текст]: учеб. пособие / Т.Н. Никигина. – СПб.: Каро, 2007. – 224 с.

11. **Современная** политическая лингвистика [Текст]: учеб. пособие / Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Е.В. Дзюба, Н.А. Красильникова; отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 252 с.

12. **Университеты** России и Китая – вместе в новом тысячелетии. Навстречу X форуму вузов Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Восточных регионов Китайской Народной Республики [Текст]. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. – 132 с.

13. **Чудинов, А.П.** Политическая лингвистика [Текст]: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – 4-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2012. – 256 с.

14. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://muniver.khstu.ru/> – журнал «Мой университет» (дата обращения: 20.03.2013).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ЛОБАНОВА Татьяна Николаевна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета.

680020, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136
тел. (4212) 73-40-16
lobanovaty@mail.ru

LOBANOVA Tatiana N. – Pacific State University.
680020, Tihookeanskaya street, 136, Khabarovsk, Russia
lobanovaty@mail.ru

А.Г. Морачевский

АКАДЕМИК ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ВЕРНАДСКИЙ
(К 150-летию со дня рождения)

A.G. Morachevski

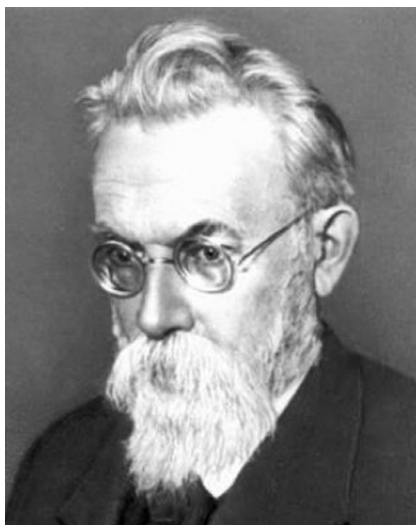
ACADEMICIAN VLADIMIR IVANOVICH VERNADSKY
(the 150th anniversary)

12 марта 2013 года исполнилось 150 лет со дня рождения академика Владимира Ивановича Вернадского, выдающегося ученого-естествоиспытателя первой половины XX века, основателя геохимии, биогеохимии и радиогеологии, геолога, минералога, кристаллографа, историка науки, философа, создателя научной школы, видного общественного деятеля.

Жизни, научной и педагогической деятельности В.И. Вернадского посвящено огромное количество работ, особенно много публикаций появилось в последние 25 лет. На протяжении более чем 60 лет, т. е. всю свою сознательную жизнь, ученый вел дневниковые записи, которые представляют собой уникальный источник сведений исторического характера. После 1991 года значительная часть этих дневников была опубликована в Киеве и Москве без каких-либо изъятий в текстах.

Очень кратко напомним о важнейших датах и событиях в жизни ученого. Владимир Иванович Вернадский родился 12 марта 1863 года в Санкт-Петербурге в высокоинтеллигентной, либерально настроенной дворянской семье. Его отец, Иван Васильевич Вернадский (1821–1884), окончил Киевский университет, уже в 28 лет

стал профессором политической экономии и статистики в Киеве, затем преподавал в Москве и Петербурге, был директором банка в Харькове, занимался издательской деятельностью.

Академик Владимир Иванович Вернадский (1863–1945)

В.И. Вернадский в 1881 году окончил классическую гимназию в Петербурге и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, который гордился преподававшими в нем в те годы Д.И. Менделеевым, А.М. Бутлеровым, Н.А. Меншуткиным, А.Н. Бекетовым, А.С. Фаминцыным. Особое влияние на направление научной деятельности Вернадского оказали лекции по минералогии В.В. Докучаева, которого он считал своим учителем и глубоко уважал.

Осенью 1885 года В.И. Вернадский окончил университет со степенью кандидата по естественному отделению и был оставлен при Минералогическом кабинете университета, в марте 1886 года утвержден в должности хранителя. В 1887 году, сдав магистерские экзамены, он выехал в заграничную командировку, посетил научные центры в Италии, Швейцарии, Германии, Франции, Англии. Вернадский работал в лабораториях известных ученых в Германии и Франции. Несколько небольших статей

по результатам экспериментов, опубликованных молодым ученым во французских журналах, принесли ему определенную известность в научных кругах.

В декабре 1889 года В.И. Вернадский получил приглашение на кафедру минералогии и кристаллографии в Московском университете. Первоначально он был утвержден в звании приват-доцента, а уже с января 1891 года вел самостоятельные курсы минералогии и кристаллографии на двух факультетах – физико-математическом и медицинском.

27 октября 1891 года в Петербургском университете В.И. Вернадский защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра минералогии и геогнозии (геологии) на тему «О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах». Экспериментальная часть работы была выполнена во Франции. Диссертация получила высокую оценку. Уже в 1897 году там же, в Петербургском университете, Вернадский защитил докторскую диссертацию. 31 января 1898 года он стал экстраординарным профессором Московского университета. В 1902 году утвержден ординарным профессором минералогии и кристаллографии и состоял в этой должности до 10 апреля 1911 года. В 1903 году Московский университет издал лекции В.И. Вернадского «Основы кристаллографии».

После получения в наследство небольшого имения в Тамбовской губернии В.И. Вернадский принимал активное участие в земской деятельности, был избран гласным (депутатом) Моршанского уездного земства, Тамбовского губернского земства, участвовал в организации помощи местному населению во время голода в 1892 году.

С начала XX века определенное место в жизни В.И. Вернадского занимали общегосударственные проблемы. В конце января 1905 года в газетах за подписями 342 ученых и преподавателей высших учебных заведений была опубликована записка о неотложных нуждах просвещения в России. Записку подписали 16 действительных членов Императорской Академии наук, ведущие профессора, среди которых был и В.И. Вернадский. По существу эта записка послужила основой программы учрежденного вскоре «Академического союза».

В октябре 1905 года В.И. Вернадский стал одним из организаторов конституционно-де-

мократической («кадетской») партии России (на II съезде партии в январе 1906 года к этому названию было добавлено: «партия народной свободы»). На проходившем в Москве Учредительном съезде партии 12–18 октября 1905 года он был избран членом ее Центрального комитета, а также вошел в состав Московского комитета партии и в состав Редакционного комитета. В дальнейшем на всех съездах, на которых происходили выборы руководящих органов партии (III, V, VI, VIII съезды), Вернадский неизменно избирался в состав Центрального комитета кадетской партии. Конституционно-демократическая партия России объединяла в своем составе цвет российской либеральной интеллигенции начала XX века. В состав ее Центрального комитета входили крупнейшие теоретики русского либерализма, выдающиеся ученые различных отраслей знания, видные деятели земского движения. Партия кадетов ставила своей целью преобразование страны парламентским путем и на базе общечеловеческих ценностей.

В марте 1906 года В.И. Вернадский был избран членом Государственного совета от так называемой академической курии (Академия наук и университеты). Однако уже в июле того же года он вместе с коллегами по курии подал в отставку в знак протеста против роспуска Государственной думы Указом от 8 июля 1906 года. Вторично Вернадский был избран в Государственный совет в январе 1908 года и в третий раз – в 1915 году.

Несмотря на довольно активную общественно-политическую деятельность, многочисленные выступления в печати, главным делом для В.И. Вернадского оставалась научная работа. В 1906 году он был избран действительным членом-адыонктом Императорской Академии наук. С 1906 по 1914 год заведовал минералогическим отделом Геологического и минералогического музея Академии наук. Музей находился в Петербурге, и ученому приходилось регулярно ездить туда.

В связи с репрессиями властей в отношении Московского университета в 1911 году В.И. Вернадский в числе большой группы профессоров и приват-доцентов покинул университет и автоматически вновь прекратил участие в работе Государственного совета. Семья Вернадских в августе 1911 года переехала в Петербург. В этот

год исполнилось 25 лет научной деятельности В.И. Вернадского, авторитет его очень высок. 3 марта 1912 года он был избран ординарным академиком, действительным членом Императорской Академии наук. С 1914 года – директор Геологического и минералогического музея Академии наук, руководитель постоянно действующей Радиевой экспедиции. Избран действительным или почетным членом большого числа научных обществ России.

С началом Первой мировой войны лидеры кадетской партии призвали к единству действий правительство и общество. В обращении ЦК партии кадетов «К единомышленникам», в частности, говорилось: «Отложим же внутренние споры, не дадим ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия» [1, 2].

В январе 1915 года В.И. Вернадский и ряд других академиков выступили с инициативой об образовании постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), состоящей из ученых различных специальностей и представителей правительственных учреждений. Председателем Совета КЕПС был избран Вернадский. Активное участие в работе КЕПС, существовавшей до 1930 года, принимали академики А.Е. Ферсман, Н.С. Курнаков, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг и др. [3].

Падение царского режима в феврале 1917 года российское научное сообщество встретило с воодушевлением. Академия наук из Императорской была переименована в Российскую. Почти за 200 лет существования Академии наук президент ее был избран, а не назначен. Им стал выдающийся геолог А.П. Карпинский (1846–1936).

В конце июля 1917 года министром народного просвещения во Временном правительстве, возглавляемом А.Ф. Керенским, был назначен близкий друг В.И. Вернадского со студенческих лет, один из лидеров кадетской партии, академик-востоковед С.Ф. Ольденбург. По его просьбе 11 августа 1917 года Вернадский занял должность товарища министра. В сферу его деятельности входили высшие учебные заведения и наука.

Захват власти в России большевиками 25 октября (7 ноября) 1917 года значительная часть русской либеральной интеллигенции восприняла как катастрофу. В принятом Общим собранием Академии наук обращении говори-

лось: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства...» [4, 5].

В первое время после октябрьского переворота В.И. Вернадский продолжал, наряду с научной деятельностью, работу в ЦК кадетской партии и во Временном правительстве (об этом свидетельствуют его дневниковые записи [6]). Однако после опубликования рядом газет 16–17 (по ст. ст.) ноября 1917 года обращения Временного правительства к народу с призывом защитить Учредительное собрание и объявлением кадетской партии «партией врагов народа» возникла реальная угроза ареста с непредсказуемыми последствиями. 18 ноября 1917 года Вернадский срочно выехал в Москву и затем в Полтаву к родственникам.

Созданная в марте 1917 года украинская Центральная рада 10 июня 1917 года провозгласила автономию Украины, решение о полной самостоятельности Украины она приняла 11 января 1918 года. В марте 1918 года по соглашению с Центральной радой на территорию большей части Украины были введены немецкие и австро-венгерские войска. В середине апреля 1918 года сравнительно мирным путем изменилась форма правления на Украине – гетманом Украинской державы был провозглашен П.П. Скоропадский (1873–1945), генерал-лейтенант российской армии.

Пост министра народного просвещения в правительстве Скоропадского занял Н.П. Василенко, давний знакомый В.И. Вернадского, историк права, член ЦК кадетской партии России, бывший товарищ министра народного просвещения во Временном правительстве (одновременно с Вернадским). В начале июня 1918 года по предложению Василенко Вернадский переехал в Киев для непосредственного руководства подготовкой к созданию Академии наук на Украине. 9 июня 1918 года он встретился с гетманом Скоропадским, который обещал всяческое содействие при решении организационных вопросов [6].

Из видных украинских ученых различных специальностей была сформирована Комиссия по созданию Украинской Академии наук под председательством Вернадского. В период с 9 июля по 17 сентября комиссия провела 23 заседания. Были выработаны структура и ус-

тав Академии наук, сформулированы ее задачи. Назначение первого состава академиков было возложено на правительство Украины. 27 ноября 1918 года на общем собрании Академии наук В.И. Вернадский был избран ее президентом. Результаты выборов утвердил гетман Украины 30 ноября [7].

Через год, в середине ноября 1919 года, в связи с отступлением Добровольческой армии генерала А.И. Деникина из Киева В.И. Вернадский с семьей, другие видные ученые (академики Н.П. Василенко, В.А. Кистяковский, С.П. Тимошенко и др.) выехали в Харьков, Ростов-на-Дону и далее в южные районы страны. Через Екатеринодар (Краснодар), Новороссийск Вернадский пробрался в Крым, в Ялту. После тяжелой болезни он в апреле 1920 года поселился с семьей в Симферополе, где был избран ординарным профессором минералогии Таврического университета. С 28 сентября до середины января 1921 года Вернадский был ректором университета. Несмотря на научные заслуги Вернадского, его дальнейшее пребывание в Крыму было признано «политически нежелательным», и 25 февраля он с семьей выехал в Москву, куда прибыл 7 марта 1921 года [8].

В первых числах апреля 1921 года В.И. Вернадский вернулся в Петроград и сразу же включился в активную научную и организационную деятельность. Летом впервые побывал на Кольском полуострове. В январе 1922 года был открыт Радиевый институт, директором которого стал Вернадский. В начале июня 1922 года ученый с женой и дочерью выехал по приглашению ректора Парижского университета во Францию. По пути сделал остановку в Праге, где жил его сын Г.В. Вернадский (1887–1973), историк (до 1927 года в Праге, затем в США; профессор русской истории в Йельском университете, автор многочисленных научных трудов). Дочь, Н.В. Вернадская (1898–1986), осталась в Праге, чтобы завершить медицинское образование (в дальнейшем врач-психиатр; с 1922 по 1939 год жила в Праге, затем в США).

В.И. Вернадский пробыл в Париже более трех лет. Это был очень плодотворный период в его научной деятельности. В это время ученый закончил работу над фундаментальной монографией по геохимии, которая была издана сначала во Франции, а затем в СССР под названием «Очерки геохимии» (1927).

В ноябре 1925 года В.И. Вернадский с женой покинул Париж. В декабре 1925 – феврале 1926 года он читал лекции по биогеохимии в Праге. 3 марта 1926 года Вернадские приехали в Ленинград [9, 10].

Вернадский возвратился к обязанностям директора Радиевого института (руководил им до 1939 года) и председателя Совета КЕПС. Летом 1926 года при КЕПС был образован Отдел живого вещества, включавший в себя лабораторию для экспериментальных исследований. 1 октября 1928 года на базе этого отдела создана Биогеохимическая лаборатория (Биогел) АН СССР, ее руководителем до конца жизни был В.И. Вернадский.

В 1926 году В.И. Вернадский восстановил созданную им еще в 1922 году Комиссию по истории знаний (оставался ее председателем до 1930 года). Вернадский возглавил также Комитет по метеоритам, много внимания уделял их изучению. Биогеохимические проблемы, радиоактивность, метеориты, история науки – все это, и не только это, составляло круг его научных интересов. Научный авторитет ученого неуклонно рос: он был избран иностранным членом Чешской Академии наук и искусств (1926), Югославской Академии наук и искусств (1926), членом-корреспондентом Парижской Академии наук по секции минералогии (1928), а также членом различных научных обществ во Франции, Германии, Чехословакии, США. До осени 1936 года Вернадский с женой регулярно выезжал на длительные сроки в страны Западной Европы для чтения лекций, работы в библиотеках и музеях, участия в конгрессах, встреч с зарубежными коллегами, лечения. Последняя заграничная поездка (1936) состоялась по маршруту Прага – Париж – Лондон – Прага [11, 12].

Весной 1934 года начался переезд основной части академических учреждений из Ленинграда в Москву, а осенью туда переехала и Биогеохимическая лаборатория. Радиевый институт, в то время не входивший в систему Академии наук, остался в Ленинграде. В.И. Вернадский был руководителем обоих учреждений. В Биогеохимической лаборатории ему помогал А.П. Виноградов (1895–1975), академик с 1953 года, а в Радиевом институте – В.Г. Хлопин (1890–1950), академик с 1939 года.

Во второй половине 1930-х годов В.И. Вернадскому пришлось неоднократно обращаться

в различные правительственные инстанции для защиты ближайших коллег и друзей. В работе [13] описаны репрессии в отношении лиц, составлявших ближайшее окружение ученого.

В 1937–1938 годах по инициативе В.И. Вернадского Радиевый институт был передан из ведения Народного комиссариата просвещения РСФСР в ведение Академии наук СССР. Президиум АН СССР согласился с просьбой В.И. Вернадского об освобождении его от обязанностей директора и о назначении на этот пост В.Г. Хлопина. Также по инициативе Вернадского 30 июля 1940 года Президиум АН СССР создал весьма представительную Комиссию по проблеме урана («Урановую комиссию»). Возглавил ее директор Радиевого института АН СССР академик В.Г. Хлопин, его заместителями стали академики В.И. Вернадский и А.Ф. Иоффе. В состав комиссии вошли известные ученые: академики А.Е. Ферсман, С.И. Вавилов, Л.И. Мандельштам, П.Л. Капица, физики И.В. Курчатов и Ю.Б. Харитон, геолог Д.И. Щербаков, геохимик А.П. Виноградов, главным идеологом ее был В.И. Вернадский, которому к тому времени исполнилось 75 лет.

Комиссия по проблеме урана при Президиуме АН СССР в немалой степени способствовала формированию исходных предпосылок, заложивших основу успешной реализации отечественного Атомного проекта. Уже тогда были названы институты и организации, которые следовало привлечь к работам по созданию атомного оружия, консолидировались усилия геологов, химиков, физиков, других специалистов.

В связи с началом Великой Отечественной войны было принято решение академиков преклонного возраста вместе с семьями эвакуировать в Северный Казахстан, на курорт Боровое. Семья Вернадских выехала из Москвы 16 июля

1941 года. Климат, условия жизни в Боровом были вполне благоприятными. Здесь В.И. Вернадский продолжил интенсивную научную деятельность, ему помогала личный секретарь А.Д. Шаховская. Большой трагедией для ученого стала кончина его жены Н.Е. Вернадской. Она умерла в феврале 1943 года после очень непродолжительной болезни.

Восьмидесятилетие В.И. Вернадского было отмечено присуждением ему Сталинской (Государственной) премии 1-й степени за многолетние выдающиеся работы в области науки и техники. Ученый был награжден также орденом Трудового Красного Знамени. Кроме того, Постановлением Президиума АН СССР была установлена присуждаемая один раз в три года премия имени В.И. Вернадского за научные разработки в области генетической минералогии, геохимии и биогеохимии.

В августе 1943 года В.И. Вернадский вернулся в Москву. Мечтой ученого был переезд в США, чтобы провести последние годы жизни в кругу близких ему людей – сына, дочери, внуки. Однако этому не суждено было сбыться. 25 декабря 1944 года у ученого произошло кровоизлияние в мозг, и 6 января 1945 года он скончался.

Один из ближайших учеников и друзей Вернадского – Б.Л. Личков в связи с кончиной своего учителя писал: «Мы не можем еще сейчас оценить истинную величину В.И. Вернадского как ученого. Это придет лишь со временем... Его идеи, во многом не понятые современниками и опередившие рядовую научную мысль, долго еще будут предметом идейных войн и споров; они только постепенно будут осваиваться наукой» [14]. Предвидение Личкова полностью оправдалось. Вершиной научного творчества В.И. Вернадского является учение о биосфере – области жизни на нашей планете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Политическая** история России в партиях и лицах [Текст]. – М.: ТЕРРА, 1993. – 364 с.
2. **Леонова, Л.С.** «Я не могу уйти в одну науку...». Общественно-политические взгляды В.И. Вернадского [Текст] / Л.С. Леонова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 400 с.
3. **Кольцов, А.В.** Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. [Текст] / А.В. Кольцов. – СПб.: Наука, 1999. – 183 с.

4. **Протоколы** РАН [Текст]. – 1917, 21 ноября. – § 307.
5. **Каганович, Б.С.** Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии [Текст] / Б.С. Каганович. – СПб.: Феникс, 2006. – 252 с.
6. **Вернадский, В.И.** Дневники: 1917–1921: октябрь 1917 – январь 1920 [Текст] / В.И. Вернадский. – Киев: Наукова думка, 1994. – 271 с.

7. **Ситник, К.М.** Володимир Вернадський і Академія [Текст] / К.М. Ситник, В.В. Шмиговська. – Киев: Наукова думка, 2006. – 312 с.
8. **Вернадский, В.И.** Дневники: 1917–1921: январь 1920 – март 1921 [Текст] / В.И. Вернадский. – Киев: Наукова думка, 1997. – 326 с.
9. **Он же.** Дневники: март 1921 – август 1925 [Текст] / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1998. – 214 с.
10. **Он же.** Дневники: 1926–1934 [Текст] / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 2001. – 456 с.
11. **Он же.** Дневники: 1935–1941 [Текст]. В 2 кн. Кн. 1: 1935–1938 / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 2006. – 444 с.
12. **Он же.** Дневники: 1935–1941 [Текст]. В 2 кн. Кн. 2: 1939–1941 / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 2006. – 295 с.
13. **Тугаринов, И.А.** «Великий перелом» и геохимия [Текст] / И.А. Тугаринов // Репрессированная наука / под общ. ред. проф. М.Г. Ярошевского. – Л.: Наука, 1991. – С. 146–162.
14. **Морачевский, А.Г.** Академик В.И. Вернадский и его участие в организации Академии наук на Украине [Текст] / А.Г. Морачевский // Очерки о химиках и химии. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – С. 6–52.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МОРACHEВСКИЙ Андрей Георгиевич – доктор технических наук, профессор кафедры физико-химии и технологии микросистемной техники Института металлургии, машиностроения и транспорта Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, заслуженный деятель науки и техники РФ.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 552-63-87

morachevski@mail.ru

MORACHEVSKI Andrey G. – St. Petersburg State Polytechnical University.

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

morachevski@mail.ru

С.Б. Ульянова, А.Н. Кашеваров

**В.И. ВЕРНАДСКИЙ – НА СТЫКЕ НАУК И ЭПОХ
(«Круглый стол» в Доме ученых)**

S.B. Ulyanova, A.N. Kashevarov

**V.I. VERNADSKY – AT THE INTERSECTION OF SCIENCE AND ERAS
("Round Table" at the House of Scientists)**

12 марта 2013 года исполнилось 150 лет со дня рождения ученого-энциклопедиста, мыслителя и общественного деятеля академика В.И. Вернадского. 1 апреля 2013 года в Доме ученых в Лесном кафедре истории СПбГПУ организовала «круглый стол» «В.И. Вернадский – на стыке наук и эпох». Открывая заседание, доктор исторических наук, заслуженный профессор СПбГПУ А.Н. Кашеваров подчеркнул теоретическую и практическую актуальность изучения творческого наследия В.И. Вернадского, выдвинувшего идею эволюции биосферы в ноосферу, без которой в принципе невозможно упредить угрозы и вызовы, надвигающиеся на человечество. Анализируя причины возникновения фашизма, нападения нацистской Германии на СССР, Вернадский не только предсказал в самом начале войны крах фашизма как идеологии, но и сформулировал основы ноосферного подхода к истории развития человечества. И он же раскрыл ноосферный потенциал цивилизационной самостоятельности России.

На заседании «круглого стола» выступили к. и. н. Афанасьев Г.Ю. (Российский государственный исторический архив), д. и. н. Каганович Б.С. (Санкт-Петербургский институт истории РАН), к. и. н. Мичурин А.Н. (СПбГПУ), к. и. н. Ведерников В.В. (СПбГПУ), к. и. н. Сидорчук И.В. (СПбГПУ), д. ф. н. Иванов Б.И. (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН).

**Г.Ю. Афанасьев. Жизнь и деятельность
В.И. Вернадского в документах Российского
государственного исторического архива**

Хотя общее количество документов, напрямую посвященных В.И. Вернадскому, в РГИА невелико (20 единиц хранения), они охватывают основные стороны деятельности великого русского ученого до 1917 года.

Фонд Департамента герольдии Сената (Ф. 1343) содержит материалы, посвященные происхождению В.И. Вернадского, потомственного малороссийского дворянина и сына профессора Московского университета. Источники по изучению академической карьеры ученого хранятся в фонде Департамента народного просвещения Российской империи (Ф. 733). Это дела с представлением Вернадского к должностям приват-доцента, ординарного и экстраординарного профессора кафедры минералогии Московского Императорского университета, с представлением на рассмотрение кафедры списка его научных трудов за 1890 и 1902 годы, с собственноручно написанной им автобиографией, а также послужные списки преподавателя университета за 1890–1911 годы. Документальные материалы, посвященные изданию В.И. Вернадского действительным академиком, а также назначению его в 1917 году товарищем министра народного просвещения, хранятся в фонде Департамента общих дел Министерства народного просвещения (Ф. 740).

Особое место в научной деятельности В.И. Вернадского занимает организация с 1908 года экспедиций, лабораторий, исследовательских станций для изучения радиоактивных металлов. В фонде Кабинета Его Императорского Величества МИДа (Ф. 468) хранятся документы Академии наук об организации экспедиции в Нерчинский округ в 1911–1916 годах, а также личная записка академика об организации центральной керамической испытательной станции по огнеупорным и глиняным материалам. Интересны также его записки в качестве председателя Комиссии по изучению естественных производительных сил о необходимости организации ряда государственных исследовательских институтов и об изучении естественных производительных сил Западной Азии, а также описания экспедиции на Урал, в

Предуралье, Забайкалье, Ферганскую область и на Кавказ (Ф. 733).

Отдельным аспектом личности Вернадского является его участие в общественно-политической жизни России начала XX века. В фондах Канцелярии императрицы Александры Федоровны (Ф. 525) и Департамента народного просвещения (Ф. 733) содержатся докладные записки академика о причинах студенческих беспорядков в Московском университете в 1899 году, об отношении к вопросу о проведении занятий и сдаче экзаменов студентами во время этих волнений, а также переписка с попечителем Московского учебного округа в 1911–1912 годах и протестные заявления министру народного просвещения Л.А. Кассо о нарушении им автономии университетов. Крайне интересным источником по изучению этого аспекта деятельности ученого представляется дело о характеристике политических взглядов ординарного профессора Вернадского, данной ему в отзыве Министерства внутренних дел в 1900 году (Ф. 733). Оценка В.И. Вернадским различных общественных событий содержится в его переписке с адвокатом А.С. Зарудным (Ф. 857).

Источниковая база прямого соответствия теме жизни и деятельности В.И. Вернадского, хранящаяся в фондах Российского государственного исторического архива, призвана послужить максимально объективному исследованию своеобразия его личности и вклада в сокровищницу российской науки.

**Б.С. Каганович. В.И. Вернадский
и Ольденбургский кружок**

На протяжении всей жизни В.И. Вернадский был тесно связан с группой университетских товарищей, ставших впоследствии видными деятелями русской науки и культуры. Среди них академик-востоковед С.Ф. Ольденбург, педагог Ф.Ф. Ольденбург, историк-медиевист И.М. Гревс, общественный деятель и исследователь Д.И. Шаховской, историк А.А. Корнилов и др. Кружок этот именовался сначала Ольденбургским, а затем превратился в так называемое «Приютинское братство». Его участники исповедовали либерально-демократические, оппозиционные царизму взгляды, но отвергали террористические методы борьбы с самодержавием и придавали огром-

ное значение развитию науки, культуры и демократического самоуправления.

На идеологию членов «братства» большое влияние оказала «религия человечества» О. Конта, основанная на достижениях «положительной науки», в которой место Бога занимало Человечество как высшее существо и провозглашались постулаты социальной справедливости и всечеловеческой солидарности (можно проследить определенные аналогии между контовской «религией человечества» и учением В.И. Вернадского о ноосфере). В России все это было окрашено традиционным для демократической интеллигенции пафосом «служения народу». В идеологии и деятельности Ольденбургского кружка и «братства» либерально-конституционалистские и «буржуазно-демократические» принципы сочетались с некоторыми народническими элементами и носившими полурелигиозный характер утопическими чаяниями о преодолении «небратского состояния мира». Кружок и «братство» стали одним из центров формирования идейных основ русского левого либерализма конца XIX – начала XX века и кадетской партии, членами которой после 1905 года стали почти все «приютинцы».

**А.Н. Мичурин. Деятельность В.И. Вернадского
в Государственном совете в годы
Первой мировой войны**

Политическая деятельность В.И. Вернадского в Государственном совете носила оппозиционный характер и прямо связана с Прогрессивным блоком. Осенью 1915 года должны были пройти частичные выборы в Государственный совет. Они приковывали к себе всеобщее внимание, так как давали представление о раскладе политических сил среди избирателей, прежде всего в дворянской среде и губернских земских собраниях. 30 августа 1915 года в квартире М.М. Ковалевского 12 профессоров Петроградского университета обсуждали вопрос о предстоящих выборах. В выборщики от Академии наук были намечены А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Вернадский и А.А. Шахматов. Левая группа сумела одержать безоговорочную победу 25 сентября 1915 года, проведя в Государственный совет своих сторонников – академика В.И. Вернадского и профессора А.В. Васильева (переизбран на новый срок). 12 февраля 1916 года состоялись выборы в комиссии Госу-

дарственного совета, и В.И. Вернадский был избран в экономическую комиссию. В другие комиссии Государственного совета Вернадский не баллотировался, с речами не выступал, зато активно подписывал протестные письма накануне Февральской революции.

В ночь на 28 февраля 1917 года члены левой группы и часть членов группы центра (среди них был и В.И. Вернадский) послали Николаю II телеграмму о «народной смуте стихийной силы». Основные предложения пославших это сообщение простирались не дальше политических требований, выдвинутых в Государственном совете еще в ноябре 1916 года: отставка правительства и формирование нового кабинета, пользующегося общественным доверием. Причем утверждение списка лиц, которые войдут в состав нового Совета министров, предполагалось предоставить Николаю II. Из этого можно заключить, что запоздалые призывы самой активной части «прогрессивных групп» являлись лишь реакцией на бурно меняющиеся политические события в Петрограде. Государственный совет, особенно его левое крыло, остались сторонними наблюдателями разворачивавшихся грандиозных революционных событий.

Таким образом, в 1917 году можно выделить некое активное ядро Государственного совета, подписывавшее все петиции и телеграммы, собиравшееся на обсуждения политических вопросов — В.И. Вернадский, С.И. Комсин, А.П. Толстой, Е.Н. Трубецкой, Л.В. Юмашев, Н.Н. Друцкой-Соколинский, В.В. Меллер-Закомельский, Н.П. Савицкий и М.А. Стахович. Если добавить сюда активно действовавших во время Февральской революции А.И. Гучкова и Д.Д. Гримма, то перед нами вырисовывается реальное ядро Прогрессивного блока в Государственном совете, и в нем присутствует фамилия В.И. Вернадского.

В.В. Ведерников. *Дневник В.И. Вернадского о событиях революции и Гражданской войны*

В.И. Вернадский вел дневник на протяжении всей сознательной жизни (см.: Вернадский В.И. Дневники, 1917–1921. Киев, 1994). Первые записи относятся к 1874 году, а последние сделаны в конце 1944 года. События переломной эпохи в истории страны отразились в записях за 1917–1920 годы. Вернадский отмечает, с кем он встречался, над чем работал,

характеризует катастрофически меняющиеся к худшему бытовые условия жизни. Развернутые оценочные суждения обычно фрагментарны и встречаются не слишком часто. Вернадский пытается вести дневник систематично, но нестабильность жизненных и бытовых условий не всегда благоприятствовали этому. Возможно, часть записей была утеряна. К сожалению, отсутствуют записи, которые могли бы охарактеризовать отношение ученого к таким важным и переломным событиям, как созыв и разгон Учредительного собрания, переход власти на Украине от гетмана к Директории.

Канун Октября Вернадский встречает в Петрограде в должности товарища министра народного просвещения. Несомненно, он чувствует приближающийся кризис, неустойчивость власти, но, с другой стороны, надеется, что все как-то обойдется, жизнь войдет в обычную колею. Знаменательна запись от 25 октября о том, что начинается «новое крупное дело», «одно из важнейших», но речь идет вовсе не о событиях в Петрограде (они упоминаются буквально между делом), а о проекте реорганизации внешкольного образования. В советское время существовала стереотипная формула в отношении «старой» интеллигенции: «Первоначально не понял Великого Октября». Думаю, что в случае Вернадского она более чем уместна.

Следующая запись — 3 ноября — содержит уже более адекватную оценку: «Невозможное становится возможным. И разворачивается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной былинкой». Вернадский, член ЦК партии кадетов, уезжает в более спокойную Полтаву.

События в стране заставляют его коренным образом переосмыслить положения, которые казались бесспорными — народоправство, демократия, освободительное движение, социализм. Ученый с интересом знакомится с творчеством Ф.М. Достоевского, признавая справедливой его критику социализма. Он положительно оценивает религию, видя в ней «глубокое внутреннее переживание, связанное с космическим соборным чувством». Переоценка ценностей оказывается настолько радикальной, что он положительно оценивает взгляды проповедника неравенства и раннего представителя расовой теории графа Ж. Гобино. Основ-

ной ценностью Вернадский провозглашает не личность, а сильное, крепкое, сплоченное государство. Отсюда его апология белого движения в период наибольших успехов А.И. Деникина осенью 1919 года. Даже грабежи и насилия, которые чинят белые, воспринимаются Вернадским как возрождение солдатского духа, которым характеризовалась и армия Наполеона. Но стоило ситуации на фронте измениться, как тотчас меняются и оценки Вернадского. Во время отступления белых он с интересом начинает присматриваться к большевизму, который как-никак возродил основы крепкой государственности. Ученый даже выдвигает совершенно фантастическое соображение о том, что наилучший вариант — примирение красных и белых.

На страницах «Дневников» автор неоднократно обращается к «еврейскому вопросу». Следует сказать, что к чести автора эти взгляды публично никогда не озвучивались. Этатистские убеждения Вернадского, ставшие следствием переоценки основ либерального мировоззрения, делают понятным возвращение ученого в СССР и его сотрудничество с властью, прежде всего в деле возрождения отечественной науки.

И.В. Сидорчук. Личность В.И. Вернадского в контексте истории взаимодействия ученого сообщества и власти в 1920–1930-х годах

Сегодня в истории отечественной науки объективной проблемой является пересмотр многочисленных стереотипов ее восприятия. Речь идет в том числе и об истории взаимоотношений виднейших представителей ученого сообщества с властью. В.И. Вернадский является одним из наиболее ярких и известных ученых первой половины XX века. Практически ни одно исследование, посвященное истории развития науки в России в этот период, не обходится без его упоминания. Более того, после публикации дневников и архивов ученого в конце 1980-х — начале 1990-х годов во многом именно его оценками руководствовались исследователи при описании эпохи 1920–1930-х годов, абсолютно доверяя его научному и гражданскому авторитету. Поворотным моментом в исследовании наследия В.И. Вернадского явилась статья М.Ю. Сорокиной «Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки)» в сборнике «Личность и власть в истории России XIX–XX веков» (СПб., 1997).

Именно с этой работы началась переоценка как личности самого В.И. Вернадского, так и взаимоотношений ученого сообщества и власти в послереволюционных условиях.

Исследовательница ввела в научный оборот хранящуюся в Бахметьевском архиве переписку В.И. Вернадского с сыном Георгием, эмигрировавшим в США. В ней Вернадский предстает перед нами отнюдь не жертвой режима, как его традиционно описывали в историографии второй половины 1980-х — 1990-х годов, а скорее символом его благополучия и процветания. Советский академик свободно путешествует по Европе, посещает Германию с целью «почувствовать Гете» в связи с написанной, но «не отделанной» статьей о нем, а также встретиться со старым товарищем по гимназии. О верхушке советской власти он отзывается как о «здоровой и умственно и темпераментом сильной». О Сталине Вернадский пишет как о «настоящем государственном человеке». Он даже оправдывает ряд репрессий: «Гангрена охранок и ГПУ — наследие, как и все старого, — есть по существу морально разлагающая и многое губящая. Как выйдет из этого государство, трудно сказать. Но есть в ней одна черта — своеобразная. Огромная часть прошедших через нее людей возвращается на прежнюю работу, и часть работы заключенных государственно нужна».

Вразрез с традиционным образом Вернадского идет и его уровень жизни — квартира на Арбате с прямыми телефонными каналами с Прагой (где жила дочь) и с Америкой (где жил сын) и т. п. Исполнение всех просьб ученого контролировал лично В.М. Молотов. Таким образом, ученый прекрасно чувствовал себя в условиях сталинизма, являясь одним из тех ученых «старой школы» (как И.П. Павлов или Н.Я. Марр), которым большевистская власть дала многое из того, о чем они мечтали еще во времена царизма — власть, влияние, признание и поддержку. Говоря о причинах лояльности ученых к режиму, стоит помнить и о том, что для тех из них, кто сумел спасти свои институты в тяжелейшие времена разрухи и голода, их сохранение и возможность развития оправдывали любые возможные жертвы. В.И. Вернадский в конце 1920-х годов, в непростое для Академии наук время, полагал, что «значение работы АН так велико, что сохранение этого центра позволяет принести огромные жертвы». Таким обра-

зом, научная цель оправдывала для него многие, в том числе и «ненаучные», средства.

В целом роль научного сообщества в социально-политической жизни страны была необычайно высока как до, так и после 1917 года. В рассматриваемую эпоху оно активно претендовало на выполнение неких «морально-пасторских функций» в дополнение к непосредственно научной деятельности с целью повышения своего социального авторитета. Что касается непосредственно фигуры В.И. Вернадского, то регулярно встречающиеся как в научной литературе, так и в публицистике попытки представить его неким образцовым ученым и гражданином спорны. Политическая и общественная деятельность Вернадского, его свидетельства об эпохе нуждаются в критическом осмыслении.

Б.И. Иванов. *В.И. Вернадский как историк науки*

Трудно найти ученого-естествоиспытателя, в чьем творчестве история мировой и отечественной науки занимала бы такое большое место, как в творчестве В.И. Вернадского, и чье наследие в этой области было бы столь же велико.

Интерес В.И. Вернадского к истории науки пробудился очень рано, еще в 1890-х годах, в Московском университете. К этому периоду относятся многочисленные библиографические выписки ученого по истории российских университетов, о развитии отдельных отраслей естествознания в России и за рубежом, о деятельности отечественных ученых, и прежде всего М.В. Ломоносова. Именно с разработкой творческого наследия Ломоносова был связан первый шаг Вернадского – историка науки.

Знакомаясь с историческими трудами В.И. Вернадского периода 1900-1917 годов, можно проследить, как развивались его научные интересы: от сугубо конкретного исследования, посвященного трудам М.В. Ломоносова по геологии и минералогии, сначала к анализу общих проблем его творчества, затем к процессу становления естествознания в России, а отсюда – к истории Академии наук и разработке тем, близко связанных с решением насущных задач современности.

Современность накладывала яркий отпечаток на все, о чем бы ни писал В.И. Вернадский, будь то организация великих северных экспедиций во времена Анны Иоанновны, судьба М.В. Ломоносова или внутренняя жизнь Академии наук в начале XIX века. Одна из особенностей его работ,

созданных в предреволюционный период, – их публицистичность, полемическая заостренность. Они создавались в те годы, когда шла острая борьба научной общественности России за свободу творчества, независимость высшей школы и улучшение условий исследовательского труда.

После 1917 года характер работы Вернадского в области истории науки меняется. В 1921–1922 годах он готовил труд «Вопрос об изучении естественных производительных сил в России с XVIII по XX век» (оставшийся незавершенным), а в 1926 году написал известную статью «Памяти академика К.М. фон Бэра», однако центр тяжести своей работы он перенес на организацию историко-научных исследований в СССР. Общеизвестна роль В.И. Вернадского в создании и развертывании работы Комиссии по истории знаний (КИЗ) при Академии наук – первого в нашей стране научно-исследовательского центра, целью которого была разработка истории науки. Одну из ее самых главных и первоочередных задач он видел в изучении развития науки в России. Деятельность Вернадского в 1920-х – начале 1930-х годов сыграла большую роль в становлении истории отечественной науки как самостоятельного направления историко-научных исследований – в формировании ее источниковой базы, методологических принципов, в создании и воспитании первоначального коллектива исследователей.

Вернадский-историк был неотделим от Вернадского-естествоиспытателя, а также мыслителя и организатора науки. Исторические экскурсы, более или менее развернутые, разбросаны в десятках его естественно-научных работ, на сотнях страниц докладных записок, проектов, отчетов. Особый интерес представляет огромное эпистолярное наследие Вернадского. Оно до сих пор не опубликовано, и дело чести современных историков науки восполнить этот пробел.

Жаркая дискуссия, которая развернулась в ходе обсуждения заслушанных сообщений (в ней приняли участие не только докладчики, но и приглашенные гости), еще раз продемонстрировала, что изучение жизненного и творческого пути В.И. Вернадского представляет особый интерес для современного научного сообщества, а его идеи требуют специального осмысления и развития в непростых условиях XXI века.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 552-96-91 (кафедра)

oulianova@mail.spbstu.ru

ULYANOVA Svetlana B. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

oulianova@mail.spbstu.ru

КАШЕВАРОВ Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук, заслуженный профессор СПбГПУ.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

тел. (812) 552-96-91 (кафедра)

oulianova@mail.spbstu.ru

KASHEVAROV Anatoliy N. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia

oulianova@mail.spbstu.ru

Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская

ХРОНИКА РУССКОГО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ (первая половина XIX века)

N. A. Naryshkina-Prokudina-Gorskaya

CHRONICLE OF RUSSIAN ART STUDIES (first half of XIX century)

Первая половина XIX века – золотой век русской культуры. В изобразительном искусстве в это время сияли такие крупные звезды, как Орест Кипренский, Карл Брюллов, Павел Федотов и другие художники, творчеству которых посвящено множество статей и монографий.

Еще в студенческие годы меня заинтересовал вопрос: кто же «самым первым» заговорил об изобразительном искусстве Пушкинской эпохи? С тех пор прошло немало времени, проведена большая исследовательская работа, но вопрос не утратил за эти десятилетия ни своей увлекательности, ни своей значимости.

Кто же был первым художником, который привлек внимание просвещенной публики? Что увидели в живописи Пушкинской эпохи историки следующих эпох? Какие проблемы только что нарождавшейся тогда науки об искусстве не утратили своей актуальности?

История науки об искусстве – исследовательская область, остающаяся почти не изученной. При чтении некоторых современных книг по истории русского искусства иногда создается впечатление, что науки об искусстве никогда не существовало.

В данной статье мы попытаемся выявить динамичную картину становления российской науки об изобразительном искусстве, расскажем о наиболее ярких ее представителях, как правило, известных литераторах, личностях незаурядных, причастных к истории России.

Просмотрев все без исключения периодические издания XVIII и XIX веков, мы убедились в том, что самой первой публикацией, касавшейся вопросов изобразительного искусства, была статья «*О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств*», появившаяся в журнале «*Вестник Европы*» в 1802 году. Статья написана в необычной для нас, но распространенной тогда эпистолярной форме. «Мысль задавать худож-

никам предметы по отечественной истории достойна Вашего патриотизма», – обращался в письме к своему другу анонимный автор, подписавшийся «О. О.». Из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» мы узнали, что таинственный аноним «О. О.» – это знаменитый русский литератор и историк **Николай Михайлович Карамзин** (1766–1826).

Работая над главами «Истории государства Российского», занимаясь историей Древней Руси, Н.М. Карамзин с любовью описывал, как на протяжении веков поднималась Москва. Во время Отечественной войны с Наполеоном пожар в Москве почти все превратил в пепел. Получить представление о том, как выглядели древние московские терема, соборы и колокольни, стало возможным во многом благодаря книге Карамзина. «Карамзин – наш Кутузов Двенадцатого года, он спас Россию от нашествия забвения» [1, с. 138].

Идея воплощения событий истории Российского государства в живописных полотнах, которую выдвинул Н.М. Карамзин в своей статье, превратилась в национальную идею. Известный историк В. Соловьев назвал книгу Карамзина «История государства Российского» «величественной поэмой». Не в этой ли масштабности идеи и одновременно в образности изложения кроются разгадки нетленности этого труда писателя, равно как и исключительной значимости его статьи в «Вестнике Европы»? Изучение искусства в его кровной связи с историей, а также художественность изложения научного гуманитарного труда – драгоценные уроки, преподанные нам в самом начале XIX века.

Через несколько лет после публикации статьи Н.М. Карамзина на ту же тему были написаны еще две статьи, появившиеся в журнале «*Северный вестник*». Одна из них принадлежала

историку и литератору **Александру Ивановичу Тургеневу** (1784–1845), служившему в архиве Министерства иностранных дел. Он учился в Гёттингенском университете и совершил научное путешествие по славянским землям. Вернувшись в Россию, Тургенев и опубликовал в журнале статью, в которой, в частности, писал: «Давно пора нашим живописцам вместо разорения Трои представить разорение Новгорода, вместо той героической спартанки, радующейся, что ее сын убит за Отечество, представить Марфу-посадницу, которая не хочет пережить вольности Новгородской» [2, с. 279]. А.И. Тургенев объездил всю Европу, интересовался всем, что касалось истории, литературы и художеств, был знаком со всеми знаменитостями, «состоял в переписке с целым светом», и это придавало всем его высказываниям общеевропейскую известность.

Спустя два года в печати появилась статья «Предметы для художников, избранные из российской истории, славянского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и прозе», написанная членом Санкт-Петербургского вольного общества любителей наук, словесности и художеств **Александром Александровичем Писаревым** (1780–1848). В 1807 году он представил это сочинение в Российскую академию, а в 1809 году, по предложению Г.Р. Державина, был избран в ее члены.

А.А. Писарев был участником военной кампании 1807 года, в 1812-м сражался под Бородином, в 1813-м командовал гренадерской бригадой. Портрет генерал-лейтенанта А.А. Писарева украшает Военную галерею Зимнего дворца. В 1823 году Писарев вышел в отставку, и в тот же день был избран президентом Московского общества любителей истории и древностей российских. В 1824 году он стал попечителем Московского учебного округа и университета. Тему, поднятую в статье, Писарев развил в книге «Начертание художеств, или Правила живописи, скульптуры, гравирования и архитектуры».

Все эти публикации не остались незамеченными. Спустя несколько лет художники Санкт-Петербургской академии художеств вдохновились пафосом предложенных тем. Появилось несколько живописных композиций на темы древнерусской истории. Профессором Петербургской академии художеств **Андреем**

Ивановичем Ивановым (ок. 1776–1848) были написаны две картины: «Подвиг киевлянина при осаде Киева печенегами в 968 году» (1809, ГРМ) и «Единоборство древнерусского князя Мстислава Удалого с косоожским князем Редедей» (1812, ГРМ). Эти полотна напоминали о ратных подвигах предков, поднимали дух современников.

В 1814 году в журнале «Сын Отечества», одном из самых передовых журналов своего времени, появилась статья «Прогулка в Академию художеств» с подзаголовком «Письмо старого московского жителя к приятелю его в деревню N». Первые же строки статьи настраивали на лирические рассуждения: «Мы издавна любили живопись и скульптуру. И в твоём маленьком домике... мы часто заводили жаркие споры о голове Аполлона Бельведерского, о мизинце Гебы славного Кановы, о коне Петра Великого.

Пожар Москвы поглотил домик твой со всеми картинами и эстампами... Он поглотил маленькую Венеру, бюст Вольтеров с отбитым носом и маленького Амура с факелом» [3].

Автором статьи был известный поэт **Константин Николаевич Батюшков** (1787–1855). Когда над Россией нависла опасность войны с Наполеоном, он, оставив службу в Министерстве просвещения, пошел в народное ополчение. В 1808 году участвовал в военных действиях русской армии против шведов и финнов, в 1809-м принял участие в знаменитом походе на Аландские острова. В 1812 году в самый канун Бородинского сражения вернулся в Москву, в 1813-м, будучи адъютантом генерала Н.Н. Раевского, участвовал в «битве народов» под Лейпцигом. К.Н. Батюшков был свидетелем капитуляции Парижа и участником торжественного входа в него российских войск.

Вернувшись из Парижа, Батюшков опубликовал свою «Прогулку в Академию художеств». Побывав во многих городах и музеях Европы, поэт новыми глазами увидел Петербург: «Единственный город! Сколько предметов для кисти художника! – восклицал он. – И как жаль, что мои товарищи мало пользуются собственным богатством. Я часто с горестью смотрел, как в трескучие морозы они трудятся над пламенным небом Италии, тиранят свое воображение – и часто взоры наши» [Там же].

Избранная Батюшковым эпистолярная форма давала ему возможность рассказать о разных мнениях, высказанных на выставке,

и тем самым ввести читателя в курс критической полемики. Один из посетителей выставки возражал другому (стороннику академической классицистической живописи): «Я не одних побежденных трудностей ищу в картине. Я ищу в ней более: я ищу в ней пищу для ума, для сердца» [3]. В этом угадывалась позиция автора.

Батюшков всячески стремился «спомошествовать» достижениям отечественной школы живописи. Находясь одно время в Риме, с гордостью сообщал в Петербург об успехах выпускников Императорской Петербургской академии, особенно отмечая живописца **Ореста Кипренского**: «Слава Богу, что русский человек так пишет! Слава Богу, что он заслуживает внимания всех просвещенных путешественников и не умер с голоду...» [4, с. 540–542]. Приписка весьма колоритная. Сравнивая положение художников в России и Италии, он хлопотал за русских мастеров перед президентом Петербургской академии: «Скажу Вам решительно, что плата им положенная так мала, так ничтожна. Здесь лакей, камердинер получает более... Им (русским художникам. – Н. Н.) не на что купить гипсу и нечем платить за натуру и модели» [Там же].

Обзоры академических выставок стали все чаще появляться в печати. Особенно «урожайным» оказался 1820 год, когда только «Сын Отечества» напечатал три статьи. Одна из них – «Академия художеств» – принадлежала перу **Николая Ивановича Гнедича** (1784–1833), известного поэта и переводчика «Илиады» Гомера, и была посвящена состоявшейся там выставке. В своей статье он провозгласил: «Не критики страшиться дарованию, а безмолвия» [5, с. 310]. Наконец слово было названо! Критика! Можно сказать, что с этого момента художественная критика начала оформляться как самостоятельная область науки об искусстве.

Статьи первых десятилетий XIX века являлись теми крупными, теми золотыми песчинками, из которых постепенно складывались фундаментальные основы русского искусствознания.

Две другие статьи, напечатанные в 1820 году в «Сыне Отечества», принадлежали будущим декабристам братьям Бестужевым – Николаю и Александру. Старший из братьев – **Николай Александрович Бестужев** (1791–1855) – морской офицер, первый историк российского флота, один из лучших пре-

подавателей Морского корпуса, среди учеников которого был и будущий герой обороны Севастополя П.С. Нахимов. В своей статье, посвященной строительству Исаакиевского собора, Н.А. Бестужев сетовал, что «мы ищем удивительных вещей в чужих краях», проходя мимо собственных сокровищ.

Известный литератор и издатель **Александр Александрович Бестужев** (1797–1837), автор третьей статьи, выпускал альманах «Полярная звезда», отдавая этому много души и сил. В 1825 году после выступления декабристов А.А. Бестужев был сослан, а издание «Полярной звезды» прекратилось. Он писал из ссылки: «Небо здесь еще бледнее... я пользуюсь здесь соседством большой небесной Медведицы, старой своей знакомки; в хвосте ее по-прежнему сверкает Полярная звезда, а порой лучи ее сыплются и на бумагу» [Цит. по: 6].

«Полярная звезда, карманная книжка для любителей и любителей русской словесности» была изданием ежегодным. Первый номер ее вышел в декабре 1822 года. Все лучшие поэты – А. Пушкин, Е. Баратынский, П. Вяземский и другие – отдали туда свои стихи. Современники отмечали, что, за исключением «Истории государства Российского» Карамзина, ни одна книга и ни один журнал не имели подобного успеха. Издательский дизайн «Полярной звезды» – пропорции листа альманаха, его виньетки, заставки, фронтиспис с изображением Полярной звезды, лучи которой, пробиваясь сквозь тучи, освещают лиру, а также гравюры К. Чесского и С. Галактионова с рисунков М. Иванова и Ф. Толстого – говорил о широкой эрудиции издателей в вопросах изобразительного искусства. Через 30 лет издание альманаха возобновил А.И. Герцен. «Тучи проходят, а звезды остаются», – говорил он.

После подавления выступления декабристов Александр Бестужев был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, затем сослан в Сибирь и, наконец, рядовым отправлен на Кавказ. Оттуда, из действующей армии, он писал: «Но не подумайте, что я упал духом, о нет! Никто не скажет, что Бестужев уступил в бою человеку или судьбе» [7, с. 195].

И в ссылке, и под пулями горцев Бестужев продолжал писать, печатаясь сначала без подписи, а с 1831 года за подписью «Марлинский». «Под чужим именем сделал себе имя, в изгнании

сделался любимцем публики», однако псевдоним не был писателю «чужим именем». Марли — местечко под Петербургом, где Бестужев жил в пору своей юности, будучи офицером лейб-драгунского полка. Одна из его популярных романтических повестей — «Фрегат „Надежда”», о которой он говорил: «В моей чернильнице было мое сердце», — открывалась сценой праздничного гуляния в Петергофе и Марли, описанием скульптур и фонтанов этих парков.

А. Бестужев-Марлинский один из первых стал писать о художественных направлениях в искусстве: «Мне пришло в голову сравнить воду и огонь с классицизмом и романтизмом... Ржавчина разрушения и пепел вулканов нужны для семян нового бытия, без него они не принялись бы на граненом камне» [8, с. 62–63].

Его литературный язык, яркий и образный, по выражению современников, «пенящийся, как шампанское или не устоявшаяся брага», становился предметом подражания. На смену классицизму приходил романтизм не только в самой живописи, но и в художественной критике.

В рассказе «*Выстрел*» А. Марлинский одним из первых, если не сказать первым, заговорил о совершенно новом художественном подходе — реалистическом. Его герой выступил против условной парадности и помпезности, сохранявшейся тогда в батальной живописи: «Посмотрите на этих солдат. Все они затянуты в мундиры, у всех кивера с султанами. Люди, будто собрались на парад, кони вылощены на скачку. То ли бывает в деле, и в деле то ли» [9].

Реальную военную обстановку, то, что «бывает в деле», Марлинский хорошо знал, он был солдатом действующей армии. «Кожа висела на нем как шинель», — вспоминал один из его знакомцев. А. Марлинский отличался исключительной храбростью. Был убит в июне 1837 года у мыса Адлер, находясь в передовой десантной цепи. До последнего своего дыхания он и в литературном творчестве, и в художественной критике оставался тем же «рыцарем из чистой стали», что и в жизни.

Высоко чтя личность и творчество А. Бестужева-Марлинского, один из самых знаменитых живописцев той поры Карл Брюллов, собираясь выполнить его портрет, с горечью писал: «Бестужев на Кавказе изрублен горцами в куски в одном приступе, будучи уже произведен в

офицеры. И курьер, везший ему крест, встретил вестника о смерти незабвенного для многих Бестужева» [Цит. по: 10, с. 135].

Еще в 1820-е годы в «Полярной звезде» была опубликована статья «Рафаэлева мадонна», написанная поэтом **Василием Андреевичем Жуковским** (1783–1852). В творении Рафаэля поэт увидел «невыразимые» движения человеческой души, которые «лишь сердце знает».

За такой мистико-романтический характер высказываний В. Жуковскому доставалось от В. Кюхельбекера: «У нас все мечта и призрак, все мнится и кажется, и чудится... что-то невидимое, что-то неведомое... в особенности же туман: туманы над бором, туманы над полями, туман в голове сочинителя...» [Цит. по: 11, с. 94]. Пушкин, подходя к русской культуре значительно шире, возражал Кюхельбекеру: «Не совсем соглашаюсь с строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались? Ох! Уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает?» [Там же].

По своей общей направленности статья В. Жуковского была созвучна исканиям «любомудров». Одним из вдохновителей «Общества любомудрия» являлся поэт **Дмитрий Владимирович Веневитинов** (1805–1827), положивший начало философской лирике в России, которую продолжили затем Е. Баратынский и Ф. Тютчев.

В статье «*Скульптура, живопись, музыка*» Д.В. Веневитинов стремился выявить особенности изобразительного искусства и определить его «точки прикосновения» к музыке. Поэт высоко поднимал престиж искусствоведческой мысли, которая, по его мнению, должна являться не досужим развлечением, а проявлением великой миссии «служения человечеству».

Статья Веневитинова так поэтична, как будто написана в стихах, а не в прозе. Напечатана она была в 1827 году в альманахе «*Северная лира*». За год до этого поэт переехал из Москвы в Петербург, и его «лира» стала «северной». Причина переезда — личная драма, любовь к княгине З. Волконской, одаренной поэтессе, музыканту и певице, в чьем московском салоне бывали П. Вяземский, К. Батюшков, опальный А. Пушкин, польский поэт А. Мицкевич и др.

Веневитинов был человеком возвышенной души. «Надо что-то сделать хорошее, вы-

сокое», — писал он другу. Поэт умер, когда ему было всего 22 года: он простудился, выйдя зимой с бала в одном фраке. Герцен сравнивал Веневитинова с пушкинским героем — Ленским. «Как вы дали ему умереть?» — спрашивал Пушкин друзей молодого поэта.

С 1824 по 1825 год «Общество любомудрия» издавало свой собственный альманах — *«Мнемозину»*. В Древней Греции Мнемозина почиталась богиней памяти, матерью девяти муз. Самим своим названием альманах заявлял: основа всему — историческая память и культурная традиция. «Мнемозина» занималась поисками критериев оценки искусства: искали то «единое мерило», каков есть «нуль для математики», то «архимедову точку», которая позволила бы «сдвинуть с оси науки и искусства России». Князь В.Ф. Одоевский не без иронии возражал на это, что «сие умствование, может быть и справедливо, но не полно».

Истина рождалась в полемике. Проблема критериев оценки искусства до сих пор остается одной из самых спорных и сложных.

Князь **Владимир Федорович Одоевский** (1804?–1869) — крупный мыслитель, общественный деятель, разносторонне одаренный человек — был сенатором, помощником директора Императорской публичной библиотеки, директором Румянцевского музея. Он получил известность как автор повести *«Русские ночи»*, где предрекал трагический финал общества, которое не найдет места для культуры. Художественная концепция его повести заставляла задуматься.

Еще раньше «Мнемозины», в 1807 году, вышел первый номер собственно искусствоведческого журнала — *«Журнала изящных искусств»*, который ставил своей задачей «распространять художественные знания и содействовать возвышению вкуса». Любопытно, что издавался журнал под руководством профессора И.Ф. Буле — «ученого немца», читавшего в Императорском Московском университете курс теории и истории изящных искусств. Любопытна и другая деталь: рукописи принимались от авторов на латинском языке, затем их просматривал Буле, и только после этого они переводились на русский язык.

Одной из наиболее интересных в этом журнале была статья будущего лицейского наставника А.С. Пушкина — **Николая Федоровича**

Кошанского (1785?–1831) о памятнике Минину и Пожарскому в Москве работы скульптора И.П. Мартоса. В ней речь шла о первоначальном проекте памятника, модель которого Иван Петрович Мартос показал в Академии художеств в 1804 году.

Однако очень скоро «Журнал изящных искусств» прекратил свое существование. Вернулся к жизни он лишь через 16 лет: выходил с 1823 по 1825 год и уже не в Москве, а в Петербурге. Теперь он издавался стараниями «неутомимого в трудах на пользу искусству» конференц-секретаря Императорской Петербургской академии художеств **Василия Ивановича Григоровича** (1786–1865). Журнал стремился вознаградить «недостаток в русском языке сочинений по сей части» и «приобрести то внимание просвещенных соотечественников, которого достоин предмет сего журнала».

Успеху «Журнала изящных искусств» во многом способствовали труды директора Публичной библиотеки, а затем президента Академии художеств **Алексея Николаевича Оленина** (1763–1843), человека широко образованного и необычайно энергичного («universal genie», как его называли современники). К работам одновременно и справочного, и исторического характера можно отнести книгу Оленина *«Краткое историческое сведение о состоянии Императорской Академии художеств»*, которая содержала обширный материал о молодых художниках, обучавшихся тогда в академии.

А.Н. Оленин увлеченно занимался археологией, издал несколько трудов, послуживших «накопительным» целям совсем еще юной тогда науки об искусстве: *«Опыт о правилах медальерного искусства»* (1817), *«Рязанские русские древности»* (1831), *«Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян»* (1839) и др. Он открыл в академии специальный класс — костюмный, где будущие художники изучали исторический костюм. Системе обучения будущих художников Оленин уделял пристальное внимание. Издал книгу *«Изложение средств к исполнению главных предначертаний нового образования Императорской Академии художеств»* (1831), в которой обобщил свой административный и методический опыт, результаты своих научных исследований в области археологии и материальной культуры. При А.Н. Оленине велись большие строи-

тельные работы в здании Академии художеств. Сфинксы на набережной перед академией появились тоже при нем. Скульптурный портрет Оленина можно увидеть на одном из фронтонов Исаакиевского собора.

Вопросами изобразительного искусства и художественной критики много и увлеченно занимался литератор и путешественник **Павел Петрович Свиньин** (1787–1839). В последний год его жизни вышла в свет книга *«Картины России и быт разноплеменных ея народов. Из путешествий П.П. Свиньина»*, имевшая большой успех.

На петербургский Олимп П.П. Свиньин взошел, работая в Министерстве иностранных дел. По роду своей деятельности он посещал разные страны, в том числе и страны Северной Америки, и публиковал свои географические впечатления, но, будучи талантливым литератором, многое свободно домысливал, так сказать, «научно фантазируя». Это привело к тому, что Пушкин, серьезно относившийся к исторической точности, упомянул в своей «Детской книжке», состоявшей из трех маленьких сказок-памфлетов, мальчика Павлушу, который любил всяческие фантазии: «Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок астроном, фореитор историк и что птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова» [12, с. 107].

Книга Павла Свиньина *«Достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей»* в наши дни пользуется большим спросом. Притягивает сам дух этого старинного издания – пиетет перед культурным прошлым Северной столицы. А некоторые неточности в описаниях деталей перечисленных «достопримечательностей» сегодня уже не имеют значения по причине утраты этих деталей, а порой и самих достопримечательностей.

К неоспоримым заслугам П.П. Свиньина относилась его деятельность как коллекционера. Он создал *«Русский музей Павла Свиньина»*. Петербург обладал к тому времени многими блестящими частными коллекциями, но Свиньин собрал произведения исключительно русских мастеров, тем самым почти на столетия «упредел» известного московского купца и коллекционера Павла Третьякова. Причем Свиньин

не только открыл первый Русский музей, но и составил каталог *«Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свиньина»* (1829), что тоже было новшеством. Перелистывая страницы «Краткой описи», мы убеждаемся, что она действительно краткая. В разделе «Картины» можно встретить такую аннотацию: *«Бельский. Вид монастыря»*, не указаны инициалы художника, даты его рождения и смерти, техника исполнения произведения, год его написания, степень сохранности. Сравнение этого первого образца справочной литературы с современными музейными каталогами обнаруживает не только его наивную архаичность, но также тот длинный путь, который проделала русская искусствоведческая мысль, а вслед за ней и ее научно-справочный аппарат.

Будучи в 1820-е годы редактором-издателем *«Отечественных записок»*, П.П. Свиньин всегда отстаивал на страницах журнала интересы русских живописцев «перед иностранными», которые, как он считал, «решительно берут вверх над русскими в особенной способности хорошо выставлять свой талант». Когда в 1827 году в залах Академии художеств открылась выставка произведений английского портретиста **Джорджа Доу** (1781–1829), Свиньин сразу же заявил в печати, что он остается при своем «заклучении об отличном таланте» господина Доу, но по-прежнему считает, что тот был непростительно невнимателен к русским художникам, которые помогали ему в работе над портретами для Военной галереи Зимнего дворца, – к **Александру Васильевичу Полякову** (1801–1835) и **Василию Александровичу Голике** (1802–1848). Писал П.П. Свиньин и о крепостном художнике **Василии Андреевиче Тропинине** (1776–1857), много способствуя его освобождению от крепостной зависимости.

Не меньшего внимания заслуживает деятельность другого художественного критика той эпохи – **Нестора Васильевича Кукольника** (1809–1868), которого в советское время упорно относили к «казенным реакционерам». Автору этих строк понадобилось немало усилий, чтобы не только высветить роль Н.В. Кукольника в становлении отечественной науки об искусстве, но и опубликовать эти материалы [13, 14].

Нестор Кукольник был известным литератором, им написаны лирические стихи, положенные на музыку Михаилом Глинкой: «Сом-

нение», «Жаворонок», «Колыбельная» и др., повесть о русском композиторе XVIII века «Максим Березовский», рассказы об эпохе Петра I, многочисленные повести и драмы.

Что же касается отечественного искусства, то здесь роль Н.В. Кукольника трудно переоценить. Он основатель и издатель первой русской газеты, специально посвященной «художествам», автор большинства напечатанных в ней статей. В 1836 году впервые в России Кукольник начал выпускать «Художественную газету», которая регулярно обсуждала самые животрепещущие вопросы — о тематике произведений, об академическом образовании, о художественных направлениях и мн. др.

«Художественная газета» представляла собой тонкие тетради со страницами из грубой шершавой бумаги, с мелким газетным шрифтом и одинаковой, переходившей из номера в номер заставкой. Иллюстрации печатались новым способом полнотипажа, простым и дешевым, — отпечатки делались с деревянной доски, что давало возможность выпускать большой по тому времени тираж — 600 экземпляров.

Благодаря литературному дару Н.В. Кукольника «Художественная газета» использовала самые разнообразные искусствоведческие жанры. Часть из них впервые появились именно на страницах этой газеты: словари, отчеты художников, высказывания самих мастеров и т. д.

С 1845 по 1849 год Н.В. Кукольник издавал также журнал «Иллюстрация, еженедельное издание всего полезного и изящного» (с 1847 года — «Иллюстрация»).

«Художественная газета» и журнал «Иллюстрация» много писали об отдельных мастерах живописи, особенно о художниках-романтиках: **Сильвестре Феодосиевиче Щедрине** (1791—1830), **Оресте Адамовиче Кипренском** (1782—1836), **Карле Павловиче Брюллове** (1799—1852) и мн. др.

В конце 1830-х годов о К.П. Брюллове писали так много, как ни об одном другом художнике. Его историческое полотно «*Последний день Помпеи*» пользовалось невиданным успехом. Толпы посетителей «почти врывались» в залы академии, чтобы увидеть его. Появился даже анекдот:

— Почему опустел Невский проспект?

— Все пошли в академию смотреть «Последний день Помпеи».

Талант Брюллова высоко оценили ведущие деятели русской культуры: В.А. Жуковский, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, М.И. Глинка и др.

Поэт **Е.А. Баратынский** писал:

*И был «Последний день Помпеи»
Для русской кисти первый день.*

Произведение Брюллова вдохновило

А.С. Пушкина:

*Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Толпами, стар и млад, под воспаленным прахом,
Под каменным дождем бежит из града вон.*

Эти стихи поэт написал на одном из листов с наброском картины Брюллова. Сюжет «Последнего дня Помпеи» он использовал еще в одном своем произведении — в повести «Египетские ночи».

Что касается художественной критики, то она почти только картиной К.П. Брюллова и занималась. Статьи, сообщения, отзывы, отклики, посвящения и упоминания «Последнего дня Помпеи», вышедшие за один только 1834 год, когда картину привезли в Петербург, превзошли все, что было создано художественной критикой прежде. «Последний день Помпеи» стал «первым днем» не только для «русской кисти», но и для русской художественной критики, которая с этого времени окончательно выделилась из литературы и литературной критики.

Н.В. Гоголь в специальной статье, включенной в сборник «Арабески», восхищался мощным замыслом художника и романтической силой его воплощения. Человек на полотне Брюллова «исполнен прекрасно-гордых движений», и если до сих пор русские художники отражали в своих картинах только «частности», то Брюллово, считал Гоголь, «захватил в область свою столько разнородного, сколько до него никто не захватывал» [Цит. по: 6].

Впервые искусству живописи стала по силам такая могучая философская идея. «Наявное петербургскою атмосферою», как писал **А.И. Герцен**, залитое кровавым заревом, исчерченное молниями, это полотно рассказывало о человечестве в минуты его гибели. Рушатся здания, «падают кумиры», но и в этот смертный час люди по-прежнему остаются неизменно прекрасными. Картина завораживала своими

размерами, гуманистическим замыслом и своими романтическими эффектами.

В то же время на страницах журналов *«Отечественные записки»* и *«Современник»* рождалась другая художественная концепция. И хотя она не дала ни одного книжного издания, будучи представлена только статьями, тем не менее, именно эта концепция послужила тем новым, что составит целое направление в русском искусствознании следующей эпохи — во второй половине XIX века.

Ключевым в этих статьях был вопрос о выборе сюжетов, но сюжет теперь предполагался совсем иной: «прямо из жизни». Вопрос о выборе сюжета перерастал в проблему «современности искусства», которая становилась «пробным камнем» всех критических выступлений.

Первой ласточкой в этом направлении явилась статья в *«Отечественных записках»* за 1842 год, написанная **Василием Петровичем Боткиным** (1811–1869), братом известного медика С.П. Боткина, талантливым писателем и литературным критиком. В.П. Боткин входил в философско-литературный кружок Н.В. Станкевича, дружил с В.Г. Белинским, был ненавистником крепостного права, поборником демократических преобразований и защитником «гоголевского направления» в литературе.

Пolemичностью выделялась статья **Виктора Павловича Гаевского** (1821–1888), прославившегося своей прекрасной библиотекой и «Библиографическими заметками о сочинениях Пушкина и Дельвига», а также статьи поэтов братьев **Аполлона Николаевича Майкова** (1821–1897) и **Валериана Николаевича Майкова** (1823–1847).

Все эти статьи особо отмечали творчество **Павла Андреевича Федотова** (1815–1852), автора картин «Вдовушка» и «Сватовство майора», как мастера, который брал сюжеты «прямо из жизни» и отражал «истинную современность».

Приобщение искусства к общим, «проклятым вопросам» эпохи крупными буквами значилось на знамени **Виссариона Григорьевича Белинского** (1811–1848). Литературовед С. Венгеров писал, что во всех его статьях слышалось биение сердца «одного из самых благородных, когда-либо бившихся в русской груди. Он глубоко выстрадал свои убеждения и, в полном смысле слова, писал лучшей кровью своего сердца» [15, с. 44–45].

В.Г. Белинский широко охватывал весь поток современной ему «изобразительной про-

дукции»: живописные полотна, гравюры, иллюстрации, лубочные картинки и мн. др. Но мало кто знает, что Белинский был еще и критиком критики. Он первым обратился к истории художественной критики, написав первые страницы историографии отечественного искусствоведения. К его истокам Белинский относил художественную критику самого начала XIX века, которая, по его выражению, «прорвала плотину авторитетства... Дала простор уму и фантазии».

О статье К.Н. Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» (1814) В.Г. Белинский писал, что она интересна «как выражение мнений и понятий одного из умнейших и образованнейших людей своего времени», о статьях А.А. Бестужева-Марлинского — что они «действительно необыкновенное явление, которое не могло не показаться великим».

Культуре и искусству В.Г. Белинский отводил решающую роль в судьбе общества: «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности». Высоко понимая назначение искусства, он не мог примириться с теми статьями, в которых было, по его выражению, «много красотостей», но ничего «об идеях, о целом, о веке». Он приводил целые куски из подобных опусов: «Вот, например, в одном журнале недавно была напечатана статья... вся сшитая из фраз, подобных следующим, которые берем на выдержку: „Дивный аккорд, полный жизни и небесной радости, раздался вокруг меня и долетел на крыльях слуха в глубину души моей при первом взгляде...”» [16, с. 9].

Цитировал В.Г. Белинский также одну из статей о талантливом русском пейзажисте **Максими Никифоровиче Воробьеве** (1787–1855): «Воробьев умел оживить свою картину всей массой приятных ощущений этого восхитительного климата. Не нужны ни барометр... ни термометр: по картинам Воробьева я скажу безошибочно, сколько дюймов тяжести, сколько градусов жару в том и другом воздухе. Но Воробьев больше чем тонкий метеоролог: он великий поэт лирический воздуха, воды и земли; один он умеет придать им одушевление лиризма...» Приведя эту фразу, Белинский возмущался: «Неужели и такие фразы можно принять за характеристику художественных созданий, а не за злую сатиру на искусство и критику искусства?» [Там же. С. 10].

В следующую историко-культурную эпоху — эпоху передвижничества — русская искусствоведческая мысль занималась главным образом современным искусством, к искусству первой половины XIX века почти не обращаясь. Выдающийся критик и общественный деятель **Владимир Васильевич Стасов** (1824–1906) четко формулировал художественную концепцию передвижничества: идейность, народность, реализм. Этим требованиям не могли отвечать даже самые «реалистичные мастера» первой половины XIX века А.Г. Венецианов, В.А. Тропинин, П.А. Федотов, не говоря о представителях романтической и академической школы. Никому из русских живописцев «не доставалось» так от В.В. Стасова, как Карлу Брюллову. Другая эпоха, другие художественные идеалы.

Бескомпромиссно, не признавая ни малейших отступлений от своих убеждений, отбрасывая все, что не укладывалось в его концепцию, отсекая целые художественные пласты в русском искусстве первой половины XIX века, Стасов в конце концов бросил на него исторический взгляд. В статье 1888 года об **Александре Андреевиче Иванове** (1806–1858), авторе гениальной картины «*Явление Христа народу*», В.В. Стасов, отмечая, что художник просиживал месяцами над натурными зарисовками в понтийских болотах, делал вывод: «Во всем своем создании Иванов поступал как глубокий и истинный реалист». Через три года в историческом обзоре «*Двадцать пять лет русского искусства*», снова обращаясь к живописному наследию А.А. Иванова, Стасов признал, что у него «был талант, доходивший до гениальности, когда дело шло о создании отдельных личностей, типов, характеров» [Цит. по: 17].

Историко-культурная эпоха рубежа XIX–XX веков в отличие от эпохи передвижничества начала испытывать ностальгию по искусству пушкинской поры. Стали выходить журналы ретроспективного характера: «Старые годы», «Среди коллекционеров», «Русский библиофил» и др. В связи с этим возникла необходимость оценить издания века минувшего, посвященные произведениям искусства.

Исторический аромат и художественное обаяние «Журнала изящных искусств» 1807 года высоко оценил тонкий знаток старины **Сергей Ростиславович Эрнст** (1894?–1980). Он считал, что суждения, высказанные на страницах пер-

вого русского журнала, посвященного искусству, были «превосходны своей ясностью» и «острым постижением души творящего»: «Конечно, наивные восторги, слишком необоснованные гипотезы заставляют улыбнуться современного читателя... Да и иногда эти lapsus'ы дороги современной душе, как дороги ей маленькие бисерные панно, таинственные шкапулки, томики в сафьяновых переплетах... Пышные фразы Кошанского таят самые интимные, еле уловимые улыбки русского impige'a» [18].

О втором «Журнале изящных искусств», который выходил с 1823 года, С. Эрнст писал, что журнал «и зародился, и развился, и отцвел в совершенно другой атмосфере, среди совершенно иных настроений искусства и людей, лелеявших его недолгие дни...

Угасли золотые мечтания великолепного графа Варфоломея Растрелли, умолкнули звонкие литавры Державинских од, умерли веселые модницы и умные модники Левицкого и Боровиковского...

Вместо этой... слегка дурманящей сказки услышали свою — близкую и ласковую сказку родных лиц, придорожных берез и синеющих далей, сказку русских характеров, обычаев и дарований» [19, с. 5].

Заметное место в художественной жизни «рубежного периода» занимало творческое объединение «*Мир искусства*», вдохновителем и основателем которого был издатель одноименного журнала, знаменитый впоследствии искусствовед, художник и критик **Александр Николаевич Бенуа** (1870–1960). Именно «Миру искусства» обязана своим признанием русская романтическая школа живописи, которую начисто в пылу полемики отрицал В.В. Стасов. Особой любовью пользовался у членов этого художественного объединения О.А. Кипренский. Но творчество К.П. Брюллова было по-прежнему вычеркнуто ими из мира подлинного искусства. Если для Стасова истинное значение живописи Брюллова заслоняла приверженность этого художника к романтизму, то для концепции «Мира искусства» — его приверженность к академизму.

Художественные приоритеты «Мира искусства» наиболее последовательно проявились в книге А.Н. Бенуа «*История русской живописи в XIX веке*» [20]. «Серебряный век» отмечен появлением не только нового искусствоведческого жанра — «истории русской живописи XIX века»,

но и соответственно нового круга историко-культурных проблем.

Когда-то, в дни своей молодости, Александр Бенуа писал серию «Версаль. Прогулки короля», где тени в аллеях старинного парка отбрасывали не король и его свита, а скульптуры, ибо бесследно проходят века, династии и даже «короли солнца» и только искусство оставляет след в истории человечества — такова концепция молодого Бенуа. Такой она осталась и в конце его жизни. Обратившись к «позднему Бенуа» и его письмам 1950-х годов, адресованным советскому искусствоведа А.Н. Савинову, мы видим, что Бенуа, которому было уже более восьмидесяти лет, по-прежнему убежден, что только культура и искусство могут осветить человечеству путь в будущее. В этом А.Н. Бенуа более чем через столетие протягивал руку своим единомышленникам — первым художественным критикам, которые писали об искусстве пушкинской поры: К. Батюшкову, В. Одоевскому, В. Жуковскому, А. Бестужеву-Марлинскому и др. В то же время Бенуа обращался к будущему, к потомкам.

В книге «Александр Бенуа размышляет...» (1968) мы слышим голос старого русского интеллигента, который призывает своих соотечественников, молодежь: *«Будем копить искусство, а не тратить. Этот вид бережливости приличествует демократии».*

Значительный след в истории отечественной науки об искусстве оставил барон **Николай Николаевич Врангель** (1880–1915), младший брат генерала П.Н. Врангеля, секретарь Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Н.Н. Врангель был разносторонне одаренным человеком, с душой тонкой, возвышенной и деятельной. В Первую мировую войну он, как сотрудник Красного Креста, принимал участие в организации медицинской помощи на санитарных поездах. В 1915 году, чтобы собрать материал для очерка, Врангель отправился на передовую, там «подхватил» инфекцию и умер в 35 лет.

Н.Н. Врангель занимался старыми дворянскими усадьбами, их архитектурой, мебелью, коллекциями картин, скульптур, фарфора, произведениями народного искусства. Его книга *«История русских усадеб и поместий»*, переизданная в 2009 году, по-прежнему остается раритетом.

Врангель трепетно любил искусство первой половины XIX века. Он написал книгу о

О.А. Кипренском, художнике, которого Пушкин назвал «волшебником милым». Кипренский считал, что лучшим в жизни являются чистая совесть и люди, окружающие нас. Врангель создал чарующий образ Кипренского-романтика, который «видел героев, которых, может быть, не было. Знал природу, которую не видел, любил женщин, которых не знал» [21].

К 100-летию со дня начала Отечественной войны с Наполеоном Н.Н. Врангель подготовил ценнейшее издание *«Двенадцатый год и иностранные художники в России»*, которое во многом сохранило свою актуальность и к 200-летию этой даты. Охват материала, попавшего в поле зрения Н.Н. Врангеля, широк, и в то же время он целостен. Это был «историк искусства от Бога», чувствовавший глубину историко-культурных пластов, синтез искусств, их взаимопроникновение. Работы Врангеля позволили более крупно и многогранно увидеть русское изобразительное искусство первой половины XIX века.

Еще одной масштабной величиной в истории русской науки об искусстве был художник и искусствовед, попечитель, а затем директор Третьяковской галереи, создатель и руководитель первых реставрационных мастерских **Игорь Эммануилович Грабарь** (1871–1960). Многие годы он трудился над созданием *«Истории русского искусства»*. Двадцать два выпуска этого издания, душой, главным редактором и автором ведущих глав которого был сам И.Э. Грабарь, стали значительным событием в культурной жизни начала XX века.

Впоследствии И.Э. Грабарь признавался, что в процессе работы над выпусками приходилось думать не только о том, как, опираясь на уже имевшиеся материалы, представить общую картину развития русского изобразительного искусства, но и о том, как попутно продолжить поиск новых художественных материалов.

Поистине титанические научные усилия — обследование архивов, дворцов, усадеб, поиски живописных и скульптурных оригиналов в самых отдаленных, глухих уголках России — впервые позволили так убедительно представить достижения, богатство и, как пишет Грабарь, «самобытность» отечественного изобразительного искусства.

При издании «Истории русского искусства» недюжинный организационный талант

И.Э. Грабаря проявился еще в одной ипостаси: ему удалось привлечь к работе лучших специалистов, занимавшихся культурным наследием, цвет российской творческой интеллигенции. Участие таких известных деятелей науки и культуры, как историки искусства А. Бенуа и Н. Врангель, живописцы Н. Рерих, И. Билибин и А. Васнецов, академик Н. Кондаков и профессор М. Ростовцев, архитекторы И. Фомин, А. Щусев и мн. др., превратило «Историю русского искусства» под редакцией Игоря Грабаря во всеобъемлющее, фундаментальное издание.

Хотя с тех пор прошло более ста лет и многие сведения и датировки устарели, а мастера, называвшиеся «анонимами», давно обрели свои имена, все это не умаляет научной значимости данного издания вплоть до сегодняшнего дня. Оно ставило своей задачей показать широкую панораму развития изобразительного искусства в России, определить его мировое значение.

«Один вопрос, тревожный и важный, стоит перед нами: было ли когда-нибудь и есть ли теперь в России великое искусство? — писал И.Э. Грабарь. — Были ли созданы здесь только провинциальные отголоски великих европейских мыслей и чувств, но и подлинно великие творения, достойные занять видное место во всемирной сокровищнице искусств?..»

На вопрос, было ли в России великое искусство, мы вправе без малейшего колебания ответить: да, оно было. Россия в своем прошлом

имеет таких блестящих мастеров, таких поистине великих зодчих, живописцев, скульпторов и декораторов, что имена их она с гордостью может противопоставить именам многих мастеров Запада» [Цит. по: 22].

Многотомное издание И.Э. Грабаря отличается подлинно исторический подход к истории русского искусства. В нем впервые была так основательно рассмотрена проблема преемственности отечественного искусства. Русское искусство первой половины XIX века представлено в контексте всего развития отечественного искусства, выявлены его глубинные истоки, а также его воздействие на художественные достижения последующих эпох.

Опираясь на самые широкие сопоставления явлений культуры Европы и России, Грабарь поднял проблему национального своеобразия русского искусства, начисто отвергая гипотезу беспочвенности последнего, что нисколько не исключало, по его мнению, исторической общности многих художественных явлений.

И сегодня, обращаясь к истокам современного искусствознания, «мы вправе без малейшего колебания» утверждать, что наука об искусстве имеет в России давние и богатые гуманистические традиции, она оставила нам живой «огонь, а не пепел». Не дать ему погаснуть, продолжить историко-культурную эстафету — одна из актуальнейших проблем современного искусствознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов, А. Как создавалась «История государства Российского» [Текст] / А. Смирнов // Москва. — 1988. — № 1.
2. Тургенев, А. Критические примечания, касающиеся древней славяно-русской истории [Текст] / А. Тургенев // Сев. вестн. — 1802. — Ч. 2.
3. Батюшков, К. Прогулка в Академию художеств. Письмо старого московского жителя к приятелю его в деревню N [Текст] / К. Батюшков // Сын Отечества. — Ч. 18. — М., 1814. — С. 122–124.
4. Он же. Письмо А.Н. Оленину из Рима в Петербург. Февраль 1819 года [Текст] / К. Батюшков // Соч. — СПб., 1886.
5. Гнедич, Н.И. Академия художеств [Текст] / Н.И. Гнедич // Сын Отечества. — М., 1820. — Ч. 84.
6. Нарышкина, Н.А. Художественная критика пушкинской поры [Текст] / Н.А. Нарышкина. — Л., 1987.
7. Невелев, Г. Неизвестные письма декабристов [Текст] / Г. Невелев // Новый мир. — 1975. — № 12.
8. Марлинский, А. Письмо к доктору Эрману [Текст] / А. Марлинский // Моск. телеграф. — 1831. — № 17.
9. Нарышкина, Н.А. Декабрист, писатель, критик [Текст] / Н.А. Нарышкина // Художник. — 1973. — № 4.
10. Ацаркина, Э. К.П. Брюллов. Жизнь и творчество [Текст] / Э. Ацаркина. — М., 1963.
11. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений [Текст]. В 10 т. Т. 10 / А.С. Пушкин. — М., 1962.
12. Он же. Полное собрание сочинений [Текст]. В 6 т. Т. 5 / А.С. Пушкин. — М., 1950.
13. Нарышкина, Н.А. Первая русская художественная газета [Текст] / Н.А. Нарышкина // Искусство. — 1972. — № 10.
14. Она же. Нестор Кукольник — художественный критик и издатель [Текст] / Н.А. Нарышкина // Художник. — 1977. — № 3.
15. Венгеров, С. Героический характер русской литературы [Текст] / С. Венгеров. — Пг., 1919.

16. **Белинский, В.Г.** Полное собрание сочинений [Текст]. В 12 т. Т. 4 / В.Г. Белинский. — М., 1966.

17. **Нарышкина, Н.А.** В.В. Стасов о русской живописи первой половины XIX века [Текст] / Н.А. Нарышкина // Художник. — 1987. — № 10.

18. **Эрнст, С.** «Журнал изящных искусств» 1807 года [Текст] / С. Эрнст // Рус. библиофил. — 1913. — № 4.

19. **Он же.** «Журнал изящных искусств» 1823—1825 годов [Текст] / С. Эрнст // Там же. — 1914. — № 3.

20. **Бенуа, А.Н.** История русской живописи в XIX веке [Текст] / А.Н. Бенуа. — СПб., 1901—1902.

21. **Врангель, Н.Н.** О.А. Кипренский в частных собраниях [Текст] / Н.Н. Врангель. — СПб., 1912.

22. **Нарышкина, Н.А.** Игорь Грабарь. «История русского искусства» [Текст] / Н.А. Нарышкина. — СПб., 1996.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

НАРЫШКИНА-ПРОКУДИНА-ГОРСКАЯ Наталья Андреевна — доктор искусствоведения, действительный член Академии гуманитарных наук и Академии истории культуры, профессор Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
namatali@yandex.ru

NARYSHKINA-PROKUDINA-GORSKAYA Natalya A. — St. Petersburg State Polytechnical University.

195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
namatali@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 2 (172) 2013

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р техн. наук, профессор *В.Н. Козлов* – председатель редакционной коллегии
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – ответственный секретарь
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.Г. Горбунова – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 28.06.2013. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,75. Уч.-изд. л. 31,75. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке агентства «Роспечать» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, – 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, – 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.1-2003).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

При необходимости редколлегия может потребовать представления акта экспертизы, о чем она сообщает автору (авторам).

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Предоставленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

**Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:
(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алла Глебовна
или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru**